

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

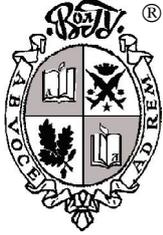
2021
Том 20. № 2

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL
BULLETIN

2021
Volume 20. No. 2

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2021

Том 20. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2021

Volume 20. No. 2

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2021. Vol. 20. No. 2

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index**, **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);

M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

V.I. Moiseev – Executive Secretary (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd)

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

Dr. Sc., Prof. **A.S. Skripkin** participated in the preparation of this issue (Chief Editor of the periodical from 1998 to 2021)

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *A.V. Simonenko* (Kiev, Ukraine); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editor, Proofreader *Yu.I. Nedelkina*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Oct. 4, 2021.

Date of publication: Dec., 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 20.4. Published pages 21.9.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–35).

Order 187. «C» 34.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2021. Т. 20. № 2

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/ReMeO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – ответственный секретарь (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

Участие в подготовке номера принимал д-р ист. наук, проф. **А.С. Скрипкин** (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.)

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мона-*

хов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргуно-*

ва (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова* (г. Мос-

ква); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН

Н.В. Полосьмак (г. Новосибирск); канд. ист. наук

Б.А. Раев (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *А.В. Си-*

моненко (г. Киев, Украина); д-р ист. наук *М.Ю. Трей-*

стер (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф.

А.М. Хазанов (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук,

проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редактор, корректор *Ю.И. Неделькина*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 04.10.2021 г.

Дата выхода в свет: . 2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,4.

Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–35 экз.).

Заказ 187. «С» 34.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Конец прекрасной эпохи (*Редакционная коллегия*) 5

СТАТЬИ

Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И.
Гончарное производство срубной культуры
Предуралья по материалам курганного могильника I
у села Твердилово 8

Балабанова М.А., Клепиков В.М., Перерва Е.В.
Погребальный обряд и морфология погребенного
из кургана могильника Тау (Западный Казахстан) 24

Монахов С.Ю. Типология и хронология
аканфских амфор [*На англ. яз.*] 43

Абрамова А.Н. Население Прикубанья
раннего железного века по данным краниофенетики
(предварительные данные) 66

Малашев В.Ю., Маслов В.Е. Курганы-кладбища
центральных и восточных районов Северного Кавказа
III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э.
(памятники типа Чегем-Манаскент) 81

Ковалева К.С. Производственные
бронзолитейные комплексы
городов Золотой Орды: поиск аналогий 133

Дрёмов И.И., Круглов Е.В. Железные конусы
в погребениях Улуса Джучи:
аспекты этнокультурной принадлежности 149

*Гаглоиты Р.Х., Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х.,
Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.* Наконечники
копий келийского каменоящечного могильника
(Горная Ингушетия) 169

ПУБЛИКАЦИИ

Кривошеев М.В., Моисеев В.И.
Погребения раннесарматского времени
с территории Чеченской Республики 186

Иванов С.С. Редкая поясная бляха
в зооморфном стиле с Внутреннего Тянь-Шаня 196

Николаев С.Ю. Три сарматских кинжала
с подножия горы Торатау 204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Итоги VI Нижневолжской Международной
археологической научной конференции
«Волго-Уральский регион
от древности до Средневековья»
(*Оргкомитет конференции*) 214

CONTENTS

The End of a Great Era (*Editorial Staff*) 5

ARTICLES

Fayzullin I.A., Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I.
The Ceramics Production
of the Cis-Ural Srubnaya Culture: A Case Study
of the Kurgan Cemetery I Near Tverdilovo Village 8

Balabanova M.A., Klepikov V.M., Pererva E.V.
Funeral Rite and Morphology of a Buried Man
from Kurgan of Tau Cemetery (Western Kazakhstan) 24

Monakhov S.Yu. Typology and Chronology
of Akanthian Amphorae 43

Abramova A.N. Craniophenetic Features
of Cis-Kuban Population of the Early Iron Age
(Preliminary Data) 66

Malashev V.Yu., Maslov V.E. Kurgan-Cemeteries
of Central and Eastern Regions of North Caucasus
3rd Century BC – Early 2nd Century AD
(Monuments Chegem-Manaskent Type) 81

Kovaleva K.S. Manufacturing Complexes
for the Non-Ferrous Metals Processing
of the Golden Horde Cities: Search for Analogies 133

Dremov I.I., Kruglov E.V. Iron Cones
in the Burials of Ulus Jochi:
Aspects of Ethnocultural Identification 149

*Gagloiti R.H., Kochkarov U.U., Mamaev R.Kh.,
Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I.* Spearheads
of the Keliysky Stone Box Burial Ground
(Ingushetia Highlands) 169

PUBLICATIONS

Krivosheev M.V., Moiseev V.I.
Early Sarmatian Burials
from the Chechen Republic Territory 186

Ivanov S.S. A Rare Belt Plaque in Zoomorphic Style
from the Inner Tien Shan 196

Nikolaev S.Yu. Three Sarmatian Daggers
from the Foot of Toratau Mount 204

SCIENTIFIC LIFE

Proceedings of the 6th Lower Volga International
Scientific Conference on Archaeology
“The Volga-Ural Region –
from Antiquity to the Middle Ages”
(*Organizing Committee of the Conference*) 214

THE END OF A GREAT ERA

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

Мы прощаемся с эпохой. Один за другим от нас уходят люди, казавшиеся обязательной частью нашего мира. Мы прощаемся, прощаемся, прощаемся... Вот ушел Владимир Евгеньевич Максименко (2014), Анатолий Харитонович Пшеничнюк (2016), Леонид Теодорович Яблонский (2016), Анатолий Дмитриевич Пряхин (2018), Владислав Иванович Мамонтов (2019), Геннадий Борисович Зданович (2020), Виктор Павлович Копылов (2020), Владимир Яковлевич Кияшко (2021) и другие, другие... Простите, кого мы не назвали, они тоже в этом ряду. А для нас в этом списке особым скорбным аккордом звучит имя Анатолия Степановича Скрипкина. Человек, которому мы обязаны своей профессией, да что там, по большому счету – своей судьбой! Многие из тех, кто сейчас работает в поле, пишет статьи, готовится к защите диссертаций, преподает в высших учебных заведениях, в школе учит детей истории, участвует в защите археологических памятников от уничтожения, воспринимают его как Учителя. Все любят повторять классическое: «Есть такая профессия – Родину защищать». Но есть и такая профессия – Родину изучать,

понимать и любить. Это не демонстративное рванье рубахи на груди, это жизнь внутри времени, пристальный взгляд, собирание и аккумуляция источников, анализ, синтез, выводы, новые вопросы и спокойное движение дальше вперед. И мощным шагом на пути развития советской, а потом российской археологии стали люди, пришедшие в науку в конце 60-х – начале 70-х годов. Академическая наука, столкнувшись с необходимостью массового исследования археологических памятников в условиях больших строек социализма, нашла адекватное решение проблемы, привлекая к работе ранее невостребованный потенциал провинциального научного сообщества. И отклик оказался удивительно плодотворным. Сколько имен осталось бы за бортом без этого импульса.

Среди них проявил себя и Анатолий Степанович, человек этого времени. Мальчик, родившийся на хуторе Нижняя Глебовка в Краснодарском крае в 1940 году, в раннем детстве увидевший немцев, поселившихся в их доме, переживший оккупацию, встретивший отца, вернувшегося из плена и отправленного на восстановление Сталинграда. Маленький Толя, шести лет, с весны 1947 г. живет в мельнице Гергардта, той самой, которая сейчас сохраняется как мемориал, памятник Сталинградской битвы. Для него, жившего с семьей на втором этаже, это был дом. Кстати, напротив, в доме Павлова, в это же время жил другой мальчик, будущий археолог Владик Мамонтов. Мы помним, как Анатолий Степанович и Владислав Иванович посмеивались, встречаясь, что, мол, ходили драться дом на дом и, наверное, могли отвесить друг другу, хотя по возрасту Владик был на четыре года старше. Они были мальчишками послевоенного Сталинграда, где люди жили в развалинах, блиндажах и даже сбитых немецких самолетах. Снаряды, мины, патроны и стрелковое оружие являлись естественной частью окружающей их среды.

Потом они оба получают высшее историческое образование на историко-филологическом факультете Волгоградского государственного педагогического института, будут там же преподавать и профессионально займутся археологией. И оба окажутся под обаянием и в обучении археолога Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР Валентина Павловича Шилова. Еще один образ эпохи, фронтовик, герой, потерявший ногу на Сандомирском плацдарме. Он даст им первые навыки профессиональной полевой практики. А потом, поступив в аспирантуру, Анатолий Степанович будет учиться у Константина Федоровича Смирнова, прекрасного исследователя, создавшего в археологическом сообществе, по большому счету, нынешний образ сарматского мира. Этой сарматской эпохе и будет посвящена вся научная жизнь А.С. Скрипкина.

Статьи, написанные к юбилеям Анатолия Степановича, подробно и исчерпывающе повествуют о его научном пути и организаторском таланте, поэтому вновь перечислять его многочисленные заслуги нет необходимости. Посвящая нынешний выпуск «Нижеволжского археологического вестника» памяти А.С. Скрипкина, хотелось вспомнить его как Человека, умевшего взвалить на себя огромную ношу и нести ее достойно, не перебрасывая на других и беря всю ответственность на себя. Вокруг его Дела всегда оказывались люди достойные, интересные, он умел создавать коллективы, готовые работать не покладая рук. Веселые, компанейские, способные сообща многое сделать, эти люди были с ним и когда он работал преподавателем и заведующим кафедрой в ВГПИ, и когда вывозил в поле студентов на археологические практики, и когда создавал хозяйственную археологическую лабораторию в педагогическом институте. При этом он постоянно писал статьи, монографии. Анатолий Степанович Скрипкин заложил основу новому направлению, возникшему на стыке археологии и почвоведения, не только позволившему расширить источниковую базу и возможности исторических реконструкций, но положившему начало многолетней дружбе волгоградских археологов и почвоведов из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. Здесь вновь сказался его поразительный талант объединять людей в общем деле.

Когда Анатолий Степанович перешел на работу в Волгоградский государственный университет, где все надо было начинать заново, у него снова все получилось. Это надо себе представить, какой груз он взвалил на себя, работая проректором по учебной и научной работе, секретарем партийной организации университета, секретарем приемной комиссии, даже временно испол-

няя обязанности ректора университета. Но главной задачей для себя Анатолий Степанович считал создание кафедры с хорошо поставленной специализацией по археологии. И в 1991 г. появилась кафедра археологии, древней и средневековой истории. Но уже в первые годы работы нового университета была создана археологическая лаборатория на хоздоговорных началах, получившая благодаря связям А.С. Скрипкина возможность заниматься археологическими исследованиями на территории Краснодарского края. Стал складываться научный коллектив из друзей и коллег Анатолия Степановича, приглашенных из Уральского пединститута, учеников, перешедших из археологической лаборатории Волгоградского пединститута, постепенно обрастая новыми учениками – уже Волгоградского университета. Он инициировал создание антропологической лаборатории под руководством М.А. Балабановой, организовал в Волгоградском государственном университете выпуск периодических археологических изданий, таких как: «Нижневолжский археологический вестник», «Материалы по археологии Волго-Донских степей», а также целого ряда сборников научных трудов. По его инициативе проводились семинары Центра изучения истории и культуры сарматов, тоже созданного с его подачи. Анатолий Степанович был одним из инициаторов и организаторов Нижневолжской археологической конференции. При его решающем участии увидела свет «Археологическая энциклопедия Волгоградской области», получившая общее признание как одно из первых региональных энциклопедических изданий в этой области знаний. Под его руководством защитили кандидатские диссертации многочисленные ученики. И все это время Анатолий Степанович продолжал активно работать в науке.

Коллеги из других городов заговорили о появлении в Волгограде археологической школы, и, безусловно, отцом-основателем этой школы был А.С. Скрипкин. Энергия, сила, надежность учителя, ученого, организатора сочетались в нем с полным отсутствием высокомерия, величавости, чувства собственной значимости. Сейчас, по прошествии недолгого времени с его кончины, мы все больше понимаем масштаб этой Личности. Анатолий Степанович был частью нашего миропорядка, одним из столпов, державших нашу Вселенную. И без него мир стал неполон. У французов было такое определение – «прекрасная эпоха», которым они ностальгически называли время перед Первой мировой войной. Концом «прекрасной эпохи» в разных контекстах называли завершение советского периода поэты, режиссеры, ученые. И одной из ярких черт этого периода были сильные люди, ставившие перед собой большие цели, умевшие их достигать и увлекавшие за собой других, делая их соратниками, друзьями и учениками. Таким человеком был Анатолий Степанович. И мощная когорта его друзей, коллег, ученых... Это были красивые люди, и память о них будет жить в их делах, книгах, учениках.

Светлой памяти Анатолия Степановича Скрипкина мы посвящаем этот выпуск...

Редакционная коллегия

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.1>

UDC 903.23'14.024:903.5(470.56-924.97)
LBC 63.4(2)

Submitted: 24.03.2021
Accepted: 30.10.2021

THE CERAMICS PRODUCTION OF THE CIS-URAL SRUBNAYA CULTURE: A CASE STUDY OF THE KURGAN CEMETERY I NEAR TVERDILOVO VILLAGE¹

Ildar A. Fayzullin

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Lydiya V. Kuptsova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Vadim I. Mukhametdinov

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the ceramics of the Timber culture, recovered from a kurgan cemetery near the village of Tverdilovo (excavated in 2017 in the Western Orenburg region). Under embankment of kurgan 1, 30 vessels were found in 21 burials, made in a narrow chronological interval. When considering these vessels according to one methodological system, which includes morphological and technical and technological analysis, the peculiarities of the production of pottery were highlighted both for a single group of the population and for the region as a whole. The analysis of the technological traditions of ceramics production from the Tverditovo kurgan cemetery shows that the population that left these ceramics was not homogeneous. There are two different traditions even at the stage of selection of plastic soft raw materials: one of them used silty clay for making dishes, the other applied natural clay. So, it is difficult to explain an isolated case of using sludge and low-grade ferrum clay. Using comparative analysis we can assume that the nearest burial monument according to its ceramics products is the Bogolubovskiy kurgan cemetery where we also can find silty and natural clay and the receipt of molding mass as "clay + chamotte + organic materials". Pottery traditions of the population that left the presented vessels were heterogeneous, which is recorded both in terms of morphological and technological characteristics. A similar picture is typical for other settlement and burial sites in the Orenburg Cis-Urals. The monument was dominated by the pottery traditions of the Timber culture with a slight influence of the Alakul elements.

Key words: Orenburg Cis-Urals, kurgan cemetery, technical and technological analysis of ceramics, morphology, pottery, Late Bronze Age, Srubnaya culture.

Citation. Fayzullin I.A., Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I., 2021. Goncharnoe proizvodstvo srubnoy kul'tury Predural'ya po materialam kurgannogo mogil'nika I u sela Tverdilovo [The Ceramics Production of the Cis-Ural Srubnaya Culture: A Case Study of the Kurgan Cemetery I Near Tverdilovo Village]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 8-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.1>

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДУРАЛЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА I У СЕЛА ТВЕРДИЛОВО¹

Ильдар Асхатович Файзуллин

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Лидия Владимировна Купцова

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Вадим Ильдарович Мухаметдинов

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется керамическая посуда срубной культуры, извлеченная из курганного могильника у с. Твердилово (раскопан в 2017 г. на территории Западного Оренбуржья). Под насыпью кургана I было найдено 30 сосудов в 21 захоронении узкого хронологического промежутка. При рассмотрении этих сосудов по одной методической системе, включающей в себя морфологический и технико-технологический анализ, были выделены особенности производства гончарной посуды как отдельно взятой группы населения, так и региона в целом. Анализ технологических традиций изготовления керамики из могильника у с. Твердилово показал неоднородность оставившего его населения. Уже на стадии отбора исходного пластичного сырья выделяются две отличающиеся традиции. Население, придерживающееся одной из них, изготавливало посуду из илестых глин. Вторая традиция связана с использованием природных глин. Единичные случаи применения ила и слабожелезненной глины на данный момент интерпретировать сложно. Сравнительный анализ основных гончарных традиций, выделенных на других погребальных памятниках Западного Оренбуржья, показал, что их набор наиболее близок к «твердиловскому», фиксируется по материалам Боголюбовского курганного могильника. На нем также выделяются две основные группы населения, использующие в качестве исходного пластичного сырья илестые и природные глины, на обоих могильниках преобладает рецепт формовочной массы «глина + шамот + органика». Гончарные традиции населения, оставившего представленные сосуды, были неоднородны, что фиксируется как по морфологическим так и по технологическим признакам. Подобная картина характерна и для других поселенческих и погребальных памятников Оренбургского Предуралья. На памятнике доминировали гончарные традиции срубной культуры при небольшом влиянии алакульских элементов.

Ключевые слова: Оренбургское Предуралье, курганный могильник, технико-технологический анализ керамики, морфология, гончарство, поздний бронзовый век, срубная культура.

Цитирование. Файзуллин И. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., 2021. Гончарное производство срубной культуры Предуралья по материалам курганного могильника I у села Твердилово // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.1>

Курганный могильник I у с. Твердилово обнаружен весной 2017 г. П.В. Харламовым в ходе работ по хозяйственному освоению земельных участков [Купцов и др., 2019]. Летом того же года археологическим отрядом Оренбургского государственного педагогического университета произведены раскопки под руководством И.А. Файзуллина [Файзуллин и др., 2019].

Памятник располагался на водораздельной площадке правого берега реки Березовка, которая протекает в 1,6 км западнее курганов (рис. 1). Могильник состоял из двух кур-

ганов. Насыпи земляные, округлой в плане формы, интенсивно распахиваются. Могильник исследован полностью. В кургане I изучено 21 погребение. Над большинством погребений были сооружены деревянные перекрытия разной величины, в том числе очень мощные. В некоторых погребениях не удалось проследить особенности перекрытия в связи с плохой сохранностью дерева. Могильные ямы в основном имели прямоугольно-овальную в плане форму. В могилах находились скелеты взрослых людей, а также детей и подростков. Три погребения были парными. Про-

слежен стандартный обряд положения погребенных – скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти рук сложены перед лицом, ориентировка головой на С, СВ и З. Исходя из особенностей погребального обряда и керамики, курган 1 относится к срубной культуре (XVIII–XVI вв. до н. э.). В кургане 2 обнаружено 2 захоронения раннего железного века.

В кургане 1 найдено 30 сосудов срубной культуры. Все сосуды, кроме одного, найденного в насыпи, обнаружены в могильных ямах. В погребения, как правило, помещались 1 или 2 сосуда, в парные комплексы – по 4 изделия.

Выделены следующие типы керамических сосудов:

Тип I. Закрытые банки – 6 сосудов (рис. 2, 1–6).

Тип II. Открытые банки – 2 сосуда (рис. 2, 7–8).

Тип III. Горшки с перегибом в верхней трети высоты или в середине профиля, зачастую образующим острое ребро, – 14 сосудов (рис. 3, 1–13).

Тип IV. Плавнопрофилированные горшки – 2 сосуда (рис. 2, 9–10).

Тип V. Биконические сосуды – 3 сосуда (рис. 2, 13–15).

Тип VI. Сосуды с уступом при переходе от шейки к тулову – 2 сосуда (рис. 2, 11–12).

Форма сосуда из насыпи не восстанавливается.

Погребальный обряд некрополя демонстрирует классические для срубной культуры признаки: небольшую насыпь, многомогильность, деревянные перекрытия и ориентировку. Судя по представленным типам керамики, ее культурная принадлежность также определяется как срубная. Однако у некоторых острорезберных сосудов (рис. 3, 3–5, 7, 8, 11–13) рельефно выраженное ребро как будто имитирует уступ, что осторожно можно связать с влиянием алакульской керамической традиции [Мухаметдинов, 2013, с. 198–199; Купцова, 2014, с. 184–185]. Сосуды с алакульскими чертами широко представлены в рассматриваемом регионе. Как правило, алакульские черты наиболее ярко проявляются в материалах бассейна Урала. Памятники бассейна Волги, к которым как раз и относится рассматриваемый курган, как правило, не демонстрируют алакульских признаков [Купцова, Фай-

зуллин, 2012, с. 246–248; Файзуллин, 2019, с. 250–251].

Среди представленных сосудов выделены два сосуда с архаичными чертами. Два сосуда относятся к типу короткошейных с уступчатым плечиком (рис. 2, 11–12). Морфологически аналогичные экземпляры встречаются в материалах предсрубного времени, они известны, например, в полтавкинских памятниках [Крамарев и др., 2002, с. 117]. О наличии некоторых архаичных черт в погребении 5 может свидетельствовать помещение в него сосуда 2 (рис. 2, 6), орнаментация которого была выполнена при помощи вдавлений шнура, намотанного на палочку. Веревоочная орнаментация на сосудах срубной культуры встречается редко. Скорее всего, данная традиция восходит к полтавкинскому населению [Мочалов, 2008, с. 58, 230].

Орнамент на сосудах представлен классическими для срубной культуры элементами: зигзаги, заштрихованные треугольники, ромбы, косые отрезки, выполненные гребенчатым штампом. Все сосуды украшены в верхней части.

Среди прочих экземпляров выделяется один сосуд с несистемным орнаментом (рис. 3, 14). Сосуд с перегибом в верхней трети высоты и выделенным поддоном, тулово резко сужается ко дну. Высота сосуда – 15,6 см, диаметр горла – 20 см, диаметр дна – 8,7 см, диаметр максимального расширения тулова – 20,8 см. Толщина стенок 7–10 мм. Поверхность коричневая, черепок в изломе черный. Сосуд орнаментирован в верхней части при помощи гребенчатого штампа. Декор представляет собой свастический орнамент, нанесенный чуть выше линии перегиба профиля. В ряде случаев целые фигуры комбинируются с незавершенными формами (изображена лишь вертикальная часть мотива). Интересен один из элементов декора – изображение ромба неправильной симметрии, от которого отходят по две горизонтальные линии в каждую сторону. Элемент завершают небольшие отрезки, отходящие от горизонтальных линий на 45 градусов.

Интерпретации представленного декора разнообразны. Чередующиеся полные и незавершенные свастики вполне могут быть вариантами календаря. Кроме того, интересна позиция ромба, который мог олицетворять за-

вершение, переход или начало временного цикла. Привлекают внимание и десять квадратных вдавлений, которые располагаются чуть выше основной полосы орнамента, под самым венчиком.

Нестандартные орнаментальные композиции, которые содержат знаки или некую последовательность знаков на керамических сосудах, в археологической литературе очень часто интерпретировали как календарные системы [Захарова, 2000, с. 81–92; Каргин, 2006, с. 80; Цимиданов, 2010, с. 120; Кириллов, 2017, с. 125–136].

В своей монографии Е.Ю. Захарова большое внимание уделяет 13-месячному году, который характерен для лунно-солнечных календарей. Она предполагает, что именно лунный цикл был взят за основу для срубной календарной системы. Отметим, что если не брать в расчет ромб, то на нашем сосуде 13 знаков – 7 полных свастики и 6 незавершенных. Анализируя различные композиции, она также отметила наиболее часто фиксируемое соотношение продолжительности сезонов – 7 месяцев для летнего и 6 месяцев для зимнего [Захарова, 2000, с. 84–85]. Именно такая пропорция целых и неполных свастики на сосуде из Твердиловского могильника, что позволяет вслед за Е.Ю. Захаровой интерпретировать рассматриваемый сосуд как календарь.

Помимо календарного мотива при внимательном рассмотрении декора мы предполагаем еще один вариант интерпретации. На сосуде изображен ромб, от которого по обе стороны отходят по две параллельные линии и в конце каждой из них примерно на 45 градусов отходят небольшие отрезки. Внешне вся композиция с ромбом очень похожа на ромбовидную пряжку, которая встречается в погребениях срубной культуры. Так, в Оренбургской области известна находка ромбовидной костяной пряжки в погребении 7 кургана 2 могильника у с. Перевозинка [Купцова, 2016, с. 126, 140, рис. 4, 4б]. Подобные пряжки известны в погребениях срубной культуры и других регионов [Литвиненко, 2001, с. 90–92].

При интерпретации ромба как пряжки орнамент, состоящий из свастики и ее незаконченных форм, представляет из себя пояс. Определить, является ли это лишь символическим поясом или копией реально существующих

предметов, к сожалению, затруднительно. Однако в этнографии известны случаи использования свастики в декорировании одежды у народов Евразии. Многократно повторенная свастика – это орнамент, который использовался на тканых детских поясах у народов стран Балтии в XVIII–XIX веках [Рыжакова, 2002, с. 106–113].

В целом знак, именуемый свастикой, известен еще с неолита. Данный символ имел распространение в Евразии вплоть до начала XX в. у многих народов. О семантике и генезисе свастики есть разные мнения. Мария Гимбутас предполагала, что свастика – это крест с закругленными углами, которые представляют из себя четыре полумесяца и символизируют четыре фазы луны [Голан, 1993, с. 120]. Широко распространена теория о том, что свастика напоминает изображение инструмента, посредством которого в древности добывали огонь [Голан, 1993, с. 119–120]. Еще одну версию выдвигал граф А.А. Бобринский – свастика, а также и крест первоначально были изображением птицы на лету [Бобринский, 1901, с. 9]. Самой распространенной версией существования и назначения данного знака является вера в культ солнца, а уже через него – в культ огня. Исследователи индоевропейских культур при интерпретации креста и свастики чаще всего апеллируют именно к этой версии.

Технико-технологический анализ керамики

Технологические традиции изготовления посуды населением, оставившим памятник, были изучены в рамках разработанного А.А. Бобринским историко-культурного подхода [Бобринский, 1978; 1999]. В тексте дается общая информация о выделенных гончарных традициях. Данные о технологии изготовления каждого отдельного сосуда представлены в таблице 1².

Традиции подготовительной стадии

В ходе анализа было установлено, что сосуды изготавливались из трех видов исходного пластичного сырья (ИПС): ила, илестых глин и природных глин. По качественному со-

ставу естественных примесей были выделены две разновидности илистых глин и три – природных глин.

Первая разновидность илистых глин (ИГ1) характеризуется малой концентрацией песчаной примеси и единичными включениями естественной примеси раковины и растительных отпечатков. Вторая (ИГ2) – мелким (до 0,5 мм) песком в средней концентрации и большим, относительно ИГ1, количеством отпечатков водной растительности.

Две среднежелезистые глины Г1 и Г2 различались концентрацией мелкого (0,2–0,5 мм) цветного песка. Глина Г1 относится к слабозапесоченным, а глина Г2 – к среднезапесоченным. Слабожелезистая и слабозапесоченная глина Г3 была выделена только по одному сосуду из погребения 5.

Из непластичного исходного сырья в керамике памятника выявлены: шамот, дробленая раковина, кальцинированная кость, сланцевая дресва, навоз, органический раствор и неустановленная органическая примесь.

Формовочные массы, из которых изготовлена посуда, представлены 14 рецептами, которые можно сгруппировать, объединив данные по разным органическим примесям. Таким образом, наиболее представительным станет рецепт «глина + шамот + органическая примесь» (46,7 %). Из других несмешанных выделяется рецепт «илистая глина + шамот» (16,7 %), а также «илистая глина + шамот + органическая примесь» (6,7 %).

Наиболее представительным из смешанных был рецепт «глина + дробленая раковина + шамот + органическая примесь» (16,7 %). Остальные 4 смешанных рецепта на памятнике единичны: «глина + шамот + кальцинированная кость + органический раствор», «глина + шамот + кальцинированная кость + выжимка из навоза», «глина + шамот + сланцевая дресва + навоз», «ил + шамот + кальцинированная кость».

Традиции созидательной стадии

Конструирование начина сосудов, выявленных на памятнике, осуществлялось в основном по донно-емкостной программе. Донная программа была определена в од-

ном случае – в ходе анализа сосуда 1 из погребения 10.

Из 27 донно-емкостных начинов 13 (48,1 %) были изготовлены из лоскутов, наложенных по спиральной траектории. Один из них (погребение 13) был двухслойным, остальные – однослойные. Спирально-жгутовым способом были сконструированы 12 (44,4 %) донно-емкостных начинов, 2 из них были двухслойными. У двух сосудов (из погребений 7 и 19) вид элементов конструирования определить не удалось.

Полое тело сосудов изготавливалось двумя основными способами: из жгутов, навитых по спирали, и из лоскутов, также наложенных по спиралевидной траектории.

Из способов формообразования достоверно определяется выдавливание пальцами в ходе скульптурной лепки. С этим способом связаны все сосуды, изготовленные из жгутов, и 5 сосудов со спирально-лоскутными начинками. При конструировании других лоскутных начинов могли использоваться формы-модели. Их внутренняя поверхность тщательно заглажена, что не позволяет однозначно определить этот способ формообразования по такому достоверному признаку, как отпечатки прокладки, однако предположить его можно по косвенным признакам – сильной деформации и вытянутости элементов конструирования. Судя по отдельным уплощенным участкам поверхности, форма некоторых сосудов корректировалась колотушкой с гладкой рабочей поверхностью.

В результате работы колотушкой, кроме того, осуществлялась первичная механическая обработка поверхности; поверхность заглаживалась и в отдельных случаях ложились. В качестве инструментов заглаживания использовались как мягкие предметы (кожа, ткань), так и твердые (гребенчатый штамп, щета, кость, гладкий твердый предмет). Ложились были неинтенсивным и редко выполнялось по всей поверхности сосуда.

Из 30 сосудов орнаментированы были 18. Из способов орнаментации в подавляющем большинстве случаев использовалось штампование инструментами с зубчатым, ребристым или гладким рабочим краем. В единичных случаях встречаются оттиски шнура, наматанного на палочку, и прочерчивание.

Традиции закрепительной стадии

Неравномерный окрас поверхности сосуда с преобладающим красным оттенком свидетельствует об обжиге сосудов в открытом обжиговом устройстве (костер, очаг). У половины сосудов (53,3 %) в окрасе сочетаются серые и бежевые оттенки, что может говорить о частичном доступе кислорода в ходе обжига (полуокислительная среда). В 12 случаях (40 %) сосуды обжигались в окислительной среде. В остальных двух случаях (6,7 %) – в восстановительной, без доступа кислорода.

Заключение

Анализ технологических традиций изготовления керамики из могильника у с. Твердилово показал неоднородность оставившего его населения. Уже на стадии отбора исходного пластичного сырья можно выделить две отличающиеся традиции. Население, придерживающееся одной из них, изготавливало посуду из илестых глин. Вторая традиция связана с использованием природных глин. Единичные случаи применения ила и слабожелезненной глины на данный момент интерпретировать сложно.

Изучение состава шамота (табл. 2) показало, что наиболее монолитной представляется группа сосудов, изготовленных из илестой глины ИГ2. Шамот в этих сосудах также из илестой глины. Это единственная группа сосудов по ИПС, которая (не считая единичных видов ИПС) коррелируется только с одним рецептом формовочных масс – «илестая глина + шамот». При этом в сосудах из илестой глины ИГ1 шамот, наоборот, присутствует только от сосудов, изготовленных из природных глин.

В сосудах, изготовленных из глин, в подавляющем большинстве случаев содержался шамот также из глин (18 случаев из 21) и только в 3 случаях – из глиноподобного сырья (табл. 2). Это говорит о доминировании традиции использования природных глин и постепенном вытеснении илестой глины ИГ1.

Для населения, использовавшего природные глины, характерны два основных рецепта формовочных масс: «глина + шамот + орга-

нические примеси» (46,7 %) и «глина + дробленая раковина + шамот + органические примеси» (16,7 %), что также говорит о его неоднородности (табл. 3).

Рецепты с кальцинированной костью не коррелируются с другими гончарными традициями, однако погребения с сосудами, изготовленными из масс по этим рецептам, отличаются признаками, выделяющими их из серии рядовых погребений: размером, планиграфическим расположением, инвентарем или особенностями погребального обряда. Это может быть подтверждением вывода Н.П. Салугиной о надкультурном характере примеси кости, которую она, наряду со шлаком, связывает с особым профессиональным статусом общинников-рудопроходчиков [Салугина, 2012, с. 67–70].

Две традиции выделяются и по созидательной стадии гончарного производства. Первая связана с технологической схемой изготовления начина и полого тела спирально-лоскутным налепом. Спирально-жгутовой способ маркирует группу населения, связанную со второй традицией. Наличие на памятнике сосудов, изготовленных по третьей технологической схеме, где начин сконструирован из лоскутов, а полое тело из жгутов, указывает на процесс смешения двух групп населения.

Корреляция технологических схем с традициями отбора ИПС и составления рецептов формовочных масс показывает, что определенную связь можно обнаружить у второй и третьей технологических схем с традицией использования природных глин и рецепта «глина + шамот + органическая примесь». При этом связи «лоскутной» схемы оказываются более размытыми.

Культурная принадлежность выделенных традиций в основном соответствует срубной технологии раннего этапа [Салугина, 2014, с. 643–644]. В то же время можно отметить, что отдельные особенности технологии можно соотнести с присутствием алакульских признаков в морфологии посуды могильника. В первую очередь это касается обработки поверхности. Из 15 сосудов, на поверхности которых фиксируются следы лощения, в 11 выделяются алакульские морфологические признаки.

С другими массовыми технологически традициями такой связи нет, однако можно отметить, что с алакульской морфологией соотносится рецепт формовочной массы с дресвой и два из четырех рецептов с дробленой раковиной. Связь этих традиций с алакульскими признаками была отмечена ранее по ряду памятников Степного Оренбуржья [Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 142].

Сравнительный анализ основных гончарных традиций, выделенных на других погребальных памятниках Западного Оренбуржья, показал, что их набор, наиболее близкий к «твердиловскому», фиксируется по материалам Боголюбовского курганного могильника [Моргунова и др., 2014]. На нем также выделяются две основные группы ИПС (илистые и природные глины) и фиксируется преобладание рецепта формовочной массы «глина + шамот + органика».

Можно отметить и близкое соотношение технологических схем конструирования. Выделяются две несмешанные схемы: 1) сочетание донно-емкостного спирально-лоскутного начина с полым телом, также изготовленным из лоскутов; 2) донно-емкостный спирально-жгутовой начин и спирально-жгутовое полое тело (ТС II). В то же время смешанная схема со спирально-лоскутным началом и спирально-жгутовым полым телом (ТС III) в Твердиловском могильнике представлена значительнее, чем в Боголюбовском, а схема со спирально-жгутовым началом и спирально-лоскутным полым телом (ТС IV) в этих могильниках не встречается (табл. 4).

Чуть менее схож набор традиций, выделенный на Плешановском II и Ереминском IV курганных могильниках, а также в Нижнепавловском одиночном кургане. Население, их оставившее, отбирало в качестве ИПС в основном природные глины. Фиксируется преобладание срубных гончарных традиций развитого этапа: рецепта формовочной массы «глина + шамот + органика» и сосудов, изготовленных по второй технологической схеме.

Наименее с выделенными в Твердиловском могильнике традициями соотносятся материалы могильника Васильевка III (табл. 4), что может объясняться его геогра-

фическим положением, близким к ареалу расселения андроновских племен [Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 129].

Таким образом, в традициях изготовления керамических сосудов курганного могильника I у с. Твердилово доминируют технологические приемы срубной культуры. Однако в небольшом количестве случаев здесь проявляются признаки, характерные для алакульского гончарства. Между тем алакульские признаки кардинально не изменили характер твердиловской керамики. Вероятнее всего, население, оставившее курганный могильник I у с. Твердилово, контактировало непосредственно не с алакульскими, а со срубно-алакульскими племенами, населявшими бассейны рек Общего Сырта, которые уже в значительной степени переработали алакульские гончарные традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке исследовательского проекта РФФИ, грант № 18-09-40031 «Древности».

This work was supported by RFBR project No. 18-09-40031 "Antiquities".

² Сокращения к технико-технологическому анализу керамики: МН – местонахождение, К – курган, П – погребение, С – сосуд, ИПС – исходное пластичное сырье, Г – глина, ИГ – илистая глина, ФМ – формовочная масса, ДР – дробленая раковина, Ш – шамот, КК – кальцинированная кость, СлДр – сланцевая дресва, Н – навоз, Вж – выжимка из навоза, ОР – органический раствор, Орг – органическая примесь, ДЕ – донно-емкостный начин, Д – донный начин, СЛ – спирально-лоскутный налеп, СЖ – спирально-жгутовой налеп, ТехСх – технологическая схема, Форм – формообразование, ВнП – выдавливание на плоскости, ФО – формоснова, ОП – обработка поверхности, ГрШ – гребенчатый штамп, ГТП – гладкий твердый предмет, МП – мягкий предмет, Тк – ткань, Выбив. – выбивание, Лщ – лощение, ТО – термическая обработка, ОС – окислительная среда, ПОС – полуокислительная среда, ВС – восстановительная среда, Орн – орнамент, ГлШ – гладкий штамп, срГрШ – средний гребенчатый штамп, крГрШ – крупный гребенчатый штамп, РШ – ребристый штамп, ШнП – шнур, намотанный на палочку, Прч – прочерчивание, ОрП – органическая примесь, ТС – технологическая схема, ТП – твердый предмет, МП – мягкий предмет, Лщ – лощение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Технологические данные сосудов кургана 1 курганного могильника I у с. Твердилово

Table 1. Process data for vessel of kurgan 1 kurgan cemetery near Village Tverdilovo

№	МН	ИПС	ФМ	начин	полое	Форм	ОП	ТО	Орн
1	К1П1С1	Г1	Г + ДР + Ш + Н	ДЕ, СЛ	СЖ	ВнП	Кость, местами до лощения	ОС	ГлШ
2	К1П1С2	Ил	Ил + КК + Ш	ДЕ, СЛ	СЛ	ФО (?)	1. ГрШ. 2. ГТП 3. Лщ	ОС	сГрШ
3	К1П2С1	Г1	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЛ (?)	СЖ (?)	ВнП	1. Щ. 2. Тк	ПОС	–
4	К1П2С2	Г1	Г + Ш + Вж	ДЕ, СЛ	СЛ	ФО (?)	1. ГрШ, Выбив., Тк	ПОС	–
5	К1П2С3	ИГ2	ИГ + Ш	ДЕ, СЖ	СЖ	Внп	Тк	ОС	–
6	К1П2С4	ИГ1	ИГ + Ш + Н	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. Щ. 2. Выбив. 3. Тк. 4. Лщ	ПОС	–
7	К1П5С1	ИГ2	ИГ + Ш	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	ГТП (?)	ОС	сГрШ
8	К1П5С2	Г2	Г + ДР + Ш + Вж	ДЕ, СЛ	СЛ	ФО (?)	ГТП	ПОС	ШнП
9	К1П5С3	Г1	Г + Ш + Н	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. ГрШ. 2. Выбив. 3. ГТП	ПОС	сГрШ
10	К1П5С4	Г3	Г + ДР + Ш + Орг	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. ГрШ. 2. Выбив. 3. ГТП	ПОС	РШ
11	К1П6	Г1	Г + Ш + Вж	ДЕ, СЛ	СЖ	ФО (?)	Тк (на щепке?)	ПОС	–
12	К1П7	Г2	Г + Ш + Вж	ДЕ	СЖ (?)	ВнП	1. Тк. 2. Выбив. 3. Лщ	ОС	сГрШ
13	К1П8	Г1	Г + Ш + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. Тк. 2. Выбив. 3. Лщ по сух.	ПОС	Прч
14	К1П9С1	Г1	Г + Ш + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. Тк. 2. Кость, местами до лощения	ОС	сГрШ
15	К1П9С2	Г2	Г + Ш + КК + Вж	ДЕ, СЖ 2	СЖ	ВнП	ГрШ	ПОС	–
16	К1П10С1	ИГ2	ИГ + Ш	Д, СЛ	СЖ	ВнП	1. МП. 2. ?	ОС	–
17	К1П10С2	ИГ2	ИГ + Ш	ДЕ, СЛ	СЛ	ФО (?)	МП (кожа?)	ПОС	–
18	К1П11	Г1	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЖ 2	СЖ	ВнП	1. Тк. 2. Лщ	ПОС	сГрШ
19	К1П12	Г1	Г + Ш + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	Кость, местами до лощения	ПОС, обвар (?)	ГлШ
20	К1П13	Г1	Г + Ш + Н	ДЕ, СЛ 2 сл	СЛ	ФО (?)	1. ГрШ. 2. Кость, местами до лощения	ОС	затер- тый
21	К1П14	Г1	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. Тк. 2. Лщ	ОС	сГрШ
22	К1П15	Г1	Г + Ш + Вж	ДЕ, СЛ	СЖ	ФО (?)	Тк	ВС	РШ
23	К1П16	ИГ1	ИГ + Ш + ОР	ДЕ, СЛ	СЖ	ФО (?)	1. Кожа (?). 2. Лщ	ОС	сГрШ
24	К1П17	Г1	Г + Ш + ДР + Вж	ДЕ, СЛ	СЛ	ФО (?)	1. МП. 2. Лщ	ПОС	–
25	К1П18	Г2	Г + Ш + ДР + Орг	–	–	–	1. МП (?). 2. Лщ	ПОС	РШ
26	К1П19	ИГ1	ИГ + Ш	ДЕ	СЖ (?)	–	1. МП (кожа?). 2. Лщ	ОС	РШ
27	К1П20С1	Г1	Г + Ш + СлДр + Н	ДЕ, СЖ	СЖ	ВнП	1. МП. 2. Лщ	ПОС	затер- тый
28	К1П20С2	Г1	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЛ	СЖ	ВнП	МП	ПОС	–
29	К1П21	ИГ1	ИГ + Ш + КК + ОР	ДЕ, СЛ	СЖ	ВнП	ГрШ	ВС	–
30	насыпь	Г2	Г + Ш + ОР	–	–	–	Тк	ОС	–

Таблица 2. Соотношение исходного пластичного сырья, из которого изготовлена керамика памятника, с рецептами выявленного в ней шамота

Table 2. The ratio of the initial plastic raw materials from which the ceramics of the monument are made with the recipes of the chamotte identified in it

Исходное пластичное сырье	Рецепты формовочных масс шамота				
	Г + Ш	Г + ДР	Ил (ИГ?) с ест. рак.	ИГ+Ш	Г + ДР + Ш из (ГЗ)
Ил	1 (3,3 %)				
ИГ1	4 (13,3 %)				
ИГ2			1 (3,3 %)	3 (10 %)	
Г1	12 (40 %)	1 (3,3 %)	2 (6,7 %)		
Г2	4 (13,3 %)		1 (3,3 %)		
ГЗ					1 (3,3 %)
<i>Итого</i>	21 (70 %)	1 (3,3 %)	4 (13,3 %)	3 (10 %)	1 (3,3 %)

Таблица 3. Соотношение исходного пластичного сырья с рецептами формовочных масс

Table 3. The ratio of original plastic raw materials with the recipes for molding materials

Исходное пластичное сырье	Рецепты формовочных масс					
	Ш	Ш + ОП	Ш + КК	Ш + КК + ОрП	ДР + Ш + ОП	СлД + Ш + ОрП
Ил			1 (3,3 %)			
ИГ1	1 (3,3 %)	2 (6,7 %)		1 (3,3 %)		
ИГ2	4 (13,3 %)					
Г1		12 (40 %)			2 (6,7 %)	1 (3,3 %)
Г2		2 (6,7 %)		1 (3,3 %)	2 (6,7 %)	
ГЗ					1 (3,3 %)	
<i>Итого</i>	5 (16,7 %)	16 (53,3 %)	1 (3,3 %)	2 (6,7 %)	5 (16,7 %)	1 (3,3 %)

Таблица 4. Соотношение основных технологических гончарных традиций между памятниками Западного Оренбуржья

Table 4. Correlation of the main technological pottery traditions between the monuments of the Western Orenburg region

Исходное пластичное сырье	Твердилово, 30 сосудов	Плешановский II, 10 сосудов	Боголюбовка, 61 сосуд	Нижнепавловский, 17 сосудов	Ереминка IV, 7 сосудов	Васильевка III
Ил	3,3 %	10 %		17,6 %		57,9 %
ИГ	26,6 %		50,8 %	11,8 %		26,3 %
Г	70 %	90 %	49,2 %	70,6 %	100 %	10,5 %
ИПС + Орг			11,5 %	11,8 %		
ИПС + Ш	16,6 %	10 %		5,9 %		
ИПС + Дрс						15,8 %
ИПС + Ш + Орг	53,3 %	50 %	68,8 %	35,3 %	57,1 %	5,2 %
ИПС + Дрс + Орг			1,6 %	5,9 %		36,8 %
ИПС + ДР + Орг		10 %	1,6 %			31,6 %
ИПС + К + Орг				17,6 %	14,3 %	
ИПС + Ш + К + Орг	10 %	10 %	9,8 %	5,9 %	14,3 %	
ИПС + Ш + Дрс + Орг	3,3 %	10 %				
ИПС + Ш + ДР + Орг	16,6 %			11,8 %		
ТС I	20 %	10 %	24,6 %	11,8 %	14,3 %	5,2 %
ТС II	33,3 %	60 %	47,5 %	58,8 %	42,9 %	5,2 %
ТС III	30 %		11,5 %	5,9 %	14,3 %	15,8 %
ТС IV				5,9 %		5,2 %
МП	26,7 %	50 %	40,1 %		28,6 %	15,8 %
ТП	33,3 %	40 %	31,1 %	17,6 %	14,3 %	42,1 %
Лщ	36,7 %	10 %	14,7 %	82,3 %	28,6 %	21 %

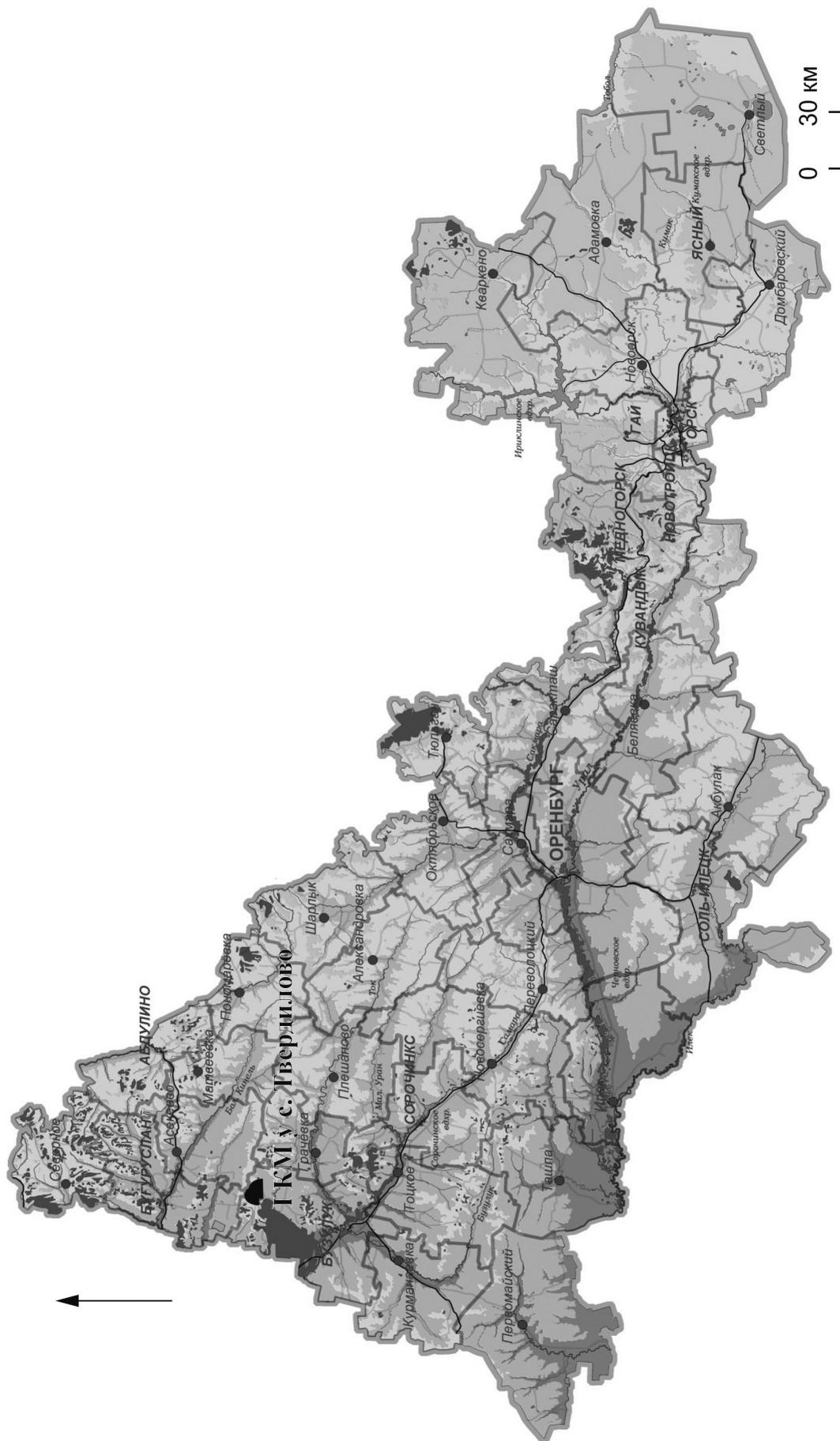

Рис. 1. Карта расположения курганного могильника I у с. Твердилово
Fig. 1. Map of the location of the First kurgan cemetery near the village Tverdilovo

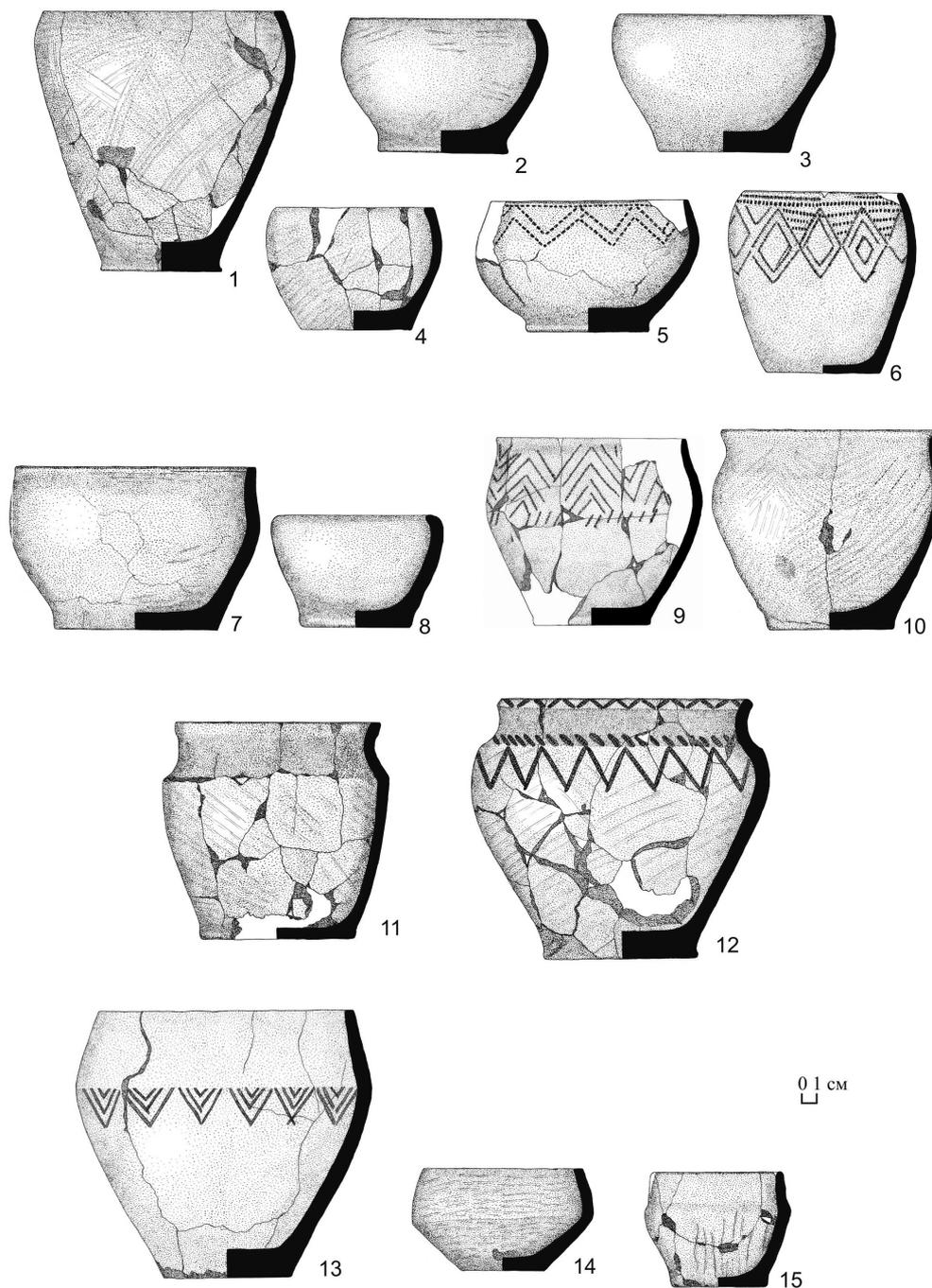

Рис. 2. Курганный могильник I у с. Твердилово. Курган 1. Керамика срубной культуры

Закрытые банки: 1 – погр. 21, сосуд; 2 – погр. 10, сосуд 1; 3 – погр. 10, сосуд 2;

4 – погр. 2, сосуд 2; 5 – погр. 5, сосуд 1; 6 – погр. 5, сосуд 2.

Открытые банки: 7 – погр. 6, сосуд; 8 – погр. 20, сосуд 2.

Плавнoproфилированные горшки: 9 – погр. 1, сосуд 1; 10 – погр. 5, сосуд 3.

Сосуды с уступом при переходе от шейки к тулову: 11 – погр. 2, сосуд 4; 12 – погр. 5, сосуд 4.

Биконические сосуды: 13 – погр. 8, сосуд; 14 – погр. 2, сосуд 3; 15 – погр. 17, сосуд

Fig. 2. Kurgan Cemetery I near the village Tverdilovo. Kurgan 1. Ceramics of the Srubnaya Culture

Closed banks: 1 – burial 21, vessel; 2 – burial 10, vessel 1; 3 – burial 10, vessel 2;

4 – burial 2, vessel 2; 5 – burial, 5 vessel 1; 6 – burial 5, vessel 2.

Open banks: 7 – burial 6, vessel; 8 – burial 20, vessel 2.

Smoothly profiled pots: 9 – burial 1, vessel 1; 10 – burial 5, vessel 3.

Vessels with a ledge at the transition from the neck to the body: 11 – burial 2, vessel 4; 12 – burial 5, vessel 4.

Biconical vessels: 13 – burial 8, vessel; 14 – burial 2, vessel 3; 15 – burial 17, vessel

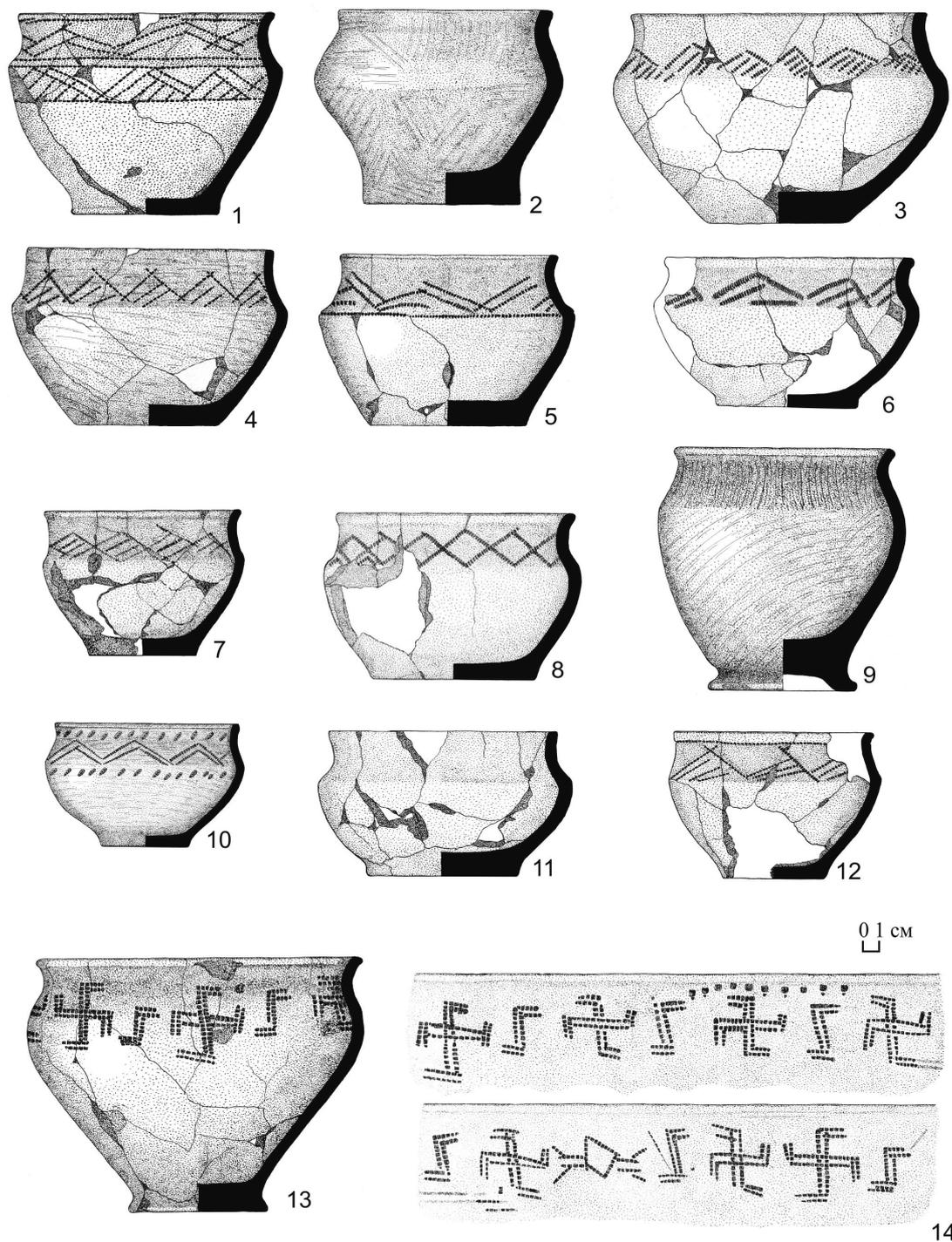

Рис. 3. Курганный могильник I у с. Твердилово. Керамика срубной культуры.

Горшки с перегибом в верхней трети высоты или в середине профиля:

- 1 – погр. 16, сосуд; 2 – погр. 2, сосуд 1; 3 – погр. 13, сосуд; 4 – погр. 12, сосуд;
 5 – погр. 11, сосуд; 6 – погр. 19, сосуд; 7 – погр. 14, сосуд; 8 – погр. 15, сосуд;
 9 – погр. 9, сосуд 2; 10 – погр. 1, сосуд 2; 11 – погр. 20, сосуд; 12 – погр. 7, сосуд;
 13 – погр. 9, сосуд 1; 14 – погр. 9, сосуд 1 (разверстка орнамента)

Fig. 3. Kurgan cemetery I near the village Tverdilovo. Ceramics of log culture.

Pots with a bend in the upper third of the height or in the middle of the profile:

- 1 – burial 16, vessel; 2 – burial 2, vessel 1; 3 – burial 13, vessel; 4 – burial 12, vessel; 5 – burial 11, vessel; 6 – burial 19, vessel; 7 – burial 14, vessel; 8 – burial 15, vessel; 9 – burial 9, vessel 2; 10 – burial 1, vessel 2; 11 – burial 20, vessel; 12 – burial 7, vessel; 13 – burial 9, vessel 1; 14 – burial 9, vessel 1 (opening of the ornament)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А. А., 1902. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии. М. 12 с.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука. 273 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : СГПУ. С. 5–109.
- Голан А., 1993. Миф и символ. М. : Русслит. 375 с.
- Захарова Е. Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж : ЦЧКИ. 163 с.
- Каргин Ю. Ю., 2006. Варианты орнаментов срубной культурно-исторической общности и критерии их выделения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа : БГПУ. С. 77–92.
- Кириллов А. К., 2017. Календарный смысл орнамента керамики срубной КИО в свете ведических традиций жертвоприношения // Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды «Сундуки» и других исторических объектов. Новосибирск : ИПЦ НГУ. С. 125–139.
- Крамарев А. И., Мышкин В. Н., Турецкий М. А., 2002. Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара : СамГПУ. С. 101–121.
- Купцов Е. А., Купцова Л. В., Труханов В. В., Файзуллин И. А., Харламов П. В., 2019. Археологические разведки в Оренбургской области // Археологические Открытия. 2017 год. М. : ИА РАН. С. 390–392.
- Купцова Л. В., 2014. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. Оренбург : ООО «ИПК Университет». С. 177–195.
- Купцова Л. В., 2016. Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье: характеристика, проблема происхождения, данные изучения комплексным методом // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Уфа : Диалог. С. 117–140.
- Купцова Л. В., Файзуллин И. А., 2012. Родниковое поселение – поликультурный памятник эпохи бронзы с территории Оренбуржья // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ : Видавнично-поліграфічний центр ТОВ «Елтон-2». С. 246–252.
- Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., 2017. Особенности срубно-андроновского взаимодействия на территории степного Приуралья (по материалам погребальных памятников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. № 2. С. 128–149.
- Литвиненко Р. А., 2001. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волого-Уралья // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Междунар. науч. конф. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния». С. 90–92.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Хохлов А. А., Хохлова О. С., 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 172 с.
- Мочалов О. Д., 2008. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара : СамГПУ. 252 с.
- Мухаметдинов В. И., 2013. К вопросу о морфологии керамики срубно-алакульского круга памятников // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. 20. Уфа : БГУ. С. 195–200.
- Рыжакова С. И., 2002. Язык орнамента в латышской культуре. М. : Индрик. 408 с.
- Салугина Н. П., 2012. Керамические традиции как показатель социального статуса (по материалам могильника Уранбаш) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург : Оренбург. гос. пед. ун-т. С. 62–70.
- Салугина Н. П., 2014. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань : Отечество. С. 643–646.
- Файзуллин И. А., 2019. Особенности срубно-андроновского взаимодействия на территории Оренбургского Предуралья в начале позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции) : материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., г. Санкт-Петербург. Т. II.

Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб. : ИИМК РАН, Невская Типография. С. 249–251.

- Файзуллин И. А., Крюкова Е. А., Файзуллин А. А., Евгеньев А. А., 2019. Археологическое исследование I Твердиловского курганного могильника // Археологические открытия. 2017 год. М. : ИА РАН. С. 404–406.
- Цимиданов В. В., 2010. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк : Лебедь. С. 120–139.

REFERENCES

- Bobrinskiy A.A., 1902. *O nekotorykh simvolicheskikh znakakh, obshchih pervobytnoy ornamentike vsekh narodov Evropy i Azii* [On Some Symbolic Signs, Common Primitive Ornamentation of All the Peoples of Europe and Asia]. Moscow. 12 p.
- Bobrinskiy A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow, Nauka Publ. 273 p.
- Bobrinskiy A.A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Actual Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara, SSPU, pp. 5-109.
- Golan A., 1993. *Mifi simvol* [Myth and Symbol]. Moscow, Russlit Publ. 375 p.
- Zakharova E. Yu., 2000. *Sosudy so znakami srubnoy obshchnosti epohi pozdney bronzy* [Vessels with Signs of the Timber Community of the Late Bronze Age]. Voronezh, CChKI Publ. 163 p.
- Kargin Yu. Yu., 2006. Varianty ornamentov srubnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti i kriterii ih vydeleniya [Variants of Ornaments of the Srubna Cultural and Historical Community and Criteria for Their Identification]. *Uralo-Povolzhskaya lesostep' v epohu bronzovogo veka* [Ural-Volga forest-steppe in the Bronze Age]. Ufa, BSPU, pp. 77-92.
- Kirillov A.K., 2017. Kalendarnyy smysl ornamenta keramiki srubnoy KIO v svete vedicheskikh traditsiy zhertvoprinosheniya [Calendar Meaning of Timber-Grave Community Pottery Ornament in the Light of the Vedic Tradition of the Sacrifices]. *Astronomicheskie metody issledovaniy arheoastronomicheskikh ob'ektov gornoy gryady «Sunduki» i drugih istoricheskikh ob'ektov* [Astronomical Methods of Research of Archaeoastronomical Objects of the Mountain Range Sunduki and Other Historical Objects]. Novosibirsk, NSU, pp. 125-139.
- Kramarev A.I., Myshkin V.N., Turetskiy M.A., 2002. Kurgannyy mogil'nik Gvardeytsy II [Kurgan Cemetery Gvardeytsy II]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Issue of Archaeology of the Volga Region], iss. 2. Samara, SamSPU, pp. 101-121.
- Kuptsov E.A., Kuptsova L.V., Trukhanov V.V., Fayzullin I.A., Harlamov P.V., 2019. Arheologicheskie razvedki v Orenburgskoy oblasti [Archaeological Exploration in the Orenburg Region]. *Arkheologicheskie Otkrytiya. 2017 god* [Archaeological Discoveries. 2017]. Moscow, IA RAS, pp. 390-392.
- Kuptsova L.V., 2014. Pogrebal'nye pamyatniki srubnoy kul'tury Zapadnogo Orenburzh'ya s primeneniem kamnya: spetsifika, kul'turnye svyazi, periodizatsiya i radiokarbonnaya hronologiya [Funerary Monuments of the Timber Culture of the Western Orenburg Region with the Use of Stone: Specificity, Cultural Ties, Periodization and Radiocarbon Chronology]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg], iss. 14. Orenburg, OOO «IPK Universitet» Publ., pp. 177-195.
- Kuptsova L.V., 2016. Rannie pamyatniki srubnoy kul'tury v Orenburgskom Predural'e: kharakteristika, problema proiskhozhdeniya, dannyei zucheniya kompleksnym metodom [Early Srubnaya Culture Sites in the Orenburg Cis-Urals: Characteristics, Problem of Origin, Data of Study by an Integrated Method]. *Istoriko-kul'turnye processy na Yuzhnom Urale v epohu pozdney bronzy: sovremennyye problemy izucheniya i sohraneniya kul'turnogo naslediya* [Historical and Cultural Processes in the Southern Urals in the Late Bronze Age: Modern Problems of Studying and Preserving Cultural Heritage]. Ufa, Dialog Publ., pp. 117-140.
- Kuptsova L.V., Fayzullin I.A., 2012. Rodnikovoe poselenie – polikul'turnyy pamyatnik epohi bronzy s territorii Orenburzh'ya [Rodnikovoe Settlement – a Polycultural Monument of the Bronze Age from the Territory of the Orenburg region]. *Problemy doslidzhennya pam'yatok arkheologii Skhidnoi Ukraini* [Problems of

- Research of Archeological Monuments of Eastern Ukraine]. Lugan'sk, Vidavnichno-poligrafichniy centr TOV "Elton-2" Publ., pp. 246-252.
- Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I., 2017. Osobennosti srubno-andronovskogo vzaimodeystviya na territorii stepnogo Priural'ya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) [Special Aspects of Srubna-Andronian Cultural Interaction in the Territory of the Cisural Steppe (Based on Burial Material)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], no. 2, pp. 128-149.
- Litvinenko R.A., 2001. O tak nazyvaemykh «poyasnyh pryazhkah» v pamyatnikah bronzovogo veka Volgo-Ural'ya [On the So-Called "Belt Buckles" in the Monuments of the Bronze Age of the Volgo-Ural Region]. *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [XV Ural Archaeological Meeting. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference]. Orenburg, Orenburgskaya guberniya Publ., pp. 90-92.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Evgen'ev A.A., Kryukova E.A., Kuptsova L.V., Roslyakova N.V., Salugina N.P., Turetskiy M.A., Khohlov A.A., Khohlova O.S., 2014. *Bogolyubovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury v Orenburgskoy oblasti* [Bogolyubovskiy Kurgan Cemetery of the Srubna Culture in the Orenburg Region]. Orenburg, OSPU. 172 p.
- Mochalov O.D., 2008. *Keramika pogrebal'nykh pamyatnikov epokhi bronzы lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* [Ceramics of Burial Sites of the Bronze Age in the Forest-Steppe of the Volga-Ural Interflue]. Samara, SamSPU. 252 p.
- Mukhametdinov V.I., 2013. K voprosu o morfologii keramiki srubno-alakul'skogo kruga pamyatnikov [To the Question of the Morphology of Ceramics of the Srubna-Alakul Circle of Monuments]. *Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arkheologii)* [From Antiquity to Modern Times (Problems of History and Archeology)], iss. 20. Ufa, BSU, pp. 195-200.
- Rizhakova S.I., 2002. *Yazyk ornamenta v latishskoy kulture* [The Language of Ornament in Latvian Culture]. Moscow, Indrik Publ. 408 p.
- Salugina N.P., 2012. Keramicheskie traditsii kak pokazatel' sotsial'nogo statusa (po materialam mogil'nika Uranbash) [Ceramic Traditions as an Indicator of Social Status (Based on Materials from the Uranbash Cemetery)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg], iss. 10. Orenburg, OSPU, pp. 62-70.
- Salugina N.P., 2014. Goncharstvo naseleniya pozdnego bronzovogo veka: k problem kul'turogeneza [Pottery of the Population of the Late Bronze Age: To the Problem of Cultural Genesis]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. 1. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 643-646.
- Fayzullin I.A., 2019. Osobennosti srubno-andronovskogo vzaimodeystviya na territorii Orenburgskogo Predural'ya v nachale pozdnego bronzovogo veka [Features of the Srubna-Andronovo Interaction in the Orenburg Cis-Urals at the Beginning of the Late Bronze Age]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii): materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, 18–22 noyabrya 2019 g., Sankt-Peterburg. T. II. Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnih kul'tur Severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epohu paleometalla (IV–I tys. do n. e.). K 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arheologa V.S. Bochkaryova* [Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions Within the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts): Proceedings of the International Conference, November 18–22, 2019, St. Petersburg. Vol. II. Connections, Contacts and Interactions Between Ancient Cultures of Northern Eurasia and Civilizations of the East During the Paleometal Period (IV – I mil. BC). Dedicated to the 80th jubilee of Vadim S. Bochkarev]. St. Petersburg, IHMCRA, Nevskaya Tipografiya Publ., pp. 249-251.
- Fayzullin I.A., Kryukova E.A., Fayzullin A.A., Evgen'ev A.A., 2019. Arheologicheskoe issledovanie I Tverdilovskogo kurgannogo mogil'nika [Archaeological Research of the I Tverdilovskiy Kurgan Cemetery]. *Arkheologicheskie Otkrytiya. 2017 god* [Archaeological Discoveries. 2017]. Moscow, IA RAS, pp. 404-406.
- Tsimidanov V.V., 2010. Ornamentatsiya keramiki srubnoy kul'tury: sotsial'nyy i polovozrastnoy aspekt [Ornamentation of Srubna Culture Ceramics: Social and Gender-Age Aspect]. *Arkheologicheskiy al'manakh. № 21. Izobrazitel'noye iskusstvo v arkheologicheskom nasledii* [Archaeological Almanac. No. 21. Fine Arts in the Archaeological Heritage]. Donetsk, Lebed Publ., pp. 120-139.

Information About the Authors

Ildar A. Fayzullin, Researcher of the Archaeological Laboratory, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460000 Orenburg, Russian Federation, ildar-1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0243-8183>

Lydiya V. Kuptsova, Candidate of Sciences (History), Head of the Archaeological Laboratory, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460000 Orenburg, Russian Federation, orelin.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3171-6760>

Vadim I. Mukhametdinov, Researcher of the Educational and Scientific Archaeological Museum, Bashkir State University, Zaki-Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, vadimufa4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0957-2665>

Информация об авторах

Ильдар Асхатович Файзуллин, научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460000 г. Оренбург, Российская Федерация, ildar-1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0243-8183>

Лидия Владимировна Купцова, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460000 г. Оренбург, Российская Федерация, orelin.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3171-6760>

Вадим Ильдарович Мухаметдинов, научный сотрудник Учебно-научного археологического музея, Башкирский государственный университет, ул. Заки-Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, vadimufa4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0957-2665>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.2>

UDC 930.26(574):393
LBC 63.48(5Каз)-7

Submitted: 26.08.2021
Accepted: 30.10.2021

FUNERAL RITE AND MORPHOLOGY OF A BURIED MAN FROM KURGAN OF TAU CEMETERY (WESTERN KAZAKHSTAN)¹

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Valeriy M. Klepikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper presents results of the funeral rite and material culture study of the Sauromat time Tau cemetery located on the territory of Western Kazakhstan, and also provides anthropological analysis of the skull discovered there. *Methods and materials.* An interdisciplinary approach was applied in the course of the study with inclusion of typological, analog and cross-dating methods regarding the funeral rite and material culture examination, methods for studying craniometrical and cranioscopic signs, as well as methods of skull pathology evaluation. The source of the study material as well as the male skull discovery site is burial 1 of kurgan 1 of Tau cemetery. *Discussion and results.* The funeral rite and clothing inventory data confirms that the burial belongs to Sauromat archaeological culture and, within the chronological framework, could be dated back late 6th – early 5th centuries BC. Furthermore, the funeral rite and weaponry features, including a quiver set with a short sword, attribute this burial to this epoch. Historical and archaeological source analysis suggests that there must have been a cult of the Hand in the Sauromat-Sarmatian society; consequently, the separate interment of the right hand in the examined burial reveals its military trophy origin. The male skull possesses Caucasian features with a weakened horizontal facial profile. The morphological features of the skull from the Tau cemetery have analogies in the synchronous population of Western Kazakhstan, Southern Urals and Lower Volga regions. The skull pathology analysis showed the presence of periodontitis, intravital trauma to the frontal bone, as well as some acute sinusitis signs.

Key words: Sauromat culture, gender, age, funeral rite, craniology, pathology, hand symbolism, grave goods.

Citation. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Pererva E.V., 2021. Pogrebal'nyy obryad i morfologiya pogrebnogo iz kurgana mogil'nika Tau (Zapadnyy Kazahstan) [Funeral Rite and Morphology of a Buried Man from Kurgan of Tau Cemetery (Western Kazakhstan)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 24-42. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.2>

УДК 930.26(574):393
ББК 63.48(5Каз)-7

Дата поступления статьи: 26.08.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И МОРФОЛОГИЯ ПОГРЕБЕННОГО ИЗ КУРГАНА МОГИЛЬНИКА ТАУ (ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН)¹

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Валерий Михайлович Клепиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье приводятся результаты исследования погребального обряда и материальной культуры погребения савроматского времени из могильника Тау с территории Западного Казахстана, а также дается антропологическая характеристика происходящего отсюда черепа. *Методы и материалы.* В статье используется междисциплинарный подход с включением типологического метода, метода аналогий и перекрестного датирования для изучения погребального обряда и материальной культуры, методов исследования краниометрических и краниоскопических признаков, а также методов анализа патологического состояния черепа. Источником исследования является погребение 1 кургана 1 могильника Тау и мужской череп. *Обсуждение и результаты.* По данным погребального обряда и вещевому инвентарю погребение относится к савроматской археологической культуре и может быть датировано в рамках второй половины VI – первой половины V в. до н.э. Этим временем данное погребение можно датировать, прежде всего, по особенностям погребального обряда и предметам вооружения, представленным колчанным набором и коротким мечом. Анализ исторических и археологических источников позволяет предположить, что в савроматско-сарматском обществе, видимо, присутствовал культ руки, а отдельное захоронение правой руки в исследуемом погребении, очевидно, является воинским трофеем. Череп мужчины характеризуется европеоидными чертами с ослабленной горизонтальной профилировкой лица. Морфологические особенности черепа из могильника Тау имеют аналогии у синхронного населения Западного Казахстана, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Анализ патологического состояния черепа показал наличие у мужчины пародонтита, прижизненной травмы на лобной кости, а также признаков острого синусита.

Ключевые слова: савроматская культура, пол, возраст, погребальный обряд, краниология, патология, символика руки, вещевой комплекс.

Цитирование. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Перерва Е. В., 2021. Погребальный обряд и морфология погребенного из кургана могильника Тау (Западный Казахстан) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.2>

Введение

Погребальный обряд является основным источником реконструкции быта, духовной и материальной культуры, социального устройства и идеологических представлений кочевников, поселенческие памятники которых нам недоступны. При исторической реконструкции по данным археологии обычно пытаются выделять элементы, которые несут определенную символику. Их многообразие отражает сложный характер традиционного миропонимания исследуемого общества. Чтобы понять семантику погребальной обрядности, и прежде всего ее мировоззренческую основу, обращаются к этнографии. Как показывают исследования, в каждой культуре вырисовывается множество процессуальных и предметных групп-символов. Через символ открывается тот или иной смысл предмета или действия. Действия-символы, или процессуальные символы, выражают определенные ценности и идеи при помощи конкретных действий. В контексте темы данной статьи нас в первую очередь интересуют ритуалы, церемонии и обряды, которые реконструируются по археологическим данным.

Целью данного исследования является реконструкция погребального обряда и мате-

риальной культуры по материалам савроматского погребения 1 кургана 1 могильника Тау Жанибекского района Западно-Казахстанской области Казахстана; выявление символики отдельных элементов обряда и антропологическая характеристика.

Методика и материал исследования

Материалом исследования явилось погребение 1 кургана 1 могильника Тау и мужской череп из данного комплекса. И погребение, и череп изучались по традиционной схеме. Вначале дается описание кургана и погребения, его археологическая атрибутика и предположительная семантика погребального обряда, далее приводится индивидуальная краниологическая характеристика измерительных и описательных признаков, а затем – описание его патологического состояния [Алексеев, Дебеч, 1964; Рогинский, Левин, 1978; Бужилова, 1995; 1998; Козинцев, 1988; Мовсесян, 2005]. Индивидуальные значения краниометрических признаков, а также признаки, характеризующие патологическое состояние черепа, впервые вводятся в научный оборот и представлены в таблице 1 и на рисунках 3, 4.

В процессе работы с черепом применялась стандартная программа оценки встреча-

емости на нем патологических состояний, разработанная А.П. Бужиловой [1995; 1998].

Краткая публикация этого комплекса приведена в монографии Б.Ф. Железчикова [1998, с. 40, рис. 24–25].

Описание кургана и погребения. Курганный могильник расположен в 5 км к СЗ от пос. Тау и представляет собой цепочку курганов из 14 насыпей, вытянутых по гребню естественной возвышенности на целинном поле. Насыпи курганов имеют четко выраженную форму, у многих хорошо заметны ровики. Размеры курганов: высота от 0,2 до 0,45 м, диаметр от 4 до 30 м (рис. 1,1). Некоторые курганы имеют следы ограбления в виде круглых оплывших воронок по центру кургана.

В 1980 г. был раскопан курган № 1, самый крайний в северо-западной части могильника. Его высота на момент исследования составляла 0,31 м, диаметр – 12 м. Вокруг кургана прослеживался ровик глубиной 8 см, прерывавшийся с ЮВ стороны (рис. 1,2). По всей площади кургана в насыпи на различной глубине были встречены кости овцы и птицы. В центре располагалось погребение 1. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ. Длина могильной ямы – 2,5 м, ширина – 1,7 м, глубина – 1,4 м. На дне могильной ямы лежал скелет мужчины на спине вытянуто, головой на ЗСЗ. Правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута вдоль туловища. Под костяком зафиксирована меловая посыпка. Справа от костяка лежали кости двух тушек овцы в анатомическом порядке без черепов, рядом с правым плечом обнаружен альчик овцы (рис. 2,1).

Инвентарь погребения 1:

1. Слева от погребенного, рядом с плечевой костью, обнаружены обломки железного предмета, вероятно – колчанного крючка, диаметр прута в сечении – 1,3 см (рис. 2,4).

2. Рядом с костями предплечья были положены, вероятно пучком, бронзовые трехлопастные и трехгранно-трехлопастные втульчатые наконечники стрел в количестве 41 шт. Из них: 15 трехгранно-трехлопастных с короткой выступающей втулкой, длиной от 2,4 до 3,5 см; 7 трехгранно-трехлопастных с глубокими ложками и короткой втулкой, длиной от 2,4 до 3,1 см; 3 трехгранно-трехлопастных с внутренней втулкой, длиной 2,9 см; 13 трехло-

пастных с небольшой массивной головкой, короткой выступающей втулкой и опущенным книзу шипом, длиной 2,9–3,2 см. Во втулках сохранились остатки древков (рис. 2,3).

3. На тазовых костях лежал короткий железный меч с сильно коррозированным бабочковидным (или почковидным) перекрестием и волнообразным навершием. Лезвие в сечении линзовидное. Общая длина меча – 43 см, длина клинка – 27 см (рис. 2,2).

4. В ногах погребенного, в юго-западном углу ямы, стоял глиняный лепной горшок с плоским дном, выпуклыми боками, невысокой шейкой и небольшим, слегка отогнутым наружу венчиком. Поверхность светло-коричневого цвета с темными пятнами. Тесто в изломе темное, с примесью извести. Высота сосуда – 20,5 см, диаметр венчика – 13 см, шейки – 12,2 см, тулова – 17,5 см, дна – 9 см (рис. 2,5).

После снятия костяка и инвентаря, ниже на 10 см, в границах могильной ямы, было прослежено углубление квадратной формы с закругленными углами, со стороной квадрата 1,75 м, где под костями овцы в анатомическом порядке лежали вытянуто кости правой руки человека кистью к ВЮВ. Раскопщиками эта ситуация была определена как наличие второго погребения, однако контекст погребения со всей очевидностью подразумевает ритуальное положение руки в сопутствующий набор погребения № 1.

Анализ

Индивидуальное захоронение под небольшой насыпью в прямоугольной яме с ориентировкой погребенного головой в западный сектор, в сопровождении напутственной пищи в виде обезглавленных тушек овец, с мечом на поясе и пучком стрел представляет собой классическую погребальную традицию савроматского времени как в Нижнем Поволжье, так и в Волго-Уральском междуречье [Смирнов, 1964, с. 75–100; Очир-Горяева, 1987].

Датировать это погребение позволяют, прежде всего, предметы вооружения, представленные колчаным набором и коротким мечом. Особенностью набора бронзовых наконечников стрел можно назвать наличие в комплекте лавролистных трехлопастных, комбинированных (трехгранно-трехлопастных),

массивных вариантов и присутствие шипов на втулках, что характерно для первой, ранней группы наборов классического скифского времени, относимого М.А. Очир-Горяевой ко второй половине VI – первой половине V в. до н.э. [Очир-Горяева, 1996, с. 52–54].

Клинковое оружие было атрибутировано Б.Ф. Железчиковым как короткий железный меч с бабочковидным перекрестием и волютообразным навершием [Железчиков, 1998, с. 40, рис. 25,3]. Однако сильно коррозированное перекрестие, представленное в отчете как на рисунке, так и на фото, правильнее было бы определить как почковидное либо как массивное бабочковидное [Мошкова и др., 1980, рис. 285, 289, 290]. Такие мечи хорошо представлены в памятниках Нижнего Поволжья, и прежде всего в заволжских степях, к которым можно отнести и территорию, на которой зафиксирован могильник Тау. А.С. Скрипкин выделяет их в группу, датирующуюся второй половиной VI – первой половиной V до н.э. [Скрипкин, 2007, с. 45–47, 50, рис. 2]. Заметим, что комплект оружия по основным характеристикам совпадает с набором вооружения из блюменфельского кургана А12, датированного К.Ф. Смирновым концом VI – началом V в. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 2, I–6, А, Б; 1964, с. 41].

Керамика, представленная лепным горшком с прямым горлом, округлым туловом с наибольшим диаметром в средней части и плоским выделенным дном, была распространена на всем протяжении савроматской культуры, но особенно в VI–V вв. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 112].

Особенности погребального обряда. Более подробно остановимся на таком аспекте погребального обряда, как отдельное захоронение костей правой руки, которые в анатомическом порядке располагались под костями обезглавленных туш двух баранов. И обезглавленные туши баранов, и отдельное захоронение руки, видимо, имеют отношение к мировоззрению и мифологической картине мира и выполняют функцию «знаковой системы», отражающейся в обряде посредством действий, предметов и отношений между ними. Анализируя это погребение с точки зрения обрядовых норм и практик, следует остановиться на символической руке как «говорящего» органа человеческого тела.

В научной литературе дается довольно разнообразная тематика, посвященная символической руке, большая часть которой была освещена в работе известного этнолога М.Ф. Альбедиль [2013]. Прежде всего, она дает историю семантического поля руки с разнообразными значениями, начало которого восходит к эпохе верхнего палеолита и соотносится с изображением в пещерной живописи руки. Как пишет этот автор, «тема руки... прошла через всю первобытность и сохранилась в последующие исторические периоды». Исторический анализ показывает, что статус руки в общечеловеческой культуре был высок во все времена и мог быть залогом возвращения к жизни умершего человека [Иванов, 1972, с. 111–113; Толстой, Толстая, 1974; Пропп, 1986, с. 90–92; Байбурун, Топорков, 1990, с. 23–48; Маковский, 1996, с. 280, 281; Дэвлет, Дэвлет, 2000, с. 67; Альбедиль, 2013].

Особое место в культуре различных народов занимает тема отрубленной руки и пальцев. Рассмотрим информацию об обряде отсечения руки, который содержится в античных письменных источниках и в фольклоре и имеет косвенное отношение к нашему материалу. Прежде всего следует обратиться к информации, приведенной в «Истории» Геродота (IV. 62), который, описывая воинские обряды скифов в эпизоде жертвоприношения скифскому богу войны Аресу, пишет, что «у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух». Кроме этого сюжета Геродот (IV.64) приводит аналогичные обычаи соседних со скифами народов (не уточняя каких). Они, в свою очередь, тоже лишали врага правой руки, но из содранной вместе с ногтями кожи изготавливали чехлы для своих колчанов.

В другом античном источнике есть информация о том, что в битве за престол Артаксеркс отчленил голову и правую руку у трупа своего поверженного брата Кира. Плутарх (Артаксеркс, 13), описавший этот эпизод, говорит, что обряд Артаксеркс совершил по какому-то персидскому обычаю. Видимо, и отсеченная голова, и правая рука тоже символизировали победу над братом.

Ф.М. Таказов [2015, с. 144] обычай отсечения руки у нартов возводит к скифским параллелям и отмечает, что обряд имел широкое распространение на Кавказе вплоть до на-

чала XX столетия. Видимо, и мотивация, и семантика отсечения руки на Кавказе со временем менялись, тем не менее связь с воинскими традициями прослеживается повсеместно.

Отдельно тема воинских обычаев и обрядов в осетинском нартовском эпосе рассматривается в недавно опубликованной работе Л.А. Чибирова и Г.Н. Вольной (Керцевой) [2020]. В ней наряду с другими обрядами дается атрибутика обряда отсечения руки [Чибиров, Вольная (Керцева), 2020, с. 11, 12].

В этнографии осетин В.А. Цагараев [2000, с. 242] описывает обычай расправы с кровником – отрубание правой руки или кисти.

Кроме письменных источников обряд отсечения руки или различные манипуляции с рукой и пальцами были зафиксированы в скифо-савромато-сарматских погребальных комплексах. Можно выделить три группы публикаций: в одной рассматриваются особенности погребального обряда, связанные с положением или отсутствием руки, в другой дается семантика культа руки, а в третьей – приводятся скифо-сарматские параллели.

Чаще всего нестандартное положение руки или ее отсутствие отмечают при раскопках элитных комплексов и не только [Ковпаненко, 1986; Прохорова, Гугуев, 1992; Батиева, Прохорова, 1998; Зайцев, Мордвинцева, 2004; Десятерик, 2019; и др.].

В результате этих исследований была выделена «женская» черта сарматской погребальной практики – положение рук на тазе [Симоненко, 1993; Максименко, 1998; Дзиговский, Островерхов, 2008; и др.]. А.В. Симоненко наличие этого обряда связывает с бинарными оппозициями типа «невеста – жена», «девушка – женщина» и т. п. [1993, с. 79]. Аналогичные обычаи были отмечены В.С. Ольховским и в скифской погребальной практике [1991, с. 158]. Встречаются они и в древнегреческих погребальных обрядах. При этом положение обеих рук или же только левой руки на тазе отмечено в женских погребениях, а правой – в мужских [Масленников, 1985, с. 67, 68].

В связи с тем что в исследуемом погребении присутствует отдельное захоронение костей правой руки, следует более подробно остановиться и на этом аспекте обряда. В вышеприведенной обрядовой практике скифов у Геродота фигурирует правая рука. Семанти-

ка правой / левой руки, которую дают исследователи Н.И. Толстой и С.М. Толстая [1974, с. 49], носила значение знаков-антагонистов: правая рука выполняла положительную функцию и имела связь с удачей, благополучием, безопасностью, а левая – отрицательную и ассоциировалась с несчастьем и неблагополучием.

В первой главе монографии А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова «У истоков этикета» [1990, с. 23–48] отмечается: «Для некоторых поздних форм этикета, видимо, важнее оказалось то обстоятельство, что правая (мужская) сторона оценивалась как более почетная, нежели левая (женская)».

Тема мужское / женское и правое / левое в сарматской погребальной практике рассматривается в статье Д.В. Пикалова [2014, с. 151–153]. В ней он дает интерпретацию обряда сарматского парного погребения 7 кургана 7 у с. Китаевка Ставропольского края. В этой могиле у мужского костяка отсутствовала правая рука, у женского – левая. Это противопоставление «левый – правый», по мнению автора, связано с близнечными мифами, и на этой основе он предполагает захоронение близнецов. Не исключает автор и ситуации, когда обряд отсечения рук у близнецов с посмертными манипуляциями носил магический характер.

Вышеприведенная семантика правое / левое и мужское / женское, видимо, была присуща многим народам древности и современности и зафиксирована в культуре традиционного жилища: левая – женская сторона, а правая – мужская.

Вернемся к интерпретации отсечения руки, которую дают исследователи на основе текстов осетинского нартовского эпоса, когда врагу отрубали правую руку, чтобы лишить его полноценных похорон. Л.А. Чибиров солидарен с В.А. Цагараевым [2000] по поводу того, что наряду с головой у пленного отрубали правую руку, так как она была способна «передать на благо обществу сокрытую в своей сакральной зоне большую силу» [Чибиров, 2017, с. 26].

Видимо, культ руки присутствовал у сарматов. Этой теме посвящено исследование А.Н. Дзиговского и А.С. Островерхова [2008], которое построено на анализе амулетов в виде руки, обнаруженных в сарматских погребениях. Кроме того, статья содержит свод археоло-

гических сарматских источников, в которых был зафиксирован обряд отсечения руки.

Воинскую атрибутику представляют собой обряды, отраженные в осетинском нартовском эпосе. Тематика отсечения руки засвидетельствована в сказаниях, например в таких: «Как Батрадз отомстил за смерть отца», «Как нарт Батрадз нашел Бурадзага», «Яблоко нартов», «Сослан и Тотрадз», «Сослан и безвестный сын Уархага» и др. [Нарты, 1989; Чибиров, Вольная (Керцева), 2020]. Во всех текстах обращается внимание на то, что повреждение руки или рук врага-противника воспринимается как победа над ним. В этом случае отсеченная рука является доказательством убийства врага и трофеем победителя. Обратная ситуация связана с тем, что быть похороненным без головы или руки считалось позором для нартовского героя.

Таким образом, анализ имеющейся литературы позволяет говорить, что обряд отсечения правой руки является мужским признаком, а также признаком позорной смерти, и связан он был с воинскими обрядами. В связи с атрибутикой исследуемого погребения как воинского можно предположить, что захоронение в нем руки может являться военным трофеем. Археолого-этнологический анализ может быть дополнен анализом антропологическим.

Индивидуальная характеристика черепа. Для определения пола на черепе рассматривался комплекс признаков полового диморфизма, который позволил определить его как мужской. Об этом свидетельствует как относительно общая его массивность, так и отдельно взятые признаки, сформированные по мужскому типу [Алексеев, Дебец, 1964; Рогинский, Левин, 1978]. К ним, прежде всего, следует отнести сильно наклонный лоб; хорошо развитый лобный рельеф с крупными надбровными дугами и сосцевидными отростками; мощный наружный затылочный бугор; массивную нижнюю челюсть с развернутыми углами и почти прямым углом ветвей и др.

Для определения возраста рассматривалось общее физическое состояние черепа на момент смерти. Сочетание степени стертости зубов и облитерации черепных швов позволяет определить возраст мужчины в пределах 40–50 лет. Следует отметить, что, хотя и наблюдается полная облитерация черепных

швов как со стороны эндокрана, так и снаружи, степень стертости зубов, особенно на нижней челюсти, не позволяет определить возраст мужчины старше 40–50 лет. К тому же на черепе наблюдается большое несоответствие стертости зубов на нижней и верхней челюстях. На нижней челюсти стертость значительно меньше, чем на верхней. На черепе была отмечена посмертная правосторонняя деформация, поэтому часть краниологических признаков не удалось измерить, другая часть в таблице 1 дается под вопросом.

Краниометрическая программа включала около 90 признаков и указателей, а краниоскопическая программа – более 20 признаков [Алексеев, Дебец, 1964]. При фиксации дискретно-варьирующих признаков использовались программы исследования, разработанные отечественными и зарубежными учеными [Козинцев, 1988; Мовсесян, 2005; и др.].

Череп крупный, длинный, широкий, по указателю долихокранный (табл. 1, рис. 3) [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117]. Вертикальная норма черепа ближе к эллипсоидной. Рельеф на черепе развит выше среднего. Лобная кость средней ширины, резко профилированная по линии фронто-темпоральных точек и покатая по углу назион-метопион [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. Ее хорда и дуга средней длины. У теменной кости хорда длинная, а дуга средней длины. Затылочная кость очень широкая с короткой хордой и среднелинной дугой.

Лицевой скелет очень крупный, высокий и широкий со слабой горизонтальной профилировкой на уровне глазниц и умеренной на уровне зигмаксиллярных точек. Вертикальный профиль лица с тенденцией к прогнатизму. Альвеолярная дуга средней длины и широкая, а небо узкое. Нос высокий среднеширокий, лепторинный по пропорции, а форма грушевидного отверстия устроена по типу предносовые ямки. Глазница очень широкая и низкая и по абсолютной ширине, и по указателю (хамэконхная). По ширине глазницы наблюдается асимметрия: правая глазница шире, чем левая. Переносье узкое и высокое, а носовые кости узкие и низкие и резко выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка мелкая.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить наличие надглазничного отверстия слева; дополнительного подглазнич-

ного отверстия тоже слева; теменного отверстия справа; небольших ореховидных вздутий на нижней челюсти; отверстия на скуловых костях и подглазничный узор, сформированный по типу II с обеих сторон [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988].

Нижняя челюсть очень крупных поперечных размеров с хорошим очертанием подбородочной части. Проекционная длина от углов и длина от мышелков очень большие. Передняя ширина нижней челюсти, высота симфиза, высота ветви и наименьшая ширина ветви также имеют очень большие размеры. Малые значения имеет угловая ширина – 93 мм. Угол ветви челюсти очень маленький.

Комплекс признаков на черепе позволяет диагностировать его как европеоидный расовый, несмотря на умеренную горизонтальную профилировку лица. Аналогичный набор признаков встречается как на материалах савроматского времени Нижнего Поволжья, так и Западного Казахстана и Южного Приуралья [Балабанова, 2000, с. 45–49; 2018, с. 42; Китов, Мамедов, 2014, с. 195, 300–303].

Патология. В процессе проведения патологического анализа краниума и нижней челюсти индивида удалось установить следующее. Черепная коробка носит на себе следы посмертной деформации, которая возникла в результате сильного давления земляной массы на мозговую капсулу. В то же время следует указать на то, что кость хорошо сохранилась и надкостница не повреждена. Однако часть основания черепа разрушилась, в связи с чем отсутствуют затылочные мышелки и мышелок нижней челюсти с правой стороны.

Обследование черепной капсулы показало наличие на надбровных дугах признаков васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» первого балла по А.П. Бужиловой [1998] (рис. 4,1). Кроме того, чуть выше левого лобного бугра, в 43 мм от венечного шва, в 66 мм от антропологической точки *Bregma* и в 49 мм от левого надглазничного края, наблюдается продолговатая вмятина в костной пластине. Дефект имеет форму узкого эллипса, длинной осью ориентированного поперек сагиттального шва: размеры повреждения 20 × 7 мм, глубина до 1 мм. Края, стенки и дно дефекта ровные, округлые, покрытые новообразованной надкостницей. Следов прободения в по-

лость черепа не выявлено. Признаков воспалительного процесса не зафиксировано. Вероятно, данное повреждение было получено задолго до смерти индивида в результате удара предметом, узким в сечении. Удар был нанесен спереди или сбоку. Ранение имеет прижизненный характер и носит на себе следы удачного полного заживления.

Из других особенностей на черепе следует выделить наличие пальцевидных вдавлений на внутренней поверхности костей свода черепа.

При обследовании основания черепа в области нижнечелюстных бугорков были выявлены признаки деформирующего артроза в виде краевых разрастаний и нарушения анатомической целостности суставной поверхности (рис. 4,4).

Изучение состояния зубной системы показало, что третьи моляры на верхней и нижней челюсти не сохранились и были посмертно утрачены. С правой стороны на нижней челюсти были прижизненно утрачены первый и второй резцы, а с правой стороны – клык (рис. 4,3). С левой стороны верхней челюсти также наблюдается облитерация альвеолярного края в процессе прижизненной утраты первого резца. Квадранты резцов верхней челюсти полностью заросли костной массой, а в области клыка на нижней челюсти с правой стороны наблюдается развитие пародонтального (десневого) кармана (рис. 4,5). Большая часть альвеолярной стенки в области корня зуба разрушена воспалительным процессом. На верхней челюсти, вероятно прижизненно, также были утрачены вторые премоляры и первые моляры с обеих сторон. Квадранты и корневые перемишки данных зубов в альвеолярном отростке разрушены и частично заросли. В области первого премоляра с правой стороны на верхней челюсти имеется выход с наружной поверхности. В результате развития воспалительного процесса верхушки корневых каналов квадрантов первых верхних моляров разрушены и имеют выходы в верхнечелюстные пазухи (рис. 4,2), в которых наблюдается образование периостита, что может указывать на развитие гнойного (острого) синусита. Корни зубов на верхней и нижней челюстях сильно оголены более чем на половину, что указывает на развитие пародонтоза.

На сохранившихся зубах верхней и нижней челюстей наблюдаются отложения зубного камня желтого цвета (степень выраженности – 2 балла).

Кроме того, у исследуемого индивида наблюдается специфическая стертость передних резцов и клыков, которые изношены намного сильнее, чем премоляры и моляры, на клыках наблюдается стертость до пульпы и образование вторичного дентина.

В результате проведенного исследования следует предположить, что индивид из могильника Тау (курган 1, погребение 1) по набору патологических признаков на черепной коробке и в зубной системе является классическим представителем кочевого населения раннего железного века. Отсутствие на зубах кариеса и развитие периодонтита, сильная стертость зубов и наличие зубного камня – все это является наиболее характерными патологиями зубочелюстной системы кочевников VI–IV вв. до н.э. [Перерва, 2020, с. 180–181].

Прижизненная травма черепа и признаки васкуляризации костной ткани указывают на активный образ жизни индивида, а выявленные следы воспалительного процесса в верхнечелюстных пазухах указывают на острый хронический синусит, которым страдал данный индивид на момент смерти.

Результаты и основные выводы

Исследуемое погребение по обряду и по сопровождаемому инвентарю, включая вооружение, состоящее из короткого меча и колчанного набора бронзовых наконечников стрел, относится к савроматскому времени и датируется второй половиной VI – первой половиной V в. до н.э.

Анализ письменных источников и сказаний осетинского нартовского эпоса, результатов исследований ученых по семантике руки и пальцев, а также по обряду отсечения руки позволяет выделить несколько аспектов:

1. Обряд отсечения руки можно определить как элемент воинского обряда, который был характерен для многих ираноязычных народов древности, в том числе осетин, через которых, вероятно, распространился на другие кавказские народы.

2. Намеренно изуродованных пленных и скифы, и нарты не хоронили в могилах. Отсе-

чение правой руки считалось у них признаком позорной смерти и наряду с отрубленной головой служило воинским трофеем, символизируя окончательную победу над противником.

3. Семантика правой руки связана с мужским началом и несет положительную нагрузку.

4. В связи с тем что исследуемое погребение из могильника Тау атрибутируется как воинское, мы можем связать отдельное захоронение руки в погребении воина как знак одержанной победы над врагом.

По комплексу краниологических признаков, измеренных на черепе из могильника Тау, наблюдается определенное сходство с отдельными черепами савроматского времени как из могильников Западного Казахстана, так и с территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Несмотря на довольно уплощенную горизонтальную профилировку лицевого скелета, чисто визуально монголоидные черты на черепе не определяются. Очевидно, вышеприведенный набор признаков характеризует индивидуальные особенности мужчины. Вышеописанные морфологические особенности исследуемого черепа встречаются на синхронных материалах из других могильников Западно-Казахстанской области.

Анализ черепной коробки индивида из погребения 1 кургана 1 могильника Тау позволил выявить ряд патологических состояний, таких как следы от воздействия низких температур или ветров, прижизненная травма черепа со следами удачного заживления, острый синусит обеих верхнечелюстных пазух, признаки гипертензионного синдрома, а также периодонтит с минерализованными отложениями на коронках зубов и сильную стертость передних зубов. Патологии, за исключением периостита и признаков воспалительного процесса в гайморовых пазухах, не препятствовали нормальной жизнедеятельности индивида. Зафиксированный острый синусит мог быть одной из причин его смерти.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-29-01020.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-29-01020.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Размеры и указатели мужского черепа (40–50 лет) савроматской культуры из погребения 1 кургана 1 могильника Тау

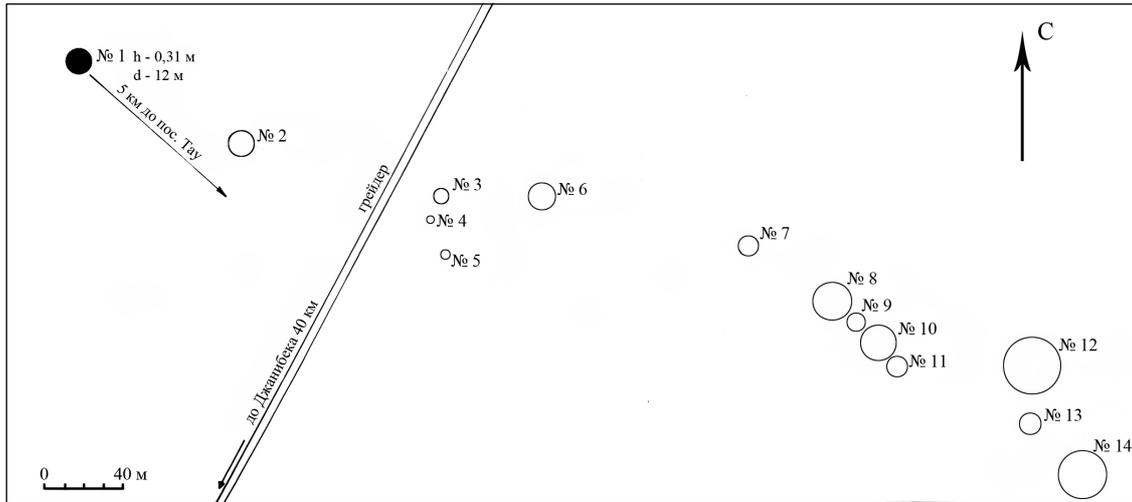
Table 1. Sizes and Markers of Male Skull (40-50 y.o.) of the Sauromat culture from burial 1, kurgan 1

№ по Мартину и др.	Признак	Значение	№ по Мартину и др.	Признак	Значение
1	Продольный диаметр	188 (?)	61	Ширина альвеолярной дуги	66
8	Поперечный диаметр	140 (?)	61:60	Челюстно-альвеолярный индекс	122,2
8:1	Черепной указатель	74,4	62	Длина неба	–
17	Высотный диаметр базион-брегма	–	63	Ширина неба	36 (?)
17:1	Высотно-продольный индекс	–	63:62	Небный индекс	–
17:8	Высотно-поперечный индекс	–	54	Ширина носа	25
OPB	Общеростовая величина	–	55	Высота носа	55
M2	Условное трансверсальное сечение	263,2	54:55	Носовой указатель	44,45
M3	Условный трансверсальный объем	–	51	Ширина орбиты (левая)	45,5
5	Длина основания черепа	–	52	Высота орбиты (левая)	33
20	Ушная высота порион-порион	112 (?)	52:51	Орбитный указатель (левая)	72,5
9	Наименьшая ширина лба	97	51	Ширина орбиты (правая)	47,0
h/9	Высота над ft-ft точками	20,8	52	Высота орбиты (правая)	33
h/9:9	Указатель профиля лба над ft-ft точками	21,4	52:51	Орбитный указатель (правая)	70,2
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	133,7	MC	Максило-фронтальная ширина	17,9
9:8	Лобно-поперечный	69,3	MS	Максило-фронтальная высота	6,4
9:10	Широтный лобный	93,3	MS:MC	Максило-фронтальный указатель	35,8
10	Наибольшая ширина лба	104	DC	Дакриальная ширина	20
11	Ширина основания черепа	135 (?)	DS	Дакриальная высота	12
12	Ширина затылка	124?	DS:DC	Дакриальный указатель	60,0
25	Сагиттальная дуга	369	SC	Симотическая ширина	5,8
26	Лобная дуга	127	SS	Симотическая высота	2,1
27	Теменная дуга	125	SS:SC	Симотический указатель	36,2
28	Затылочная дуга	117	FC	Глубина клыковой ямки	3,0
29	Лобная хорда	112	44a	Бимолярная хорда fmo-fmo	105,7
30	Теменная хорда	120		Высота назиона над б/м хордой	16,0
31	Затылочная хорда	92 (?)		Назомаллярный индекс	15,1
28:27	Затылочно-теменной индекс	93,6	77	Назомаллярный угол	146,4
29:26	Изгиб лба	88,2		Зигмаксиллярная хорда (по Абиндеру)	95,5
30:27	Изгиб темени	96,0		Высота subspinale над з/м хордой	21,5
31:28	Изгиб затылка	78,6		Зигмаксиллярный индекс	22,5
Syb.Nβ	Высота изгиба лба	24,6	<zm'	Зигмаксиллярный угол	131,5
Syb.Nβ.: 29	Индекс выпуклости лба	22,0	32	Угол профиля лба от назиона	78
УИЛ	Угол изгиба лба	132,5		Угол профиля лба от глабеллы	65
Syb.Nβ	Высота изгиба затылка	–	72	Общий лицевой угол	80
Syb.Nβ.:31	Индекс выпуклости затылка	–	73	Угол средней части лица	84
УИЗ	Угол изгиба затылка	–	74	Угол альвеолярной части лица	67
45	Скуловой диаметр	140 (?)	75	Угол носовых костей к горизонтали	50
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	100 (?)	75-1	Угол носовых костей к линии профиля	30
40.	Ширина основания лица	–	<i>Форма и рельеф черепа</i>		
40:5	Указатель выступания лица	–	Вертикальная норма черепа (Norma verticales)	ellipsoides	
48	Верхняя высота лица	74 (?)	Надпереносье (по Мартину 1-6)	3	
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	–	Надбровные дуги	2	
48:45	Верхний лицевой указатель	52,9	Сосцевидный отросток	2	
43	Верхняя ширина лица	113	Нижний край грушевидного отверстия	Fossa praenasales	
46	Средняя ширина лица	95	Передненосовая ось	3	
60	Длина альвеолярной дуги	54			

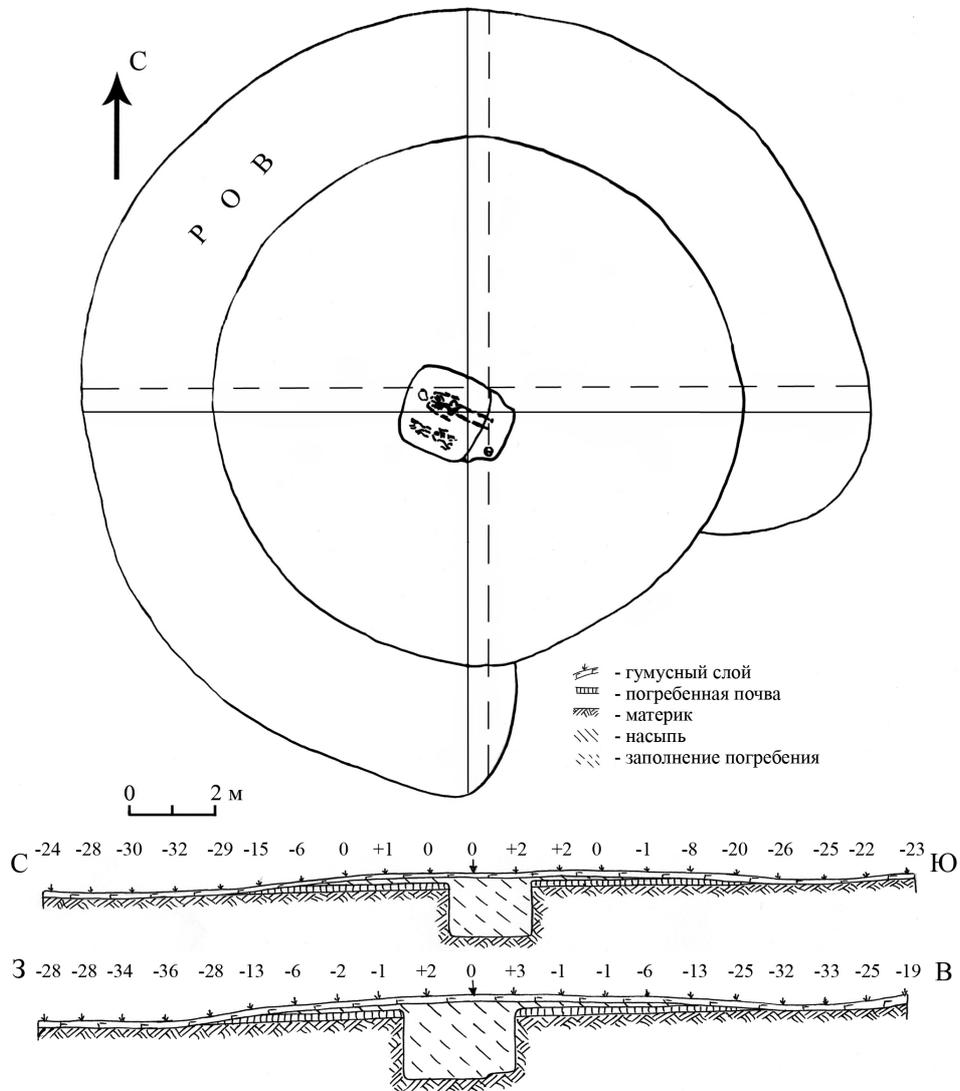
Окончание таблицы 1

End of Table 1

Нижняя челюсть					
№ по Мартину и др.	Признак	Значение	№ по Мартину и др.	Признак	Значение
65	Мыщелковая ширина	–	69	Высота симфиза	39
66	Угловая ширина	93	70	Высота ветви	64
67	Передняя ширина	50	71 (1)	Ширина вырезки	53
68	Длина от мыщелков	90	79°	Угол ветви челюсти	111
68 (1)	Проекционная длина от углов	108			

1

2

Рис. 1. Курганный могильник Тау:

1 – план курганного могильника Тау; 2 – план и профили бровок кургана 1

Fig. 1. Tau kurgan cemetery:

1 – Tau kurgan cemetery layout ; 2 – layout and profiles of kurgan 1

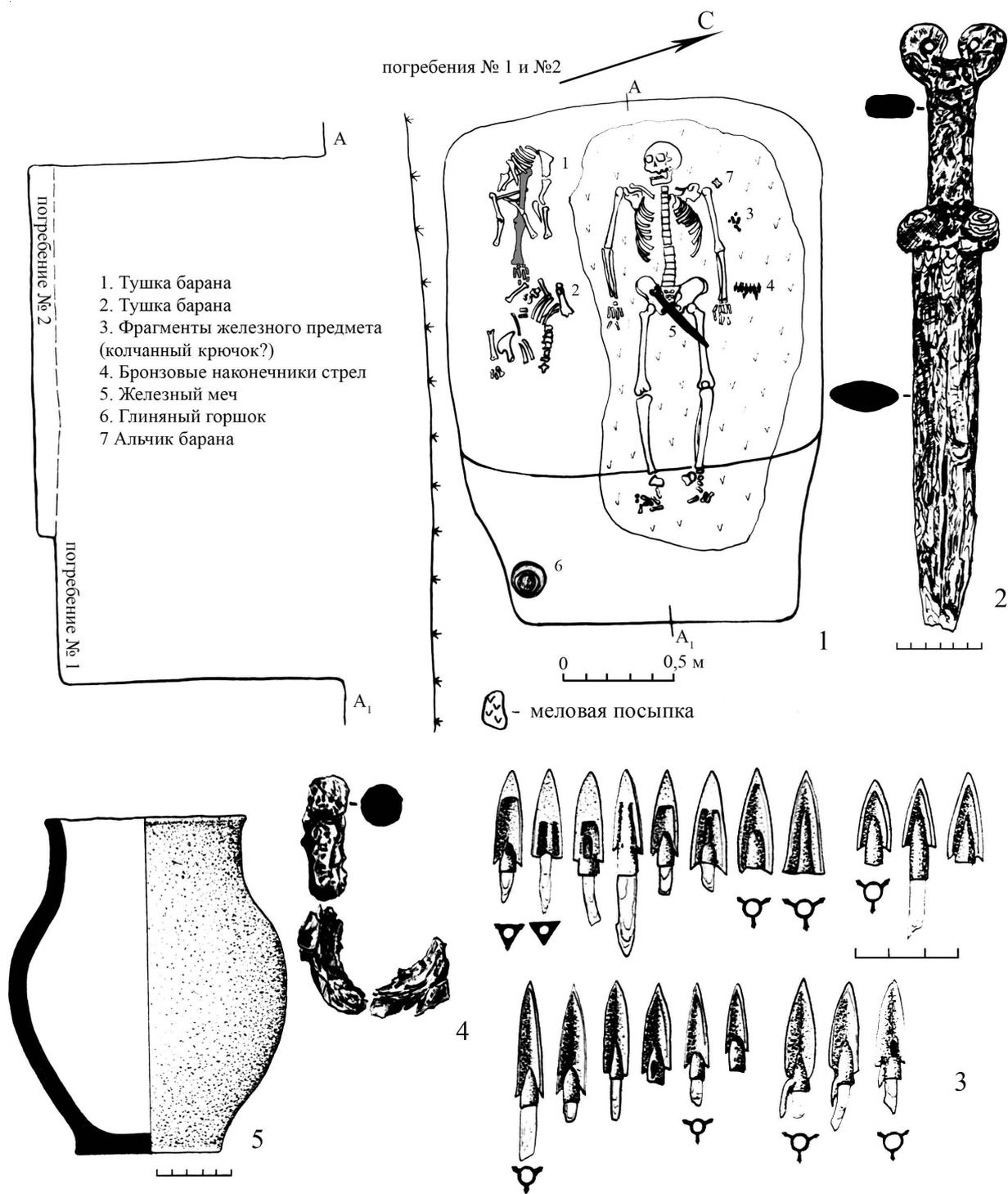

Рис. 2. Курганный могильник Тау. Погребение 1:

1 – план и разрез погребения № 1; инвентарь погребения 1: 2 – железный меч; 3 – бронзовые наконечники стрел; 4 – железный колчаный крючок; 5 – глиняный лепной горшок

Fig. 2. Tau kurgan cemetery. Burial 1:

1 – burial 1 plan and sectional drawing; grave goods of burial 1: 2 – iron sword; 3 – bronze arrowheads; 4 – iron quiver hook; 5 – clay molded pot

Рис. 3. Череп мужчины (40–50 лет) из погребения 1 кургана 1 могильника Тау
Fig. 3. Male Skull (40–50 y.o.) from burial 1, kurgan 1 of Tau kurgan cemetery

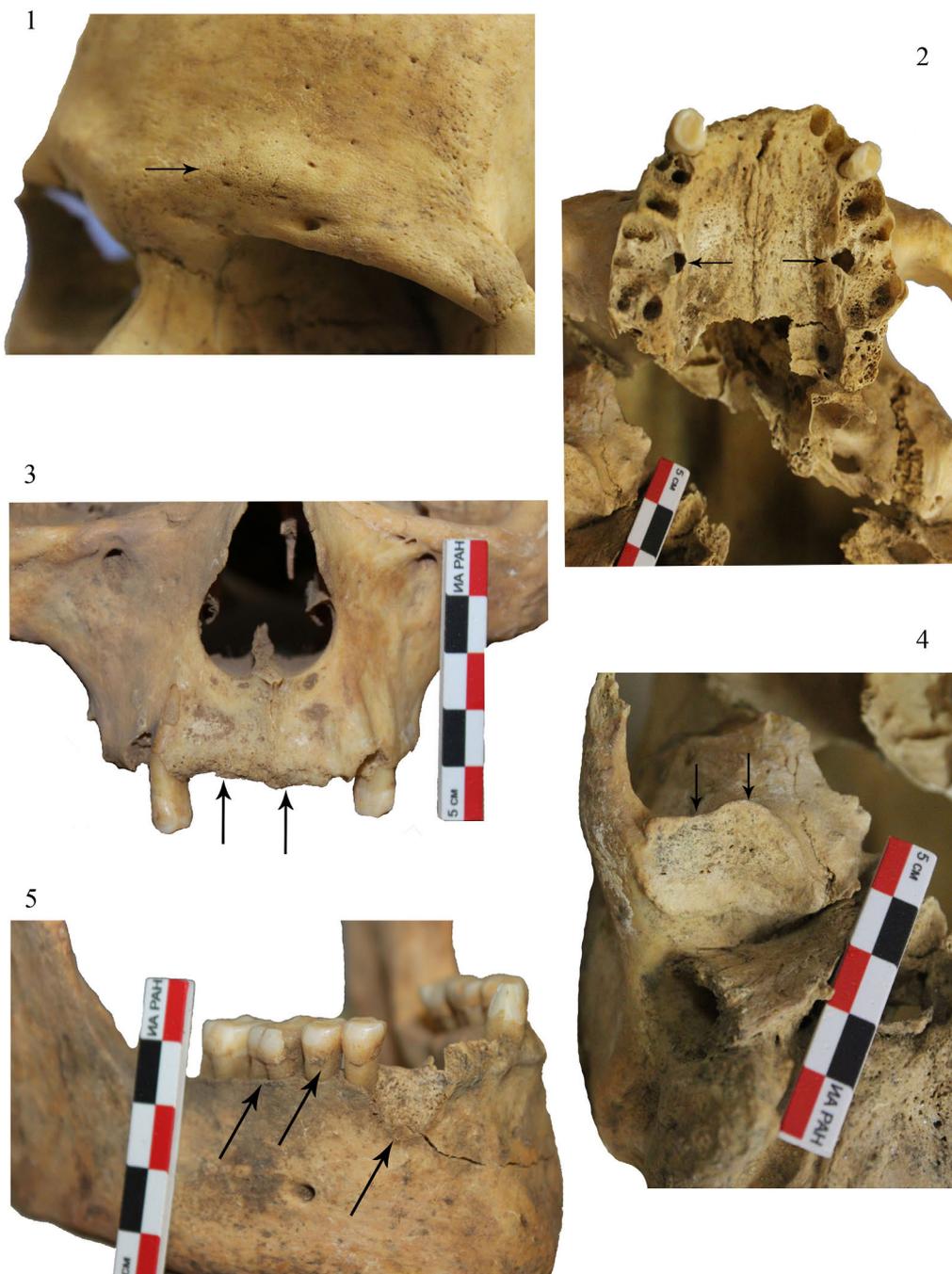

Рис. 4. Патологические отклонения, выявленные на черепной капсуле и нижней челюсти мужчины из погребения 1 кургана 1 могильника Тау:

- 1 – васкулярная реакция по типу «апельсиновой корки»; 2 – признаки периодонтита и выходы от воспалительного процесса в области корней первых моляров в верхнечелюстные пазухи; 3 – прижизненная утрата передних резцов верхней челюсти; 4 – деформирующий артроз в области нижнечелюстной ямки и суставного бугорка (правая височная кость); 5 – пародонтальный карман в область альвеолярной стелки правого клыка на нижней челюсти с наружной стороны, зубной камень и следы пародонтита нижней челюсти

Fig. 4. Pathological abnormalities revealed on the cranial capsule and the lower jaw of a man from burial 1 of kurgan 1 of the Tau cemetery:

- 1 – Vascular reaction of the “orange peel” type; 2 – Periodontitis signs and the first molars outlets into root area of the maxillary sinuses due to inflammatory process; 3 – Intravital loss of the upper jaw anterior incisors; 4 – Deforming arthrosis in mandibular fossa and articular tubercle area (right temporal bone); 5 – Periodontal pocket of the right canine alveolar stack area on the lower jaw from the outside, tartar and periodontal disease traces of the lower jaw

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Альбедиль М. Ф., 2013. Ты держишь мир в простертой длани: символика руки // Теория моды. № 27. С. 156–172.
- Байбурин А. К., Топорков А. Л., 1990. У истоков этикета : этнографические очерки. Ленинград : Наука. 165 с.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука. 133 с.
- Балабанова М. А., 2018. Этногенетические связи ранних кочевников VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 37–51. DOI : <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>.
- Батиева Е. Ф., Прохорова Т. А., 1998. Антропология погребения из кургана 10 Кобяковского могильника и мифоритуальная роль руки у сарматов // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы» (г. Ростов-на-Дону, 22–26 ноября 1998 г.) : тез. докл. Ростов н/Д : Ин-т «Открытое общество». С. 85–86.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население (палеопатологические исследования). М. : ИА РАН. 189 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–147.
- Десятерик Д. И., 2019. Существенная черта погребального ритуала сарматской царицы // Альманах «Начало». № 1. С. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3674791>.
- Дзиговский А. Н., Островерхов А. С., 2008. Культ руки у сарматов // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса : Печатный дом «Фаворит». С. 167–172.
- Дэвлет Е., Дэвлет М., 2000. Духовная культура древних народов Северной и Центральной Азии (мир петроглифов). Т. 7. Сер. Российские исследования по мировой истории и культуре. Нью-Йорк : New York Press. 502 с.
- Железчиков Б. Ф., 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 136 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен. Т. 2. СПб. : Гос. Эрмитаж. С. 290–297.
- Иванов Вяч. Вс., 1972. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М. : Искусство. С. 105–141.
- Китов Е. П., Мамедов А. М., 2014. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана : Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 352 с.
- Ковпаненко Г. Т., 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев : Наукова думка. 149 с.
- Козинцев А. Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л. : Наука. 167 с.
- Маковский М. М., 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов. М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС». 415 с.
- Максименко В. Е., 1998. Сарматы на Дону // Донские древности. Вып. 6. Азов : Изд-во Азов. краевед. музея. 304 с.
- Масленников А. А., 1985. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые в. н.э. // Советская археология. № 1. С. 61–74.
- Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М. : Унив. кн. 272 с.
- Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А., 1980. Отчет об археологических работах на территории Уральской области в 1980 г. // Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1838.
- Нарты, 1989. Осетинский героический эпос. В 3 кн. Кн. 2. М. : Наука. 492 с.
- Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М. : Наука. 253 с.
- Очир-Горяева М. А., 1987. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста : КНИИ ИФЭ. С. 35–53.

- Очир-Горяева М. А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // Российская археология. № 1. С. 41–54.
- Перерва Е. В., 2020. Палеопатологические особенности кочевников савроматского времени с территории Нижнего Поволжья // Genesis : исторические исследования. № 12. С. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.12.34412>.
- Пикалов Д. В., 2014. Близнецный культ и обычай отрубания руки у сармат // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань : Отечество. С. 150–153.
- Пропп В. Я., 1986. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ. 364 с.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // Советская археология. № 1. С. 142–161.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г., 1978. Антропология : учеб. для студ. ун-тов. М. : Высш. шк. 528 с.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 144 с.
- Скрипкин А. С., 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ. С. 38–50.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 104. М. : АН СССР. 101 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : АН СССР. 377 с.
- Таказов Ф. М., 2015. Обычай отрубания руки: скифо-нартовские параллели // Нартоведение в XXI веке : Современные парадигмы интерпретации. № 3. С. 142–151.
- Толстой Н. И., Толстая С. М., 1974. К семантике правой и левой стороны в связи с другими символическими элементами // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. № 1 (5). Тарту : Тарт. гос. ун-т. С. 42–45.
- Цагараев В. А., 2000. Золотая яблоня нартов: история, мифология, искусство, семантика. Владикавказ : Респуб. издат.-полигр. предприятие им. В.А. Гасиева. 299 с.
- Чибиров Л. А., 2017. Правая рука – десница: скифо-осетинские параллели // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 17, № 2. С. 24–27.
- Чибиров Л. А., Вольная (Керцева) Г. Н., 2020. Военские обычаи и обряды в осетинском нартовском эпосе: истоки и параллели // Известия СОИГСИ. Вып. 37 (76). С. 5–16.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Al'bedil' M.F., 2013. Ty derzhish' mir v prostertoy dlani: simbolika ruki [You Hold the World in Your Outstretched Hand: The Symbolism of the Hand]. *Teoriya mody* [Fashion Theory], no. 27, pp. 156–172.
- Bayburin A.K., Toporkov A.L., 1990. *U istokov etiketa: etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka Publ. 165 p.
- Balabanova M.A., 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 133 p.
- Balabanova M.A., 2018. Etnogeneticheskie svyazi rannih kochevnikov VI–I vv. do n. e. (po materialam mogil'nikov Zapadnogo Kazakhstana, Yuzhnogo Priural'ya, Nizhnego Povolzh'ya i Nizhnego Dona) [Ethnogenetic Connections of Early Nomads in the 6th – 1st CC. BC (Based on the Materials of Burial Mounds of Western Kazakhstan, the Southern Cisurals, the Lower Volga Region and the Lower Don Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 3, pp. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>.
- Batieva E.F., Prohorova T.A., 1998. Antropologiya pogrebeniya iz kurgana 10 Kobyakovskogo mogil'nika i miforitual'naya rol' ruki u sarmatov [The Anthropology of Burial from Kurgan 10 of the Kobyakovskiy Cemetery and the Mythological Role of the Hand among the Sarmatians]. *VII Donskaya arheologicheskaya konferentsiya «Problemy arheologii Yugo-Vostochnoy Evropy» (Rostov-na-Donu, 22-26 noyabrya 1998 g.)*.

- tez. dokl. [VII Don Archaeological Conference “Problems of Archeology of South-Eastern Europe” (Rostov-on-Don, November 22–26, 1998). Abstracts of reports]. Rostov-on-Don, Institut «Otkrytoe obschestvo» Publ., pp. 85-86.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie issledovaniia)* [Ancient Population (Paleopathological Research)]. Moscow, IA RAS. 189 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioreologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Biorheological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. Biological Research Technique]. Moscow, Staryy Sad Publ., pp. 87-147.
- Desyaterik D.I., 2019. Sushchestvennaya cherta pogrebal'nogo rituala sarmatskoj caricy [An Essential Feature of the Funeral Ritual of the Sarmatian Queen]. *Al'manah «Nachalo»* [Almanac “The Beginning”], no. 1, pp. 14-20. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3674791>.
- Dzigovskiy A.N., Ostroverhov A.S., 2008. Kul't ruki u sarmatov [The Cult of the Hand of the Sarmatians]. *Kratkie soobshcheniya Odesskogo arheologicheskogo obshchestva* [Brief Reports of the Odessa Archaeological Society]. Odessa, Pechatnyy Dom «Favorit», pp. 167-172.
- Devlet E., Devlet M., 2000. *Duhovnaya kul'tura drevnih narodov Severnoy i Central'noy Azii (mir petroglifov)* [Spiritual Culture of the Ancient Peoples of North and Central Asia (the World of Petroglyphs)]. Vol. 7. Ser. Russian Studies on World History and Culture]. New York, New York Press. 502 p.
- Zhelezchikov B.F., 1998. *Arheologicheskie pamyatniki Ural'skoy oblasti* [Archaeological Sites of the Ural Region]. Volgograd, VolSU. 136 p.
- Zaycev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. «Tsaritsa» iz Nogaychinskogo kurgana: vozmozhnosti istoricheskikh rekonstruktsiy [“The Queen” from the Nogaichinsky Kurgan: The Possibilities of Historical Reconstructions]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporus Phenomenon], vol. 2. St. Petersburg, State Hermitage, pp. 290-297.
- Ivanov Vyach. Vs., 1972. Ob odnom tipe arhaicheskikh znakov iskusstva i piktografii [About one Type of Archaic Signs of Art and Pictography]. *Rannie formy iskusstva* [Early Forms of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 105-141.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age]. Astana, Publishing group of BIA named after A.H. Margulan in Astana. 352 p.
- Kovpanenko G.T., 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge* [Sarmatian Burial of the First Century AD on the Southern Bug]. Kiev, Naukova dumka Publ. 149 p.
- Kozintsev A.G., 1988. *Etnicheskaya kranioskopiya. Rasovaya izmenchivost' shvov cherepa sovremennogo cheloveka* [Ethnic Craniology. Racial Variability of the Sutures of the Skull of a Modern Person]. Leningrad, Nauka Publ. 167 p.
- Makovskiy M.M., 1996. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropskikh yazykah: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, Gumanitarnyy izdatel'skiy Tsentr VLADOS Publ. 415 p.
- Maksimenko V.E., 1998. Sarmaty na Donu [Sarmatians on the Don]. *Donskie drevnosti*, iss. 6. Azov, Azov Museum of Local Lore. 304 p.
- Maslennikov A.A., 1985. Nekropoli gorodov Aziatskogo Bospora v pervye v. n.e. [Necropolises of the Asiatic Bosporus in the First Centuries A.D.]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 61-74.
- Movsesyan A.A., 2005. *Feneticheskiy analiz v paleoantropologii* [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ. 272 p.
- Moshkova M.G., Zhelezchikov B.F., Kriger V.A., 1980. Otchet ob arheologicheskikh rabotah na territorii Ural'skoy oblasti v 1980 g. [Report on Archaeological Works on the Territory of the Ural Region in 1980]. *Arhiv IA im. A. Margulana NAN RK*, op. 2, d. 1838.
- Narty, 1989. *Osetinskiy geroicheskiy epos. V 3 kn. Kn. 2* [Narty. The Ossetian Heroic Epic in Three Books. Book 2]. Moscow, Nauka Publ. 492 p.
- Ol'hovskiy V.S., 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya Stepnoy Skifi (VII–III vv. do n.e.)* [Funeral and Memorial Rites of the Population of Steppe Scythia (VII–III centuries BC)]. Moscow, Nauka Publ. 253 p.

- Ochir-Goryaeva M.A., 1987. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya VI–IV vv. do n.e. [Burial Rite of the People of the Lower Volga River and the Southern cis-Urals in the VI–IV Centuries BC]. *Arkheologicheskie issledovaniya Kalmykii* [Archaeological Researches in Kalmykia]. Elista, KRI HPhE, pp. 35-53.
- Ochir-Goryaeva M.A., 1996. Nakonechniki strel kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya [Arrow-Heads by Nomads of the Lower Volga River Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 41-54.
- Pererva E.V., 2020. Paleopatologicheskie osobennosti kochevnikov savromatskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzhia [Paleopathological Features of the Nomads of the Sauromatian Time from the Territory of the Lower Volga Region]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: Historical Research], no. 12, pp. 171-183. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.12.34412>.
- Pikalov D.V., 2014. Bliznechnyy kul't i obychay otrubaniya ruki u sarmat [The Twin Cult and the Custom of Cutting off Hands and Sarmatians]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. II. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 150-153.
- Propp V.Ya., 1986. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad, LSU. 364 p.
- Prohorova T.A., Guguev V.K., 1992. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kobayakovskogo mogil'nika [A Rich Sarmatian Burial in Kurgan 10 of the Kobayakovo Cemetery]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 142-161.
- Roginskiy Ya.Ya., Levin M.G., 1978. *Antropologiya: uchebnyy dlya studentov un-tov* [Anthropology: A Textbook for Students]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 528 p.
- Simonenko A. V., 1993. *Sarmaty Tavrii* [The Sarmatians of Tauria]. Kiev, Naukova dumka Publ. 144 p.
- Skripkin A.S., 2007. Klinkovoe oruzhie rannih kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya VII–IV vv. do n. e. (problemy hronologii) [Bladed Weapons of the Early Nomads of the Lower Volga Region of the VII–IV Centuries BC (Problems of Chronology)]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i hronologiya: dokl. k VI Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology. Reports for the VI International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 38-50.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [The Armament of the Sauromats]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, no. 104. Moscow, AS USSR. 101 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov* [The Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, AS USSR. 377 p.
- Takazov F.M., 2015. Obychay otrubaniya ruki: skifo-nartovskie paralleli [The Custom of Cutting Off the Hand: Scythian-Nart Parallels]. *Nartovedenie v XXI veke: Sovremennyye paradigmy interpretatsii* [Nart Studies in the XXI Century: Modern Paradigms of Interpretation], no. 3, pp. 142-151.
- Tolstoy N.I., Tolstaya S.M., 1974. K semantike pravoy i levoy storony v svyazi s drugimi simvolicheskimi elementami [On the Semantics of the Right and Left Sides in Connection with Other Symbolic Elements]. *Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Materials of the All-Union Symposium on Secondary Modeling Systems], no. 1 (5). Tartu, TSU, pp. 42-45.
- Tsagaraev V.A., 2000. *Zolotaya yablonya nartov: istoriya, mifologiya, iskusstvo, semantika* [The Golden Apple Tree of Narts: History, Mythology, Art, Semantics]. Vladikavkaz, Respublikanskoe izdatel'sko-knizhnoe predpriyatie im. V.A. Gassieva Publ. 299 p.
- Chibirov L.A., 2017. Pravaya ruka – desnitza: skifo-osetinskie paralleli [The Right Arm – the Sword Arm: Scythian-Ossetian Parallels]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre], vol. 17, no. 2, pp. 24-27.
- Chibirov L.A., Vol'naya (Kertseva) G.N., 2020. Voinskie obychai i obryady v osetinskom nartovskom epose: istoki i paralleli [Military Customs and Rituals in the Ossetian Nart Epic: Origins and Parallels]. *Izvestiya SOIGSI* [Izvestiya North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research], iss. 37 (76), pp. 5-16.

Information About the Authors

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Valeriy M. Klepikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, valery.klepikov@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторах

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Валерий Михайлович Клепиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, valery.klepikov@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>UDC 903'«04/14»:666.3
LBC 63.442.6(2)-415Submitted: 09.08.2021
Accepted: 30.10.2021

TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF AKANTHIAN AMPHORAE¹

Sergey Yu. Monakhov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The amphora stamps of the Chalcidian city-state Akanthos were localized a little over 30 years ago due to discovering of ceramic workshops remains, where defective stamped fragments were found. The complete amphorae forms have come to be known quite recently, with a significant part of the findings being attributed to the Black Sea region. Taking into account materials from the Akanthos amphora workshops and numerous findings of vessels in the Akanthian necropolis, it became possible to develop a container typology used in this center and provide a detailed chronology of ceramic containers of this city-state. However, the findings from the Northern Black Sea region are of special significance. They were recovered in well-dated burial and settlement complexes: the Prikubanskiy necropolis, in Olbia, Phanagoria, Gorgippia, Chersonesos, Luzanovka, a kurgan cemetery near the village settlement Bogachevka, etc. While we only know one Akanthian amphora belonging to the 5th century BC, then, for the following 4th century BC within the first – third quarters, at least 4 types of containers are identified within several variants: I-A, I-B, II, III-A, III-B, IV. There are reasons for considering that some samples of amphorae on a “shot glass-shaped” toe (“Mendeian”) dating back to the 5th and 4th centuries BC are qualified as Akanthian products. They were manufactured outside of Mende in a number of other centers of Chalkidiki: Scione, Aphytis and Thoron.

Key words: Akanthos, Northern Black Sea region, amphorae, ceramic stamps, ceramic complexes.

Citation. Monakhov S.Yu., 2021. Tipologiya i hronologiya akanfskih amfor [Typology and Chronology of Akanthian Amphorae]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 43-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>

УДК 903'«04/14»:666.3
ББК 63.442.6(2)-415Дата поступления статьи: 09.08.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ АКАНФСКИХ АМФОР¹

Сергей Юрьевич Монахов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Амфорные клейма халкидского полиса Аканфа были локализованы чуть более 30 лет назад благодаря тому, что были открыты остатки керамических мастерских, где найдены бракованные клейменные фрагменты. Целые формы амфор стали известны совсем недавно, причем значительная часть находок приходится на Причерноморье. С учетом материалов из амфорных мастерских Аканфа и многочисленных находок сосудов в аканфском некрополе появилась возможность разработать примерную типологию тары этого центра и обосновать детальную хронологию керамической тары этого полиса. Особую значимость имеют находки из Северного Причерноморья, которые обнаружены в хорошо датированных погребальных и поселенческих комплексах Прикубанского некрополя, в Ольвии, Фанагории, Горгиппии, Херсонесе, Лузановке, кургана у с. Богачевка и др. Если для V в. до н.э. пока известна единственная аканфская амфора, то для следующего столетия в пределах первой – третьей четвертей IV в. до н.э. выделяется по меньшей мере 4 типа тары в рамках нескольких вариантов: I-A, I-B, II, III-A, III-B, IV. Имеются основания предполагать, что к аканфской продукции относятся и некоторые образцы амфор на «рюмкообразной» ножке («мендейские») V и IV вв. до н.э., которые производились, помимо самой Менды, в ряде других центров Халкидики: Скионе, Афитисе, Тороне.

Ключевые слова: Аканф, Причерноморье, амфоры, керамические клейма, керамические комплексы.

Цитирование. Монахов С. Ю., 2021. Типология и хронология аканфских амфор // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 43–65. (На англ. яз.). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>

Specific “wheel-shaped” stamps in the form of a circle, divided into several sectors, where separate letters are inscribed in each sector, were identified as early as at the beginning of the 20th century [Pridik, 1917, p. 107–108, pl. XVI; IOSPE III, p. 156–189, Nos. 3259–3700], and then many researchers [Bon A.-M., Bon A., 1957, p. 493 ff.; Brashinskiy, 1980, p. 155] repeatedly referred to their analysis. Such stamps were considered to be Thasian [Bon A.-M., Bon A., 1957, p. 28, 35; Brashinskiy, 1961, p. 294 ff.; Balkanska, 1963, p. 35 ff.; Vinogradov, 1972, p. 41] for some time, although even 70 years ago E.M. Shtaerman supposed that Akanthos, Mesembria or Mende [Shtaerman, 1951, p. 46 ff.] could be the most probable centers. Later, in 1979, V.I. Kats, according to the results of a sampling comparative analysis of Thasian and the “wheel-shaped” stamps from the monuments of the Northern Black Sea region, made it clear that the specific weight of both of them for the largest monuments is radically different. In his opinion, this indicates that the “wheel-shaped” stamps have nothing to do with Thasos [Kats, 1979, p. 180 ff.].

The final linking (localization) of “wheel-shaped” prints series to the Chalkidian polis of Akanthos took place several years later. The reason for this was the discovery in the neighborhood of Akanthos of several amphora workshops producing containers with such stamps and, as it later turned out, not only the “wheel-shaped” ones [Rhomipoulou, 1986, p. 479 ff.; Trakosopoulou-Salakidou, 2004, p. 167 ff.]. It is also significant that a large number of amphorae with “wheel-shaped” and other Akanthian stamps were found in the necropolis of Akanthos, where they were used as ossuaries. However, most of the issues relevant to amphorae production in this center still remain unresolved. First of all, this concerns the amphorae morphology, the type of the stamping and its chronology.

Nevertheless, these discoveries contributed to the introduction of papers series, where the analysis of ceramic epigraphy materials (“wheel-shaped” stamps, as well as prints with names and particular alphabetic characters) was carried out, which since then have been confidently identified

with Akanthos [Empereur, Garlan, 1992a, p. 19; 1992b, p. 178; Garlan, 2000, p. 47, 48, 170, fig. 23; 2004, p. 181 ff.; 2006, p. 263–291; 2014, p. 185 ff.; Filis, 2012a; 2012b; 2013; 2020] products. Y. Garlan managed to do more than anyone else in this area, and suggested his interpretation of the “wheel-shaped” stamps. He assumes that the two abbreviated letters (for example, PO(--)) in the upper sectors are the name as a fabricant, and the sign in the lower sectors (for example, τρ(ίχου) = 3 hoy, etc.) is an indication of the vessel capacity. And although not all known variants of stamps can be deciphered in a convincing way within the context of this hypothesis, it looks quite acceptable today. At least, the now-known few complete amphorae with “wheel-shaped” stamps seem to be interpreted satisfactorily from their standard point.

The history of the discovery of complete amphorae of this center is as follows. Shortly afterwards the first publication in 1986 of K. Romipoulou about the excavation of the amphora workshops of Akanthos, in 1988 I discovered the first practically complete amphora at that time with a wheel-shaped stamp in the collection of the *Yalta Museum*. The reason for this was B.N. Grakov’s mentioning in the manuscript of an unpublished corpus of IOSPE III stamps that he had seen a biconical amphora with a wheel-shaped stamp on the handle [IOSPE III, p. 158, 159]² in the Yalta collection. Later I published it in one of the papers (fig. 7, 14) [Monakhov, 1999b, p. 137–138, fig. 8, 2]. A little later, another Akanthian amphora of a different type with wheel-shaped stamps on both handles was identified in the burial No. 412 of the Prikubanskiy kurgan cemetery (fig. 5). Both of these amphorae were published in a book of 2003 devoted to the general typology of ceramic containers from different centers [Monakhov, 2003, p. 85, pl. 58], and then in the articles by Y. Garlan [Garlan, 2004, p. 181 ff.; 2006, p. 278, fig. 8; 2014, p. 200, fig. 7].

Taking into account that new findings of Akanthian amphorae appeared over some period of time, I had the opportunity to refer to this theme three more times. Thus, it was S.G. Koltukhov who transpired about the finding of an Akanthian

amphora with a “wheel-shaped” stamp from mound No. 4 (1968) near the village settlement Bogachevka in the Krasnoperekopsky region of the Crimea (fig. 6)³. During the preparation of his collection of Scythian monuments in the Crimean Prisivashya region, he asked me for this finding attribution. The ceramic complex from this burial included, in addition to the Akanthian, Sinopean, Peparethian, and Heraklean amphorae, as well as a black-glazed cup-kantharos, which made it possible to date this finding to the second – third quarters of the 4th century BC [Koltukhov, 2012, p. 43, 44, fig. 15; Monakhov, 2013b; 2013c; 2015, p. 111, fig. 2,10].

Later, new complete Akanthian vessels were identified. In particular, an Akanthian amphora with a retrograde stamp “ME” in a rectangular frame (fig. 3,7) was found in the *Luzanovskaya dug-out in 1972*, where an unstamped Heraklean amphora, two Heraklean englyphic fragmented stamps and a Knidos stamp with the name of the magistrate Pasikrates and the emblem “prora” [Diamant, 1984a, p. 83 ff.; 1984b; Monakhov, 1999a, p. 398, 399; 2015, p. 107, fig. 1,4] were discovered as well.

Another Akanthian amphora of exactly the same morphology as in the Luzanovskaya dug-out, but not stamped, was found in the *placement No. 12 of the Olbian suburb behind the Zajachya Balka in 2008* (fig. 3,8). This amphora has got a good chronological context, in particular, the broken Mendeian amphora, two fragmented amphorae of Ikos, the lower parts of the Chian amphorae “with cap toe”, the Sinope amphora, the upper part of the Heraklean amphora were found with it. All findings date back from the middle – third quarter of the 4th century BC. The Heraklean stamps of the magistrates Lykon and Spintaros (no later than the 340s BC) [Monakhov, 1999a, p. 635; Kats, 2007, p. 430], as well as stamps, one of which with the retrograde legend ΚΛΕΟ(-) (stamps analogies: [Badoud, 2013, p. 94, fig. 16; Kats, 2015, p. 28, No. 379–380]), another in the form of the letter “Φ” [Monakhov, 2015, p. 107, fig. 1,5] originate from the same place.

Recently, another couple of fragmented amphorae with “wheel-shaped” stamps have been found. The upper part of one vessel and a fragment of the neck with a handle from another originate from the *underwater excavation in*

2004 in the coastal part of Phanagoria (fig. 7,16,17) [Monakhov, 2015, p. 114, fig. 2,13,14]. It is obvious that despite the fragmentation, they are samples of biconical Akanthian amphorae, similar to the vessel from the Yalta Museum. In both cases, there are “wheel-shaped” stamps from one print on the handles, where the stamp field is divided into three sectors, the name of the fabricant ME(-) is retrogradely marked in two sectors, and the monogram ΠΧ in the third sector, that according to Y. Garlan, is the indication for capacity: π(έντε) χ(όες), that is five hoes. Analogies to this stamp have been fixed previously [IOSPE III, No. 3411; Bon A.-M., Bon A., 1957, No. 2149; Garlan, 2014, p. 194, fig. 5b – from Amphipolis].

Finally, the last findings of Akanthian amphorae known to me originate from burials No. 142, 147 and 171 of the Prikubanskiy necropolis (fig. 3,9, 4,10,11). On the first of them there is a round anepigraphic stamp depicting a cup on the handle. Amphorae from burials No. 142 and 147 were published in one of the articles as products of an unidentified center of production [Monakhov et al., 2018, p. 164, fig. 1,5,6]. All these vessels are defined by a certain common feature set. Firstly, they have red-brick or red-orange clay, with rare brown inclusions, a small amount of shells and plenty of mica, looking much like the clay of the known stamped Akanthian amphorae. Secondly, these vessels have morphology typical for the containers of this center – a turned outwards trapezium-shaped rim with horizontal, sloping outward profile at the top and a shallow undercutting underneath. The neck is tall, slightly swollen in the upper part, smoothly flaring downward. The body is pithoid, nearly conical; the toe is tall, sharply-ridged with a shallow hollow below. In fact, they are similar to the stamped Akanthian amphora from the Luzanovskaya dugout and the Olbian placement No. 12/2008 in their morphology. It should be noted that the morphology of the amphora from burial No. 171 is, nevertheless, different – its shoulders are more caved in (fig. 4,11).

It was K. Filis who made a quite significant contribution to the study of the Akanthian amphora production during the last decade. Finally, he began to publish a collection of amphorae from various centers, including those of local production, from the excavations of the Akanthian necropolis. He

also published fragmented vessels from the previously discovered pottery workshops of Akanthos. After all, he also outlined an approximate typological scheme of the Akanthian amphora [Filis, 2012a; 2012b; 2013; 2020]. For my part, I tried to summarize the amphora material known by that time in my article in 2015, and put forward an approximate typology and chronology of the containers of that center [Monakhov, 2015]. Since new findings have appeared, it is time to re-summarize all the accumulated material, that is set forward in this article.

So, the entire sample collection of currently known Akanthos amphorae can be divided into four types.

“Early” type⁴ (fig. 1).

A big amphora with a round stamp in the form of a large letter “A” on the handle can be attributed to the “Early” type. It was first published by K. Rhomiopoulou [Rhomiopoulou, 1986, p. 479 ff., fig. 1], and later by K. Filis. Unfortunately, only a photograph of the vessel is published (fig. 1), the profiling of the rim and toe is unclear. The amphora has got a pithoid body, a short neck, and short handles set at an angle to the rim. Neither parameters of this amphora nor its actual volume are known, but there is no doubt that this is a very large-sized standard. According to K. Filis, many other fragmented amphorae of this morphology having strong manufacturing defects obtained during the drying-firing process indicate that these are containers of local Akanthian production. There are no direct grounds for dating this vessel, since it was used as an ossuary for a children’s burial, where there was no any other inventory. Nevertheless, K. Filis rightly believes that the amphora is most likely to be dated back to the second quarter of the 5th century BC [Filis, 2013, p. 71, fig. 15a]. The morphology really seems to indicate that time, when the containers of such large centers of the time as Thasos and Mende were characterized with the pithoid, almost ovoid shape of the body [Monakhov, 2003, p. 62 ff., 90 ff., pl. 36, 37, 61]. Actually, it was during that short time that the practice of unepigraphic stamping appeared in Thasos [Garlan, 1999, p. 54], and evidently, was duplicated in Akanthos in its own way.

As noted by K. Filis, such pithoid amphorae can definitely be classified as local Akanthian production, since they were found not only in the

necropolis, but also in the area of ceramic stoves. This suggests that the local amphorae production already existed in the late 6th or the early 5th centuries. There are also amphorae in the Akanthian necropolis: all of them are made of reddish clay with a gray core and noticeable amounts of limestone and mica inclusions, like the later amphorae of the 4th century with “wheel-shaped” stamps. He writes that the preliminary results of the clay chemical analysis confirm the similarity between this group of pithoid amphorae of the 5th century with the vessels of the 4th century.

In the material from the Northern Black Sea region, amphorae of the “early” type are still unknown. And unfortunately, for the present we also do not have materials for the selection of the following series of the Akanthian container of the mid – to-late 5th century BC.

Type I of Akanthian amphorae, within which at least 2 variants can be singled out: **I-A** and **I-B**: all of them date back to the 4th century (fig. 2–4).

The unstamped amphora *from the Akanthian necropolis* published by K. Filis can apparently be classified as **variant I-A** (fig. 2,2) [Filis, 2012a, p. 71 ff., fig. 6 – amphora, fig. 2,9–11 – stamps); 2013, p. 72 ff., fig. 15c]. According to him, this type of container was the most popular. Amphorae usually have “wheel-shaped” stamps on the handle divided into 3 or 4 sectors, that he illustrates with a photograph of the upper part of the identical amphora with a “wheel-shaped” stamp, where there are the following letters A | K | A | N in four sectors (fig. 2,3). He dates both findings to the first half of the 4th century BC [Filis, 2013, p. 72 ff., fig. 15b]. Finally, it seems to me that 3 necks of similar amphorae from the excavations of Amphipolis, which have the same morphological features, can be classified as the same variant I-A of the Akanthian containers (fig. 2,4–6) [Filis 2013, p. 72 ff., fig. 15b].

Variant I-B already includes rather more known vessels. To start with, this is *an amphora from the floor of a dugout of 1972 at the Luzanovskoye settlement* with a retrograde stamp “ME” in a rectangular frame [Diamant, 1984a, p. 83 ff.; 1984b; Monakhov, 1999a, p. 398, 399; 2015, p. 107, fig. 1,4]. The amphora has got blended body, which is close to biconical shape, a conical neck with a massive trapezium-shaped

rim of the “Thasian” type; the lower part of the toe is chipped off (fig. 3,7). Basically, it is the most similar to the Thasian “protobiconical” amphorae of the late 5th – very early 4th centuries BC (see, for example: [Monakhov, 2003, pl. 40–41]) in terms of its profiling. The clay is dark brown, rather coarse, with sand and mica inclusions. In the first publication, I emphasized that there are no analogies [Monakhov, 1999a, p. 398–399]⁵ of this vessel, and concerning the stamp, I cited findings of similar prints in the Northern [Vasilenko, 1972, p. 92]⁶ and Western Black Sea [Canarache, 1957, p. 308, No. 812] regions. Currently, we can state with certainty that this stamp is definitely Akanthian, since several copies of such prints were found in a ceramic workshop (inv. No. 205/206 and 218)⁷ near the Akanthos settlement. It is possible to expand the analogies of the stamp, the print of such a stamp was found in Gorgippia [Garlan, 2012–2013, p. 334, fig. 17c; Kats, 2015, No. 1546], and the stamps with the direct spelling “ME” from another stamp originate from Amphipolis and Phanagoria [Garlan, 2012–2013, p. 334, fig. 17a,b].

Unfortunately, I failed to find Heraklean amphorae and stamps from the Luzanovskaya dug-out complex in the Odessa Museum collection. It is difficult to say anything definite about the legends of the latter, except that they were two-lined. Judging from the drawing in the manuscript of E.I. Diamant, the Knidos stamp with a “prora” contained the name of the Knidian magistrate Pasicrates [Diamant, 1984b]⁸. These stamps affiliation with the products of Knidos was reliably determined as a result of research by K. Börker and J.-Y. Empereur [Börker, 1986, p. 473 ff.; Empereur, Garlan, 1992a, p. 17, fig. 9]⁹. Starting from the general historical context and striving to logically link this stage of stamping with the followed ones, N.V. Jefremov expected at first that the first period of Knidian stamping with the city emblem “prora” dates from about the 305–280s BC [Jefremov, 1992, p. 258; 1995, p. 61–62], and later referred such stamps to the last three decades of the 4th century [Jefremov, 2013, p. 423]. I realize that this is a greatly artifactually high chronology, what V.I. Kats [Monakhov, 2003, p. 105; Kats, 2007, p. 221–222] agrees with. The two of us have repeatedly written that there are several complexes that are in contrast with this scheme. First of all, this refers to the garbage filling of the beam, on top of which the

Chersonesos theater was built. A huge number of stamps of different centers and, first of all, Thasos, Sinope and Heraklea, with the total absence of the Chersonesos stamps proper, makes it possible to reliably determine the time of filling no later than the third quarter of the 4th century. Among other things, it contains several Knidian stamps with “the bow of the ship”¹⁰. The Luzanovskiy complex does not contradict this chronology to any extent, since there is an Akanthian amphora with a massive trapezium-shaped rim (a pattern that is not characteristic of the last quarter of the 4th century), as well as Heraklean stamps of not the latest series. All this makes it possible to consider the most probable date of the complex of the Luzanovskaya dug-out with the Akanthian amphora to be the 330s BC.

Another unstamped Akanthian amphora of exactly the same morphology as in the Luzanovskaya dug-out was found *in the placement No. 12 in the suburb of Olbia behind Zayachaya Balka in 2008* (fig. 3,8). The clay of the vessel is red-brown, with plenty of mica and limestone. Its affiliation with the Akanthian containers is also practically assured. This amphora has a good chronological context, as described above, which makes it possible to date the complex back within the middle – third quarter of the 4th century¹¹ by the latest findings. It will be remembered that there was also found a stamp with a retrograde legend ΚΑΕΟ(-) in the dugout, which is classified as Akanthian (fig. 8,21) [Rhomiopoulou, 1986, p. 481, fig. 6,11; Panágu, 2010, Ак. εκ. 20]. Exactly the same stamp of the same print is on the handle of a fragmented amphora from Gorgippia (fig. 8,22) [Kuznetsova, 2015, fig. П3,1]¹², which is morphologically identical to the container vessels of the “Mendeian” production of the so-called “portichello” variant of the first third of the 4th century.

As far as I consider, three new *amphorae from burials No. 142, 147 and 171 of the Prikubanskiy necropolis* (fig. 3,9, 4) can also be classified as the same variant I-B. Two of them have been recently published as amphorae of unidentified centers of production [Monakhov et al., 2018, p. 164, fig. 1,5,6] though, but now there is no doubt about their Akanthian origin. In terms of their metric parameters, these vessels are practically identical to amphorae from the

Luzanovskaya dug-out and the Olbian placement No. 12/2008. They have only slightly caved in shoulders, turned outwards trapezium-shaped rims with horizontal, sloping outwards profile and a swallow undercutting underneath.

The stamp is only on one amphora from burial No. 142 (fig. 3,9); it is round, anepigraphic, with 8 mm in diameter and, seems to have a relief image of a cup framed with pearls. There are analogies, but they are not very informative and cannot even clarify the chronology. As a rule, such stamps have been considered to be Mendeian in recent decades [Pridik, 1917, pl. XV,5; Canarache, 1957, p. 306, no. 797; Monakhov, 2003, p. 293, pl. 63,8; Mateevich, 2012, p. 249, pl. 64,7; Mateevici, Samoilova, 2015, p. 86; Kats, 2015, No. 384].

From among the three amphorae of the Prikubanskiy necropolis (from burials No. 142, 147, 171), there is more or less expressive context only for the latter burial (No. 171). Meotian moulded and gray-clay ceramics, armament supplies (spears, sword, knife), a cannon, a bronze cheek-piece, as well as *a tray of black-glazed Attic kantharos* with turned chipping, which was used as a saltcellar were found there in addition to the amphora. The glaze is reddish brown, the clay is orange, with the finest golden sparkles. The tray is classified as the classical kantharos on a cast toe of the second – third quarter of 4th century; such vessels are known from the materials of the Athenian Agora [Sparkes, Talkott, 1970, p. 286, fig. 7,708], they were also found in burial No. 6453 of Starokorsunskiy settlement No. 2 and in burial No. 91 of the Prikubanskiy kurgan cemetery, where amphorae of Ikos of the specified time were found together with them [Limberis, Marchenko, 2017, p. 183–184, 190–191, fig. 1, 2, 3, 8,31]. All this makes it possible to determine the chronology of the complex within the broad framework of the second-third quarters of the 4th century BC, which, apparently, should be considered the time of the I-B variant existence.

Type II of Akanthian amphorae (fig. 5).

This type can be illustrated by the only finding from *burial No. 412 of the Prikubanskiy Meotian kurgan cemetery* in Kuban. This is a large amphora of a completely different shape – with a wide conical body, a roller-shaped rim flattened on the top and relatively small toe with

an expanded base (fig. 5). These morphological characteristics are very much like the Thasian amphorae of the “topraisara” series of the early to mid of 4th century BC [Monakhov, 2003, pl. 48], as well as the Sinope type I amphorae of the same time¹³ [Monakhov, 2003, pl. 100, 101], which are made in imitation of the Thasian ones. There are round stamps of one print, divided into 4 sectors on both handles of this amphora. In the upper two sectors, the name of the magistrate is abbreviated as two letters PO(--), and in the lower two there is an indication of the vessel capacity ME(--), which is interpreted by Y. Garlan as Με(τρητής) [2004, p. 185; Badoud et al., 2007, p. 175 ff., no. 69]¹⁴.

The total capacity of amphora from burial No. 412, calculated from the measurement drawing, is close to 35 liters. The capacity of the attic metretes is little more than 39 liters, which greatly exceeds the actual volume of the vessel. If the standard of this amphora is assumed in a local measure, then the Thasian metretes (or 12 Thasian hous) of 34.8 liters [Monakhov, 2003, p. 76] fits here as well as possible. As for the chronology of this finding, for lack of chronological indicators in burial No. 412, one has to start out from analogies to such forms in the amphorae production of Thasos and Sinope. They make it possible to confidently determine the time of release of such containers within the first half – no later than the middle of the 4th century.

Type III of Akanthian amphorae. It copies the Thasian biconical amphorae of the first three quarters of the 4th century in the obvious way. At least three variants can be singled out within its frame.

The first of them (**variant III-A**) is represented with *an amphora from the kurgan cemetery No. 4 near the village settlement Bogachevka of Krasnoperekopsky district of Crimea* (fig. 6). Currently it is stored in the Central Museum of Taurida. This is a biconical vessel copying the Thasian container of the “early biconical” series, and based upon rather squat proportions, these are the earliest sample copies stamped by Thasian magistrates of the earliest two groups (i.e., within the 390s–380s) [Monakhov, 2003, pl. 42]. However, the Akanthian amphora is larger than these Thasian prototypes in actual parameters, and its capacity is greater. In the middle part of the neck of the amphora

there is a shallow groove, and a strip of red paint below the rim. The rim is similar to the Thasian one, but is not trapezium-shaped that is typical of the latter. The toe, on the other hand, is no different of the Thasian ones in its profiling. The history overview of the complex with this amphora is described in detail in the book by S.G. Koltukhov [Koltukhov, 2012, p. 43, 44, fig. 15]¹⁵; it was also introduced into scientific use in two of my articles [Monakhov, 2013b, p. 296, fig. 1,6; 2013c, p. 263 ff., fig. 2,2].

On one of the vessel handles there is a fuzzy “wheel-shaped” stamp, divided into 4 sectors. In the two upper sectors, two letters “Λ” and “Α” are clearly read, i.e. abbreviated as two letters the beginning of a magistrate’s (or a fabricant’s) name ΛΑ(-), and there is the numerical designation of the standard fraction in the form of two letters XII (or ΠX) below.

It was impossible¹⁶ to find a direct analogy to this stamp. However, the magistrate (or fabricant ?) name ΛΑ(-) is found in a number (of prints) of wheel-shaped stamps. First of all, the impressions of two stamps are known, where the field of the stamp is also divided into 4 sectors and the same designations appear Λ | Α | X | Π [IOSPE III, No. 3401]¹⁷. The same name appears in series of stamps without dividing “spokes”, discovered in Nikoniya, Panticapaeum, as well as stored in the museums of Amphipolis and Odessa¹⁸. It is reasonable that there are infinitely many options for reconstructing the name ΛΑ(-).

As for the combination of letters XII (or ΠX), following the hypothesis of Y. Garlan, we should see the most probable reading as π(εντέ) χ(ουες), i.e. 5 hoes here [IOSPE III, No. 3401]¹⁹. If a standard is assumed to be 5 hypothetical Thasian hoes (2.94 liters each), then we obtain an unsatisfactory result of 14.7 liters (with a real full amphora capacity of 21.0-21.7 liters). But, 5 Attic hoes (3.28 liters each) also give inappropriate result of 16.4 liters. However, recently Y. Garlan has proposed a new explanation. And what about reading χ(ούες) π(έντε) i.e. 1 hous + 5 hoes! Accordingly, it will make 6 hoes, which in Thasian measuring (2.94 l × 6) is equal to 17.64 liters, and in Attic measuring (3.28 l × 6) = 19.68 liters, which is preferred for a full-capacity amphora of 21.0-21.7 liters. During the time of this magistrate (or fabricant) ΛΑ(-), according to the designations in

the lower sectors of his other stamps, amphorae of other standards were produced: TP (3 hoes), ME (metretes) and others, judging by the findings in Amphipolis and Abdera [Garlan, 2004, p. 184]. However, it is a point of much controversy.

In this burial near the village settlement Bogachevka 3 more container amphorae were found together with the Akanthian one: Sinopean, Peparethian, and Heraklean, as well as Attic black-glazed cup-kantharos and red clay lekythos. By the analogy with the Athenian Agora, the cup dates back from the middle – third quarter of the 4th century BC, the lekythos gets analogies in the Gaimanova Mogila, which complex dates back to the 365–350s BC [Bidzilya, Polin, 2012, p. 510]. In general, the burial and, accordingly, the Akanthian amphora from the mound near the village settlement Bogachevka, should be dated no later than the end of the second – beginning of the third quarter of the 4th century BC [Koltukhov, 2012, p. 43, 44, fig. 15; Monakhov, 2015, p. 112].

Variant III-B (fig. 7)

Amphorae of *variant III-B* are already known in several copies. As mentioned previously, the first finding was made in the Yalta Museum collection (fig. 7, 14). With reference to the previous variant III-A, it is an obvious fraction, and a little later one, since it clearly copies the Thasian not “early biconical”, but “late biconical” variant of the container [Monakhov, 2003, pl. 46], and fully meets the standard (the full capacity of the vessel is approximately 8 liters). On the handle of the amphora there is a “wheel-shaped” stamp, divided into four sectors, in each of which one letter is inscribed: “P”, “O” in the upper sectors, “T” and “P” in the lower sectors (fig. 7, 14)²⁰.

Y. Garlan interprets this stamp as follows. He sees the name of the fabricant PO(--) abbreviated as two letters in the two upper sectors, and an indication of the capacity of the vessel τ(ρι χους) (3 hous) in the two lower ones. If it is expected that the Attic hous (3.28 liters) was in use at Thasos at that time, the resulting standard of 9.84 liters for an 8-liter amphora would be unacceptable. However, if we take the point that the local Thasian hous of 2.94 liters [Brashinskiy, 1984, p. 111; Garlan, 2006, p. 273 ff.; 2014, p. 200 ff.] was used in the 4th century, then the theoretical standard of 8.8 liters for this amphora seems more attractive. Thus, it can be stated that amphorae of different types and of different

measuring standard were made in Akanthos in one year (during the time of the fabricant or magistrate PO(--)), and what is more, all of them were crafted by the Thasian prototypes. The amphora is without passport, and therefore its chronology can be specified only approximately (based on the similarity of morphology with the “late biconical” Thasian amphorae), within the middle – third quarter of the 4th century BC at the latest. However, it should be noticed that the postulated standard is highly hypothetical.

Quite the same amphorae as the Yalta ones have been recently introduced into use by K. Filis [Filis, 2012a, p. 73, fig. 6]. A large sample collection of them originates from the Akanthos necropolis. He also selects them into the III biconical type of his classification, assuming that they copy the Thasian biconical amphorae²¹. Many of such amphorae have wheel-shaped stamps (fig. 7). At the same time, he claims that there are also other stamps – rectangular impressions with the image of a dolphin and two letters (abbreviated names) – K-A or Φ-I (fig. 8,23) [Filis, 2012a, p. 73, fig. 2,12] on some amphorae of this type.

Recently I have managed to find a couple more fragmented amphorae of this *variant III-B*. The upper part of such vessel and a fragment of the neck with a handle originate from an underwater excavation in the coastal part of Phanagoria in 2004 (fig. 7,16,17)²². It is obvious that, despite the fragmentation, they are the same samples of biconical Akanthian amphorae. In both cases, there are “wheel-shaped” stamps of one print on the handles, where the stamp field is divided into three sectors. Analogies to this stamp are known [IOSPE III, No. 3411; Bon A.-M., Bon A., 1957, No. 2149; Garlan, 2014, p. 193, fig. 5b (from Amphipolis)]; Y. Garlan expects that in such case, the name of the fabricant ME(-) is retrogradely marked in two sectors, and the monogram ΠΧ in the third sector is the designation of capacity: π(έντε) χ(όες) i.e. five hoes. If it is expected by analogy that at that time the same local Thasian hoes of 2.94 liters was in use in Akanthos, then the theoretical standard of these amphorae of 14.7 liters is quite possible. Unfortunately, we cannot check this computation, since there is also a lack of clarity regarding the fraction they related to. The chronology of these findings cannot be reliably established. 8 more

stamps of Thasos, Mende, Sinope, Heraklea and Knidos originate from this underwater excavation, which date back within the entire 4th century BC according to modern concepts. This is not surprising, since the cultural layers were strongly mixed as a result of coast abrasion in the flooded part of the Phanagoria ancient settlement.

The final item that requires special consideration is **the chronological framework of the Akanthian stamping**. Hereinabove, taking into account the characteristics of certain types and variants of Akanthian amphorae, I have given the chronological context of the findings, and also noted special morphological characteristics with reference, first of all, to the Thasian analogies of complete forms of containers. In general, it seems as if all Akanthian amphorae of types I, II and III were produced within the 370–330s BC.

The richest materials of the funerary complexes of the Akanthos necropolis have not yet been fully published, while it is possible to figure out that they can provide a reliable chronological support. But it is necessary to proceed from what is available.

Y. Garlan insists that the entire group of “wheel-shaped” stamps is dated within the last third of the 4th century BC [Garlan, 2004; 2006; 2010, p. 382]. Ch. Tzochev and A. Balkanska date these stamps in approximately the same way after revising the stamps collection from the excavations in Sevtopol, where, as it is known, there are 4 “wheel-shaped” impressions [Balkanska, Tzochev, 2008, p. 190, 199, 200]. An analysis of the stamps of Thasos, Sinope, Knidos, Rhodos and Chersonesos found in the same place leads to the conclusion that the sample collection does not provide materials earlier than 315, when, in fact, Sev III began the construction of his new capital. But the construction of Sevtopol does not exclude the possibility that some earlier settlement could have existed at this place, as A. Balkanska [Balkanska, 1984, p. 125] had assumed earlier, although it is obvious that this requires additional reasoning.

What other complexes with Akanthian stamps give us. As it has already been mentioned many times, the ceramic complex of the beam filling during the construction of the theater in Chersonesos is of serious interest, where, along with dozens of Thasian, Sinopean and Heraklean

stamps and with the complete lack of Chersonesos, several “wheel-shaped” ones are found. Taking into account the chronology of the mentioned groups, it may be assumed that the top bound of the filling under the theater does not go beyond the early – mid-320s [Monakhov, 2003, p. 86; Kats, 2007, p. 311–313]. Though, this does not exclude the possibility that the production of wheel-shaped stamps could have stopped well before.

No less interesting is the filling of the so-called “nymphaeum” (actually a tomb-chest) in the southeastern part of the Chersonesos settlement, which contained an impressive series of early Heraklean, Thasian, one “wheel-shaped”, Mendeian stamps and not a single Sinopean stamp. Initially, the complex was believed to have been closed no later than the mid-360s, when the Sinopean magistrate stamping began. E.Ya. Rogov, who analyzed the entire ceramic complex of this object [Rogov, 2001, p. 110, 117] in due time, felt that way as well. However, the latest inspection made it clear that other materials were also there and now the chronological boundaries of this complex are wider – from the late 5th century to the early 330s [Ivashchenko, 2014, p. 278].

As it has been already mentioned, the Luzanovskaya dug-out with an Akanthian amphora of type I cannot be dated later than the 330s, as well as the complex from the placement No. 12 in Olbia with a similar amphora. A vessel from a kurgan cemetery near the village settlement Bogachevka of Krasnoperekopsky district of Crimea was found in a good complex with a variety of antique ceramics and is quite reliably dated within the end of the second – beginning of the third quarter of the 4th century²³.

Finally, one more complex from Chersonesos, which A.V. Bujskikh drew my attention to – the third lower (above rocky) layer in 3rd Poperechnaya Street, which was excavated by M.I. Zolotarev in 1978. Among the various ceramic material from amphora stamps, only two “wheel-shaped” stamps were found in this layer, which is quite symptomatic. The author of the excavations writes in direct manner that “...all materials found in the third layer date back to the first half of the 4th century BC” [Zolotarev, 1978, p. 11, fig. 24].

Thus, it is obvious that Akanthian amphorae of different types, copying the Thasian container samples of the so-called “topraisara”, “early

biconical”, “developed biconical”, and “late biconical” series, were produced for a fairly long time from the first to the third quarter of the 4th century (the 380–330s) [Monakhov, 2003, p. 86, pl. 58]²⁴ and in different fractions of the standard²⁵.

There is one last thing I would like to specify. In the work of K. Filis “type II Akanthian amphorae” is also mentioned (fig. 8, 18–20). These are vessels that are very well known in the Black Sea (Pontic) complexes, where they got a symbolic notation as amphorae on “short glass-shaped” toes long ago, and for the last 40 years they have been confidently interpreted as containers of the “Melitopol” variant [Monakhov, 2003, p. 92 ff., pl. 63–65], which, by the way, K. Filis also writes about. The maximum height of these vessels is up to 75 cm, the diameter of the body is about 42 cm, the capacity is within 25 liters. The reason for identifying these amphorae as products of Akanthos for K. Filis was the following circumstance. He notes that although there are no standard “wheel-shaped” Akanthos stamps on these amphorae of his type II (from the necropolis of Akanthos), however, they usually have rectangular stamps with the emblem in the form of a “dolphin” and individual letters (fig. 8, 23). And as it was mentioned above, such stamps are also common for “biconical” Akanthian amphorae of type III, where they alternate with “wheel-shaped” impressions. Unfortunately, K. Filis shares this information in the most general terms, without documenting it with real artifacts (amphora-stamp). He completes the description of this type of container with the conclusion that it is might be a certain “regional” type of container, produced by different policies of the northern part of Aegean, among which there was Akanthos as well. Currently, there is almost no doubt that some “Mendeian” samples of amphorae of the 5th and 4th centuries BC were produced in addition to Mende itself in a number of other centers of Chalcidice (Scione, Aphytis, Torone?) [Filis, 2020, p. 184, fig. 18; Lawall, Tzochev, 2020, p. 123]. Note the fact that many years ago I wrote that the Mendeian amphorae of the “Melitopol” variant are surprisingly distinguished by the variety in the rims and toes [Monakhov, 2003, p. 93] profiling. It is likely that this is another argument for the K. Filis’s hypothesis.

Thus, judging by the materials of ceramic workshops and the frequency of such amphorae findings in the necropolis, Akanthos most likely produced amphorae of “Promendean” morphology as well; we indicate it in this classification as **type IV**. It bears reminding once again that according to the materials of the Black Sea complexes, such amphorae are reliably dated within the second – third quarters of the 4th century BC, no later.

However, there are two findings that create certain difficulties in determining the chronology of this type IV. This is the upper part of *an amphora from Gorgippia*, on the handle of which there is the already mentioned stamp ΚΛΕΟ(-) in an oval frame (fig. 8,22). Such stamps are also found in Akanthos and are considered to be Akanthian [Rhomipoulou, 1986, p. 481, fig. 6,11; Panáγou, 2010, εικ. 20]²⁶. Despite the fragmented nature of the Gorgippian finding, there is no doubt that it is also a typical example of the “Promendean” form in its morphology, and not the “Melitopol” variant, but an earlier variant of the “portichello” of the first third of the 4th century BC [Monakhov, 2003, tabl. 62; Kuznetsova, 2015, fig. Π3,1]. The clay of this amphora is yellow, saturated with sand and plenty of mica, like a standard “Mendean” container. The shape of the rim is also standardized “Mendean” – a turned outwards roller with gentle slope inside.

But, another finding – a fragment of *a rim with a part of a handle from Olbia* with an impression of *the same print* of ΚΛΕΟ(-) (fig. 8,21) has completely different profiling of the trapezium-shaped rim (imitating Thasos) and with a different characteristic of clay: red color with a plenty of mica, as with amphorae from burials No. 42, 147 and 171 of the Prikubanskiy necropolis. For the present it is difficult to draw any firm conclusion on this issue. As a matter of fact, the differences in rims profiling and the clay type of the amphorae with impressions of the same stamp are not surprising. But if the Akanthian origin of type IV amphorae is reliably confirmed in the future, then the chronology of this type of container should be limited to the first three quarters of the 4th century.

It seems that before the detailed publication of the mass material of the Akantho necropolis and the findings of ceramic waste from the surroundings of the Akantho workshops, it will be too early to draw final conclusions about the

general typology and chronology of the container of this center. However, the further study makes it possible to clarify a lot in this exceptionally interesting story about the regional types of amphorae of the Northern Aegean.

NOTES

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation grant resources (project No. 18-18-00096).

² In the IOSPE III manuscript, B.N. Grakov writes that the “wheel-shaped” stamps should be dated back from the first half of the 4th century BC. At the time of the Yalta amphora discovery in 1988, it was missing a toe and one of the handles. Later (in 2016), during work in the Yalta Museum, I discovered the second handle of this amphora with the same stamp divided into four sectors in a box with stamped handles and necks. Thus, the Yalta amphora is now archaeologically complete, it lacks only a toe (fig. 7,14).

³ The metric parameters of the vessels known to me are given in Table 1.

⁴ In K. Filis’s typology, this amphora is without numerical notation.

⁵ At that time I noted that this amphora clay “in texture is much like the clay of the South Pontic centers.” According to the re-inspection it was a mistake. Such a dark brown clay with limestone inclusions and rare mica is typical for one (of the three) production groups of Akanthian amphorae (as Kostas Filis kindly informed me in his letter).

⁶ Specified by B.A. Vasilenko Akanthian stamp also originates from the Luzanovskoye settlement.

⁷ Information from K. Filis in a letter to the author.

⁸ Since the Knidos stamp from the Luzanovskaya dug-out was not available to me, the illustration of the complex [Monakhov, 1999a, p. 398, pl. 177] shows a drawing of a similar stamp of the same print.

⁹ The only known complete amphora stamped with the “the bow of the ship”, published in due time by V. Grace as Samian [Grace, 1971, pl. 15,15], it was also published by I. Whitbread [Whitbread, 1995, p. 108, 109, pl. 4.25, 4.26].

¹⁰ Excavation of 1970. Collection of the Chersonesos Museum, inv. no. 116–118/36785. The complex is not fully published [Zedgenidze, 1976, p. 28 ff.], remains deposited in the Chersonesos preserve, however, the argumentation of its upper range not later than the third quarter of the 4th century is also practically assured (see: [Kats, 2007, p. 222]). Previously, V.I. Kats dated this group of stamps with “prora” back to approximately the middle of the 4th century without associating them with Knidos

[Kats, 1979, p. 181]. Only in one of these Knidos stamps, the name of the magistrate Δωριγένης is read in addition to the emblem, on the others only the emblem “prora” is visible. More information about the complex in the feeling under the theater (see: [Ivashchenko, 2015, p. 159]). More information about the fact that the chronology of Ivashchenko is clearly artifactually high (see: [Badoud, Avram, 2019, no. 65]).

¹¹ I am grateful to A.V. Bujskikh for getting to know this complex.

¹² It is clearly qualified as the “portichello” variant, i.e. dates back to the first third of the 4th century BC.

¹³ Learn more: Monakhov S.Ju., Kuznetsova E.V. *Sinopean Amphorae of the First Half of the 4th Century BC from the Prikubanskiy Maeotian Necropolis // PONTICA*, vol. 55. (In print).

¹⁴ In the first publication of this amphora [Monakhov, 2003, p. 86–87, pl. 58,2], I misread a part of the legend of this stamp, what Y. Garlan drew my attention to in his letter. The vessel was republished several times [Garlan, 2004, p. 187, fig. 1; 2006; 2014, p. 200, fig. 7; Monakhov, 2013a; 2013b; 2015, p. 113, fig. 2,9]. Analogy to the stamps in Gorgippia [Kats, 2015, No. 1546].

¹⁵ The stamp image on the amphora is mistakenly shown in a mirror reflection. Therefore, misreading of this stamp legend (A | Δ | X | Γ) was given through my fault. It was made using the sent poor-quality rubbings and a photo before I got the opportunity to work with the vessel *de visu* in the summer of 2012.

¹⁶ Once again I would like to acknowledge my friend Y. Garlan for analyzing this stamp and sending analogies (letters dated 16.11.2012 and 20.02.2013).

¹⁷ Tyras (1953, A-248), Olbia, Myrmekion (1957/2328 Kerch Museum, KKK 14195). Information by Y. Garlan.

¹⁸ [IOSPE III, No. 3319–3322]; [Pridik, 1917, p. 107, No. 110, 111] (misreading). The second stamp: [Shtaerman, 1951, fig. 7,235,236].

¹⁹ According to information from Y. Garlan, the same numerical designation of the standard is fixed on

a dozen of stamps without division into sectors from Akanthos and Komotini.

²⁰ It is stored at the Yalta Museum, inv. no. A4-362. The archaeological context of the finding is unknown; it was received at the museum from the Grand Ducal Palace.

²¹ Though, for some reason the author thinks that such biconical Thasian amphorae, used as a prototype for the Akanthian containers, were produced in Thasos until the early 3rd century BC [Filis, 2012a, p. 73], whereas it has been firmly established currently that they were replaced by the “late conical” type no later than the turn of 3–4 quarters of the 4th century (see: [Monakhov, 2003, p. 70 ff.]).

²² The vessels are stored in the Voronezh State Pedagogical University, the work was carried out by the Voronezh group of the Phanagoria expedition (headed by V.N. Latartsev, A.O. Amelkin).

²³ S.V. Polin dates this complex back even to the 2nd quarter of the 4th century BC [Polin, 2014, p. 420].

²⁴ In other words, I remain in the same position as almost 20 years ago. According to Y. Garlan, for the entire sample collection of Akanthian stamps, there are 21 fabricants (magistrates?), whose names are abbreviated in the upper part of the stamps legend [Garlan, 2004, p. 184]. Therefore, supposing that actually all these are the names of magistrates, as in neighboring Thasos, then the entire period of stamping with “wheel-shaped” stamps covers about a quarter of a century. It remains only to make a clarification (see also [Monakhov, Kuznetsova, 2017, p. 72, fig. 4.4, 4.5]).

²⁵ Recently there has been an article about a ceramic complex with an Akanthian “wheel-shaped” stamp from an ash hill near the village Viktorovka in Nizhnee Pobuzhye region, where M.V. Ivashchenko dates the Akanthian stamp back to the last third of the 4th century BC [Bondarenko, Ivashchenko, 2019, p. 637]. It bears repeating that this chronology is artifactually high (see: [Badoud, Avram, 2019, note 65]).

²⁶ In both publications, the drawing of the brand ΚΛΕΟ(-) is shown inverted.

APPENDIX

Table 1. Metric parameters of Akanthian amphorae

No.	Origin	Type/ variant	Linear dimensions, mm						Volume l	Fig.
			H	H ₀	H ₁	H ₃	D	d ₁		
7	Luzanovskaya	I-B	–	643	280	195	345	112 × 116	24,0	3-7
8	Olbia	I-B	–	660	285	168	356	106 × 112	–	3-8
9	Prikubanskiy, burial 142	I-B	785	660	305	190	375	120	28,7	3-9
10	Prikubanskiy, burial 147	I-B	810	700	335	205	346	110	–	4-10
11	Prikubanskiy, burial 171	I-B	–	690	290	155	390	122	–	4-11
12	Prikubanskiy, burial 412	II	790	690	310	194	432	122	37,7	5-12
13	Bogachevka, burial 4	III-A	846	678	350	193	337	108	21,7	6-13
14	Yalta	III-B	–	524	265	165	258	102	8,0	7-14
16	Phanagoria	III-B	–	–	–	200	–	112	–	7-16
22	Gorgippia	IV	–	–	–	–	–	128	–	8-22

Note. H – height; H₀ – depth; H₁ – height of the upper body; H₃ – height of the neck; D – diameter of the body; d₁ – diameter of the rim.

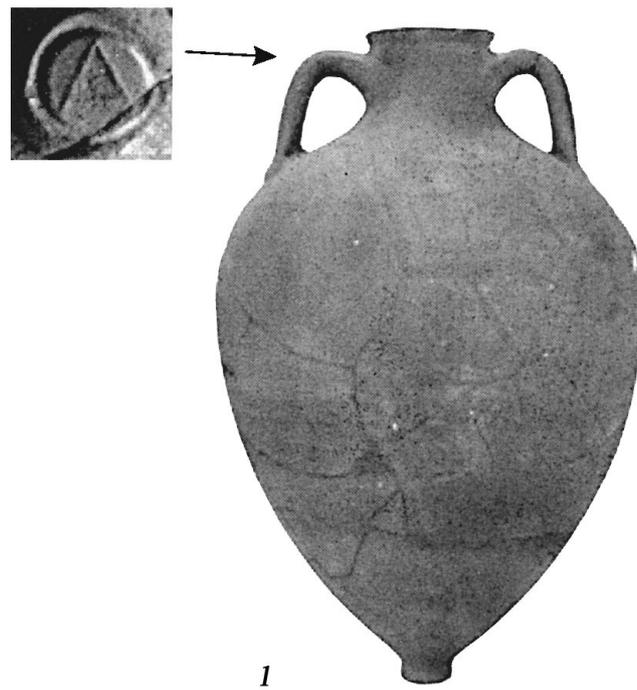

Fig. 1. Amphora of the “early” type from the Akanthos necropolis (after: [Filis, 2013, p. 86, fig. 15a]) – (not to scale)

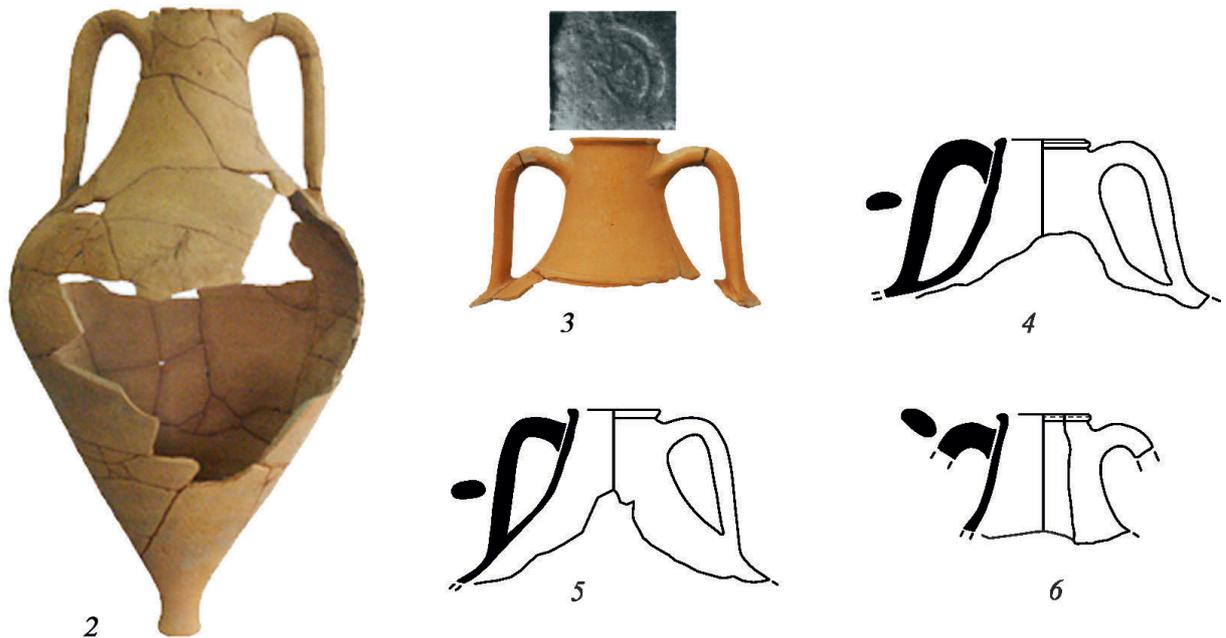

Fig. 2. Amphorae of variant I-A:

2, 3 – from the Akanthos necropolis (after: [Filis, 2013, 72 ff., fig. 15c; 2020, fig. 5, 10];
4–6 – from the excavations of Amphipolis (after: [Nicolaidou-Patera, 1986, p. 489]) – (not to scale)

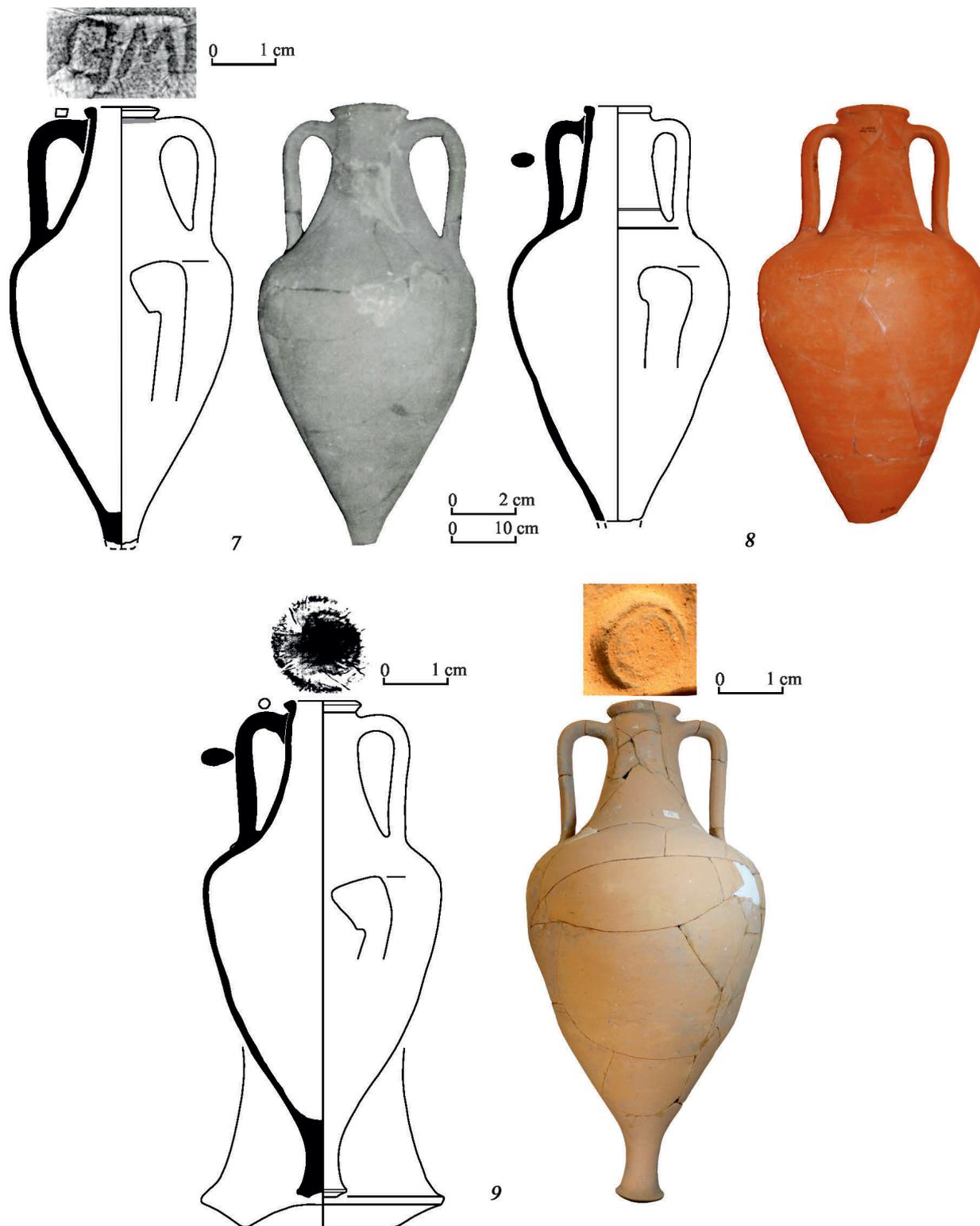

Fig. 3. Amphorae of variant I-B:

7 – from the Luzanovskaya dug-out; 8 – from the placement No. 12/2008 from Olbia;
9 – from burial No. 142 of the Prikubanskiy necropolis

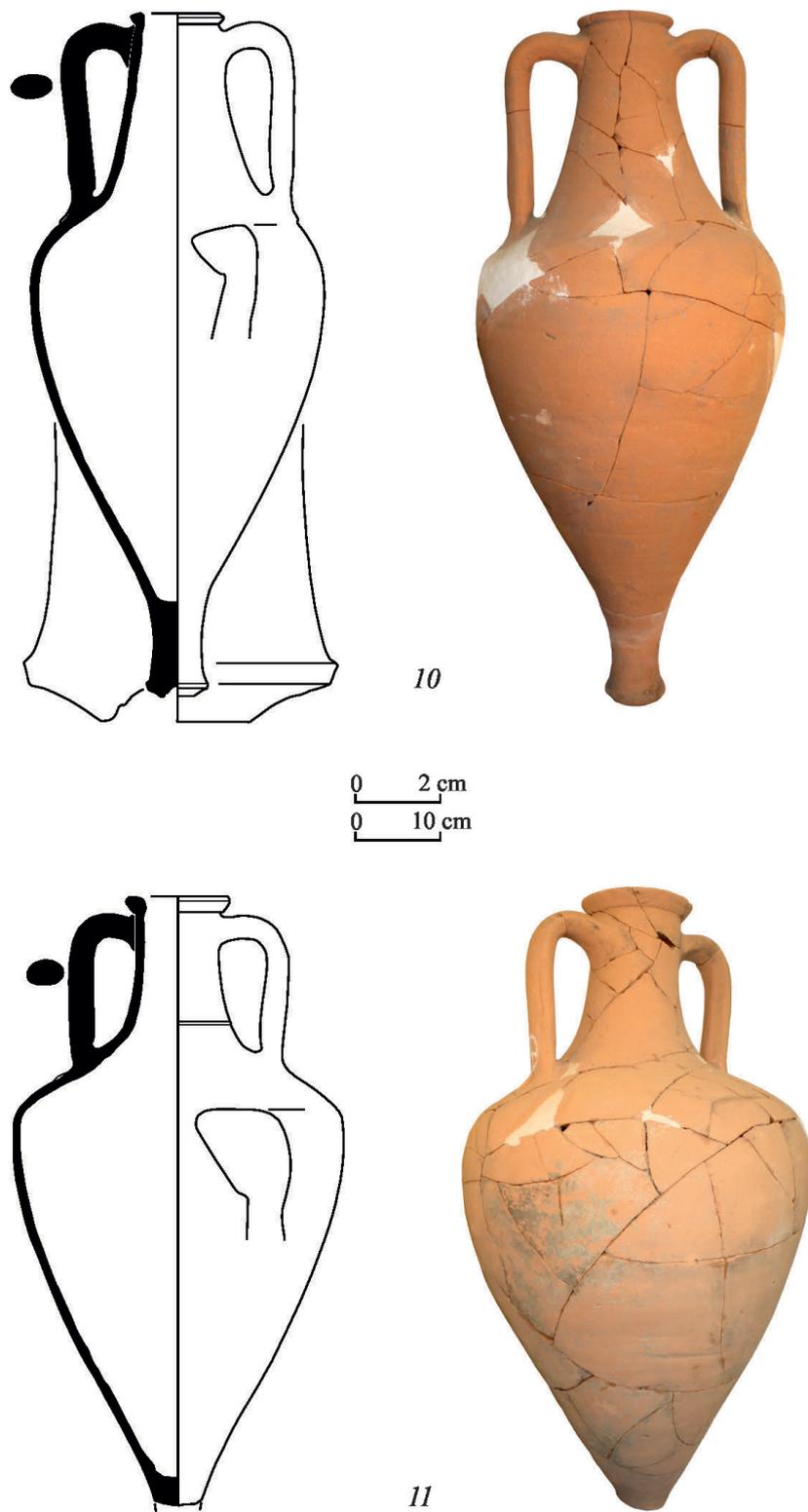

Fig. 4. Amphorae of variant I-B:

10 – from burial No. 147; 11 – from burial No. 171 of the Prikubanskiy necropolis

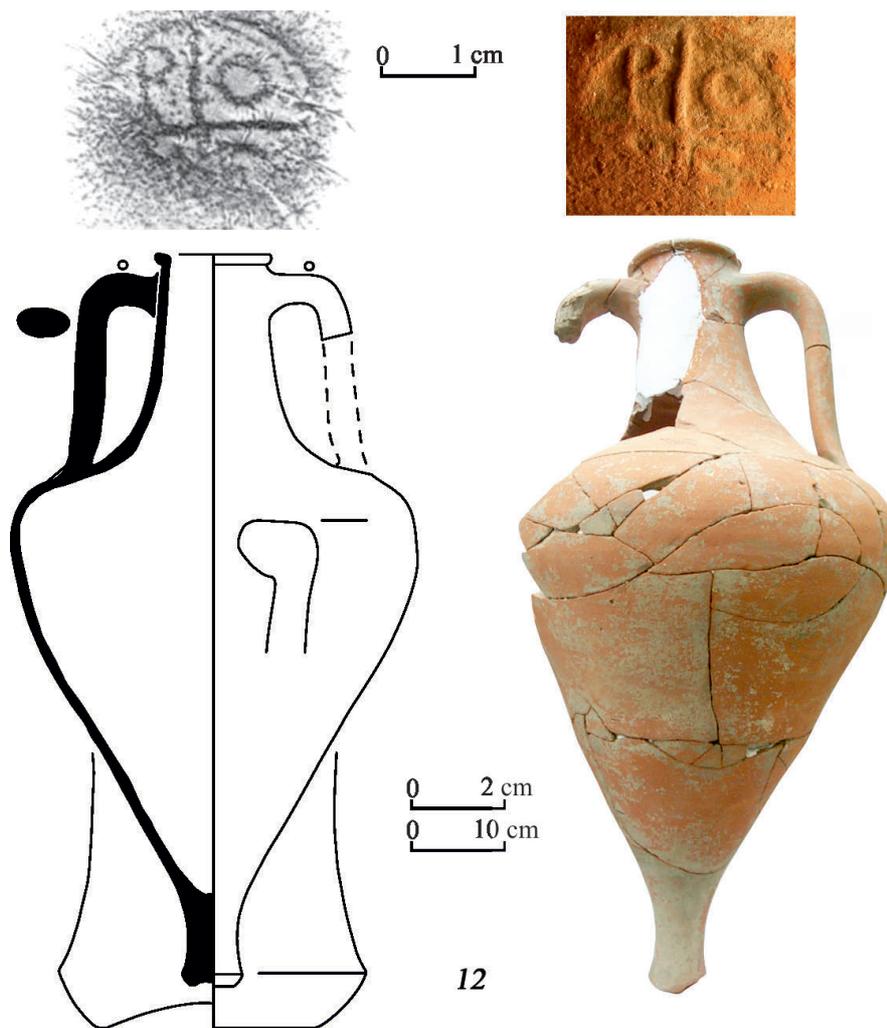

Fig. 5. Type II amphora from burial No. 412 of the Prikubanskiy necropolis

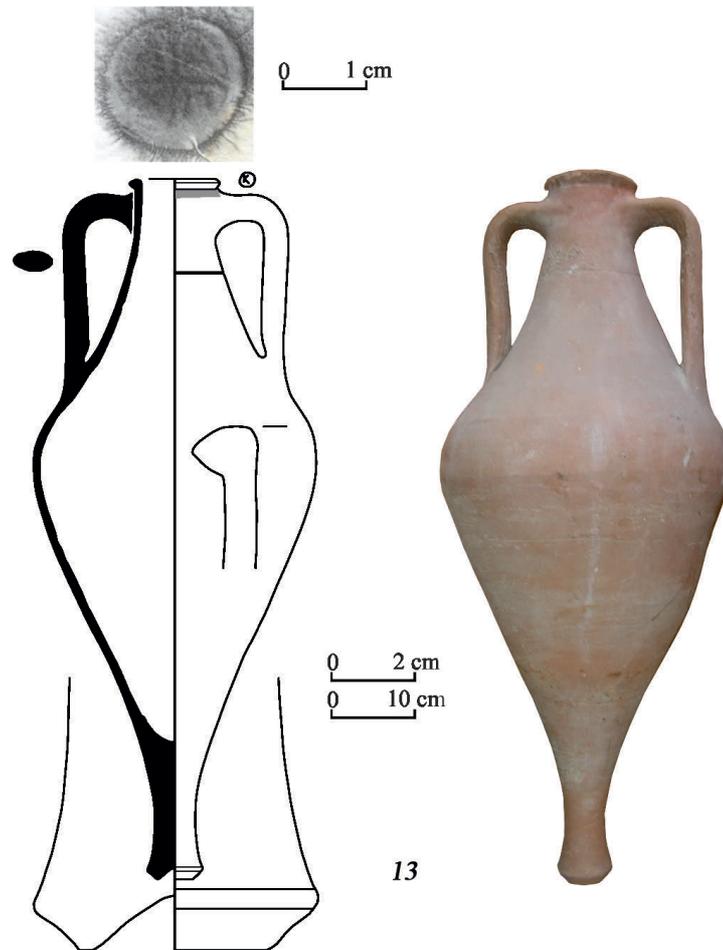

Fig. 6. Amphora of variant III-A from a kurgan cemetery near the village Bogachevka

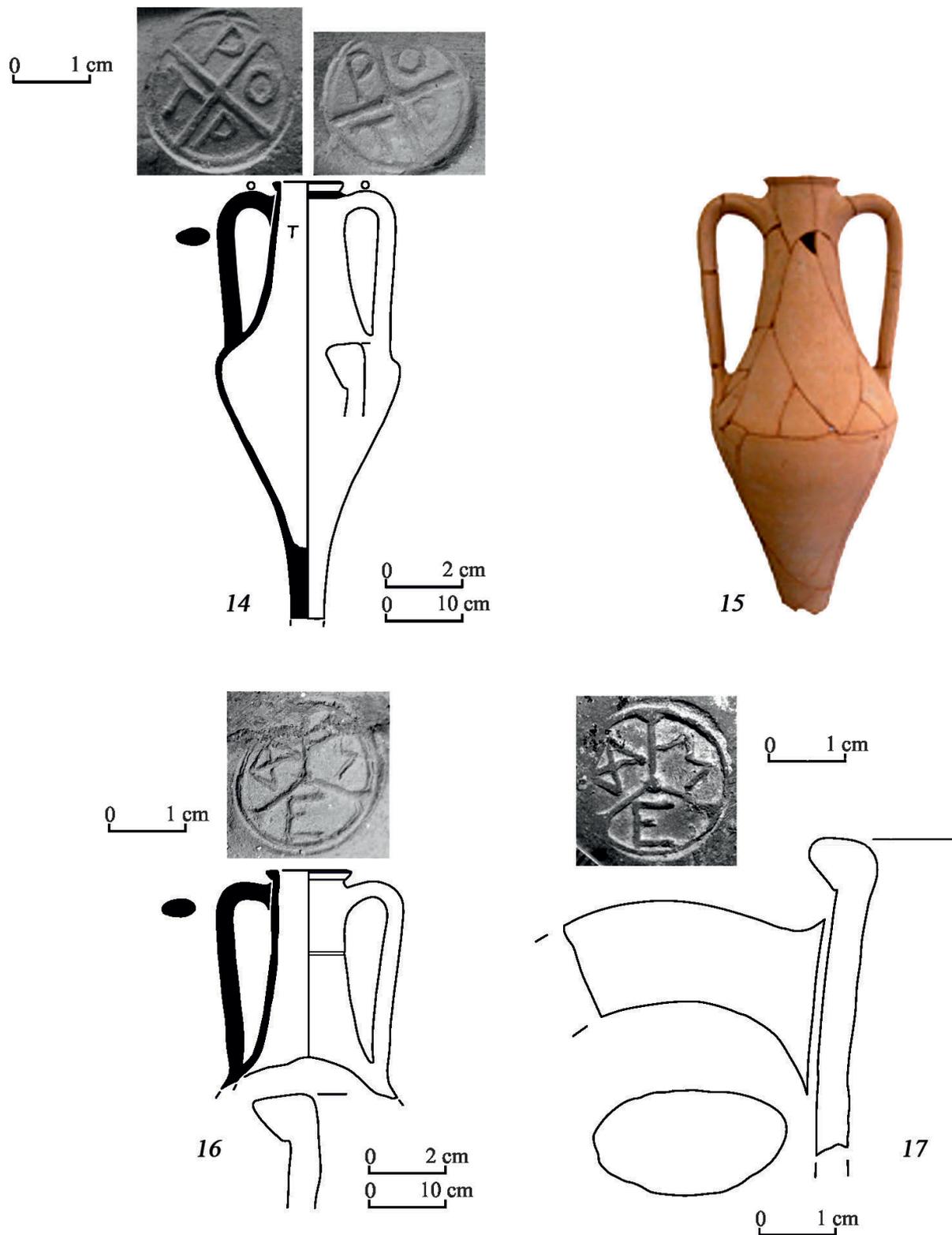

Fig. 7. Amphorae of variant III-B:

14 – from the Yalta Museum; 15 – from the Akanthos necropolis (after: [Filis, 2020, fig. 5]) – (not to scale);
 16, 17 – from the underwater excavation in 2004 in Phanagoria

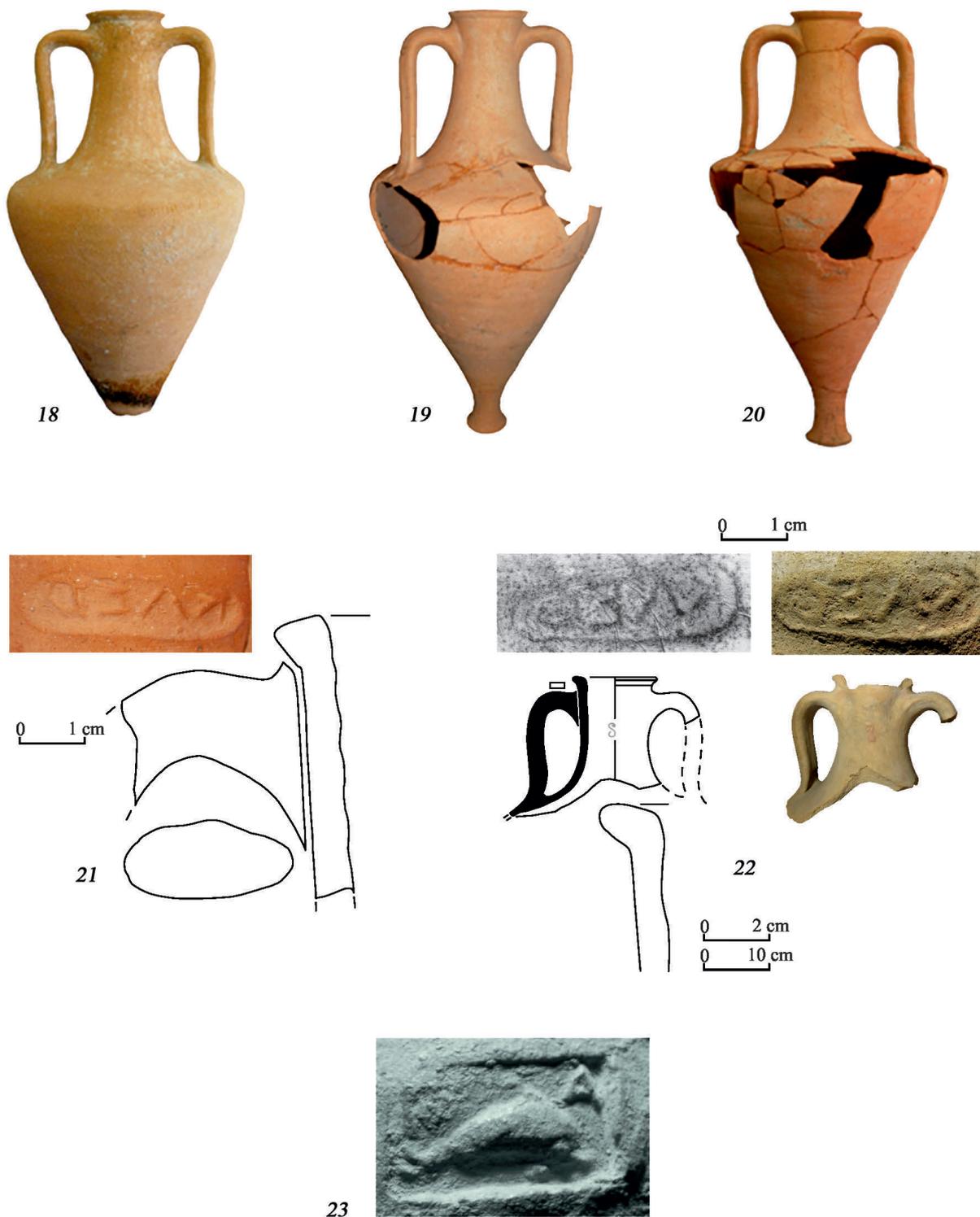

Fig. 8. Akanthian (?) amphorae of type IV (according to Filis type II):

- 18, 19, 20 – (after: [Filis, 2020, fig. 5]) – (not to scale); 21 – handle of an amphora with the stamp ΚΛΕΟ(-) from Olbia;
 22 – amphora from Gorgippia with the stamp ΚΛΕΟ(-) (photo by A.B. Kolesnikov);
 23 – stamp on type IV amphorae [Filis, 2012a, p. 72, fig. 6; 2020, fig. 5] (not to scale)

REFERENCES

- Badoud N., 2013. Timbres amphoriques de Mende et de Cassandreia. *PATABS III. Production and trade of amphorae in the Black sea. Constanța, 2009, October 06-10*. Constanta, National history and archaeology museum, pp. 89-103.
- Badoud N., Avram A., 2019. Bulletin amphorologique. *Revue des Études Grecques*, 132 (1), pp. 129-246.
- Badoud N., Dupont P., Garlan Y., Marangou-Lerat A., 2007. Bulletin archéologique. Amphores et timbres amphoriques (2002–2007). *Revue des Études Grecques*, 120 (1), pp. 161-264.
- Balkanska A., 1963. Kam vaprosa za koleloobraznite amforni pečati [On the question of wheel-shaped amphorae stamps]. *Izvestiya Varnskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Reports of Varna Archaeological Society], book 14, pp. 35-37.
- Balkanska A., 1984. *Amforni i amforni pečati. Balgarskata akademiya na naukite* [Amphorae and Amphorae Stamps]. Sofia, Balgarskata akademiya na naukite, pp. 115-158.
- Balkanska A., Tzochev Ch., 2008. Amphora Stamps from Seuthopolis – Revised. *Phosphorion: Studia in Honorem Mariae Čičikova*. Sofia, Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, pp. 188-205.
- Bidzilya V.I., Polin S.V., 2012. *Skifskiy carskiy kurgan Gaymanova mogila* [Scythian royal kurgan Gaymanova Mogila]. Kiev, Skif Publ. 752 p.
- Bon A.-M., Bon A., 1957. *Les timbres amphoriques de Thasos*. Paris, Boccard Publ. 538 p.
- Bondarenko D.V., Ivashchenko M.V., 2019. Amfornye kleyma iz zol'nika № 2 svyatilishcha Viktorovka I v Nizhnem Pobuzh'e [Amphora Stamps from Cinder Heap No. 2 of the Sanctuary Viktorovka I in Lower Bug Region]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 11, pp. 635-646. DOI: <https://doi.org/10.24411/2713-2021-2019-00020>.
- Brashinskiy I.B., 1961. Uspekhi keramicheskoy epigrafiki [Advances in Ceramic Epigraphy]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 293-306.
- Brashinskiy I.B., 1980. *Grecheskiy keramicheskii import na nizhnem Donu v V–III vv. do n.e.* [Greek Ceramic Imports on the Lower Don in 5–3 cc. BC]. Leningrad, Nauka Publ. 270 p.
- Brashinskiy I.B., 1984. *Metody issledovaniya antichnoy trgovli (na primere Severnogo Prichernomor'ya)* [Research Methods of Ancient Trade (On the Example of the Northern Black Sea Region)]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ. 248 p.
- Börker Chr., 1986. Die Herkunft der Schiffsbügel-Stempe. *Bulletin de correspondance hellénique*, suppl. XIII, pp. 473-478.
- Canarache V., 1957. *Importul amforelor stampilate la Istria*. București, Editura Academiei Republicii populare române. 447 p.
- Diamant Ae.I., 1984a. O datirovke Luzanovskogo poseleniya [About the Luzanov Settlement's Dating]. *Novye arheologicheskie issledovaniya na Odeschine* [New Archaeological Research in the Odessa Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 83-88.
- Diamant Ae.I., 1984b. Amfornaya tara antichnykh poseleniy Odesskogo zaliva i limanov v IV–III vv. do n. e. [Amphora Containers of Ancient Settlements of the Odessa Bay and Estuaries in the 4–3 Centuries BC]. Manuscript. *Personal archive of Ae.I. Diamant*.
- Empereur J.-Y., Garlan Y., 1992a. Grecheskie amfornye masterskie [Greek Amphorae Workshops]. *Grecheskie amfory* [Greek Amphorae]. Saratov, Saratov State University, pp. 8-31.
- Empereur J.-Y., Garlan Y., 1992b. Bulletin archeologique. Amphores et timbres amphoriques (1987–1991). *Revue des Études Grecques*, CV(1), pp. 176-220.
- Filis K., 2012a. Transport Amphorae Workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic Times. *Topics on Hellenistic Pottery in Ancient Macedonia*. Athens, pp. 60-85.
- Filis K., 2012b. Ionikoi emporikoi amforeis sto Vóreio Aigaío. *Archaic Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (700–480 BC)*. Thessaloniki, pp. 265-280.
- Filis K., 2013. Transport Amphorae from Akanthos. *PATABS III. Production and trade of amphorae in the Black sea. Constanța, 2009, October 06-10*. Constanta, National history and archaeology museum, pp. 67-87.
- Filis K., 2020. The Production of North Aegean Amphorae: Morphology – Properties – Purpose. *Pottery Workshops Craftsmen and Workshops*. Athens, pp. 156-196.

- Garlan Y., 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens*. Paris, de Boccard. 335 p.
- Garlan Y., 2000. *Amphores et timbres amphoriques grecs: entre érudition et idéologie*. Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, NS. XXI. Paris, de Boccard. 209 p.
- Garlan Y., 2004. I anágnosi ton sfragismáton amforéon “me Trochó” apó tin Akantho [The Reading of the Seals of Amphorae “with Wheel” from Akanthos]. *To Archaïologikó Érgo sti Makedonía kai ti Thráki* [The Archaeological Researches in Macedonia and Thrace], т. 18, pp. 181-190.
- Garlan Y., 2006. L'interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos». *Bulletin de Correspondence Hellénique*, 130 (1), pp. 263-291.
- Garlan Y., 2010. Poslednie dostizheniya grecheskoy keramicheskoy epigrafiki na Zapade [Recent Developments in Greek Ceramic Epigraphy in the West]. *Antichniy mir i arheologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 14. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., pp. 371-395.
- Garlan Y., 2012–2013. La distinction des fabricants homonymes sur les timbres amphoriques grecs. *Bulletin de Correspondence Hellénique*, vol. 136–137, pp. 319-338.
- Garlan Y., 2014. Métrologie et épigraphie amphorique grecque. Le cas des timbres akanthiens «à la roue». *Dialogues d'histoire ancienne supplément*, suppl. 12, pp. 185-200.
- Grace V., 1971. Samian Amphoras. *Hesperia*, XL, pp. 52-95.
- IOSPE III, Inscriptiones antiquaeorae Septentrionalis Ponti Euxini. Case of Ceramic Stamps of the Northern Black Sea. E.M. Pridik and B.N. Grakov Compilers. *Arkhiv IA RAN*, no. P-2, 2157–21988.
- Ivashchenko M.V., 2014. Keramicheskie kleyma iz hersonesskogo «Nimfeuma» [Ceramic Stamps from Chersonesos “Nymphaeum”]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 273-281.
- Ivashchenko M.V., 2015. K voprosu o hronologii akanfskih amforykh kleym [On the Chronology of the Akanthian Amphora Brands]. *Antiqvitas Ivventae*, iss. 10. Saratov, SSU, pp. 153-160.
- Jefremov N.V., 1992. K istorii torgovykh svyazey Knida s Severnym Prichernomor'em [On the History of Trade Relations Between Cnidus and the Northern Black Sea Region]. *Grecheskie amfory* [Greek Amphorae]. Saratov, SSU, pp. 254-265.
- Jefremow N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos* (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. 19). München, tuduv-Verl.-Ges. 251 p.
- Jefremov N.V., 2013. Keramicheskie kleyma pozdneklassicheskogo-ranneellinisticheskogo Knida. «Protoknidskie» kleyma i kleyma s «nosom korablya» [Die Keramikstempel des spätclassischen-frühhellenistischen Knidos. “Protoknidische-Stempel” und die mit “Schiffsbug”]. *Voprosy epigrafiki* [Epigraphy], iss. VII, part 1. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, pp. 404-451.
- Kats V.I., 1979. Ekonomicheskie svyazi pozdneklassicheskogo Hersonesa (po dannym amforykh kleym) [Economic Relations of the Late Classical Chersonesos]. *Antichniy mir i arheologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 4. Saratov, SSU, pp. 176-191.
- Kats V.I., 2007. *Grecheskie keramicheskie klejma epohi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)* [Greek Ceramic Stamps of the Classical and Hellenistic Epoch (Complex Research Result)]. Simferopol; Kerch, Centr arheologicheskikh issledovaniy BF “Demetra”. 478 p.
- Kats V.I., 2015. *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i eyo hora, Semibratnee gorodishche* [Ceramic Stamps of Asiatic Bosphorus. Gorgippia and its Chora, Semibratnee Settlement]. Saratov, SSU. 177 p.
- Koltukhov S.G., 2012. *Skify krymskogo Prisivash'ya v VII–VI vv. do n. e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Scythians of Crimean Prisivash'e's region in 7th – 4th cent. B.C. Burial mounds]. Simferopol, Predpriyatye Feniks Publ. 140 p.
- Kuznetsova E.V., 2015. Katalog tselykh amfor [Catalog of Whole Amphorae]. *Kats V.I. Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i eyo hora, Semibratnee gorodishche* [Ceramic Stamps of Asiatic Bosphorus. Gorgippia and its Chora, Semibratnee Settlement]. Saratov, SSU, pp. 147-163.
- Lawall M., Tzochev Ch., 2020. New Research on Aegean & Pontic Transport Amphorae of the Ninth to First Century BC, 2010–2020. *Archaeological Reports*, vol. 66, p. 117-144. DOI: <https://doi.org/10.1017/S057060842000006X>.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2017. Atributsiya i hronologiya chernolakovykh kanfarov iz meotskiykh pamyatnikov Prikuban'ya [Attribution and Chronology of Black-Glazed Kantharoi from Maeotian Sites of the Kuban Region]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 181-198.

- Matevich N., 2012. Amfornye kleyma gorodishcha Nadlimanskoe [Amphorae Stamps of the Nadlimanskoe Settlement]. *Dzis-Raiko G.A., Okhotnikov S.B., Redina E.F. Gorodishche Nadlimanskoe IV–III vv. do n.e. v Nizhnem Podnestrov'e* [The Nadlimanskoe Settlement of the IV–III centuries BC in the Lower Transnistria]. Odessa, SMIL, pp. 161-179, 238-249, pl. 53–62.
- Matevici N., Samoilova T., 2015. Un lot de timbres amphoriques grecs rares de Tyras [A lot of Rare Stamps of Greek Amphora from Tyras]. *Revista arheologică*, t. 11, no. 1-2, pp. 82-88.
- Monakhov S.Yu., 1999a. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: komplekсы keramicheskoy tary* [Greek Amphorae in Black Sea Region. Assemblages of Transport Amphorae]. Saratov, SSU. 679 p.
- Monakhov S.Yu., 1999b. Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary. II: Amfory i amfornye kleyma polisov severnoy Egeidy [Notes on the Localization of Ceramic Containers. II. Amphorae and Amphorae Stamps of the Polis of the Northern Aegena]. *Antichnyy mir i arheologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 10. Saratov, SSU, pp. 129-148.
- Monakhov S.Yu., 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiya amfor vedushchih centrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare* [Greek Amphorae in Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers of Exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalog-Identifier]. Moscow, Kimmerida Publ.; Saratov, SSU. 350 p.
- Monakhov S.Yu., 2013a. Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary. III. Amfory i amfornye kleyma maloaziyskih Erifr [Notes on Localization of Ceramic Ware. III. Amphorae of Erythrai (Asia Minor) and Their Stamps]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3 (286), pp. 28-51.
- Monakhov S.Yu., 2013b. Amfory Akanfa, novye nahodki i zametki o spetsifike amfornogo proizvodstva v polise [Akanthian Amphorae, New Findings and Notes on the Specifics of Amphora Production in Polis]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii* [Materials of the Sixth International Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., pp. 294-300.
- Monakhov S.Yu., 2013c. Eshche odna nahodka akanfskoy amfory i nekotorye razmyshleniya o haraktere akanfskogo amfornogo proizvodstva [On One More Find of Acanthus Amphorae and on the Character of Acanthus Amphorae Production]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], vol. 17, pp. 258-269.
- Monakhov S.Yu., 2015. Novye nahodki akanfskih amfor i korrektyvy k ih tipologii i hronologii [New Finds of Akanthian Amphorae and Amendments to Their Typology and chronology]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 3 (49), pp. 105-119.
- Monakhov S.Y., Kuznetsova E.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018. Redkie formy amfor iz Prikubanskogo nekropolya [Rare Amphora's Forms from the Prikubansky Necropolis]. *Arheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda* [Archaeology of the Ancient and Medieval City]. Sevastopol; Kaliningrad, ROST-DOAFK Publ., pp. 163-170.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period. *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 59-99, 294-298, 318-360.
- Nicolaidou-Patera M., 1986. Un nouveau centre de production d'amphores timbres en Macedoine. *Bulletin de correspondance hellénique*, suppl. XIII, pp. 485-490.
- Panágou T.M., 2010. *I sfragisi ton archaion ellinikon emporikon amforéon: kéntra paragogís kai synthetiki axiológisi'* [The Sealing of Ancient Greek Commercial Amphorae: Production Centers and Synthetic Evaluation']. PhD thesis. Athens. 394 p.
- Rhomiopoulou C., 1986. Amphores de la necropole d'Acanthe. *Bulletin de correspondance hellénique*, suppl. XIII, pp. 479-483.
- Polin S.V., 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n. e. na Hersonshchine* [Scythian Burial Mounds of the 5th–4th Century BC near Zolotaya Balka in the Kherson Region]. Kiev, Oleg Filyuk Publ. 776 p.
- Pridik E.M., 1917. *Inventarnyy katalog kleym na amfornyh ruchkah i gorlyshkah i cherepich ermitazhnogo sobraniya* [Inventory Catalog of Stamps on Amphorae Handles and Necks and on Tiles of the Hermitage Collection]. Petrograd. 192 p.
- Rogov E.Ya., 2001. Obschestvennyy istochnik v yugo-vostochnoy chasti Hersonesskogo gorodishcha [Public Spring in the South-Eastern Part of the Chersonesos settlement]. *Arheologiya* [Archeologia], no. 4, pp. 106-119.

- Shtaerman E.M., 1951. Keramicheskie kleyma iz Tiry [Ceramic Stamps from Tyra]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of Institute of the History of Material Culture], iss. XXXVI, pp. 31-49.
- Sparkes B.A., Talcott L., 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. The Athenian Agora*, vol. XII. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens. 398 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/3601975>.
- Trakosopoulou-Salakidou E., 2004. Keramikoí klíbanoi Akánthoy [Ceramic Kilns Akanthi]. *To Archaïologikó Érgo sti Makedonía kai ti Thráki* [The Archaeological Research in Macedonia and Thrace], ò. 18, pp. 167-179.
- Vasilenko B.A., 1972. Davn'ogrec'ki keramichni kleyma z Odesi [Ancient Greek Ceramic Brands from Odessa]. *Arheologiya* [Arheologia], no. 5, pp. 87-95.
- Vinogradov Yu.G., 1972. Keramicheskie kleyma ostrova Fasos [Ceramic Stamps of the Thasos Island]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy], iss. X, pp. 3-63.
- Whitbread I.K., 1995. *Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study*. Athens, The British School at Athens. 453 p.
- Zedgenidze A.A., 1976. Issledovanie severozapadnogo uchastka antichnogo teatra v Hersonese [Study of the North-Western Section of the Ancient Theater in Chersonesos]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 145, pp. 28-34.
- Zolotarev M.I., 1978. Otchet o raskopkah v severo-vostochnom rayone Hersonesa v 1978 g. [Report on Excavations in the North-Eastern Region of Chersonesos in 1978]. *Arkhiv IA NANU*, no. 8735.

Information About the Author

Sergey Yu. Monakhov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Ancient World History, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, monachs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Информация об авторе

Сергей Юрьевич Монахов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, monachs@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.4>

UDC 572.08
LBC 28.71

Submitted: 07.03.2021
Accepted: 30.10.2021

CRANIOPHENETIC FEATURES OF CIS-KUBAN POPULATION OF THE EARLY IRON AGE (PRELIMINARY DATA)

Alexandra N. Abramova

Krasnodar State Historic and Archaeological Museum-Reserve of E.D. Felitsyn,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. This study was based on the material of two anthropological series originating from the territory of the kurgan cemetery sites at Volna 1 and the Starokorsunskaya settlement 2. Volna 1 is located 10 km from the village of Taman, and according to archaeologists, it could have been a previously unknown Greek Apoykia. To this date, the excavations of the monument have been fully completed, which gives us the opportunity to speak with confidence that 6th–2nd centuries BC is the period it dates back to. The second kurgan cemetery we examined belongs to Starokorsunskaya settlement No. 2 located 6 km from the village. The settlement and the adjacent necropolis have been studied by the Krasnodar archaeological expedition for almost 35 years, as a result we have an extensive anthropological collection, and a part of it became the subject of our study. The monument dates back to the period of 6th century BC – 3rd century AD and is considered to be a reference one of the largest Meotian settlements in the Kuban region. Both sites are characterized by poor preservation of bone tissue and strong skeletons fragmentation. In spite of that, we used the craniophenetic program and studied 81 skulls obtained during excavations of Volna 1 and 60 skulls from the Starokorsunskaya settlement. As a result of pairwise intragroup comparison using the chi-square of the two population groups of Volna 1 6th–4th centuries BC and 4th–2nd centuries BC we cannot speak of a statistically significant difference. When comparing the two sample population groups from Volna 1 and the Meots from the Starokorsunskaya settlement No. 2, a high similarity of the inhabitants of the Black Sea territories with the Meotes from the Kuban region was noted. Probably, this allows us to assume predominance of Meotian groups in Volna 1 population.

Key words: paleoanthropology, discretely varying characters, antiquity, the Meotes, Cis-Kuban region.

Citation. Abramova A.N., 2021. Naselenie Prikuban'ya rannego zheleznoogo veka po dannym kraniofenetiki (predvaritel'nye dannye) [Craniophenetic Features of Cis-Kuban Population of the Early Iron Age (Preliminary Data)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 66-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.4>

УДК 572.08
ББК 28.71

Дата поступления статьи: 07.03.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

НАСЕЛЕНИЕ ПРИКУБАНЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО ДАННЫМ КРАНИОФЕНЕТИКИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

Александра Николаевна Абрамова

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына,
г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Материалом для данного исследования послужили две антропологические серии, происходящие с территории могильника Волна 1 и могильника Старокорсунского городища 2. Могильник Волна 1 располагается в 10 км от станицы Тамань и, по мнению археологов, является ранее неизвестной греческой апойкией. На сегодняшний день раскопки памятника полностью завершены, что дает нам возможность с уверенностью говорить о его датировке VI–II вв. до н.э. Второй рассмотренный нами могильник относится к Старокорсунскому городищу 2, расположенному в 6 км от станицы, имя которой он носит. Городище и прилегающий к нему некрополь уже почти 35 лет изучаются Краснодарской археологической экспедицией, в результате чего была собрана обширная антропологическая коллекция, часть которой и стала предметом

данного изучения. Памятник датируется VI в. до н.э. – III в. н.э. и считается эталонным и одним из самых крупных меотских поселений на Кубани. Для обоих могильников характерна плохая сохранность костной ткани и сильная фрагментированность скелетов. Несмотря на это по краниофенетической программе нами были изучены: 81 череп, полученный при раскопках Волны 1, и 60 черепов, происходящих из раскопок, проведенных в разные годы на могильнике Старокорсунского городища. В результате попарного внутригруппового сравнения с помощью хи-квадрата двух групп населения Волны 1 VI–IV вв. до н.э. и IV–II вв. до н.э. мы не можем говорить о статистически значимом различии. При сравнении объединенной выборки Волны 1 с меотами Старокорсунского городища № 2 было отмечено высокое сходство жителей причерноморских территорий с меотским населением Прикубанья, что позволяет предположить преобладание меотского компонента у населения Волны 1.

Ключевые слова: палеоантропология, дискретно варьирующие признаки, античность, меоты, Прикубанье.

Цитирование. Абрамова А. Н., 2021. Население Прикубанья раннего железного века по данным краниофенетики (предварительные данные) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 66–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.4>

Введение

История археологических исследований памятников Прикубанья раннего железного века насчитывает уже больше столетия. Важнейшей вехой явилось изучение меотских поселений и могильников, которые дали богатейший материал, в том числе и антропологический. Несмотря на плохую сохранность костной ткани, характерную для погребальных памятников Северного Причерноморья, в разные годы был опубликован ряд работ, позволяющих судить о различных антропологических аспектах древних популяций, проживавших в раннем железном веке на территории современного Краснодарского края.

Первые публикации по краниологическому изучению данного населения связаны с именами классиков советской антропологии – Г.Ф. Дебеца [1948] и В.В. Бунака [1953]. Большой вклад в это направление был сделан и М.М. Герасимовой [Герасимова, 1976; 2004; Герасимова и др., 1987]. Кроме краниологических исследований авторы изучали и палеодемографические структуры меотских популяций [Романова, 1986; Малышев, Медникова, 1995; Балабанова, 2005; Добровольская, 2008; Громов, Казарницкий, 2014], а в последние годы стали освещаться особенности питания жителей античной Фанагории [Добровольская, Свирикина, 2018; Свирикина, 2019].

Что касается изучения антропологических коллекций, ставших предметом для данной работы, то им также посвящен ряд публикаций, написанных, в том числе, и автором [Перерва, 2005; Балабанова, 2013; Абрамова,

2017; 2018; 2019; Абрамова, Пежемский, 2018а; Абрамова и др., 2021]. Однако за все эти годы ни один из исследователей не обратился к системе дискретно варьирующих признаков, хотя именно эта методика позволяет изучить черепа, не доступные для измерений, например сильно разрушенные или деформированные грунтом. Поэтому целью данной работы является не просто ввод в научный оборот результатов краниофенетического анализа двух серий, происходящих из могильников раннего железного века с территории Прикубанья, но и проведение их сравнительной характеристики.

Материалы и методика

В последние годы археологические раскопки приобрели широкий размах, связанный в первую очередь с масштабными стройками, обеспечивающими транспортное сообщение с полуостровом Крым. В кратчайшие сроки были вскрыты беспрецедентные площади памятников различных эпох, в том числе и относящиеся к периоду раннего железного века. К этому времени относится и некрополь Волны 1, датирующийся VI–II вв. до н.э., который был раскопан и изучен в связи со строительными работами ООО «Портсервис». Данный могильник располагался недалеко от одноименного поселка на Таманском полуострове и на сегодняшний день полностью исследован. За пять лет раскопок силами нескольких экспедиций было открыто более 1 000 погребальных сооружений, давших не только богатый археологический материал, но

и почти 1 200 скелетов разной степени сохранности, в основном очень плохой. Тем не менее удалось исследовать серию, состоящую из 81 черепа, по программе дискретно варьирующих признаков.

Кроме этих материалов были исследованы и черепа из раскопок могильника Старокорсунского городища 2, который датируется VI в. до н.э. – III в. н.э. и изучается на протяжении почти 35 лет Краснодарской археологической экспедицией под руководством И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис¹. Благодаря этим исследователям на сегодняшний день мы имеем богатейшую антропологическую коллекцию, бережно сохраняющуюся все эти годы. Данный памятник располагается на берегу Краснодарского водохранилища в 4 км от станицы, название которой он носит. Сохранность скелетов, происходящих с территории могильника, намного лучше по сравнению с Волной 1, однако и здесь все черепа требуют значительных реставрационных работ. Всего по программе дискретно варьирующих признаков было изучено 60 черепов, в разные годы полученных при раскопках могильника Старокорсунского городища 2. Большая часть привлеченных для анализа черепов относительно хорошей сохранности происходит из погребений III в. до н.э. – III в. н.э.

Методика исследования включала в себя признаки, предложенные как отечественными авторами [Козинцев, 1972; 1984; 1987; Мовсесян и др., 1975; Мовсесян, 2005], так и зарубежными [Le Double, 1903; Berry A.C., Berry R.J., 1967; Hauser, De Stefano, 1989], а также признаки, в настоящий момент находящиеся на стадии разработки. Всего бланк включал в себя 119 пунктов. Однако из-за плохой сохранности черепов очень многие фены были изучены в единичных случаях и поэтому на данном этапе исследования были исключены из анализа. Такими признаками, например, являются особенности строения птериона или же овального и остистого отверстий. Чтобы выяснить, есть ли различия по частотам встречаемости дискретно варьирующих признаков на двух участках могильника Волна 1, а также для сравнения его населения с жителями Старокорсунского городища № 2 проводился анализ с помощью хи-квадрата. Так как по некоторым признакам количество наблюдений

меньше 20, то такие значения рассчитывались с поправкой Йейтса. Расчет всех частот, приведенных в таблицах, производился на череп, а латинская терминология приведена в соответствии с предложенной Г. Чеснисом и С. Павилонисом [Česnys, Pavilionis, 1982].

Анализ и обсуждение

Как уже отмечалось выше, могильник Волна 1 исследовался несколькими экспедициями, что позволило нам условно разделить его на два участка. Первый и наиболее ранний участок могильника (VI–IV вв. до н.э.) представлен материалами, полученными в процессе раскопок ИА РАН под руководством Р.А. Мимохода в 2018 году. Участок этот интересен особенностями погребального обряда, так как многие захоронения были совершены с конем и с предметами вооружения. Могильная конструкция часто представляла собой склеп, выложенный сырцовыми кирпичами. К сожалению, отчет автора раскопок до сих пор не сдан, поэтому более точная датировка и описание погребальных сооружений нам пока недоступны.

Второй участок изучался экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур. Так как территории, вскрытые данным исследователем, в разы превышают участок, описанный выше, а датировка погребений здесь находится в диапазоне VI–II вв. до н.э., то была выбрана лишь небольшая часть погребений, относящаяся к IV–II вв. до н.э.² Погребальные конструкции на выбранной территории отличаются большим разнообразием, встречаются здесь и два каменных склепа, и подбой, но в основном это прямоугольные или овальные ямы.

Прежде чем описать характеристику двух участков по системе краниофенетических признаков и результаты сравнительного анализа, следует уточнить, почему были выбраны именно эти, достаточно далеко друг от друга отстоящие памятники (рис. 1). Дело в том, что поселение Волна 1, по мнению археологов, является ранее неизвестной греческой апойкией, основанной переселенцами на самых ранних этапах греческой колонизации – в VI в. до н.э. [Мимоход и др., 2017, с. 308]. Долгое время в археологической среде быто-

вало мнение, что население таких апойкий было в основном греческим. Считалось, что до прихода греков территория Таманского полуострова не была заселена местными племенами. Однако уже в 1993 г. Я.М. Паромов высказывает мнение, что данная местность была обитаема задолго до прихода колонистов [Паромов, 2006, с. 371]. Сейчас в этом уже нет никаких сомнений, особенно после открытия нескольких крупных поселений [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 157]. С другой стороны, Старокорсунское городище 2, расположенное довольно далеко от побережья Черного моря, видимо, не представляло интереса для греческих переселенцев. Однако именно меотское население является автохтонным на изучаемой территории, а памятники этой культуры наиболее распространенными, что показало нам достаточным основанием для включения именно этой серии в анализ. Свою роль в выборе этих двух памятников сыграли и обширные антропологические коллекции, доступные для изучения.

Обе изученные серии из могильника поселения Волна 1 характеризуются как сходством, так и различиями по системе изученных признаков (табл. 1). Так, на черепках с позднего участка могильника Волны 1 наблюдается высокая частота встречаемости метопического шва, которая значительно превышает среднее значение, описанное А.А. Мовсесян для южной Европы и Кавказа [2005, с. 43]. Для обоих участков памятника также характерны высокие значения частот фиксации париетальных отверстий, вставочных косточек в ламбдовидном шве и небного валика, которые превышают опубликованные средние данные [Мовсесян, 2005, с. 52, 72, 91]. Также для двух выделенных участков выше средней величины встречаемость вставочных косточек в области сосцевидного родничка и теменной вырезки [Мовсесян, 2005, с. 73, 63]. Почти в половине случаев у позднего населения Волны 1 затылочный синус имеет левостороннюю направленность. Несмотря на то что по данному признаку нет опубликованных данных, это превышает данные как по раннему участку могильника, так и по меотской серии.

Для жителей Старокорсунского городища характерна высокая встречаемость лобного и теменных отверстий, вставочных кос-

точек в заднем родничке и в ламбдовидном шве (табл. 2). Частоты этих признаков значительно превышают средние значения, характерные для Южной Европы и Северного Кавказа [Мовсесян, 2005, с. 46, 52, 70]. При этом отросток скуловой кости у данного населения не был зафиксирован ни разу.

Для выявления специфики каждого участка на могильнике Волна 1 по комплексу краниофенетических признаков проводился сравнительный анализ с помощью хи-квадрата. В результате исследования не было выявлено достоверно значимых различий (табл. 1). Числовые значения проставлены там, где различия были достаточно высокими, однако ни в одном случае они не достигли статистической достоверности.

Проделанное ранее исследование с применением w-критерия по формуле Вебер позволило предположить различие между двумя участками могильника [Абрамова и др., 2021]. Однако, по-видимому, использование формулы Вебер для изучения дискретно варьирующих признаков недостаточно корректно.

Так как два изучаемых участка не показали значимых различий между собой на втором этапе исследования, при сравнении населения Волны 1 с населением Старокорсунского городища, будет изучаться совокупная выборка без разделения на два участка. Это позволит значительно расширить набор признаков (табл. 2).

В результате сравнения серии могильника Волны 1 с населением, оставившим могильник Старокорсунского городища 2, достоверно значимые различия эти группы имеют по 8 признакам из 92, выбранных для анализа. К ним относится лобное отверстие, частота встречаемости которого у жителей Старокорсунского городища достаточно высокая, что отмечалось выше. Височный канал также часто фиксировался на старокорсунских черепках. Это новый признак, предложенный Д.В. Пежемским, и данные о нем пока находятся в стадии накопления (рис. 2) [Абрамова, Пежемский, 2018б, с. 23]. Кроме того, эти две серии отличаются по частоте встречаемости вставочных косточек в ламбдовидном шве, мастоидального отверстия, *spina mandibularis* – еще одного нового признака – и направления синуса затылочной кости (рис. 3),

а также таких признаков, как *sutura incisiva* и *foramen auricularis*.

Различия по всем остальным признакам из перечня, приведенного в таблице, не достигают статистически достоверных значений. Такой результат позволяет предположить гипотезу о наличии достаточно массового меотского компонента среди населения Волны 1. С этой идеей согласуется вывод, к которому пришла М.М. Герасимова. Она отмечает преобладание групп меотского происхождения у населения Фанагории, расположенной менее чем в 30 км от поселения и могильника Волна 1 [Герасимова, 1987, с. 62].

Выводы

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что сравнение двух хронологических групп населения Волны 1, проживавших на

данной территории в разное время, не показало отличия по данным краниофенетики, что позволяет предположить единую генетическую основу у населения Волны 1. Что касается большого сходства населения Волны 1 и меотов Старокорсунского городища по системе дискретно варьирующих признаков, то, вероятно, оно может служить свидетельством преобладания местного меотского компонента на поселении Волна 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает благодарность И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис за предоставленную возможность работать с антропологической коллекцией могильника Старокорсунского городища 2.

² Автор выражает благодарность Цокур Ирине Васильевне за предоставленную информацию по могильнику Волна 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Сравнение частот дискретно-варьирующих признаков черепа на двух участках могильника Волна 1

Table 1. Comparison of frequencies of discretely varying cranial features at two sites of Volna 1 kurgan cemetery

№	Признак	IV–II вв. до н.э.		VI–IV вв. до н.э.		р
		п	Частота	п	Частота	
1	Sutura frontalis (metopica)	28	0,142	44	0,045	0,3075
2	Sutura frontalis (metopica) inc.	28	0,035	39	0,026	–
3	Sulcus frontalis	6	0,7	6	0,167	0,2416
4	Foramen frontale	21	0,05	37	0,081	–
5	Ossa suturae coronalis (C1-C2)	19	0	29	0,069	–
6	Ossa suturae sagittalis	17	0,059	22	0,09	–
7	Foramen parietalis (сквозн.)	20	0,6	36	0,583	–
8	Foramen parietalis (несквозн.)	20	0,05	34	0,029	–
9	Os lambdae	17	0,058	30	0	–
10	Spina proc. frontalis ossiszygom 1 балл	12	0,167	9	0,111	–
11	Spina proc. frontalis ossiszygom 2 балла	12	0,583	9	0,667	–
12	Spina proc. frontalis ossiszygom 3 балла	12	0,333	9	0,222	–
13	Os Incae incompletum	26	0,038	32	0	–
14	Os quadratum	24	0,042	35	0	–
15	Ossa sut. lambdoidae (L1-L2)	13	0,308	15	0,667	0,1296
16	Ossa sut. lambdoidae (L3)	10	0,4	17	0,588	–
17	Sutura mendosa ↑	16	0,062	12	0	–
18	Os asterii	8	0,25	8	0,25	–
19	Os postsquamosum	9	0,222	9	0,222	–
20	Foramen mastoideum (в шве)	16	0,438	17	0,353	–
21	Foramen mastoideum (височная кость)	17	0,412	18	0,778	0,062
22	Foramen mastoideum (затылочная кость)	15	0,07	–	0	–
23	Canalis mastoideum	16	0,125	17	0,235	–
24	Foramen mentaleaccess.	15	0,333	15	0,067	0,17
25	Foramen mentale bipartitum	11	0,182	17	0,176	–
26	Spina mandibularis	17	0,294	16	0,313	–
27	Foramen mandibulae access.	13	0,231	14	0,214	–
28	Torus mandibularis (0-3)	8	0,125	10	0,2	–
29	Canalis retromolaris	12	0,167	12	0,417	0,369
30	Foramen supraorbitale	18	0,389	29	0,621	0,2122
31	Foramen supraorbitale inc.	18	0,5	29	0,414	–
32	Spina trochlearis	4	0,25	10	0,2	–
33	Foramen zygomaticofaciale (1 отверстие)	17	0,529	10	0,4	–
34	Foramen zygomaticofaciale (2 отверстия)	17	0,294	10	0,4	–
35	Foramen zygomaticofaciale (3 отверстия)	17	0,059	–	0	–
36	Torus palatinus (1-3)	9	0,56	12	0,333	–
37	Foramen spinosum apertum (вырезка)	6	0,67	–	0	–
38	Foramen spinosum bipartitum (arcus)	4	0,25	4	0,25	–
39	For. spinosum (отверстие в пластинке)	5	0,4	3	0,667	–
40	Canalis / Fovea craniopharyngeus	–	0	7	0,286	–
41	Tuberculum precondylare	6	0,333	10	0,1	–
42	Condylus tertius	7	0,2	6	0,167	–
43	Foramen basilaris	9	0,111	10	0,2	–
44	Sulcus sinus transversi	14	0,5	9	0,333	–
45	Sutura petrosquamosa	20	0,25	19	0,053	0,1
46	Fovea supramastoidales	18	0,111	18	0,167	–

Таблица 2. Сравнение частот дискретно-варьирующих признаков черепа населения, оставивших могильник Волна 1 и могильник Старокорсунского городища № 2

Table 2. Comparison of the frequencies of discretely varying cranial features of the population from kurgan cemeteries of Volna 1 and Starokorsunskaya settlement No. 2

№	Признак	Волна 1		Старок. м-к		P
		n	Частота	n	Частота	
1	Sutura frontalis (metopica)	72	0,083	57	0,053	0,498
2	Sutura frontalis (metopica) inc.	67	0,030	55	0	0,196
3	Sulcus frontalis	12	0,417	52	0,346	0,9
4	Foramen frontale	54	0,074	50	0,24	0,019
5	Ossa suturae coronalis (C1-C2)	48	0,042	35	0,086	0,405
6	Ossa suturae coronalis (C3)	41	0	16	0	–
7	Os bregmae	56	0	48	0	–
8	Ossa suturae sagittalis	39	0,077	37	0,027	0,33
9	Foramen parietalis (сквозн.)	58	0,603	52	0,635	–
10	Foramen parietalis (несквозн.)	54	0,037	48	0,208	–
11	Os interparietale	43	0	43	0	–
12	Os lambdae	44	0,023	42	0,167	0,0216
13	Canalis zygo-orbitalis	27	0,630	25	0,68	–
14	Spina proc. frontalis ossis zyg. (1)	30	0,233	25	0,44	0,181
15	Spina proc. frontalis ossis zyg. (2)	30	0,538	25	0,44	0,676
16	Spina proc. frontalis ossis zyg. (3)	30	0,067	25	0	0,554
17	Sutura zygomatica posterior (ЗСШ)	7	0,286	13	0,308	–
18	Sutura zygomatica	24	0	20	0,05	–
19	Processus interparietalis	53	0	48	0,042	–
20	Os Incae completum	58	0	51	0	–
21	Os Incae bipartitum	58	0	51	0	–
22	Os Incae tripartitum	58	0	51	0	–
23	Os Incae incompletum	57	0,018	50	0	–
24	Os Incae multipart.	57	0	50	0	–
25	Os triquetrum	54	0,019	51	0,02	–
26	Os quadratum	54	0,019	51	0	–
27	Ossa sut. lambdoidae (L1-L2)	40	0,375	36	0,583	0,069
28	Ossa sut. lambdoidae (L3)	34	0,471	29	0,345	0,451
29	Sutura mendosa ↑	28	0,036	33	0,061	–
30	Sutura mendosa ↓	28	0,036	32	0	–
31	Os asterii	16	0,250	23	0,043	0,158
32	Os postsquamosum	18	0,222	25	0,12	0,633
33	Foramen mastoideum (в шве)	28	0,357	33	0,636	0,0553
34	Foramen mastoideum (височная кость)	31	0,581	41	0,732	0,178
35	Foramen mastoideum (затылочная кость)	24	0,042	26	0,154	0,396
36	Canalis mastoideum	32	0,125	40	0,4	0,02
37	Ossa sutura occipito-mastoideum	15	0	12	0,083	–
38	Foramen mentale access.	37	0,189	35	0,143	–
39	Foramen mentale bipartitum	31	0,129	36	0,111	–
40	Foramen symphisale mandibulare	52	0	43	0	–
41	Spina mandibularis (1 балл)	42	0,381	38	0,132	0,0114
42	Foramen mandibulae access.	34	0,206	24	0,125	–
43	Torus mandibularis (1 балл)	22	0,273	34	0,206	–
44	Torus mandibularis (2 балла)	22	0,045	34	0	–
45	Torus mandibularis (3 балла)	22	0,045	34	0	–
46	Arcus mylohyoideus	30	0,067	23	0,217	0,231
47	Canalis retromolaris	33	0,303	29	0,345	–
48	Foramen supraorbitale	61	0,508	48	0,333	0,067
49	Foramen supraorbitale inc.	64	0,563	53	0,472	0,328
50	Spina trochlearis	19	0,158	18	0,333	0,39
51	Foramen zygomaticofaciale (1 отверстие)	28	0,500	26	0,500	–

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№	Признак	Волна I		Старок. м-к		P
		n	Частота	n	Частота	
52	Foramen zygomaticofaciale (2 отверстия)	28	0,179	26	0,077	0,48
53	Foramen zygomaticofaciale (3 отверстия)	28	0,036	26	0	–
54	Sutura incisiva	21	0,143	26	0,731	0,0002
55	Sutura incisive bipartitum	21	0	24	0,208	0,08
56	Foramen incisivum bipartitum	23	0,043	23	0,261	0,1
57	Torus palatinus (1 балл)	21	0,333	22	0,227	–
58	Torus palatinus (2 балла)	21	0,095	22	0	–
59	Torus palatinus (3 балла)	21	0	22	0	–
60	Torus maxillaris	16	0,625	14	0,357	–
61	Arcus pterygoalare	7	0	18	0,056	–
62	Arcus pterygoalare inc.	7	0,429	16	0,125	–
63	Arcus pterygospinosum	6	0	17	0	–
64	Arcus pterygospinosum inc.	6	0,500	15	0,067	–
65	Foramen ovale inc.	7	0	16	0,063	–
66	Foramen ovale bipartitum	7	0,143	17	0,059	–
67	Foramen spinosum apertum	7	0,143	18	0,389	–
68	Foramen spinosum apertum (вырезка)	12	0,500	20	0,25	–
69	Foramen spinosum bipartitum (arcus)	10	0,300	18	0,167	–
70	Foramen spinosum bipartitum	7	0	18	0,056	–
71	For. spinosum (отверстие в пластинке)	8	0,375	18	0	–
72	Processus spinosum	13	0,692	24	0,5	–
73	Foramen venosum	16	0,938	22	0,727	–
74	Canalis ex.canaliculi co.	20	0,100	37	0,027	–
75	Foramen ex. canaliculi co. (completum)	20	0,050	37	0,081	–
76	Foramen ex. canaliculi co. (inc.)	20	0,100	38	0,053	–
77	Foramen tympanicum	28	0,179	37	0,162	–
78	Canalis / Fovea craniopharyngeus	17	0,176	17	0,176	–
79	Tuberculum precondylare	17	0,176	14	0	–
80	Canalis condylaris	9	0,889	14	0,929	–
81	Canalis hypoglossalis septus	11	0,364	14	0,214	–
82	Canalis hypoglossalis (lamina)	15	0,600	15	0,6	–
83	Condylus tertius	12	0,167	16	0	–
84	Facies artic. condyl. bipart.	4	0	10	0	–
85	Facies artic. condyl. bipart. inc.	6	0,333	10	0,2	–
86	Canalis basilaris	21	0	25	0,12	–
87	Foramen basilaris	21	0,143	25	0,08	–
88	Foramen auricularis	13	0	33	0,242	0,000
89	Sulcus sinus transversi	27	0,444	49	0,224	0,046
90	Torus acusticus (1-3)	35	0	41	0,073	–
91	Sutura petrosquamosa	46	0,217	42	0,333	–
92	Fovea supra mastoidales	38	0,132	44	0,182	–

Рис. 1. Расположение на карте изучаемых могильников:

1 – Старокорсунское городище 2; 2 – Волна 1

Fig. 1. Location of the studied kurgan cemeteries on the map:

1 – Starokorsunskaya settlement 2; 2 – Volna 1

Рис. 2. Разрушенный височный канал с мастоидальным отверстием в нем
Fig. 2. Destroyed temporal canal with a mastoid opening inside

Рис. 3. Spina mandibularis на нижней челюсти с полной прижизненной потерей зубов
Fig. 3. Spina mandibularis in the lower jaw with total lifetime tooth loss

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова А. Н., 2017. Osteологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник антропологии. № 2 (38). С. 5–19.
- Абрамова А. Н., 2018. Сравнительная osteологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник антропологии. № 2 (42). С. 42–55.
- Абрамова А. Н., 2019. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 2 // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 125–144. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2019-4-66-125-144>.
- Абрамова А. Н., Пежемский Д. В., 2018а. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1 // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 102–121. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2018-4-62-102-121>.
- Абрамова А. Н., Пежемский Д. В., 2018б. Особенности индивидуальной изменчивости foramen mastoideum (в связи с методикой фиксации дискретно-варьирующего признака) // Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию И.И. Гохмана, 8–13 октября 2018 г., г. Санкт-Петербург. СПб. : МАЭ РАН. С. 22–31.
- Абрамова А. Н., Свирикина Н. Г., Шведчикова Т. Ю., 2021. Сравнительная характеристика населения Таманского полуострова VI–II веков до н.э. по палеоантропологическим материалам из некрополя Волна 1 // Новые материалы и методы археологического исследования : материалы VI конф. молодых ученых. М. : ИА РАН. С. 94–97.
- Балабанова М. А., 2005. Половозрастная структура Прикубанского меотского могильника IV в. до н. э. // Четвертая Кубанская археологическая конференция : тез. и докл. Геленджик. С. 4–9.
- Балабанова М. А., 2013. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар : Экоинвест, С. 21–25.
- Бунак В. В., 1953. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 14. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 306–419.
- Герасимова М. М., 1976. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // Советская этнография. № 5. С. 107–113.
- Герасимова М. М., 1987. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство) // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М. : Наука. С. 9–82.
- Герасимова М. М., 2004. Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 11. С. 76–86.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М. : Наука. 253 с.
- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. К палеодемографии меотов (по материалам могильника городища Елизаветинское II) // Радловский сборник : Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб. : МАЭ РАН. С. 10–18.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 392 с.
- Добровольская М. В., 2008. Антропологические исследования // Фанагория. По материалам Таманской экспедиции Института археологии РАН. М. : Северный паломник. С. 64–67.
- Добровольская М. В., Свирикина Н. Г., 2018. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). М. : Т-во научных изданий КМК. 233 с.
- Козинцев А. Г., 1972. Дискретно варьирующие признаки на человеческих черепах I тысячелетия до н.э. из Минусинской котловины // Архив анатомии, гистологии, эмбриологии. Т. 62, № 4. С. 53–59.
- Козинцев А. Г., 1984. Заднескуловая щель как расоразграничительный признак // Вопросы антропологии. Вып. 74. С. 55–61.
- Козинцев А. Г., 1987. Краниоскопия и расовая классификация // Советская этнография. № 2. С. 12–31.
- Малышев А. А., Медникова М. Б., 1995. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // Российская археология. № 4. С. 125–135.

- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С., 2017. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. № 21. М. : ИА РАН. С. 295–310.
- Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М. : Унив. кн. 271 с.
- Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г., 1975. Программа и методика определения аномалий черепа // Вопросы антропологии. № 51. С. 15–45.
- Паромов Я. М., 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // Древности Боспора. Вып. 10. М. : ИА РАН. С. 365–388.
- Перерва Е. В., 2005. К вопросу о некоторых антропологических особенностях меотского населения, оставившего могильника Старокорсунского городища № 2 (палеопатологический аспект) // Четвертая археологическая конференция : тез. и докл. Краснодар. С. 208–211.
- Романова Г. П., 1986. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (материалы работ Северо-кавказской экспедиции). Вып. 1. М. : Наука. С. 195–203.
- Свиркина Н. Г., 2019. Жители античной Фанагории: реконструкция питания по данным изотопного анализа // Российская археология. № 2. С. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630004798-6>.
- Сударев Н. И., Гарбузов Г. П., 2015. К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Исторические науки. № 7. Симферополь : КУКИТ. С. 156–165.
- Berry A. C., Berry R. J., 1967. Epigenetic variation in the human cranium // *Journal of Anatomy*. Vol. 101. P. 361–379.
- Česnyš G., Pavilonis S., 1982. On the terminology of non-metric cranial traits (Discreta) // *Homo*. Bd. 33. P. 125–130.
- Hauser G., De Stefano G. F., 1989. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart : Schweizer Bart. 301 p.
- Le Double A. F., 1903. *Traité des variations des os du crâne de l'homme et de leur signification au point de vue de l'anthropologie et zoologique*. Paris : Vigot. 400 p.

REFERENCES

- Abramova A.N., 2017. Osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e. – III v. n.e. [Osteometric Characteristic of the Kuban Meotians of VI Century BC – III AD]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], iss. 2 (38), pp. 5-19.
- Abramova A.N., 2018. Sravnitel'naya osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e. – III v. n.e. [Comparative Osteometric Characteristic of Kuban Meotians in VI Century BC – III AD]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], iss. 2 (42), pp. 42-55.
- Abramova A.N., 2019. Opyt morfometricheskogo analiza skeletnykh ostankov plokhoy sokhrannosti (po materialam antichnogo mogil'nika Volna 1, Tamanskiy poluostrov). Chast' 2 [Morphometric Analysis of Poor Preserved Skeletal Remains (Based on Materials from the Ancient Necropolis of Volna 1, the Taman Peninsula). Part 2]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], no. 4, pp. 125-144. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2019-4-66-125-144>.
- Abramova A.N., Pezhemsky D.V., 2018a. Opyt morfometricheskogo analiza skeletnykh ostankov plokhoy sokhrannosti (po materialam antichnogo mogil'nika Volna 1, Tamanskiy poluostrov). Chast' 1 [Morphometric Analysis of Poor Preserved Skeletal Remains (Based on Materials from the Ancient Necropolis of Volna 1, the Taman Peninsula). Part 1]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], no. 4, pp. 102-121. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2018-4-62-102-121>.
- Abramova A.N., Pezhemsky D.V., 2018b. Osobennosti individual'noy izmenchivosti foramen mastoideum (v svyazi s metodikoy fiksatsii diskretno-var'iruyushchego priznaka) [Features of Individual Variability of the foramen mastoideum (in Connection with the Technique of Fixing a Discrete-Varying Trait)]. *Piles of bones: paleoantropologiya, bioarkheologiya, paleogenetika: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 90-letiyu I.I. Gokhmana, 8–13 oktyabrya 2018 g., g. Sankt-Peterburg* [Piles of Bones: Paleoanthropology, Bioarcheology, Paleogenetics. Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Dedicated to the 90th Anniversary of I.I. Gokhman, 8–13 October 2018, St. Petersburg]. St. Petersburg, MAE RAS, pp. 22-31.

- Abramova A.N., Svirkina N.G., Shvedchikova T.Yu., 2021. Sravnitel'naya kharakteristika naseleniya Tamanskogo poluoostrova VI–II vekov do n. e. po paleoantropologicheskim materialam iz nekropolya Volna 1 [Comparative Characteristics of the Population of the Taman Peninsula of the VI–II Centuries BC on Paleoanthropological Materials from the Volna 1 Necropolis]. *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy VI konferentsii molodykh uchennykh* [New Materials and Methods of Archaeological Research. Materials of the VI Conference of Young Scientists]. Moscow, IA RAS, pp. 94-97.
- Balabanova M.A., 2005. Polovozrastnaya struktura Prikubanskogo meotskogo mogil'nika IV v. do n. e. [Sex-Age Structure of the Kuban Meotic Cemetery of the IV c. BC]. *Chetvertaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya: tezisy i doklady* [The 4th Kuban Archaeological Conference: Abstracts and Papers]. Gelendzhik, pp. 4-9.
- Balabanova M.A., 2013. Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodisch'a № 2) [Anthropology of the Meotic Population of Kuban (with Particular Reference to the Materials from the Cemetery of the Starokorsunskoe Settlement no. 2)]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya* [The 6th International Kuban archaeological conference]. Krasnodar, Ecoinvest Publ., pp. 21-25.
- Bunak V.V., 1953. Cherepa iz sklepov gornogo Kavkaza v sravnitel'no-antropologicheskom osveshchenii [Skulls from Crypts of the Mountainous Caucasus in Comparative Anthropological Illumination]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. 14. Moscow, Leningrad, AN SSSR, pp. 306-419.
- Gerasimova M.M., 1976. Kraniologicheskie materialy iz meotskih mogil'nikov Prikuban'ya [Craniological Materials from the Meotic Cemeteries of the Kuban Region]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 5, pp. 107-113.
- Gerasimova M.M., 1987. Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnicheskikh otnosheniyah v Severo-Vostochnom Prichernomor'e (Bosporskoe tsarstvo) [Anthropological data on the issue of ethnic relations in the northeastern Black Sea region (Bosporus kingdom)]. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Anthropology of Ancient and Medieval population of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., pp. 9-82.
- Gerasimova M.M., 2004. Naseleniye Severnogo Kavkaza v rannem zheleznom veke [The population of the North Caucasus in the early Iron Age]. *Vestnik antropologii. Nauchnyy al'manakh* [Bulletin of anthropology. Scientific almanac], iss. 11, pp. 76-86.
- Gerasimova M.M., Rud' N.M., Yablonskiy L.T., 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Anthropology of the Ancient and Medieval Populations of East Europe]. Moscow, Nauka Publ. 253 p.
- Gromov A.V., Kazarnitskiy A.A., 2014. K paleodemografii meotov (po materialam mogil'nika gorodisch'a Elizavetinskoe II) [To the Paleodemography of Meotes with Particular Reference to the Materials of the Elizavetinskoe II Cemetery]. *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2013 g.* [Radlov Collection of Papers: Scholarly Studies and Museum Projects of the MAE RAS in 2013]. St. Petersburg, MAE RAS, pp. 10-18.
- Debets G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR. 392 p.
- Dobrovol'skaya M.V., 2008. Antropologicheskiye issledovaniya [Anthropological Research]. *Fanagoriya. Po materialam Tamanskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN* [Fanagoria. Based on Materials from the Taman Expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Severnyy palomnik Publ., pp. 64-67.
- Dobrovol'skaya M.V., Svirkina N.G., 2018. *Zhiteli antichnoy Fanagorii (rekonstruktsiya obraza zhizni po paleoantropologicheskim materialam)* [Inhabitants of Ancient Phanagoria (Reconstruction of the Way of Life Based on Paleoanthropological Materials)]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. 233 p.
- Kozintsev A.G., 1972. Diskretno var'iruyushchiye priznaki na chelovecheskikh cherepakh I tysyacheletiya do n. e. iz Minusinskoy kotloviny [Discretely Varying Characters on Human Turtles of the 1st Millennium BC from the Minusinsk Basin]. *Arkhiv anatomii, gistologii, embriologii* [Archives of Anatomy, Histology, Embryology], vol. 62, no. 4, pp. 53-59.
- Kozintsev A.G., 1984. Zadneskulovaya shchel' kak rasorazgranichitel'nyy priznak [The Posterior Zygomatic Fissure as a Distinctive Feature]. *Voprosy antropologii* [Issues of Anthropology], iss. 74, pp. 55-61.
- Kozintsev A.G., 1987. Kranioskopiya i rasovaya klassifikatsiya [Cranioscopy and Racial Classification]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 2, pp. 12-31.

- Malyshev A.A., Mednikova M.B., 1995. Naselenie Tsemesskoy doliny v rimskoe vremya po danny'm arheologii i paleodemografii [Temes Valley in the Roman Times by the Archaeological and Paleodemographic Data]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 125-135.
- Mimokhod R.A., Sudarev N.I., Uspenskiy P.S., 2017. Novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaiskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (predvaritel'naya informatsiya) [New "Urban" Necropolis of Archaic and Classical Times on the Taman Peninsula (Preliminary Information)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], no. 21. Moscow, IA RAS, pp. 295-310.
- Movsesyan A.A., 2005. *Feneticheskiy analiz v paleoantropologii* [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ. 271 p.
- Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Rychkov Yu.G., 1975. Programma i metodika opredeleniya anomalii cherepa [Program and Method for Determining Skull Anomalies]. *Voprosy antropologii* [Issues of Anthropology], no. 51, pp. 15-45.
- Paromov Ya.M., 2006. Tamanskiy poluostrov v ranneantichnoe vremya (VI–V vv. do n.e.) [Taman Peninsula in the Early Antique Time (VI–V c. BC)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], iss. 10. Moscow, IA RAS, pp. 365-388.
- Pererva E.V., 2005. K voprosu o nekotorykh antropologicheskikh osobennostyakh meotskogo naseleniya, ostavivshogo mogil'niki Starokorsunskogo gorodishcha № 2 (paleopatologicheskii aspekt) [On the Issue of Some Anthropological Features of the Meotian Population that Left the Cemeteries of the Starokorsunskoe Settlement no. 2 (Paleopathological Aspect)]. *Chetvertaya arheologicheskaya konferentsiya: tezisy i doklady* [Fourth Archaeological Conference: Abstracts and Reports]. Krasnodar, pp. 208-211.
- Romanova G.P., 1986. Demograficheskii analiz paleoantropologicheskikh materialov mogil'nika Lebedi III [Demographic Analysis of Paleoanthropological Materials from the Cemetery of Lebedi III]. *Arkheologicheskiye otkrytiya na novostroykakh: drevnosti Severnogo Kavkaza (materialy rabot Severo-kavkazkoy ekspeditsii)* [Archaeological discoveries in new buildings: antiquities of the North Caucasus (materials of the North Caucasian expedition)], iss. 1. Moscow, Nauka Publ., pp. 195-203.
- Svirkina N.G., 2019. Zhiteli antichnoy Fanagorii: rekonstruktsiya pitaniya po dannym izotopnogo analiza [Residents of Ancient Phanagoria: Reconstruction of Diet Based on Isotope Analysis]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 80-95. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630004798-6>.
- Sudarev N.I., Garbuzov G.P., 2015. K voprosu o kolonizatsii Bospora [To the Question of Colonization of the Bosphorus]. *Tavrisheskiye studii. Istoricheskkiye nauki* [Tauride Studios. Historical Sciences], no. 7. Simferopol, KUKIT Publ., pp. 156-165.
- Berry A. C., Berry R. J., 1967. Epigenetic Variation in the Human Cranium. *Journal of Anatomy*, vol. 101, pp. 361-379.
- Česnys G., Pavilonis S., 1982. On the terminology of non-metric cranial traits (Discreta). *Homo*, Bd. 33, pp. 125-130.
- Hauser G., De Stefano G.F., 1989. *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart, Schweizer Bart. 301 p.
- Le Double A. F., 1903. *Traité des variations des os du crâne de l'homme et de leur signification au point de vue de l'anthropologie et zoologique*. Paris, Vigot. 400 p.

Information About the Author

Alexandra N. Abramova, Head of the Department of Archaeological Funds, Krasnodar State Historic and Archaeological Museum-Reserve of E.D. Felitsyn, Gymnasicheskaya St, 67, 350000 Krasnodar, Russian Federation, abramovasacha0902@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6390-0845>

Информация об авторе

Александра Николаевна Абрамова, заведующий отделом археологических фондов, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, ул. Гимназическая, 67, 350000 г. Краснодар, Российская Федерация, abramovasacha0902@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6390-0845>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>

UDC 903'1:903.5

LBC 63.442.14(2)-427

Submitted: 20.04.2021

Accepted: 30.10.2021

KURGAN-CEMETERIES OF CENTRAL AND EASTERN REGIONS OF NORTH CAUCASUS 3rd CENTURY BC – EARLY 2nd CENTURY AD (MONUMENTS CHEGEM-MANASKENT TYPE)¹

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir E. Maslov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of materials from kurgan-cemeteries of the foothill zone of the central and eastern regions of the North Caucasus (from Kabardino-Balkaria to the Caspian Dagestan), dating back to the 3rd century BC – early / first half 2nd century AD. These sites were previously named as the Chegem-Manaskent type. Main diagnostic features of this sites are the unity of the traditions of the funeral rite and the ceramic complex. The material culture of monuments of the Chegem-Manaskent type is determined by the traditions of the North Caucasian sedentary population, as the funeral rite determined by the traditions of the nomadic population of the North Caucasian steppes of the early Sarmatian period. The original territory of the formation of the culture of monuments of the Chegem-Manaskent type was the regions from the Kabardino-Balkarian Republic to the western part of the Chechen Republic. The burial grounds of the Caspian Dagestan were the result of the migration of its carriers in this direction. The cultural traditions of the population connected with the monuments Chegem-Manaskent type formed the cultural basis of the early stage Alanian culture of the North Caucasus (2nd–4th centuries AD). The monuments of the Chegem-Manasket type underlie the formation of the monuments of the Podkumok-Khumara type, with which they are connected by the use of a catacomb burial rite with the repeated use of chamber for new graves and a ceramic complex. The cultural connection is fixed in the funeral rite (burials in catacombs of type I) and in the ceramic complex. In addition, the ceramic complex of monuments of the circle of the Andreiauli settlement largely goes back to the ceramic tradition of antiquities Chegem-Manasket circle, complicated by the morphological influences of the tradition of Caucasian Albania.

Key words: North Caucasus, Burial Mounds, Cemeteries, 3rd century BC – early / first half of 2nd century AD, Funeral Rite, Ceramic Complex.

Citation. Malashev V.Yu., Maslov V.E., 2021. Kurgany-kladbishcha tsentral'nyh i vostochnyh rayonov Severnogo Kavkaza III v. do n.e. – nachala (pervoy poloviny) II v. n.e. (pamyatniki tipa Chegem-Manaskent) [Kurgan-Cemeteries of Central and Eastern Regions of North Caucasus 3rd Century BC – Early 2nd Century AD (Monuments Chegem-Manaskent Type)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 81-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>

УДК 903'1:903.5

ББК 63.442.14(2)-427

Дата поступления статьи: 20.04.2021

Дата принятия статьи: 30.10.2021

КУРГАНЫ-КЛАДБИЩА ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА III в. до н.э. – НАЧАЛА (ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ) II в. н.э. (ПАМЯТНИКИ ТИПА ЧЕГЕМ-МАНАСКЕНТ)¹

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Евгеньевич Маслов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов курганов-кладбищ равнинно-предгорной полосы центральных и восточных районов Северного Кавказа (от Кабардино-Балкарии до Прикаспийского Дагестана), датируемых III в. до н.э. – началом / первой половиной II в. н.э. Данные памятники ранее уже получили название типа Чегем-Манаскент. Их основными диагностическими признаками являются черты погребального обряда и единство керамического комплекса. Вопрос формирования культуры памятников типа Чегем-Манаскент рассматривается следующим образом: материальную культуру определяют традиции северокавказского оседлого населения, а погребального обряда – традиции кочевого населения северокавказских степей раннесарматского времени. Первоначальной территорией сложения культуры памятников типа Чегем-Манаскент являлись районы от Кабардино-Балкарской Республики до западной части Чеченской Республики; могильники Прикаспийского Дагестана представляют собой результат миграции ее носителей. Традиции населения, оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, явились культурным субстратом, на основе которого формировалась аланская культура Северного Кавказа раннего этапа (II–IV вв. н.э.), генетическая связь с которой фиксируется в погребальном обряде (захоронения в катакомбах типа I) и в керамическом комплексе. Кроме того, керамический комплекс памятников круга Андреяульского городища в значительной степени восходит к керамической традиции древностей типа Чегем-Манаскент, осложненной морфологическими влияниями традиции Кавказской Албании. И наконец, памятники типа Чегем-Манаскент лежат в основе формирования памятников типа Подкумок-Хумара, с которыми их связывает использование трансформированного катакомбного обряда погребения с многоразовым использованием камерных могил и керамический комплекс.

Ключевые слова: Северный Кавказ, курганы-кладбища, III в. до н.э. – начало (первая половина) II в. н.э., погребальный обряд, керамический комплекс.

Цитирование. Малашев В. Ю., Маслов В. Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>

Целенаправленное изучение памятников центральных и восточных районов Северного Кавказа последних веков до н.э. – первых веков н.э. началось в 60-е гг. прошлого века и связано с работами В.Б. Виноградова [1963] и М.П. Абрамовой [1972]. Самостоятельным направлением в рамках данной проблематики явились исследования так называемых курганов-кладбищ последних веков до н.э. – первых веков н.э.: Чегемского [Керефов, 1985; 1988] и Заманкульских курганов [Ростунов, 1993; 1994; 1995; Ростунов, Березин, 2007], курганных групп I и II у Бамутского поворота, Орджоникидзевского, Самашкинского могильников [Бурков, Прокопенко, 2008], Зеленоморского кургана [Салихов, 1986; 1988], могильника Манаскент I [Пятых и др., 1986; Маслов и др., 2013] и кургана № 4 Львовского VII могильника [Маслов и др., 2016]. Обобщение древностей этого круга на основе комплексов Нижне-Джулатского и Чегемского могильников было дано в монографическом исследовании М.П. Абрамовой [1993]. При этом М.П. Абрамова объединяла данную группу некрополей с культурно близким, но не идентичным памятником – Подкумским могильником, более поздним по времени и отличающимся особенностями погреб-

ального обряда (преобладание катакомб типа IV² и двухкамерных катакомб) и керамического комплекса³ [Абрамова, 1993]. Хронологическая оценка материалов отдельных памятников могла у различных исследователей несколько отличаться, но в целом датировки укладывались в рамки II (III) в. до н.э. – I (II) в. н.э. [Керефов, 1985, с. 135, 178–184; 1988, с. 63–64; Абрамова, 1993; Ростунов, Березин, 2007, с. 23; Маслов и др., 2013, с. 35–36; Маслов и др., 2016, с. 44].

В отношении культурной атрибуции В.Ю. Малашев курганы-кладбища последних веков до н.э. – первых веков н.э. объединил в самостоятельную культурную группу (памятники типа Нижний Джулат – Чегем – Заманкул), связанную общностью погребального обряда и керамического комплекса [Малашев, 2007а, с. 497–498; Габуев, Малашев, 2009, с. 157]. Позднее, после публикаций материалов близкого культурного облика с территории Чечни и Дагестана [Бурков, Прокопенко, 2008; Маслов и др., 2013; 2016], он изменил территориальные рамки данной группы некрополей (равнинные территории центральных и восточных районов Северного Кавказа от Кабардино-Балкарии до Прикаспийского Дагестана) и название (памятники типа Чегем-Ма-

наскент) [Малашев, 2016, с. 43–44, 60–61]. В.Е. Маслов отмечал, что данные курганы-кладбища для предгорий Центрального и Восточного Предкавказья являются эпохальной инновацией и отражают приток степного населения на данную территорию с последующей интеграцией в местную среду [Маслов и др., 2016, с. 44]. Более подробно вопрос формирования данной группы памятников мы рассмотрим ниже.

В имеющуюся на сегодняшний день выборку памятников мы включаем Чегемский курган, Заманкульские курганы 1–3, курганы 1, 3, 4 группы I и курган 1 группы II у Бамутского поворота, курганы 1 и 14 Орджоникидзевского могильника, курганы 2 и 3 Самашкинського могильника, курган 4 Львовского VII могильника, Зеленоморский курган, курганы 7, 8, 10 могильника Манаскент I.

Мы объединяем с указанными памятниками и Нижне-Джулатский могильник вследствие сходства конструкции погребальных сооружений, особенностей погребального обряда и общности керамического комплекса. Мы также опираемся на аргументацию В.Б. Виноградова и Я.Б. Березина, полученную при анализе планиграфии исследованного участка данного некрополя: расположение погребений в виде двух компактных скоплений, в каждом из которых были встречены более ранние захоронения (в одном случае – эпохи бронзы, в другом – скифского времени), позволяет предполагать наличие здесь ранних насыпей, использовавшихся для совершения захоронений в сарматское время [Абрамова, 1972, с. 5, рис. 1; Виноградов, Березин, 1985, с. 53].

В данную группу не включен Подкумский могильник (по сути, являющийся также курганом-кладбищем, под который был использован естественный холм, как в случае с Зеленоморским курганом и курганом 4 Львовского VII могильника) по причине отличий в конструкции и типологическом составе катакомб, морфологии керамического комплекса, хронологии и территориальных границах. Вследствие этого он был отнесен к самостоятельной культурной группе (памятники типа Подкумок-Хумара), которая своим происхождением связана с древностями Чегем-Манаскент (чем и объясняется их некоторое сход-

ство⁴) и является результатом отдельной линии эволюции культурных традиций Чегем-Манаскент в более позднее время – в I–IV вв. н.э.

Возможно, к памятникам типа Чегем-Манаскент следовало отнести Ханкальские могильники на южной окраине г. Грозного [Виноградов, Петренко, 1984], поскольку облик их материальной культуры (в первую очередь керамический комплекс) и хронология, которая, судя по опубликованным материалам [Виноградов, Петренко, 1984, рис. 2–4], укладывается в рамки III в. до н.э. – I (начала II) в. н.э., полностью соответствуют древностям рассматриваемого круга. Погребения были вписаны в холм Ханкальского второго городища, что отдаленно допускает интерпретацию некрополей в качестве кургана-кладбища, содержавшего 81 погребение. Однако неполная ясность в отношении планиграфии некрополя оставляет пока этот памятник за рамками нашей работы. В будущем он найдет свое место в системе древностей региона сарматского времени.

Рассмотрим перечисленные выше памятники.

Чегемский курган, Чегемский район Кабардино-Балкарской Республики [Керефов, 1985]. Исследовано 135 погребальных комплексов, а также захоронение коня и двух собак в отдельных ямах. Не всегда формы погребальных сооружений были полностью прослежены, в этих случаях автором раскопок отмечался сам факт наличия захоронения в катакомбе без информации о расположении входных ям по отношению к камере. При этом, судя как по форме камер, так и по доминированию катакомб типа I (длинная ось входной ямы перпендикулярна длинной оси камеры) на памятнике, эти неатрибутированные камерные могилы с большей вероятностью относились именно к данному типу. Часть форм погребальных сооружений (около 20) не определяется. По наблюдениям Б.М. Керефова [1985, с. 169] и М.П. Абрамовой [1993, с. 22], катакомбные захоронения являются преобладающей формой погребальных сооружений – 49,3 %. Катакомбы типа I, с учетом условно атрибутируемых как данный тип, составляют около 50 % (рис. 1, 1–6, 8). Катакомбы типа II (длинная ось камеры является продолжением длин-

ной оси входной ямы) (рис. 1,7) и подбои (соответственно 4 и 5) статистически малозначимы. Остальные формы погребальных сооружений отнесены к прямоугольным ямам без дополнительных конструкций. Примерно в 20 % случаев фиксируется использование погребальных камерных сооружений для многогрозных захоронений.

Доминирует вытянутое положение погребенных на спине, однако сравнительно часто (около 20 случаев) можно интерпретировать позу погребенного как положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями; изредка встречалось положение скорченно на правом (5) и левом (3) боку.

Ориентировка погребенных для всех форм погребальных сооружений одинакова и имеет выраженное трехпиковое распределение в направлениях СЗ, ЮЗ и ЮВ. В генерализованном виде и с учетом отклонений она может быть распределена по трем секторам: запад – юг – 48 %, ЗСЗ – ССЗ – 30 %, ЮВ – ЮЮВ – 15 %, остальные ориентировки приходятся на сектор север – восток. Б.М. Керевф отмечал, что направление ориентировок по промежуточным сторонам света являются сезонными отклонениями от двух основных – западной и южной [1985, с. 173]. Кроме того, одновременное стремление расположить камеру катакомбы в направлении к центру и вместе с этим соблюсти необходимую ориентировку погребенных могло привести к данным отклонениям [Керевф, 1985, с. 170].

В погребениях встречались кости животных: 1) рядом с погребенным (с ножом – 3, без ножа – 4); 2) в миске (с ножом – 3, без ножа – 4). При этом данная обрядовая черта почти исключительно встречена в комплексах II–I вв. до н.э.; в более позднее время она реализуется 1 раз (в миске с ножом). Только для II–I вв. до н.э. характерны сосуды с гальками (11), цепочкой (10), а также одновременно с гальками и цепочкой (1) [Керевф, 1985, с. 176].

Автор раскопок датировал памятник II в. до н.э. – началом II в. н.э. [Керевф, 1985; 1988]. М.П. Абрамова [1993, с. 67–96] и Я.Б. Березин [Ростунов, Березин, 2007, с. 23] нижнюю хронологическую границу памятника отнесли к III в. до н.э.

Для оценки нижней границы важна находка короткого меча без металлического пе-

рекрестья с серповидным (полукольцевым) навершием (рис. 4,1); датировка данного типа клинкового оружия может рассматриваться от второй четверти – середины III до начала I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 141]; датировка В.Р. Эрлиха несколько отличается в сторону удреждения – конец IV – II в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 149]. В несколько более широких рамках (III–I вв. до н.э.) датируется достаточно характерный для степных древностей Нижнего Поволжья раннесарматского времени кинжал с прямым перекрестьем и серповидным навершием (рис. 4,2) [Клепиков, Скрипкин, 2002]; для северокавказских памятников его верхняя граница не должна быть ранее второй четверти III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 53]. Короткий меч с антенным (волютообразным) навершием без металлического перекрестья (рис. 4,3), по мнению М.П. Абрамовой [1993, с. 70], находит аналогии в комплексах II–I вв. до н.э. Кинжалы с кольцевидным навершием (рис. 4,4,5) получают распространение со II в. до н.э. (очевидно, со второй половины) и встречаются по первую половину III в. н.э. [Скрипкин, 2010, с. 77–79, 335–346; Габуев, Малашев, 2009, с. 129–130]. Длинный меч с узким клинком, небольшим перекрестьем, длинным штырем для рукояти и без металлического навершия (рис. 4,6), имеющим прототипы в китайском клинковом оружии, находит серию аналогий – от раннесарматского до позднесарматского времени [Скрипкин, 2010, с. 195–220, рис. 1, 2].

Пряжки с неподвижным боковым выступом или крючком (рис. 4,9–13), имеющие круглую или восьмеркообразную рамку, в том числе с двумя или тремя грибовидными выступами с внешней стороны, датируются в рамках III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 97–98, 164, рис. 48, 49]. Железные пряжки с округлой или прямоугольной рамкой и подвижным язычком без щитка (рис. 4,14–17) являются характерным предметом инвентаря начиная с I в. н.э.; появление их, по всей видимости, следует относить к I в. до н.э., скорее всего к его финальной части. Железная пряжка с удлиненной в задней части фигурной рамкой без щитка (рис. 4,18) имеет аналогии в комплексах региона в I – первой половине II в. н.э. [Абрамова, 1993, рис. 58,13–15] и является репли-

кой центральноевропейских ременных застежек раннеримского времени [Малашев, 2007б, рис. 1, 13–18]; датировка: I – первая половина II в. н.э.

Шлем типа Монтефортино (рис. 4, 7) был неоднократно рассмотрен в литературе [Симоненко, 2010, с. 137–147].

Фибулы среднелатенской схемы с бусиной на спинке (рис. 5, 2, 4) учтены в своде В.В. Кропотова и отнесены им к группе 2, серии III, форме 1⁵. Датировка этих изделий, по мнению автора, укладывается в рамки второй половины / последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 54–56]. Еще одна застежка (рис. 5, 1) относится к надвязным проволочным фибулам так называемого неапольского варианта (группа 2, подгруппа 3 по классификации А.К. Амброза), датирующимся I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22] или второй половиной / последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 48–51]. Три фибулы атрибутируются как одночленные лучковые группы 15 серии I по А.К. Амброзу: варианта 1⁶ (рис. 5, 7) с датировкой I в. н.э., возможно – его первой половины [1966, с. 48], и варианта 2 (рис. 5, 5, 6), относящегося ко второй половине I – началу II в. н.э. [1966, с. 49]. В.В. Кропотовым все три застежки включены в группу 4, серию I, вариант 2 и датированы серединой I – началом II в. н.э. [2010, с. 72–74].

Три разнотипных зеркала относятся к классу сложносоставных зеркал с утраченными боковыми ручками, крепившимися с помощью заклепок. Этот класс изделий архаичен и, очевидно, исчезает уже к I в. до н.э. Выделяется крупное литое зеркало из погр. 18 (рис. 4, 22), имеющее рельефные валики на обороте, что сближает его с большой группой зеркал с валиком по краю диска и боковой ручкой-штырем (рис. 4, 19, 20), которые часто встречаются в сарматских комплексах III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 44; Клепиков, Скрипкин, 2002]. Судя по зеркалу из погребения 69/2 могильника Глинное в Приднестровье, подобные зеркала в сложносоставном варианте появляются не позднее второй четверти III в. до н.э. [Тельнов и др., 2016, с. 898, 965, рис. 447, 9]. Там же, в комплексе погребения 107/3, датированном третьей чет-

вертью III в. до н.э., найдено небольшое прокованное зеркало с полукруглым вырезом для крепления в основании ручки [Тельнов и др., 2016, с. 899, 965, рис. 447, 14], аналогичное зеркалу из погребения 117 Чегемского кургана [Керефов, 1985, рис. 16, 32]. Зеркало из погребения 35 отличается от них размещением отверстий для крепления и плоским диском (рис. 4, 21). Близкой параллелью данным находкам является также сложносоставное зеркало с прорезанным на обороте плоского диска циркульным декором и отогнутыми краями из погребения Л-7 могильника городища № 3 у хут. Ленина, датированного по импортам первой четвертью II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 268, 269, рис. 49, 13].

Датировка зеркал-подвесок с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне (рис. 4, 25, 26) на сегодняшний день выглядит следующим образом. В памятниках среднесарматской культуры Волго-Донья они появляются не ранее середины I в. н.э. и происходят с территории Северного Кавказа [Скрипкин, 1990, с. 153]. Их верхняя хронологическая граница не может ограничиваться началом II в. н.э. и в равной мере может распространяться на всю первую половину данного столетия. То есть основной период их использования – середина I – первая половина II в. н.э. В пользу этого также говорят находки наиболее поздних образцов из Волго-Донского междуречья, относящихся к середине – второй половине II в. н.э. Рассмотрим их.

В диагональном погребении с ЮЮЗ ориентировкой кургана 14 Терновского могильника [Шилов, 1966], относящемся уже к позднесарматскому времени, вместе с зеркалом обнаружена лучковая одночленная фибула группы 15, серии I, варианта 3 по А.К. Амброзу [1966, с. 49–50] или группы 4 серии I варианта 3 по В.В. Кропотову, датируемая авторами первой половиной – серединой II в. н.э. [2010, с. 72–74]. Данные фибулы в комплексах среднесарматской культуры (I – первая половина II в. н.э.) неизвестны, и оценка их хронологии нуждается в уточнении. Подобная застежка встречена в погребениях Кобяковского могильника с несколькими сильно профилированными фибулами с крючком для тетивы и узкой ромбической спинкой [Косяненко, 2008, рис. 15] варианта 2 по А.К. Амброзу, дата ко-

торых рассматривается как вторая половина II в. н.э. с заходом в начало III столетия [Габуев, Малашев, 2009, с. 134]. В могиле А некрополя Неаполя Скифского вместе с аналогичной лучковой фибулой варианта 3 находилась светлоглиняная амфора с профилированными ручками С IVC по С.Ю. Внукову [Внуков, 2016, с. 41–43] и ременная гарнитура, имеющая аналогии в позднесарматских комплексах второй половины II в. н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2007, рис. 7, 1, 8, 9]. Инвентарь могилы № 1 могильника Опушки вместе с подобной фибулой содержал ременную гарнитуру второй половины II в. н.э. [Храпунов, 2007, рис. 2–4]. Фибула варианта 3 происходит также из комплекса кургана 3 Красный Яр, относящегося уже к раннему III в. н.э. [Малашев, Яблонской, 2008, с. 54, рис. 206, 207]. Исходя из этого, основной период существования подобных фибул может рассматриваться как середина II в. н.э. с использованием отдельных застежек населением степи во второй половине II – начале III в. н.э. Возвращаясь к кургану 14 Терновского могильника, добавим, что, несмотря на обрядовые признаки среднесарматской культуры, его соотнесение с позднесарматским временем диагностирует (кроме фибулы) наличие в комплексе двуручного кувшина, являющегося продукцией гончарных центров аланской культуры раннего этапа Северного Кавказа, которая получает распространение в степи со второй половины II в. н.э. Таким образом, датировка погребения не должна быть ранее середины II в. н.э.

В кургане 8 могильника Племхоз (диагональное погребение с ЮВ ориентировкой) вместе с аналогичным зеркалом находились следующие предметы [Клепиков и др., 2006, рис. 12–14]. Пружинная одночленная фибула с завитком на конце приемника и плавно изогнутой пластинчатой спинкой группы 13 варианта 7 [Амброс, 1966, с. 46], характерная для Заволжья и Южного Приуралья и датируемая второй половиной II – началом III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 60–62]. Крупная железная застежка аналогичной схемы со стержневидной спинкой, скорее всего центральнокавказского производства, датируемая не позднее первой половины III в. н.э. Кувшин с раздутым в верхней части желобчатым гор-

лом, являющийся продукцией производственных центров аланской культуры раннего этапа и характерный для комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. Сочетание этих находок определяет дату комплекса в рамках второй половины II в. н.э.

На основании вышесказанного датировка зеркал-подвесок с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне выглядит как середина I – первая половина II в. н.э. с возможностью бытования отдельных предметов во второй половине второго столетия и даже позже [Гущина, Фирсов, 2000, рис. 5, 1–5].

Зеркало с боковым ушком и небольшим коническим утолщением на обратной стороне имеет дополнительное оформление рельефным знаком в виде креста (рис. 4, 24). Оно находит близкую аналогию в Нижне-Джуглатском могильнике [Абрамова, 1972, рис. 4, 65]. По всей видимости, его можно считать переходной формой между зеркалами с боковым ушком и коническим утолщением и более поздней их разновидностью, декорированной с обратной стороны тамгообразными знаками; в этом случае оно, скорее всего, датируется первой половиной II в. н.э.

Серьги с длинными разомкнутыми концами (рис. 5, 13, 14) встречаются начиная с I в. н.э. [Малашев и др., 2015, с. 90–91]. Серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 5, 11, 12) не имеют узкой даты, но более характерны для комплексов последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. [Абрамова, 1987, с. 158].

Амулеты (рис. 5, 16, 17) являются атрибутом комплексов последних веков до н.э. [Абрамова, 1993, рис. 29, 56, 60, 64–66]. Более подробно ведеркообразные сдвоенные подвески (рис. 5, 15) будут рассмотрены ниже.

Из комплексов ранней группы Чегемского кургана происходит группа красноглиняной боспорской керамики II–I вв. до н.э. [Кереев, 1985, с. 186, 187; 1988, с. 29, 55; Абрамова, 1993, с. 61]. Следует отдельно отметить расписной канфар из погребения 17 (рис. 4, 27), вероятно пергамского производства. Подобные канфары представлены серией находок, датирующихся III–II вв. до н.э., в Пантикапее и Ольвии [Парович-Пешикан, 1974, с. 80, рис. 77]. В этом же комплексе была найдена бронзовая монета Пантикапея 375–340 гг. до н.э. [Кере-

фов, 1985, с. 203, рис. 9,9]. Добавим также, что из погребения 128 происходит понтийская монета I в. до н.э.

В двух комплексах (погребения 3 и 29) обнаружены фрагменты стеклянных канфаров [Керефов, 1985, с. 193, рис. 4,19, 10,11а], причем в погребении 3 они найдены вместе с поздним дериватом мечей синдо-меотского типа с волютообразным навершием (рис. 4,3).

Исходя из оценки наиболее показательных для хронологии предметов, их нижнюю границу допустимо опускать в III в. до н.э., верхняя граница может рассматриваться как первая половина II в. н.э.

Нижне-Джулатский могильник, Терский район Кабардино-Балкарской Республики [Абрамова, 1972]. Помимо захоронений эпохи бронзы, скифского времени и аланской культуры на памятнике исследовано 76 погребальных комплексов рассматриваемой в работе культурной группы [Абрамова, 1972, с. 5].

Атрибуция форм погребальных сооружений затруднена тем, что они не всегда были прослежены; тем не менее автором раскопок было отмечено, что около 50 % всех погребений составляли катакомбы (без определения типа) [Абрамова, 1972, с. 5, 9]. Позднее М.П. Абрамова отмечала, что для III–I вв. до н.э. в Нижне-Джулатском и Чегемском могильниках катакомбы составляют 71,4 % от общего числа погребений, допуская увеличение их доли вследствие того, что не всегда прослеживалась конструкция [Абрамова, 1993, с. 22]. В самом деле, учитывая размеры погребальных сооружений, а также факт использования значительной их части для многократных захоронений, доля камерных могил для всего периода существования данного могильника составляет примерно 70 %. По наблюдениям М.П. Абрамовой, в III–I вв. до н.э. преобладают катакомбы типа II (рис. 6,2,3,5), а в I – начале II в. н.э. – катакомбы типа I (рис. 6,1,4,6,7) [1993, с. 24, 114]. Однако смещение скелетов более ранних захоронений в могилах для многократных погребений к передней (реже боковой) стенке по отношению к длинной оси камеры позволяет говорить о том, что и в III–I вв. до н.э. преобладали катакомбы типа I. Таким образом, в могильнике доминируют катакомбные погребения (несколько более 70 %), среди которых пример-

но $\frac{2}{3}$ составляют катакомбы типа I; захоронения в ямах – около 30 %.

М.П. Абрамова отмечала, что в III–I вв. до н.э. преобладают коллективные захоронения, составляющие более 60 %; остальные – индивидуальные и парные [Абрамова, 1993, с. 24]. В I – начале II в. н.э., напротив, заметно чаще встречаются индивидуальные и парные захоронения – 70 % [Абрамова, 1993, с. 117].

Доминирует вытянутое положение погребенных на спине, при этом встречены случаи положения на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (3) и скорченно на правом (7) и левом (4) боку. Ориентировка погребенных имеет двухпиковое распределение в секторах: 1) СВ – ЮЮВ – 51 %, 2) ССЗ – юг – 49 %.

Кости животных в погребениях встречались нечасто: 1) рядом с погребенным – 3 (в том числе с ножом – 2); 2) в миске с ножом – 2. Данная обрядовая черта характерна для комплексов III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, с. 25]. В комплексах III–I вв. до н.э. также встречены сосуды с гальками (5) или с цепочкой (4). Кроме того, в трех погребениях были обнаружены гальки рядом с погребенным [Абрамова, 1993, с. 26].

Самые поздние погребения, синхронизируемые с наиболее ранними комплексами аланской культуры, были совершены в катакомбах типа I и содержали индивидуальные и парные захоронения с преобладанием вытянутого положения погребенных на спине (в одном случае – скорченное положение); кости животных в погребениях отсутствуют [Абрамова, 1993, с. 121, 129–131]. Данные признаки свидетельствуют о трансформации основных обрядовых признаков в традицию аланской культуры раннего этапа.

М.П. Абрамовой первоначально хронологические рамки могильника рассматривались как I в. до н.э. – III в. н.э. [Абрамова, 1972]. Позднее она откорректировала их, распределив погребальные комплексы по трем хронологическим группам: III–I вв. до н.э., I – начало II в. н.э., II – первая половина III в. н.э. [Абрамова, 1993]. При этом важно отметить, что наиболее поздние погребения [Абрамова, 1972, рис. 8, 9, 13] по сочетанию в них находок не выходят за рамки середины – второй половины II в. н.э. (см. ниже).

Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным навершием (рис. 8,9,10) датируются III–I вв. до н.э. (см. выше). Кинжал с кольцевидным навершием без металлического перекрестья (рис. 8,11) происходит из комплекса, датирующегося около рубежа эр [Абрамова, 1993, с. 71]; по И.И. Марченко, подобные кинжалы появляются в I в. до н.э. и существуют в I–II вв. н.э. [Марченко, 1996, с. 55].

Колчаные крючки – характерная категория находок в погребениях III–I вв. до н.э., но практически неизвестны в первые века н.э. [Абрамова, 1993, с. 76–77]. Обращает на себя внимание бронзовый колчаный крюк из погребения 100 с зооморфным оформлением окончаний (рис. 8,12). Аналогичный бронзовый предмет обнаружен во впускном погребении 5 кургана 1 могильника Марьинская-5 [Канторович, Маслов, 2009, рис. 106,1]. Погребение, очевидно, было совершено в катакомбе типа II, о чем свидетельствовал перепад уровня дна от ног к голове. Погребенный был уложен в дощатом гробу, в вытянутом положении на спине головой на СЗ. Инвентарь, помимо трех керамических сосудов (двух кувшинов и миски), состоял из предметов вооружения – кинжала с серповидным навершием и прямым перекрестьем и набора наконечников стрел: одного бронзового трехгранного скифского типа (использован вторично), 10 железных и двух пулевидных костяных. Темляк кинжала украшала крупная полихромная стеклянная бусина, находящая аналогии в материалах Тенгинского могильника конца III – первой половины II в. до н.э. [Канторович, Маслов, 2009, рис. 105,1; Беглова, Эрлих, 2018, рис. 187,13]. По аналогии с нижнемарьинской, оценка нижней хронологической границы нижнеджулатской находки может рассматриваться в тех же рамках.

Различных форм пряжки с неподвижным боковым выступом или крючком (рис. 8,1), грибовидными выступами с внешней стороны датируются в рамках III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 97–98, 164, рис. 48, 49]. Пряжки с округлыми или прямоугольными рамками и подвижным язычком без щитка (рис. 8,3) широко распространены в комплексах начиная с I в. н.э., появляясь в конце I в. до н.э. (см. выше). Железные пряжки с удлиненной в задней части фигурной рамкой без

щитка (рис. 8,2) являются репликами центральноевропейских ременных застежек раннеримского времени [Малашев, 2007б, рис. 1,13–18], имеют аналогии в регионе [Абрамова, 1993, рис. 58,13–15] и датируются I – первой половиной II в. н.э. (см. выше). Железная пряжка с фигурной, укороченной в задней части рамкой (рис. 8,4) также является подражанием центральноевропейским образцам, но более позднего времени – второй половины II – первой половины III в. н.э. (например, см.: [Малашев, 2000, рис. 3А,2,3, 5А,3]). Пряжки с округлыми рамками, прямоугольными щитками и прогнутыми язычками без уступа у основания, не доходящими в передней части до середины сечения рамки (П1) (рис. 8,5–7), появляются в первой половине II в. н.э. [Абрамова, 1987, рис. 45], распространяются во второй половине этого столетия и продолжают использоваться в первой половине III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 195, 198, 209].

Двухчастный наконечник-подвеска (рис. 8,8), судя как по форме зажима, так и подвески, является грубым подражанием аналогичным по конструкции образцам, распространенным в памятниках позднесарматской культуры степи и характерным для второй половины II в. н.э. [Малашев, 2000, рис. 3В,2,3, 3Д,4,5].

Три застежки относятся к фибулам среднелатенской схемы. Одна из них (рис. 8,18) может быть атрибутирована как проволочная надвязная «неапольского» варианта (группа 2, подгруппа 3 по классификации А.К. Амброза) с датировкой в пределах I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22]; при этом небольшой треугольно расширенной ножкой она очень напоминает так называемые зарубинецкие застежки (группа 2, подгруппа 2 – [Амброз, 1966, с. 16]). В.В. Кропотов данный образец отнес к фибулам группы 2, серии III, формы 2, датируемым второй половиной или последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. [2010, с. 56]⁷. Определение конструкции еще одной фибулы осложнено ее фрагментарностью (рис. 8,17), но не исключено, что она имела аналогичную форму. В.В. Кропотов включил эту застежку в группу 2, серию IV своей классификации, датировав в пределах второй половины II – I в. до н.э. [2010, с. 57–59]. Еще одна фибула среднелатенской схемы с буси-

ной на спинке (рис. 8,16) имеет близкую аналогию в материалах Чегемского кургана (рис. 5,2) и должна относиться к группе 2, серии III, форме I с датировкой в рамках второй половины или последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 54–56].

Две фибулы-броши (рис. 8,14,15) достаточно индивидуальны, не имеют точных аналогов и соотносятся с подобными застежками общей типологической и стилистической близостью; М.П. Абрамова датировала их II–I вв. до н.э. [1993, с. 86].

Три фибулы (рис. 8,19,20,24) относятся к шарнирным дуговидным центральнокавказской серии по В.Ю. Малашеву, которые датируются от первой половины II по первую половину III в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 133–134]. Основной период бытования лучковых одночленных фибул (рис. 8,21) группы 15, серии I, варианта 3 по А.К. Амброзу [1966, с. 49–50] или группы 4, серии I, варианта 3 по В.В. Кропотову [2010, с. 72–74] – середина II в. н.э. (см. выше). Сильно профилированные фибулы (рис. 8,22,23) атрибутируются как группа 11, серия 1, вариант 1 по А.К. Амброзу с датировкой вторая половина I – первая половина II в. н.э. [1966, с. 40] или группа 10, серия II, форма 1 по В.В. Кропотову [2010, с. 229–233], который согласился с мнением М.П. Абрамовой относительно используемых критериев для выделения хронологически показательных вариантов и отказался от оценки хронологии каждой из выделенных им форм 1–3. В.Ю. Малашев присоединился к мнению А.С. Скрипкина о том, что на уровне тенденции застежки с пластинчатыми спинками занимают более позднюю хронологическую позицию, чем со стержневидными, лишь частично с ними синхронизируясь; для первой половины III в. н.э. фибулы со стержневидной спинкой уже не характерны [Скрипкин, 1977, с. 110; Габуев, Малашев, 2009, с. 131, 134]. Рассматриваемые нижнедзулатские застежки происходят из комплекса с вещами второй половины II в. н.э. [Абрамова, 1972, рис. 9].

Зеркала с валиком по краю диска и ручкой-штырем (рис. 8,36,37) датируются III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 44] (см. выше). Зеркала-подвески с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне (рис. 8,32,33) характерны, главным образом,

для середины I – первой половины II в. н.э. (см. выше). Зеркало-подвеска с боковым ушком, небольшим коническим утолщением на обратной стороне и дополнительным оформлением рельефным знаком в виде креста (рис. 8,34) аналогично зеркалу из Чегемского кургана (рис. 4,24) и датируется первой половиной II в. н.э. (см. выше). Орнаментация зеркала-подвески с боковым ушком в виде квадрата в центре и кольца по периметру, заполненного отрезками радиальных линий (рис. 8,35), находит многочисленные аналогии как на зеркалах данного типа, так и на зеркалах с центральной петлей из комплексов второй половины II – первой половины III в. н.э. [Косяненко, 2008, табл. 17,1,3; Гавритухин, Малашев, 2018, с. 106–107].

Серьги с длинными разомкнутыми концами (рис. 8,29) датируются начиная с I в. н.э. [Малашев и др., 2015, с. 90–91]. Серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 8,30,31) имеют широкую дату, но более характерны для последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. [Абрамова, 1987, с. 158].

Бронзовые петли, являющиеся предметом женского костюма и используемые в качестве застежек, встречаются в погребениях, как правило, попарно и датируются преимущественно в рамках второй половины II – середины III в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 138, рис. 139,5–16], но их находки известны в комплексах второй половины третьего столетия [Малашев, 2018, рис. 1065,6, 1250,3, 1344,11].

Обращает на себя внимание красноглиняный, покрытый красной краской лощеный сосуд на низком поддоне с налепными парными ручками (рис. 8,38), который М.П. Абрамова считала меотской продукцией, подражающей краснолаковым мискам [Абрамова, 1993, с. 61]. Данная атрибуция не совсем верна; килик принадлежит к группе краснолаковой керамики – боспорской сигиллате⁸, которая производилась на территории Боспорского царства примерно с середины II в. до н.э. до конца I в. до н.э. – начала I в. н.э., когда ее сменяет понтийская сигиллата [Домжалевский, Журавлев, 2003]. Большая часть комплексов, содержащих боспорскую сигиллату, может быть отнесена ко второй половине I в. до н.э. Найдки этой посуды представлены на территории как Европейского, так и Азиатского

Боспора и Танаиса, но пока практически не известны в варварских памятниках. Миска из Нижнего Джулата соответствует форме 2 по К. Домжалскому, которую он по находкам в Мирмекии и «доме Хрисалиска» на Тамани, разрушенном в конце I в. до н.э., датировал I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Domžalski, 1996, p. 98, fig. 1, 11; Сокольский, 1976, рис. 53, 3, 4]. Однако эта форма, очевидно, датируется более широко. Подобные сосуды встречены в комплексе конца II в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. в Пантикапее [Lomtadze, Zhuravlev, 2004, p. 205, 209, fig. 2, 1] и слое пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского, датированного около 135/131 гг. до н.э. [Зайцев, 2003, с. 14, рис. 59, 5].

Таким образом, хронология могильника может рассматриваться как III в. до н.э. – II в. н.э., при этом комплексы второй половины II в. н.э. уже можно атрибутировать как относящиеся к погребениям аланской культуры раннего этапа.

Заманкульские курганы (курганы 1–3), Правобережный район Республики Северная Осетия – Алания [Ростунов, 1993; 1994; 1995; Ростунов, Березин, 2007]. В общей сложности было исследовано 129 погребальных комплексов⁹ и 12 комплексов из насыпей, содержащих керамические сосуды. Учитывая близость расположения курганов, можно считать, что они оставлены одной популяцией (населением одного поселения), и рассматривать данную выборку в совокупности. Почти в 40 % случаев форма погребального сооружения не устанавливается (вследствие нахождения в насыпи); по всей видимости, захоронения могли быть совершены в ямах без дополнительных конструкций, которые в достоверно зарегистрированных случаях составляли 22 %. Сравнительно часто погребения были совершены в катакомбах. Катакомбы типа II (рис. 9, 2, 3, 5) составляли 12 %, а с учетом случаев, когда фиксировался выраженный перепад дна или нахождение сосудов в некотором отделении от погребенного, что позволяет предполагать камерное захоронение данного типа, они могли достигать 28 %. Катакомбы типа I (рис. 9, 1, 4) уступали по численности – 10 %. Преобладают индивидуальные погребения, изредка встречаются парные и, как исключение, коллективные (3–6 погребенных),

в том числе многообразные захоронения [Ростунов, Березин, 2007, с. 13]. Захоронения в катакомбах в четырех случаях сопровождались погребениями лошадей во входных ямах. В четырех случаях зафиксированы захоронения лошадей в отдельных ямах.

Доминирует положение погребенных вытянуто на спине, сравнительно часто встречалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (13 случаев), в двух комплексах захороненные лежали скорченно на левом боку. В ориентировке погребенных выделяются 4 группы: 1) сектор СЗ – ЗЮЗ (43 %), 2) сектор ЮЗ – ЮВ (33 %), 3) сектор ССЗ – СВ (17 %), 4) сектор восток – ВСВ (7 %). По наблюдениям Я.Б. Березина, в ранней группе захоронений костяки ориентированы в западный сектор, в поздней – в восточный и южный сектора; единичные случаи ориентировки – в северный сектор [Ростунов, Березин, 2007, с. 13].

Кости животных в погребениях встречались редко: дважды рядом с погребенным и 1 раз в миске. В 7 случаях обнаружены сосуды с гальками.

В.Л. Ростунов и Я.Б. Березин датировали погребения Заманкульских курганов III в. до н.э. – I в. н.э. [Ростунов, Березин, 2007, с. 23]; рассмотрение ряда хроноиндикаторов приведено в их работе [Ростунов, Березин, 2007, с. 15–22]. В качестве основания для нижней даты указана находка ножки фасосской амфоры III в. до н.э. [Ростунов, Березин, 2007, с. 16]. При этом датировка некоторых предметов нуждается в уточнении.

Чернолаковый сосуд на конической ножке с невысоким цилиндрическим горлом, каннелированным туловом и парными вертикальными ленточными ручками (рис. 11, 2) может быть атрибутирован как неаттический канфар – продукция понтийской группы (по А. Божковой) [Bozkova, 1997, p. 11, fig. 5]¹⁰. На данном этапе исследований вопрос о месте производства керамики этой группы остается открытым, а время бытования рассматривается достаточно широко – от последней четверти III в. до н.э. до 30-х гг. II в. до н.э. [Егорова, 2019, с. 126–127, рис. 2, 4–7]. Один из канфаров этой группы был найден в погребении 38/1901 г. Ольвийского некрополя вместе с монетой конца III в. до н.э. [Парович-

Пешикан, 1974, с. 80]; однако ближайшей аналогией рассматриваемому предмету можно считать канфар из погребения 60/1902 г. [Парович-Пешикан, 1974, с. 80, рис. 76,3–5].

Стеклянный скифос (рис. 11,1) атрибутируется как тип I (скорее, вариант 1, но его установление затруднено из-за отсутствия части информации о морфологии ручки) с датировкой, в этом случае, серединой II – началом I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995; Лимберис, Марченко, 2003, с. 108].

О датировке клинкового оружия с серповидным навершием, как с металлическим брусковидным перекрестьем (рис. 11,3), так и без него (рис. 11,5), – см. выше. Кинжал с прямым перекрестьем, прямым брусковидным навершием и широкой массивной рукоятью (рис. 11,4) ассоциируется с клинковым оружием IV в. до н.э. [Клепиков, Скрипкин, 2002, рис. 1А,10,12,16]. И.И. Марченко для Прикубанья определяет их дату IV – концом III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 48–49]. Но в контексте данного памятника IV в. до н.э. из его датировки следует исключить.

Пряжки с неподвижным боковым выступом (рис. 11,17–19), в том числе имеющие грибовидные выступы с внешней стороны, датируются в рамках III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 97–98, 164, рис. 48, 49]. Выделяются две ременные застежки с прямоугольными рамками и ажурным зооморфным изображением внутри рамок (рис. 11,17,18), которые, скорее всего, можно считать местными репликами ажурных и решетчатых пряжек раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. [Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 62–66, рис. 4А,5–13, 5А,5; Ростунов, Березин, 2007, с. 19]. Железные пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком без щитка (рис. 11,20) являются характерным предметом инвентаря не ранее конца I в. до н.э. (см. выше).

Находки шлемов (рис. 11,6,7) ранее уже были охарактеризованы и проанализированы [Ростунов, Березин, 2007, с. 17–18; Глебов, Дедюлькин, 2021, с. 287].

Две застежки, несомненно, относятся к фибулам среднелатенской схемы. Первая из них (рис. 11,12) – проволочная скрепленная (группа 2, подгруппа 3 по А.К. Амброзу) – датируется I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 21]. В.В. Кропотов подобные застежки объединя-

ет в группу 2, серию I, вариант 1 своей типологической схемы и относит ко второй половине (последней четверти) II – первой половине I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 41–45]. Вторая фибула (рис. 11,13) может быть атрибутирована как проволочная надвязная застежка «неапольского» варианта (группа 2, подгруппа 3 по А.К. Амброзу), типичная для I в. до н.э. [Амброз, 1966, с. 22], хотя и отличается от классических «неапольских» образцов небольшой треугольной расширенной ножкой. Очень близка ей по форме фибула из Заюково [Абрамова, 1993, рис. 28,12], по сути отличающаяся от заманкульской лишь наличием проволочной «восьмерки» перед завязкой. В.В. Кропотов относит последнюю к группе 2, серии III, форме 2 и датирует второй половиной или последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 56]. Вероятно, в этих же рамках следует датировать и заманкульской образец. Не исключено, что среднелатенскую конструкцию также имела и фрагментированная фибула с крупной хрустальной бусиной на спинке (рис. 11,15). В этом случае ее следует относить к группе 2, серии III, форме 1 по классификации В.В. Кропотова и датировать в пределах второй половины / последней четверти II – первой половины I в. до н.э. [Кропотов, 2010, с. 54–56].

Одна застежка (рис. 11,14) по В.В. Кропотову атрибутируется как фигурная брошь с шарниром из двух стоек (группа 16, форма 12), датируемая второй четвертью – серединой или второй половиной I в. н.э. [2010, с. 302–305, 314–315].

Одна фибула (рис. 11,10) относится к раннеримским шарнирным дуговидным группы 5 типа «AVCISSA» по А.К. Амброзу с датировкой первой половиной I в. н.э. [1966, с. 26] или к группе 13, форме 2 по В.В. Кропотову, датируемой на территории римских провинций концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 264–265]. Однако в центральных и восточных районах Северного Кавказа данные застежки встречаются позже (во второй половине I в. н.э.), на что указывает их сочетание с лучковыми одночленными фибулами варианта 2 [Абрамова, 1987, рис. 16] (см. ниже).

Наиболее поздней является лучковая одночленная фибула группы 15, серии I, варианта 2 (рис. 11,16) по А.К. Амброзу [1966,

с. 49] или группы 4, серии I, варианта 2 по В.В. Кропотову, датирующаяся серединой I – началом II в. н.э. [2010, с. 72–74].

Зеркала с валиком по краю диска и ручкой-штырем (рис. 11,8) датируются III–I вв. до н.э. (см. выше). Хронология зеркал-подвесок с боковым ушком и коническим утолщением на обратной стороне (рис. 11,9) – середина I – первая половина II в. н.э. (см. выше).

Ведеркообразная подвеска (рис. 11,21) происходит из комплекса, содержавшего железную пряжку с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 11,20), а также подвески из фаянса (рис. 11,24,27), которые определяют дату не ранее I в. н.э. Синхронная ей ведеркообразная сдвоенная подвеска происходит также из Чегемского кургана (рис. 5,15). Позднее, в III–IV вв. н.э., аналогичные подвески встречаются в погребальных комплексах раннего этапа аланской культуры [Малашев, 2018, рис. 1381,112, 1468,8]. При этом в погребениях последних веков до н.э. они не известны.

Таким образом, датировка памятника оценивается как III в. до н.э. – начало (первая половина) II в. н.э.

Могильник Брут 1, курган 22, Правобережный район Республики Северная Осетия – Алания [Куринских, Малашев, 2012, с. 204]. Курган содержал 13 впускных погребений последних веков до н.э. Преобладали захоронения в катакомбах (7): типа II – 6, типа I – 1. Четыре погребения были совершены в ямах; в остальных случаях тип погребального сооружения не устанавливается вследствие нахождения в насыпи. Ориентировки в секторе СЗ – юг составляют 11 случаев, в одном случае зафиксирована СВ ориентировка.

Группа курганов-кладбищ находится в западной части Чеченской республики [Бурков, Прокопенко, 2008]. Учитывая близость расположения исследованных курганов, входящих в состав каждого могильника, можно считать, что они оставлены тремя отдельными популяциями и, по аналогии с Заманкульскими курганами, их можно объединить и рассматривать совокупно как три могильника.

Могильник Бамутский поворот, группа I (курганы 1, 3, 4), и Бамутский поворот, группа II (курган 1), Серноводс-

кий район Чеченской Республики¹¹. Анализируемая выборка включает в себя 31 погребение, 1 комплекс, состоящий из сосудов, а также отдельные сосуды и их фрагменты из насыпи. Формы погребальных сооружений не прослеживались. Примерно в трети захоронений фиксировалось выраженное понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для захоронений в катакомбах типа II. Преобладает вытянутое положение погребенных на спине; в 3 погребениях фиксировалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями и в одном – скорченно на правом боку. Доминирует ориентировка погребенных в секторе СЗ – юг, составляющая 92 %.

Кости животных в погребении находились отдельно (2 случая) и в миске (1 случай). В одном погребении обнаружен сосуд с гальками и еще в одном – камень.

Погребальные комплексы данного памятника не содержат хронологически показательных предметов инвентаря (в одном погребении встречены железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел). Синхронизация с памятниками рассматриваемого круга произведена на основе керамического комплекса.

Могильник Орджоникидзевский, курганы 1 и 14, Ачхой-Мартановский район Чеченской Республики¹². В двух курганах зафиксированы 52 погребения, 35 комплексов из керамических сосудов, а также фрагменты сосудов из насыпи. Для большей части захоронений форма погребальных сооружений не прослеживалась. В ряде захоронений фиксировалось отчетливое понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для захоронений в катакомбах типа II. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине; в 3 погребениях фиксировалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Выразительно преобладает ориентировка погребенных в секторе СЗ – юг (82 %).

Кости животных встречались отдельно (2 случая), в миске (1 случай) и в миске с ножом (1 случай). В 5 погребениях находились сосуды с гальками и в одном – с гальками и цепью в одном сосуде.

Стекланный литой скифос (рис. 16,2) может быть атрибутирован как тип I, вариант 1, датированный серединой II – началом I в. до н.э., или тип IIa, вариант 1, который характерен для конца II – первой половины I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995; Лимберис, Марченко, 2003, с. 108].

Мечи без металлического перекрестья с серповидным навершием (рис. 16,4,5) датируются от второй четверти – середины III до начала I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 141].

Зеркала с валиком по краю диска (рис. 16,8) датируются III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 33, 44]. Зеркала без ручек с плоским диском (рис. 16,7) имеют широкий период использования в рамках IV–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, рис. 33, 44]. Датировка зеркала с гладким диском и едва намеченным насадом (с отверстием для фиксации) под раздельную ручку (рис. 16,6) – см. выше, Чегемский курган.

Серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота более характерны для комплексов последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. (см. выше).

Датировка памятника может рассматриваться в рамках III–I вв. до н.э.

Могильник Самашкинский, курганы 2 и 3, Ачхой-Мартановский район Чеченской Республики¹³. В общей сложности зафиксировано 41 погребение и 1 комплекс из керамических сосудов. Форма погребальных сооружений в основном не прослеживалась. В ряде захоронений фиксировалось отчетливое понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для захоронений в катакомбах типа II. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине; в 4 погребениях фиксировалось положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Преобладающая ориентировка погребенных – в секторе СЗ – юг (74 %).

Кости животных находились в миске (5 случаев) и в миске с ножом (1 случай). В 2 погребениях зафиксированы сосуды с гальками, в одном погребении были обнаружены зернотерка и два терочника.

Погребальные комплексы данного памятника содержат немного показательных для оценки хронологии вещей. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел

и серьги в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 16,9,10) не имеют узкой даты и чаще встречаются в комплексах последних веков до н.э., чем в I–II вв. н.э. (см. выше). Сероглиняный кувшинчик с хорошо сформированным четырехлепестковым устьем (рис. 16,3) является продукцией керамических мастерских, скорее всего, Южного Дагестана, выполнен в традициях Кавказской Албании и находит аналогии в Шаракунском и Мамрашском могильниках [Давудов, 1996, с. 103–104, рис. 35,12, 37,4]. Их хронология специально не разрабатывалась, но, видимо, они более характерны для I–II вв. н.э., чем для последних веков до н.э. [Давудов, 1996, с. 194–197]; в пользу данной оценки свидетельствует находка реплики морфологически близкого кувшинчика, но не с четырехлепестковым оформлением устья, из комплекса II в. н.э. [Малашев, 2016, рис. 47,4]. Исходя из этого, памятник может быть датирован в широких рамках от III/II в. до н.э. до I/II в. н.э.

Львовский VII, курган 4, Бабаюртовский район Республики Дагестан. Представлял собой небольшую естественную возвышенность [Маслов и др., 2016, с. 5] и содержал 40 погребений, а также 12 комплексов из керамических сосудов и серию отдельных находок в насыпи. Анализ погребального обряда представлен в монографии: [Маслов и др., 2016, с. 28–30].

Формы погребальных сооружений не прослеживались, за исключением одного погребения, совершенного в подбое [Маслов и др., 2016, с. 29]. В ряде захоронений фиксировалось выраженное понижение или повышение уровня залегания погребенного к голове или к ногам, что характерно для погребений в катакомбах типа II [Маслов и др., 2016, с. 30]. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине; в 2 погребениях фиксировалась сильно скорченная поза погребенных на левом и правом боку [Маслов и др., 2016, с. 28], и в одном – на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями [Маслов и др., 2016, с. 30]. Ориентировка погребенных неустойчивая, выделяются два сектора: 1) сектор СЗ – ЮВ – 58 %, 2) сектор север – восток – 42 % [Маслов и др., 2016, с. 113].

В 16 погребениях и 7 комплексах зафиксированы кости животных с ножом или без

него, находившиеся как в миске, так и отдельно. В ряде погребений, комплексов, а также отдельно в насыпи обнаружены каменные орудия труда (плитки, зернотерки, терочник) и камни без следов обработки [Маслов и др., 2016, с. 41].

Датировка памятника – в рамках от II в. до н.э. до рубежа эр [Маслов и др., 2016, с. 44].

Зеленоморский курган, Карабудахкентский район Республики Дагестан; исследовался Дагестанской экспедицией ИА АН СССР в 1985–1986 гг. и Приморским отрядом ИИЯЛ ДФ АН СССР [Пярых и др., 1986; Салихов, 1986; 1988]. В общей сложности раскопано 53 погребальных комплекса¹⁴.

Вследствие незначительной глубины захоронений было сложно проследить форму погребальных сооружений. При этом, судя по таким признакам, как выраженное понижение или повышение дна ямы к голове погребенного, наличие небольших углублений (около 10 см) в дне ямы для погребенного и расположение инвентаря рядом с погребенным, но за пределами «контуров ямы», большая часть погребальных сооружений может быть интерпретирована как захоронения в катакомбах типа II. При этом, несомненно, были захоронения и в ямах без дополнительных конструкций; в 4 случаях, предположительно, зафиксированы погребения в подбоях. Необходимо отметить захоронение с диагональным положением погребенного [Салихов, 1986, рис. 105]. Доминирует вытянутое положение погребенных на спине, в 2 случаях фиксируется положение погребенного на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Ориентировка погребенных неустойчивая. Можно выделить три сектора наиболее массовых направлений: 1) сектор ЮЮЗ – СЗ – 54 %, 2) сектор ЮЮВ – СВ – 33 %, 3) сектор ССЗ – ССВ – 13 %.

Важными признаками обряда можно считать сосуды с гальками [Салихов, 1986, рис. 80, 84, 22–29, 114] или с цепочкой [Салихов, 1986, рис. 125, 126, 2]. Обращают на себя внимания случаи находок костей животных (преимущественно КРС), часто с ножом, обнаруживаемых как в миске, так и рядом с погребенным. Достаточно часто в погребениях встречались крупные каменные орудия труда (плитки, зернотерки).

Нижняя хронологическая граница на основании ряда форм керамического комплекса и находок колчаных крюков (рис. 21, 7, 8), часто встречающихся в комплексах III–I вв. до н.э. и практически неизвестных позднее [Абрамова, 1993, с. 76–77], уходит в последние века до н.э. Зеркала с раздельной ручкой, гладким диском и вырезом под ручку (рис. 21, 12), как уже говорилось, характерны для памятников Кубани конца III – II в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 17]. Зеркала с валиком по краю диска (рис. 21, 13) датируются III–I вв. до н.э. (см. выше). Этому не противоречит хронология железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел, серег в виде кольца в 1,5–2 оборота (рис. 21, 3–6), которые более характерны для последних веков до н.э., чем для I–II вв. н.э. (см. выше). Мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием (рис. 21, 11) имеют широкие хронологические рамки (см. выше).

Верхняя граница связана с I в. н.э. на основании присутствия в анализируемой выборке погребения с диагональным положением погребенного – одним из диагностических признаков среднесарматской культуры, комплекта стержневидных псалий с овальными расширениями на концах (рис. 21, 10), тип которых восходит к так называемым очковидным псалиям, распространенным со среднесарматского времени [Симоненко, 2010, с. 165–168], серег с длинными разомкнутыми концами, характерных (рис. 21, 1, 2) для времени не ранее I в. н.э. (см. выше), и наличия в кургане красноангобирванной керамики [Салихов, 1986, с. 7, 9], датирующейся не ранее I в. н.э. [Гаджиев, 2002, с. 100].

Таким образом, датировка Зеленоморского кургана может рассматриваться от II–I вв. до н.э. до I в. н.э.

Могильник Манаскент I, Карабудахкентский район Республики Дагестан; исследовался Дагестанской экспедицией ИА АН СССР в 1985 г. [Пярых и др., 1986; Маслов и др., 2013]. Курган 2 содержал 7 погребений последних веков до н.э. (№ 2–4, 7–9, 12), в двух курганах встречены еще 4 погребения (кург. 8, погр. 2 и 3, кург. 10, погр. 1 и 2), которые можно отнести к данному периоду. Формы погребальных сооружений не всегда достоверно устанавливаются вследствие незначительной глубины или разрушения насыпей курганов.

Преобладают овальной формы ямы; один раз зафиксирована катакомба типа II (рис. 22, I), еще в трех случаях можно предполагать использование катакомб подобного типа. Ориентировка погребенных: СЗ – 4, ССЗ – 2, по одному разу – западная, ЗЮЗ и ССВ, с преобладанием в секторе ССЗ – ЗЮЗ. Из других обрядовых особенностей отметим наличие костей животного в миске.

Данный памятник выделяется сравнительно небольшим количеством захоронений и сближается с курганом 22 могильника Брут 2. Датировка – II–I вв. до н.э. [Маслов и др., 2013].

Представленная выше выборка памятников практически полная, вполне репрезентативная, позволяющая делать определенные заключения относительно их общности. Основными диагностическими признаками данной группы памятников являются общие черты погребального обряда, единство керамического комплекса и синхронность в рамках III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. Важно и то, что все памятники находятся в одной ландшафтной зоне, что подразумевает сходство хозяйственного уклада населения, оставившего их. Наиболее важными диагностическими признаками являются погребальный обряд и керамический комплекс.

Погребальный обряд. Общая выборка насчитывает 452 погребальных комплекса. Памятники интерпретируются как курганы-кладбища, в которых анализируемые погребения являлись впускными в насыпи более ранних курганов. Курганы содержали различное количество погребальных комплексов, достигавшее 135 в Чегемском кургане. Отдельные курганы включали порой небольшое количество погребений (от 4 до 13), однако расположение этих курганов вблизи друг друга в рамках одного памятника дает основание считать эти погребальные комплексы как оставленные одной популяцией и рассматривать совокупно (Заманкульские курганы, Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский). Большая часть памятников содержала от 11 до 76 комплексов. Статистически их можно представить в виде трех совокупностей с максимумом в средней по численности части выборки: 129–135 (2 памятника), 31–76 (5 памятников) и 11–13 (2 памятника).

Вследствие того, что часть погребений находилась в насыпи или имели место сложности, связанные с характером материкового грунта и неконтрастным заполнением, формы погребальных сооружений не всегда были прослежены, а погребения фиксировались на уровне залегания скелетов и инвентаря. Это ограничивало интерпретационные возможности, касающиеся понимания форм погребальных сооружений, и приводило к их обобщенной оценке как о захоронениях в ямах.

В ряде памятников выражено преобладали захоронения в катакомбах (Чегемский курган, Нижне-Джулатский могильник, курган 22 Брут 1); в других они составляли значимую часть форм погребальных сооружений (Заманкульские курганы) или давали основания предполагать их использование (Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский, Львовский VII, Зеленоморский курган, Манаскент I). В Чегемском кургане и Нижне-Джулатском могильнике катакомбы типа I численно преобладали над катакомбами типа II¹⁵. В Заманкульских курганах и кургане 22 Брут 1 катакомб типа II было заметно больше, чем катакомб типа I. В расположенных восточнее памятниках катакомбы типа I неизвестны; здесь, судя по ряду косвенных признаков, предполагается использование катакомб типа II. Кроме того, в Заманкульских курганах и памятниках, расположенных далее к востоку, фиксируется большее количество ям, а также встречаются захоронения в подбоях. Для обряда Нижне-Джулатского могильника, Чегемского и Заманкульских курганов характерно использование катакомб для многогрозных захоронений.

У погребенных доминирует вытянутое положение на спине. Значимую часть составляют поза на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (от 4 до 15 %) и скорченное положение на левом или правом боку (от 2 до 15 %). Ориентировка погребенных не очень устойчива. Для большей части памятников – Брут 1, Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский, Львовский VII, Зеленоморский курган, Манаскент I – преобладающей является ориентировка в секторе СЗ – юг, составляющая от 60 до 100 %. Три самых крупных некрополя – Чегемский курган, Нижне-Джулатский могильник, Заманкульские

курганы – дают более широкий разброс по секторам, но сектор СЗ/ССЗ – юг остается наиболее массовым (за исключением Нижне-Джулатского могильника, где на него приходится около половины ориентировок).

Диагностически важными являются находки ритуальных сосудов с гальками или с цепочкой¹⁶, являющиеся показательными для комплексов III–I вв. до н.э. Первые характерны почти для всех могильников, исключая курган 4 Львовский VII и Манаскент I, и обнаружены в 3–10 % комплексов. Сосуды с цепочкой встречены в Чегемском кургане, Нижне-Джулатском могильнике, Орджоникидзевском могильнике и Зеленоморском кургане, где они известны в 2–8 % погребений. Достаточно широко распространен еще один обрядовый признак – кости животных (с ножом и без ножа), как в миске, так и рядом с погребенным.

Памятники также связывают и такие черты обряда, как находки сосудов в насыпи (Заманкульские курганы, Бамутский поворот, Орджоникидзевский, Самашкинский, Львовский VII), захоронение лошадей во входных ямах катакомб и в отдельных ямах (Заманкульские курганы, Чегемский курган), находки крупных каменных орудий труда – зернотерок, терочников и др. (Самашкинский, Львовский VII, Зеленоморский курган).

Керамика. В работе М.П. Абрамовой [1993] приведена систематизация керамики, в которой учтены сосуды из некоторых рассматриваемых нами памятников. В нашей работе детализация по типам М.П. Абрамовой дается не всегда; здесь достаточно продемонстрировать наличие общих форм и орнаментации, объединяющих памятники в рамках одной традиции.

Кувшинчики и кувшины. Для данной группы посуды характерны формы с низким, расширяющимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, и сфероконическим или расширяющимся к основанию туловом; небольшие ручки находились полностью на плечиках или крепились к ним нижним прилепом, а верхним – к горлу, верхний прилеп оформлен в виде выступа (рис. 2,16–26, 7,3–7, 10,1–4,6, 12,5–7,10–13, 13,1,3, 15,1,11, 18,12, 19,3–5,7,8,13). Для III–I вв. до н.э. чрезвычайно характерна орнаментация в виде пуч-

ков вертикальных каннелюр в сочетании с поясами горизонтальных желобков, «волны» и оттисков штампа (см., например, рис. 2,16–18,21,22,24 и т. д.).

Морфологически и орнаментально близки кувшинам *корчаги* (рис. 10,7, 12,2–4,8,9, 13,5,6, 15,3, 19,1,2,6). В могильниках Орджоникидзевском и Бамутский поворот формы корчаг выделяются своим морфологическим своеобразием – высоким горлом и в ряде случаев сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 13,7,8,13, 15,2), вызывающим ассоциации с соответствующей категорией посуды кобанской культуры.

Основными формами *кружек* являются следующие. Кружки без выделенного горла, с расширяющимся к основанию туловом, широким дном и ручкой с выступом на верхнем прилепе, находящейся в средней части тулова; орнаментация в виде пучков вертикальных каннелюр в сочетании с поясами горизонтальных желобков, «волны», ломаной линии и оттисков штампа (рис. 2,1,2,5–9,15, 7,18, 10,8, 12,23, 18,6,9, 19,14); характерны для III–I вв. до н.э. Кружки с низким, расширяющимся к основанию горлом, сферическим или расширяющимся к основанию туловом и ручкой, расположенной в средней части тулова или на плечиках; орнаментация – в виде пучков вертикальных каннелюр в сочетании с поясами узких горизонтальных желобков и оттисков штампа (рис. 2,3,4,11, 7,15–17, 10,5,9, 12,31, 13,16,17,19, 19,10,12). Кружки аналогичной формы, но ручка крепится верхним прилепом к венчику; оформление верхнего прилепа и орнаментация отсутствуют (рис. 2,10, 10,10, 12,26,27,32, 13,14,15). Неорнаментированные кружки усеченно-конической формы с ручкой в средней части тулова (рис. 2,12–14, 18,4,5, 19,11). Помимо этого в отдельных памятниках встречаются редкие формы кружек (рис. 12,24,25, 13,18–20, 15,5, 18,12,13).

Миски. Миски с загнутым внутрь бортиком. Встречаются экземпляры с орнаментацией стенок и бортика пучками вертикальных каннелюр в сочетании с горизонтальными линиями и «волной» (рис. 3,6–10, 7,13,14, 12,14–17, 14,1–3,5,6, 15,7,8, 17,1,4, 20,8–10), характерные для III–I вв. до н.э., а также декорированные по бортику горизонтальными желобками (рис. 3,1,2, 10,16, 12,17, 20,11), ко-

торые являются репликами меотской керамики I–II вв. н.э. [Березин и др., 2012, с. 48–49]. Миски с вертикальным, слабо загнутым внутрь или слегка отогнутым наружу бортиком и верхней поверхностью венчика, оформленной в виде выраженной горизонтальной или наклонной внутрь широкой площадки, восходят к морфологической традиции меотской посуды [Березин и др., 2012, с. 49]; площадка на венчике бывает орнаментирована пучками прочерченных линий (рис. 3,3, 7,8,9,11,12, 10,17,18, 12,19, 14,9,13, 17,2,3,7–11, 20,1,3–5). Миски с загнутым внутрь бортиком и выделенным снаружи венчиком (рис. 3,4,5, 12,18, 14,10, 20,6,7), по всей видимости, являются синтезом двух ранее рассмотренных разновидностей. Миски с загнутым внутрь или вертикальным бортиком, имеющим снаружи ручки-выступы на венчике (рис. 14,4,7,8, 17,6,12, 20,12, 22,2), являются принадлежностью комплексов курганов Орджоникидзевог могильнико и Приморского Дагестана. Редкая разновидность мисок с высоким бортиком (чаще слегка загнутым внутрь) и отогнутым наружу венчиком; часть сосудов имеет небольшие, крепящиеся к бортику ручки (рис. 12,20–22, 14,11,12, 17,5, 20,2), что, возможно, восходит к традициям кобанской культуры [Козенкова, 2001, рис. 73, III тип, 74, VIII тип].

Ритуальные сосуды. Небольшие ритуальные сосуды различных форм чрезвычайно показательны для памятников типа Чегем-Манаскент и являются неотъемлемой частью наборов керамики из погребальных комплексов. Наиболее подробно они были рассмотрены М.П. Абрамовой [1993]. Ритуальные орнаментированные чаши полусферической формы с отогнутым наружу венчиком; известны формы с внутренней перегородкой в виде небольшого «кармана» (рис. 18,7,8, 19,19–21). Соотносятся с типом 1 по М.П. Абрамовой [1993, с. 53] и характерны для памятников современных Чечни и Дагестана. Ритуальные чаши аналогичной формы на полове поддоне, также часто декорированные по тулову и верхней поверхности венчика (рис. 3,11–19, 7,10, 10,19,20, 14,22, 18,1–3, 19,22), известны практически на всех памятниках данной группы и соотносятся с типом 2 по М.П. Абрамовой [1993, с. 53, 55].

Ритуальные сосуды (в том числе с гальками или цепочкой) усеченно-конической или шаровидной формы, как правило без выделенного венчика или со слегка обозначенным венчиком (тип 2 по: [Абрамова, 1993, с. 56–59]) (рис. 3,20–26, 7,21,22, 10,27–29, 19,15,23), шаровидные сосудики с желобчатым оформлением плечиков (тип 6 по: [Абрамова, 1993, с. 145]) (рис. 3,27,28) и горшковидные сосуды (тип 1 по: [Абрамова, 1993, с. 56]) (рис. 7,19,20, 12,29,30, 14,18,21) широко распространены в рассматриваемых памятниках; типы 2 и 6 менее характерны для могильников Чечни и Дагестана.

Сосуды усеченно-конической формы с двумя ручками-выступами (рис. 10,25), двуручные сосуды с ручками на тулове (рис. 7,23, 10,24) и двуручные сосуды с ручками, крепящимися верхними прилепами к венчику (рис. 7,24, 10,21–23, 12,28, 14,14–17,19,20, 15,13, 18,10,11, 19,16), известны на всей территории памятников данного типа, но чаще встречаются в восточной части ареала. В Зеленоморском кургане имеются два сосуда (рис. 19,17,18), являющиеся синтезом ритуальных чаш на поддоне и двуручных сосудов с ручками, крепящимися верхними прилепами к венчику.

В Чегемском могильнике встречены два ритуальных сосуда в виде миниатюрных полусферических чаш с коническими выступами на внутренней поверхности дна (рис. 3,29), а в Нижне-Джулатском подобный сосудик в виде плоски, относящийся к I – началу II в. н.э. [Абрамова, 1993, рис. 56,6,7,10, с. 145]. Их использование продолжается позднее, что иллюстрируют находки в погребениях аланской культуры III в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, рис. 28,23; Малашев, 2018, рис. 1118,3], позволяющие говорить о близости идеологических представлений населения региона первых веков н.э., оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, и носителей аланской культуры раннего этапа.

В целом керамический комплекс рассматриваемых памятников типологически сходен. При этом на формах сосудов Чегемского кургана, Нижне-Джулатского и Заманкульского могильников фиксируется влияние меотской керамики, что коррелируется с большим количеством импортов в сравнении

с памятниками более восточных территорий. Керамический комплекс могильников Прикаспийского Дагестана осложнен влияниями Кавказской Албании: присутствием в нем собственно ее керамической продукции [Маслов и др., 2016, с. 32] (рис. 19,9) или подражаниями (рис. 18,15)¹⁷. А в памятниках, находящихся на территории современной Чечни, достаточно отчетливо сохраняются черты керамики кобанской культуры (см. рис. 12,20–22, 13,4,7–10,17–19, 15,2,5), что отмечалось и М.П. Абрамовой [1993, с. 97].

Подводя итоги, можно сказать, что рассмотренные могильники объединяются общностью погребального обряда и керамического комплекса, характеризующими их культурный облик. Территориально они занимают равнинно-предгорную полосу центральных и восточных районов Северного Кавказа – от Кабардино-Балкарии до Прикаспийского Дагестана (рис. 23). Их хронология охватывает период от III в. до н.э. до начала (первой половины) II в. н.э. Основной период существования памятников типа Чегем-Манаскент приходится на II в. до н.э. – I в. н.э. Надежных индикаторов III в. до н.э. не так много, что, впрочем, за исключением Прикубанья, характерно для всей территории Азиатской Сарматии. Уточнить датировки в рамках третьего столетия до н.э. сложно, но, по всей видимости, речь может идти о поздней его части. Для верхней границы имеются более точные оценки, а сама она «упирается» в начальный период (ранний этап) аланской культуры, формирование которой завершается ко второй половине II в. н.э. [Малашев, 2007а, с. 492–494]. Показательно, что комплексы второй половины II в. н.э. Нижне-Джулатского могильника имеют облик погребений аланской культуры раннего этапа, могут быть соотнесены с напластованиями соответствующего городища [Чеченов, 1967, с. 218, 223; Малашев, 2007а, с. 488] и свидетельствуют о непосредственной генетической связи памятников типа Чегем-Манаскент с аланской культурой Северного Кавказа.

Достаточно сложен вопрос о происхождении данного типа памятников. Ряд исследователей связывал формирование катакомб у населения северокавказских степей последних веков до н.э., а также носителей куль-

турного комплекса памятников типа Чегем-Манаскент со степными раннесарматскими традициями [Керефов, 1985, с. 219–223; 1988, с. 112; Виноградов, Березин, 1985, с. 52–55]. М.П. Абрамова отрицала их роль в формировании катакомб типа II последних веков до н.э. у населения северокавказских степей и считала, что массовость использования катакомб, начиная с IV–III вв. до н.э., у эллинизированного варварского населения Боспорской хоры является аргументом в пользу гипотезы о приоритете традиций последнего в формировании катакомбного обряда погребения у кочевников северокавказского региона [1993, с. 100]. То есть, по мнению М.П. Абрамовой, обряд захоронения в катакомбах типа II на Северном Кавказе не является сарматским по происхождению и распространяется с территории Тамани сначала у степного населения Прикубанья, а потом далее на восток – у степного населения Центрального Предкавказья [1993, с. 100]. Дополнительным основанием для этого послужили актуальные на то время данные о незначительном проценте катакомб типа II в контексте раннесарматской культуры волгоуральских и донских степей [Абрамова, 1993, с. 99]. Данный тезис на сегодняшний день требует существенной корректировки. Начиная с середины 90-х гг. прошлого века резко увеличилось количество комплексов раннесарматской культуры на территории Азиатской Сарматии, в первую очередь Южного Приуралья (до 18 % в отдельных некрополях [Мошкова и др., 2011, с. 166–167]), а также в памятниках северокавказских степей, которые содержат достаточно высокий процент захоронений в катакомбах типа II. Это ставит под сомнение гипотезу М.П. Абрамовой о роли античных традиций в формировании данной обрядовой черты и «уравновешивает» ее с гипотезой о «раннесарматском» генезисе. Довольно сложна для понимания и структурно нечеткая в построениях гипотеза М.П. Абрамовой о формировании катакомбного обряда у населения, оставившего памятники типа Чегемского кургана и Нижне-Джулатского могильника, потомками скифских и савроматских кочевников, переходивших к седентаризации при участии местного оседлого населения [1993, с. 102]. Тем не менее исследователи сходятся в одном – формирование культу-

ры оседлого населения, оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, происходило при участии переходивших к оседлому образу жизни кочевников и местного населения [Березин, Виноградов, 1988, с. 34–39]. М.П. Абрамовой [1993, с. 33–38] отмечались сходные черты в погребальном обряде степного населения северокавказских степей III–I вв. до н.э. и носителей культурного комплекса курганов-кладбищ, которые мы относим к древностям типа Чегем-Манаскент (по ее определению – грунтовых могильников): впускные погребения в более ранние насыпи курганов, использование катакомб типа II, определенные соответствия в ориентировке погребенных, преобладающее положение погребенных вытянуто на спине и при этом встречающаяся скорченная поза погребенных или положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями, расположение рук на тазе, присутствие костей животных в погребении, в том числе в миске с ножом, и сосудов с гальками или цепочкой.

В целом мы присоединяемся к данному положению и считаем, что облик материальной культуры памятников типа Чегем-Манаскент (морфология и технология керамики, металлообработка, предметы, свидетельствующие о земледелии) определяют традиции северокавказского оседлого населения, а формирование погребального обряда (захоронения в курганах-кладбищах, камерные погребальные сооружения в виде катакомб) – традиции кочевого населения северокавказских степей, не вдаваясь в этнические дефиниции при его атрибуции как «сираки», «сарматы», потомки «скифских» или «савроматских» кочевников. Более важным является вопрос о характеристике культуры кочевников раннесарматского времени северокавказских степей как самостоятельного явления с соответствующими территориальными границами, хронологическими рамками, диагностическими обрядовыми признаками, отличающими их от носителей классической раннесарматской культуры волго-донских и южноуральских степей. Что касается вопроса переоформления / эволюции катакомб типа II в тип I, происходивших в рассматриваемом контексте, то имеются прецеденты, иллюстрирующие подобные трансформации в культуре ранних кочевников [Мошкова и др., 2011, с. 166–167].

Отметим два момента. Первоначальная территория, на которой происходит сложение культуры памятников типа Чегем-Манаскент, – равнинно-предгорные районы от центральной части современной Кабардино-Балкарской Республики до запада Чеченской Республики (рис. 23). Могильники Прикаспийского Дагестана – Львовский, Зеленоморский, Манаскент – находятся достаточно далеко от них и представляют собой результат миграции ее носителей во II–I вв. до н.э., что подтверждает не только географическая отдаленность, но и несколько более поздние нижние даты памятников.

Значительная доля катакомб типа I фиксируется в Чегемском кургане и Нижне-Джулатском могильнике, небольшой процент их имеется в Заманкульских курганах. Начиная от территории современной Чечни, и далее на восток они не фиксируются, как не наблюдается и практика многоактных / многоазовых захоронений. Кроме того, возможность использования для захоронений катакомб типа II в этих памятниках может обсуждаться лишь на основании косвенных признаков. Можно сделать заключение, что эволюция в погребальном обряде – из катакомб типа II в тип I – происходила в западной части ареала, на территории современных Кабардино-Балкарии и Северной Осетии – Алании. Очевидно также, что в дальнейшем именно на этой территории происходит оформление аланской культуры с дальнейшим ее распространением в восточном и западном направлениях.

Возникает вопрос о связи памятников типа Чегем-Манаскент с соответствующими им поселениями. Однако поиск этих поселений пока не был предметом целенаправленных исследований. На сегодняшний день имеется небольшая выборка поселенческих памятников последних веков до н.э. – начала н.э. Из них лишь один может иметь отношение к могильникам рассматриваемого круга: на городище Нижний Джулат И.М. Чеченовым было отмечено наличие слоя I–II вв. н.э. [Чеченов, 1967, с. 218, 223], синхронного погребальным комплексам могильника. Серия поселений с керамикой, соотносимой с технологической и морфологической традицией рассматриваемых древностей предгорной полосы, происходит с территории Ставропольско-

го края [Охонько, 1988, с. 255–256; Березин, Колесниченко, 2009; Березин и др., 2012, с. 51–52, рис. 83]. Однако пока нет информации об их некрополях.

Важно подчеркнуть, что наличие памятников типа Чегем-Манаскент на территории равнинно-предгорной части центральных и восточных районов Северного Кавказа не исключает присутствия некрополей несколько иного облика (Ханкальские могильники), но которые, будучи несколько отличными в отношении погребального обряда, связывает с первыми единство материальной культуры, синхронность и исторические судьбы.

В заключение остановимся на значении памятников типа Чегем-Манаскент в культурно-исторических процессах в регионе и сложении других культур.

1. Носители данного комплекса явились субстратом, на основе которого формировалась аланская культура Северного Кавказа. О роли этого населения в сложении аланской культуры раннего этапа (II–IV вв. н.э.) неоднократно высказывались исследователи [Абрамова, 1972; 1993, с. 186; Виноградов, Березин, 1985; Березин, Виноградов, 1988; Малашев, 2007а, с. 490–494; Габуев, Малашев, 2009, с. 147–148; Малашев, 2016, с. 60–61; Малашев, Торгоев, 2018]. Генетическая связь культуры памятников прослеживается в погребальном обряде и в керамическом комплексе. Это можно дополнить фиксируемой в Нижне-Джулатском могильнике плавной трансформацией основных обрядовых признаков и керамической традиции в традицию аланской культуры. Это также подтверждает сходство ритуальных сосудов с коническими выступами на внутренней поверхности дна из Чегемского кургана и Нижне-Джулатского могильника с сосудами из Брута 2 и Братских 1-х курганов и может говорить о близости идеологических представлений. Учитывая наибольшее количество черт сходства в обрядовых признаках и керамическом комплексе могильников с территории современных Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Чегемский и Заманкульские курганы, Нижне-Джулатский могильник), скорее всего именно на этой территории происходит оформление аланской культуры. Показательно, что отсюда происходят наиболее ранние на сегодняшний день

погребальные комплексы аланской культуры, относящиеся ко второй половине II в. н.э. (Нижне-Джулатский могильник, погр. 33, 77 [Абрамова, 1972]; Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, с. 140]; могильник Змейского городища, курган 2¹⁸).

2. Керамический комплекс памятников круга Андрейаульского городища в значительной степени восходит к керамической традиции (как морфологической, так и технологической) древностей типа Чегем-Манаскент, осложненной морфологическими влияниями традиции Кавказской Албании, что ставит вопрос об участии последних в формировании облика культуры оседлого населения Терско-Сулакского междуречья в первые века н.э. [Малашев, 2016, с. 43–44, 60–61].

3. Памятники типа Чегем-Манаскент лежат в основе происхождения памятников типа Подкумок-Хумара, с которыми их связывает использование катакомбного обряда погребения с многократным использованием камерных могил и керамический комплекс¹⁹. Миграция на территорию Пятигорья и в Кисловодскую котловину в поздней части I в. до н.э. группы населения равнинных территорий современной Кабардино-Балкарии привела к формированию новой культуры, которая в дальнейшем развивалась в определенной изоляции. Эта изолированность повлияла на изменение типологического состава катакомбных могил (с использованием катакомб типов I, IV и двухкамерных типа VII против типов I и II, характерных для памятников типа Чегем-Манаскент) и собственную линию эволюции керамического комплекса. При этом сохранилась идея устройства могильников на возвышенностях, напомиравших курганы, что фиксируется для Покумского и Хумаринского могильников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (номер темы: АААА-А18-118011790093-2).

State assignment № АААА-А18-118011790093-2 “Archaeological cultures of the Eurasian steppes and the ancient world contacts and mutual influences”.

² Здесь и далее типы катакомб – по К.Ф. Смирнову [1972] и М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашеву [1999].

³ В.Ю. Малашевым памятники Пятигорья и Верхней Кубани I в. до н.э. – IV в. н.э. на основании особенностей конструкции катакомб и керамического комплекса были выделены в самостоятельную культурную группу (памятники типа Подкумок-Хумара), происходящую от памятников типа Чегем-Манаскент и связанную с миграцией части этого населения в Пятигорье [Малашев, 2007а, с. 498; Габурев, Малашев, 2009, с. 157], которая сохраняет культурное своеобразие на территории Кисловодской котловины до конца IV в. н.э.

⁴ Подробнее об этом см.: Малашев В. Ю. Памятники типа Подкумок-Хумара // Сборник к юбилею В.Б. Ковалевской. (В печати).

⁵ Благодарим В.В. Кропотова за содействие в атрибуции фибул среднелатенской схемы из Чегемского кургана, Нижне-Джуглатского могильника и Заманкульских курганов.

⁶ По некоторым признакам возможна ее атрибуция и как варианта 2.

⁷ В своде В.В. Кропотова застежка ошибочно отнесена к инвентарю погребения 30.

⁸ Мы приносим искреннюю благодарность за помощь в атрибуции данного сосуда научному сотруднику Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского А.В. Смокогиной.

⁹ Курган 3 содержал 2 погребения (одно из них в катакомбе типа II) с западной ориентировкой [Ростунов, 1995, рис. 8, 16]

¹⁰ Выражаем искреннюю благодарность научному сотруднику кафедры археологии МГУ Т.В. Егоровой за помощь в атрибуции данной находки.

¹¹ Бамутский поворот, группа I: курган 1 (погребения 1, 2, 4, 7, 9, 10, 17, 18, 23, 35 и комплекс 5), курган 3 (погребения 1–4, а также фрагменты сосудов из насыпи), курган 4 (погребения 1–10, сосуды и их фрагменты из насыпи); Бамутский поворот, группа II: курган 1 (погребения 2, 5, 7, 8, 11, 12, 14).

¹² Орджоникидзевский: курган 1 (погребения 1–3, 5, 6, 8–15, 20–25, 28, 29, 31–34, 37, 41–53 и комплексы 1–20), курган 14 (погребения 1, 2, 5–11, 14–16, 22 и комплексы 1–5, а также фрагменты сосудов из насыпи).

¹³ Самашкинский: курган 2 (погребения 2, 4–6, 8–24, 26–28, 32, 35, 36, 38), курган 3 (погребения 2, 3, 11, 15, 17, 19, 21, 25, 28, 30, 32, 36, 45 и комплекс 1).

¹⁴ Вследствие хозяйственных работ и грабительских раскопок была разрушена часть погребений, которая могла заметно увеличить выборку.

¹⁵ К данному выводу пришла также М.П. Абрамова, допуская, что в Чегемском кургане и Нижне-Джуглатском могильнике могли «господствовать» катакомбы типов I и IV [1993, с. 102].

¹⁶ По могильнику Брут 1 нет данных для рассматриваемых ниже обрядовых признаков.

¹⁷ Возможно, пропорции и высокое горло двух кувшинчиков из могильников Орджоникидзевского, Бамутский поворот и Зеленоморского кургана (рис. 13, 11–13, 15, 4, 19, 7, 8) также восходят к традициям Кавказской Албании.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Малашев В. Ю., Бакушев М. А., Фидаров Р. Ф., Караев Б. З., Леонтьева А. С. Змейский раннеаланский могильник // Российская археология. (В печати).

¹⁹ Подробнее об этом см.: Малашев В. Ю. Памятники типа Подкумок-Хумара // Сборник к юбилею В.Б. Ковалевской. (В печати).

ПРИЛОЖЕНИЯ

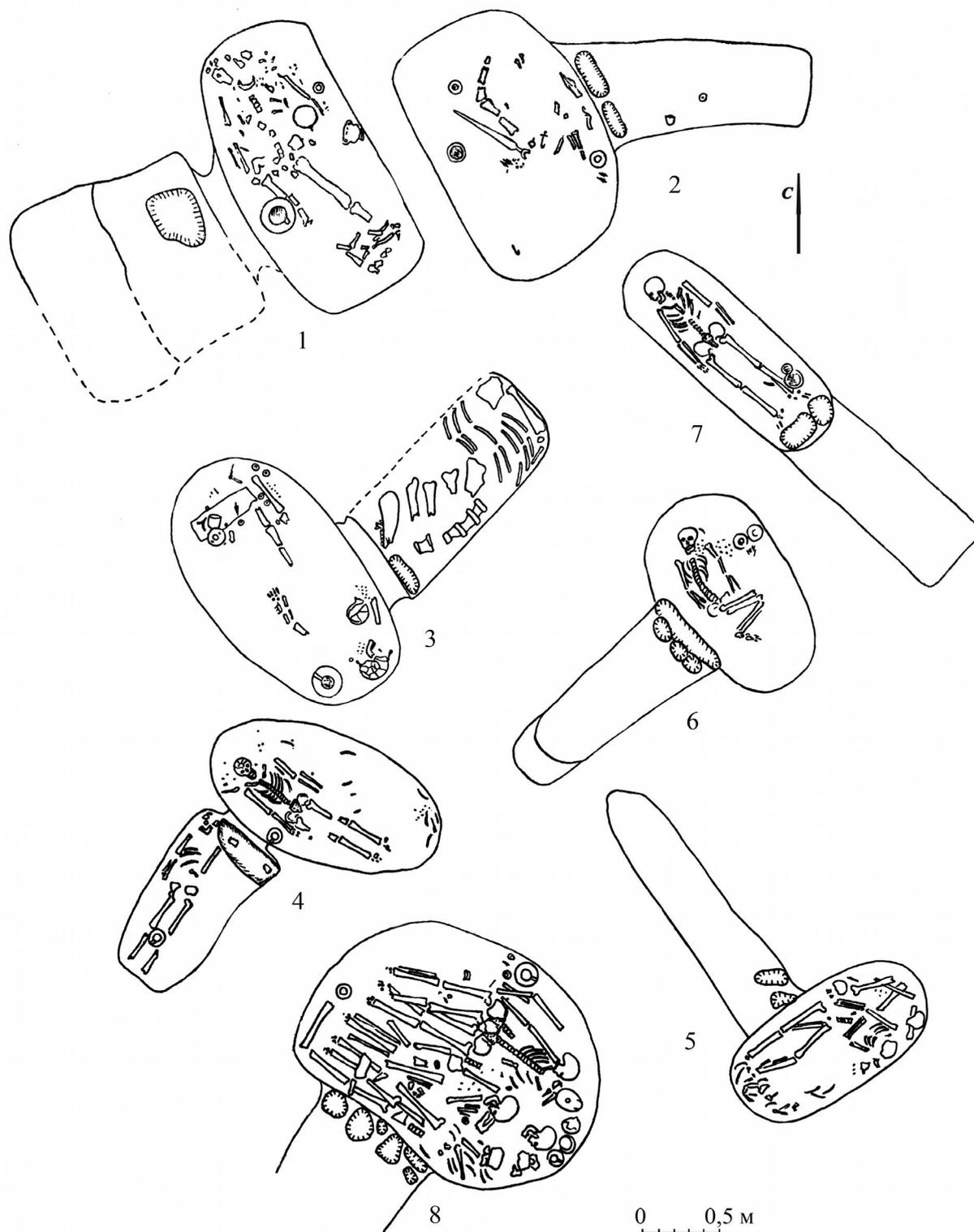

Рис. 1. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 17; 2 – № 42; 3 – № 52; 4 – № 27; 5 – № 118; 6 – № 61; 7 – № 43; 8 – № 131

Fig. 1. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – No. 17; 2 – No. 42; 3 – No. 52; 4 – No. 27; 5 – No. 118; 6 – No. 61; 7 – No. 43; 8 – No. 131

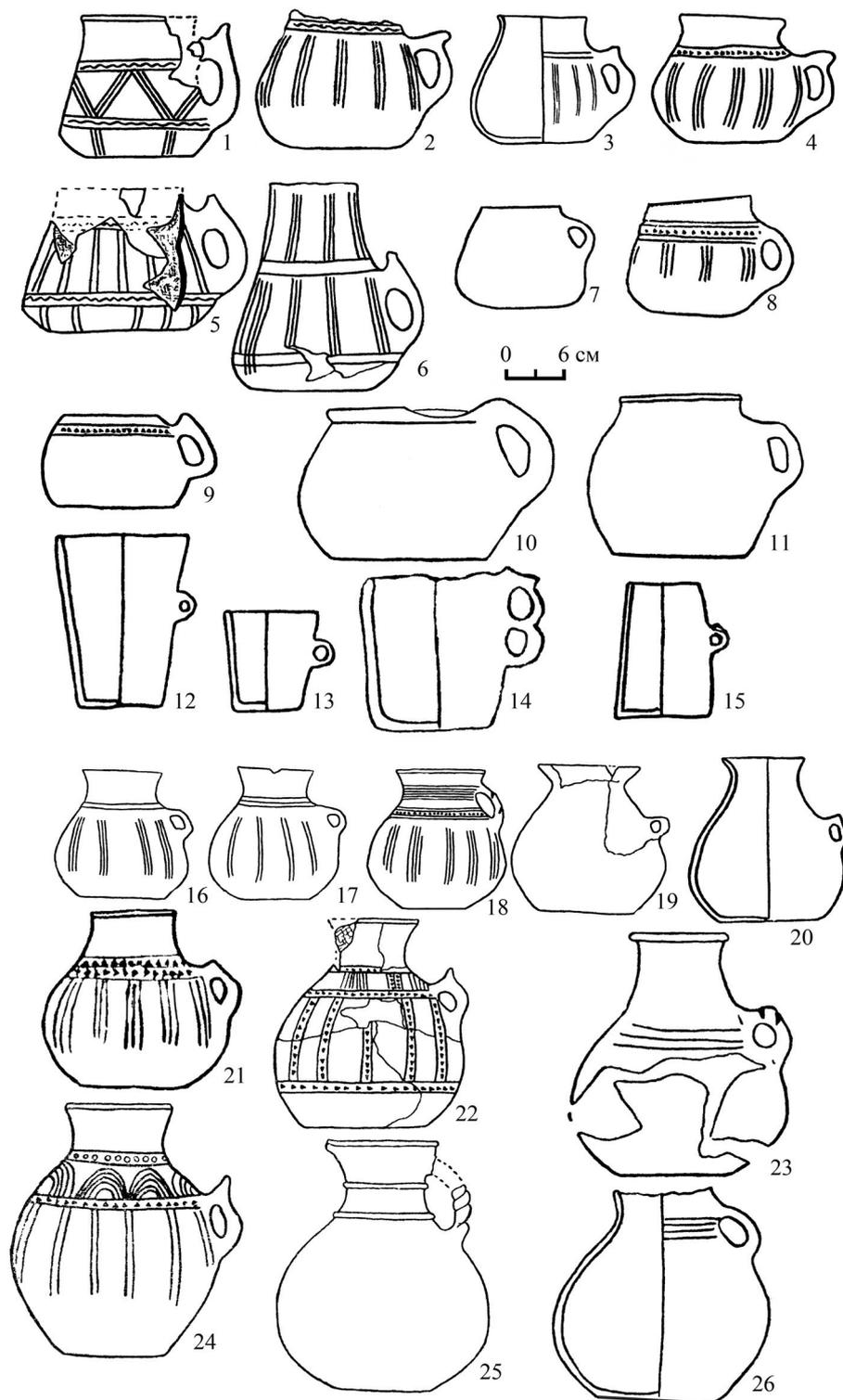

Рис. 2. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 29; 2 – № 78; 3 – № 97; 4 – № 84; 5 – № 35; 6 – № 22; 7, 16, 17 – № 132; 8, 9 – № 14; 10 – № 27; 11 – № 70;
12 – № 131; 13 – № 44; 14 – № 47; 15 – № 125; 18 – № 3; 19 – № 128; 20 – № 116; 21 – № 60; 22 – № 79;
23 – № 94; 24 – № 70; 25 – № 17; 26 – № 32

Fig. 2. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – No. 29; 2 – No. 78; 3 – No. 97; 4 – No. 84; 5 – No. 35; 6 – No. 22; 7, 16, 17 – No. 132; 8, 9 – No. 14; 10 – No. 27;
11 – No. 70; 12 – No. 131; 13 – No. 44; 14 – No. 47; 15 – No. 125; 18 – No. 3; 19 – No. 128; 20 – No. 116; 21 – No. 60;
22 – No. 79; 23 – No. 94; 24 – No. 70; 25 – No. 17; 26 – No. 32

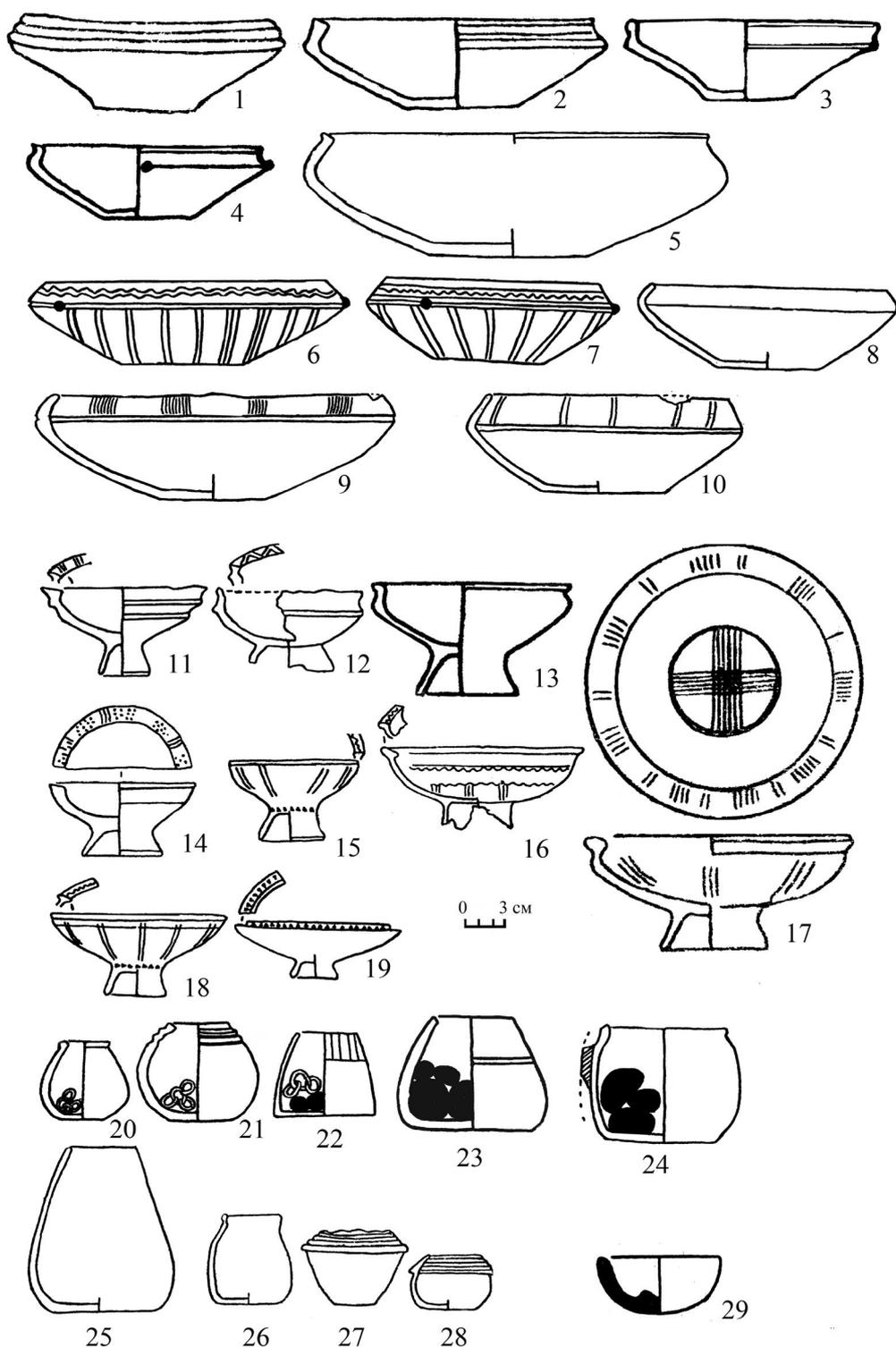

Рис. 3. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 61; 2 – № 24; 3 – № 44; 4 – № 46; 5 – № 4; 6 – № 14; 7 – № 82; 8 – № 75; 9, 16 – № 29; 10 – № 22; 11 – № 3; 12 – № 84; 13 – № 73; 14 – № 42; 15 – № 62; 17 – № 43; 18 – № 9; 19 – № 75; 20, 21 – № 3; 22 – № 93; 23 – № 9; 24 – № 52; 25 – № 122; 26 – № 21; 27 – № 8; 28 – № 69; 29 – № 24.

Fig. 3. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – № 61; 2 – № 24; 3 – № 44; 4 – № 46; 5 – № 4; 6 – № 14; 7 – № 82; 8 – № 75; 9, 16 – № 29; 10 – № 22; 11 – № 3; 12 – № 84; 13 – № 73; 14 – № 42; 15 – № 62; 17 – № 43; 18 – № 9; 19 – № 75; 20, 21 – № 3; 22 – № 93; 23 – № 9; 24 – № 52; 25 – № 122; 26 – № 21; 27 – № 8; 28 – № 69; 29 – № 24

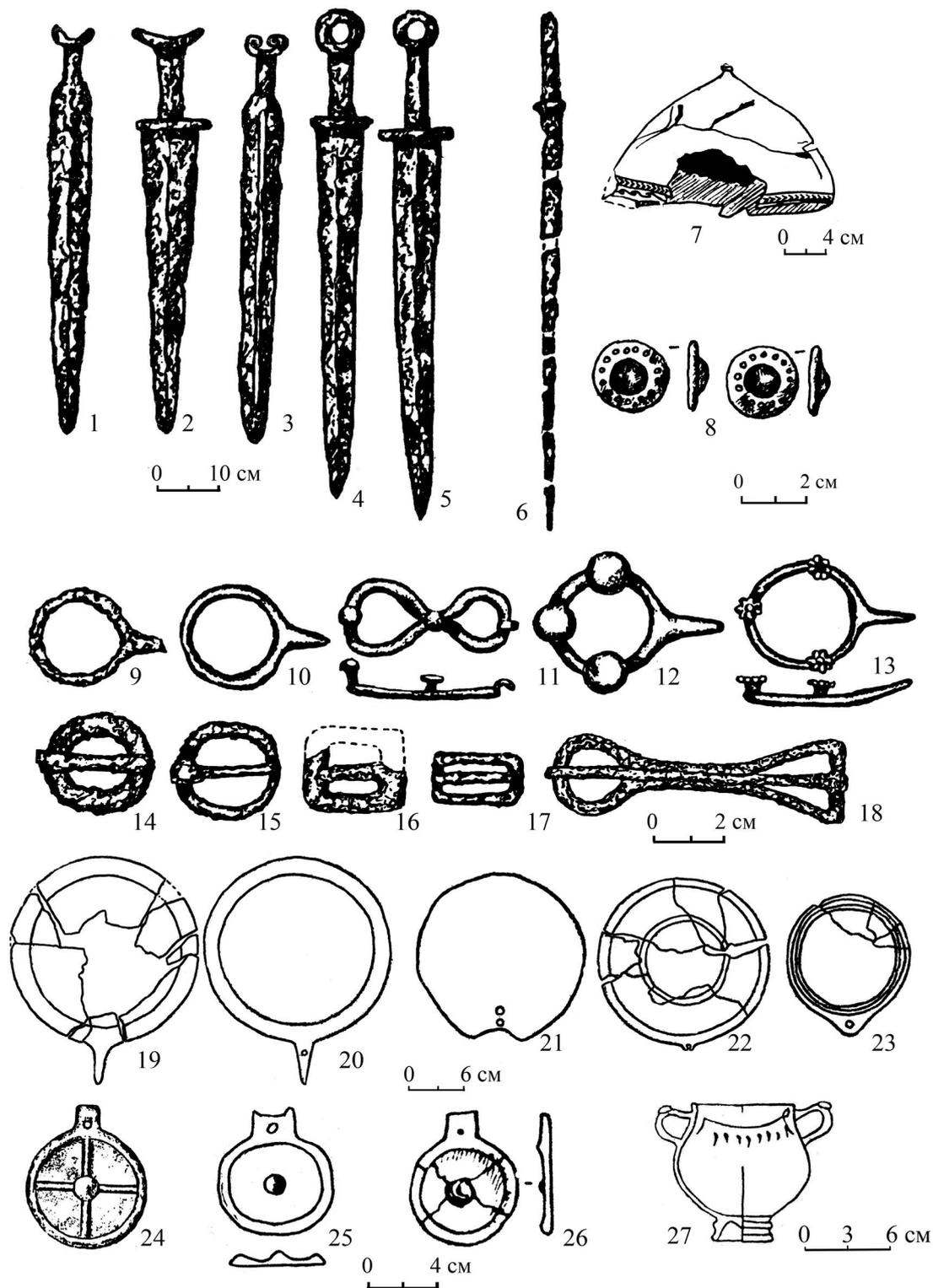

Рис. 4. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1, 12 – № 42; 2, 11, 19 – № 4; 3 – № 3; 4, 15, 23 – № 16; 5 – № 73; 6, 7 – № 10; 8 – № 52; 9 – № 11;
10 – № 9; 13 – № 57; 14 – № 26; 16 – № 8; 17 – № 72; 18 – № 62; 20, 27 – № 17; 21 – № 35;
22 – № 18; 24 – № 21; 25 – № 39; 26 – № 44

Fig. 4. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1, 12 – No. 42; 2, 11, 19 – No. 4; 3 – No. 3; 4, 15, 23 – No. 16; 5 – No. 73; 6, 7 – No. 10; 8 – No. 52; 9 – No. 11;
10 – No. 9; 13 – No. 57; 14 – No. 26; 16 – No. 8; 17 – No. 72; 18 – No. 62; 20, 27 – No. 17; 21 – No. 35;
22 – No. 18; 24 – No. 21; 25 – No. 39; 26 – No. 44

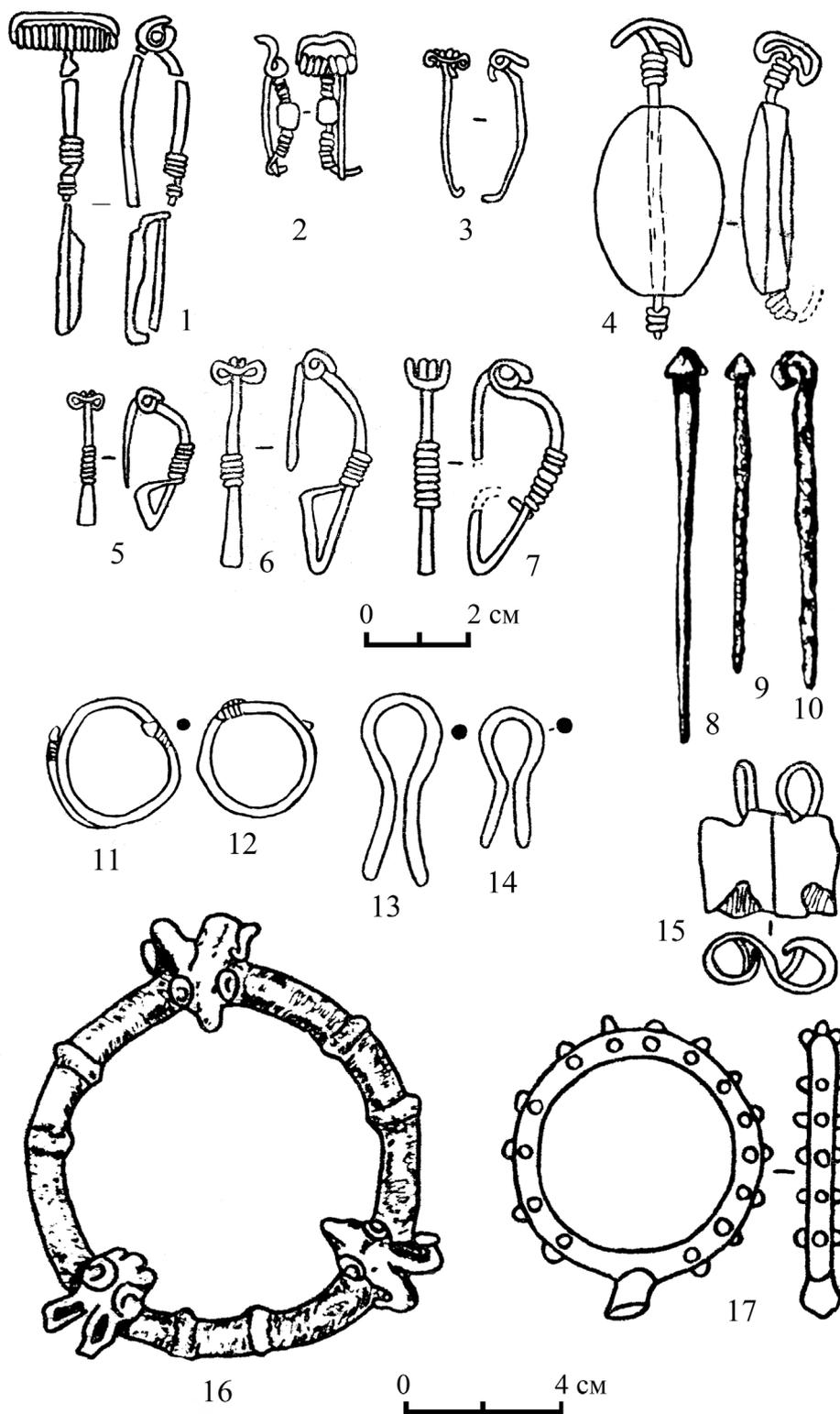

Рис. 5. Чегемский курган, погребения (по: [Керефов, 1985]):

1 – № 4; 2 – № 16; 3 – № 64; 4 – № 10; 5, 6 – № 131; 7 – № 46; 8 – № 128; 9 – № 90; 10 – № 10;
11, 12 – № 70; 13, 14 – № 61; 15 – № 131; 16 – № 29; 17 – № 82

Fig. 5. Chegem kurgan, burials (after: [Kerefov, 1985]):

1 – No. 4; 2 – No. 16; 3 – No. 64; 4 – No. 10; 5, 6 – No. 131; 7 – No. 46; 8 – No. 128; 9 – No. 90; 10 – No. 10;
11, 12 – No. 70; 13, 14 – No. 61; 15 – No. 131; 16 – No. 29; 17 – No. 82

Рис. 6. Нижне-Джулатский могильник, погребения (по: [Абрамова, 1972; 1993]):

1 – № 77; 2 – № 30; 3 – № 36; 4 – № 100; 5 – № 46; 6 – № 47; 7 – № 33

Fig. 6. Nizhniy Dzhuhat cemetery, burials (after: [Abramova, 1972; 1993]):

1 – No. 77; 2 – No. 30; 3 – No. 36; 4 – No. 100; 5 – No. 46; 6 – No. 47; 7 – No. 33

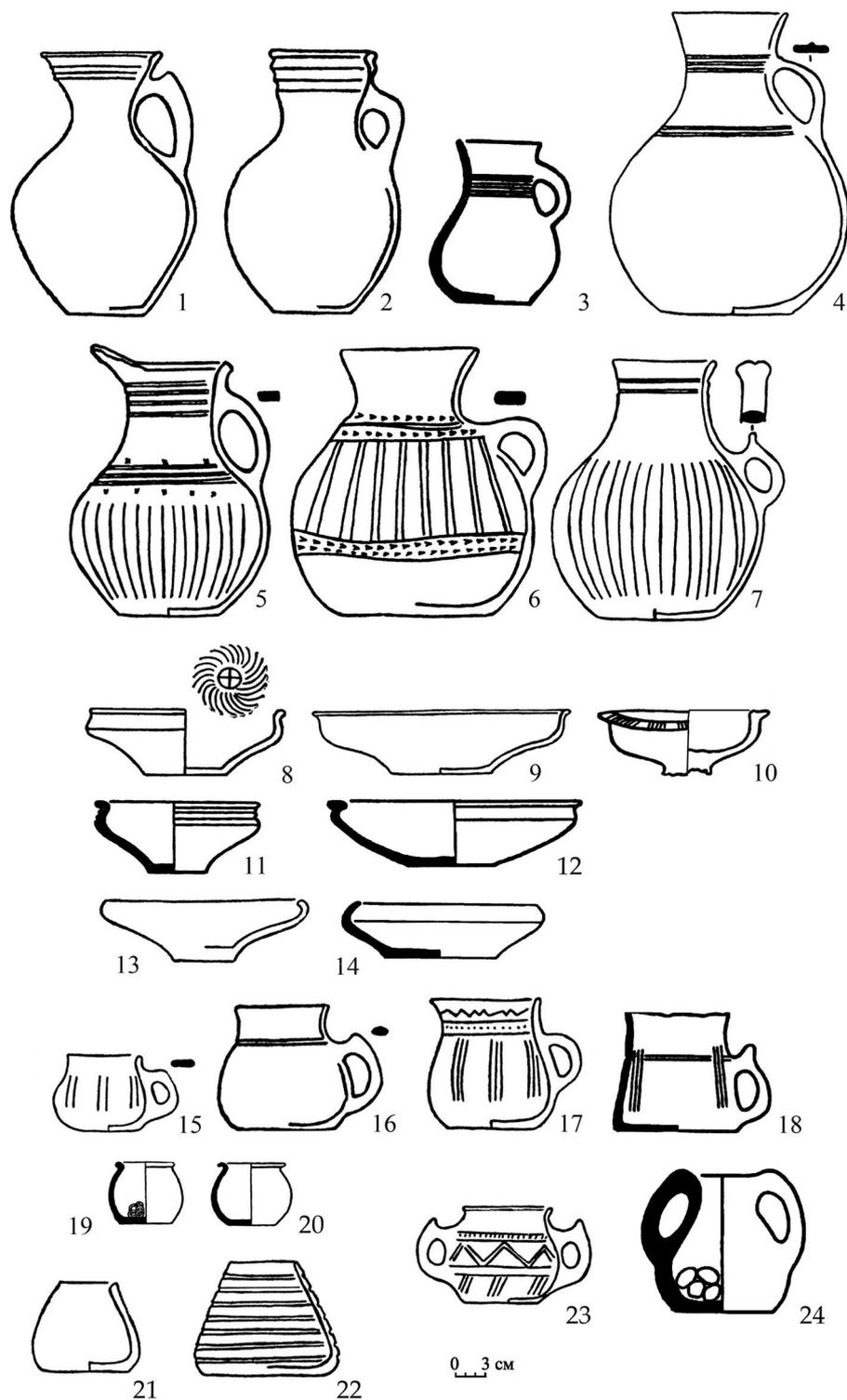

Рис. 7. Нижне-Джулатский могильник, погребения (по: [Абрамова, 1972; 1993]):

1 – № 33; 2, 18 – № 94; 3 – № 59; 4 – № 47; 5 – № 31; 6, 16, 22 – № 100; 7 – № 46; 8 – № 59; 9 – № 19;
 10 – № 40; 11 – № 54; 12 – № 89; 13 – № 8; 14 – № 44; 15, 21 – № 35; 17 – № 49; 19 – № 60;
 20 – № 13; 23 – № 36; 24 – № 29

Fig. 7. Nizhniy Dzhulat cemetery, burials (after: [Abramova, 1972; 1993]):

1 – No. 33; 2, 18 – No. 94; 3 – No. 59; 4 – No. 47; 5 – No. 31; 6, 16, 22 – No. 100; 7 – No. 46; 8 – No. 59; 9 – No. 19;
 10 – No. 40; 11 – No. 54; 12 – No. 89; 13 – No. 8; 14 – No. 44; 15, 21 – No. 35; 17 – No. 49; 19 – No. 60;
 20 – No. 13; 23 – No. 36; 24 – No. 29

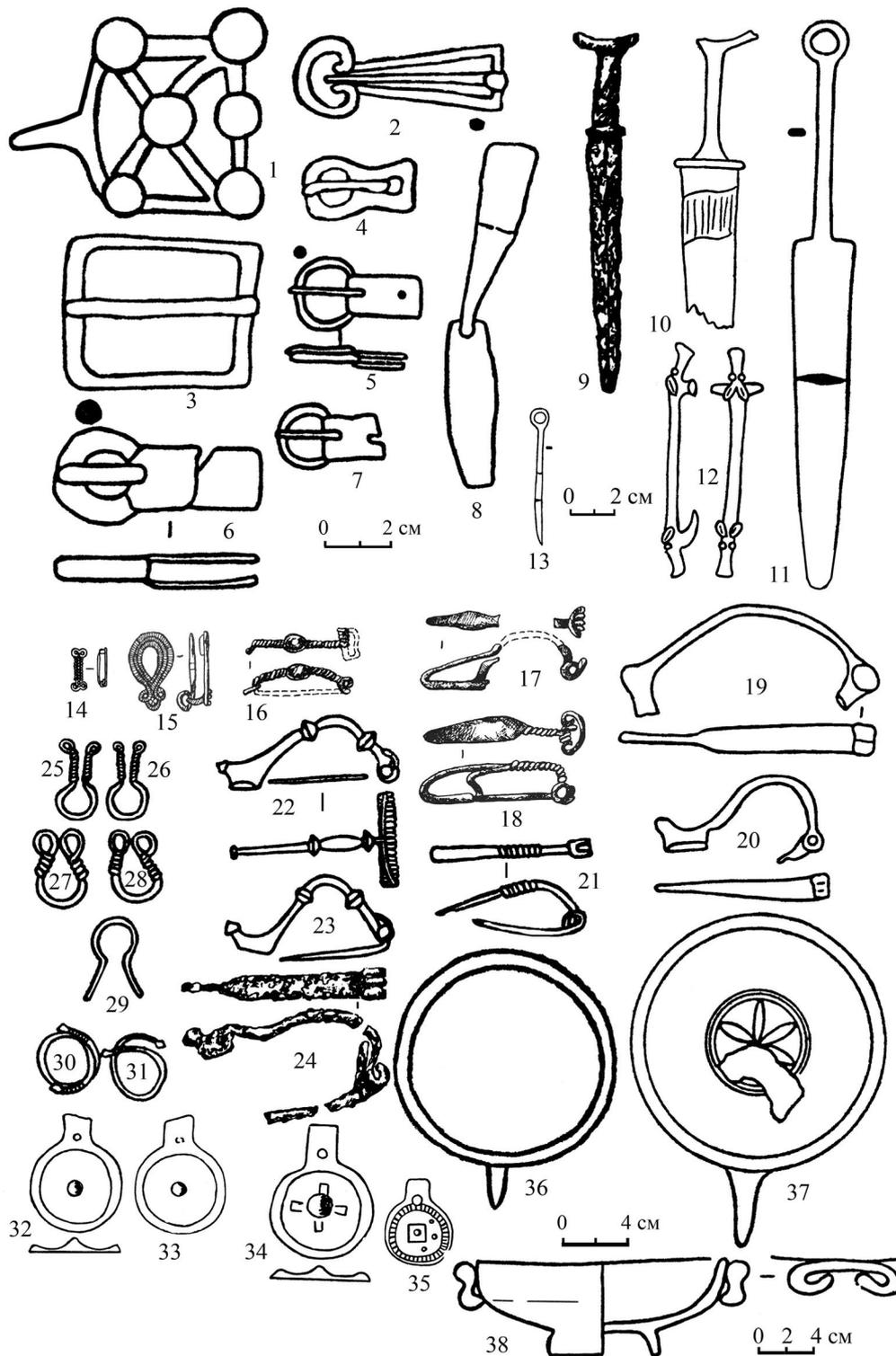

Рис. 8. Нижне-Джулатский могильник, погребения (по: [Абрамова, 1972; 1993]):

1 – № 60; 2 – № 27; 3, 32 – № 54; 4 – № 8; 5–7, 8, 22, 23, 27, 28 – № 77; 9, 13 – № 73; 10, 12 – № 100; 11 – № 64; 14 – № 31; 15 – № 13; 16 – № 96; 17 – № 37; 18 – № 114; 19, 20, 25, 26 – № 66; 21 – № 90; 24 – № 14; 29 – № 59; 30, 31 – № 58; 33 – № 103; 34 – № 39; 36 – № 94; 37 – № 58; 38 – № 31

Fig. 8. Nizhny Dzhulat cemetery, burials (after: [Abramova, 1972; 1993]):

1 – No. 60; 2 – No. 27; 3, 32 – No. 54; 4 – No. 8; 5–7, 8, 22, 23, 27, 28 – No. 77; 9, 13 – No. 73; 10, 12 – No. 100; 11 – No. 64; 14 – No. 31; 15 – No. 13; 16 – No. 96; 17 – No. 37; 18 – No. 114; 19, 20, 25, 26 – No. 66; 21 – No. 90; 24 – No. 14; 29 – No. 59; 30, 31 – No. 58; 33 – No. 103; 34 – No. 39; 36 – No. 94; 37 – No. 58; 38 – No. 31

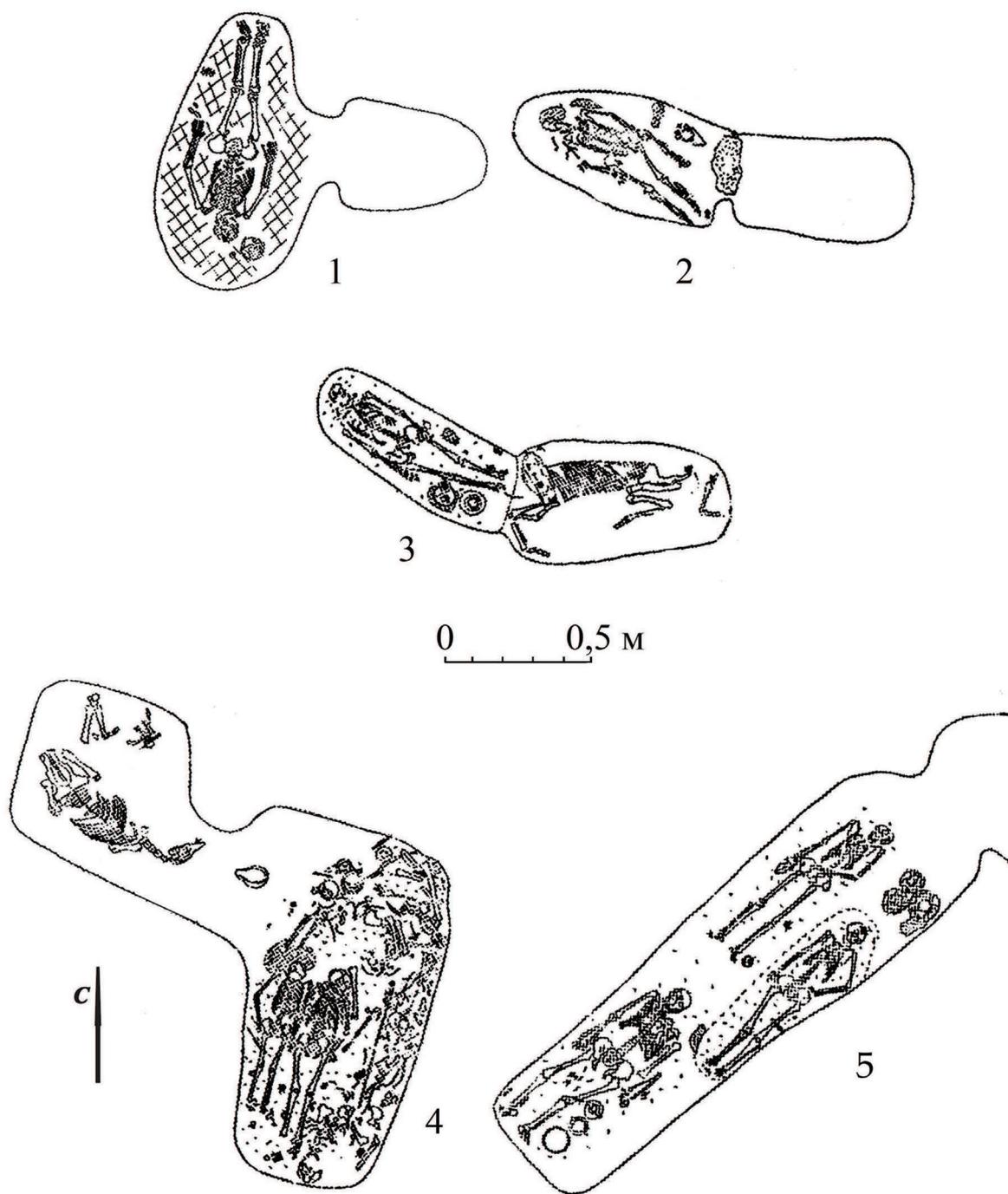

Рис. 9. Заманкульские курганы (по: [Ростунов, Березин, 2007]) (курган / погребение):

1 – 1/43; 2 – 1/33; 3 – 2/56; 4 – 1/62; 5 – 2/10–12

Fig. 9. Zamankul kurgans (after: [Rostunov, Berezin, 2007]) (kurgan / burial):

1 – 1/43; 2 – 1/33; 3 – 2/56; 4 – 1/62; 5 – 2/10–12

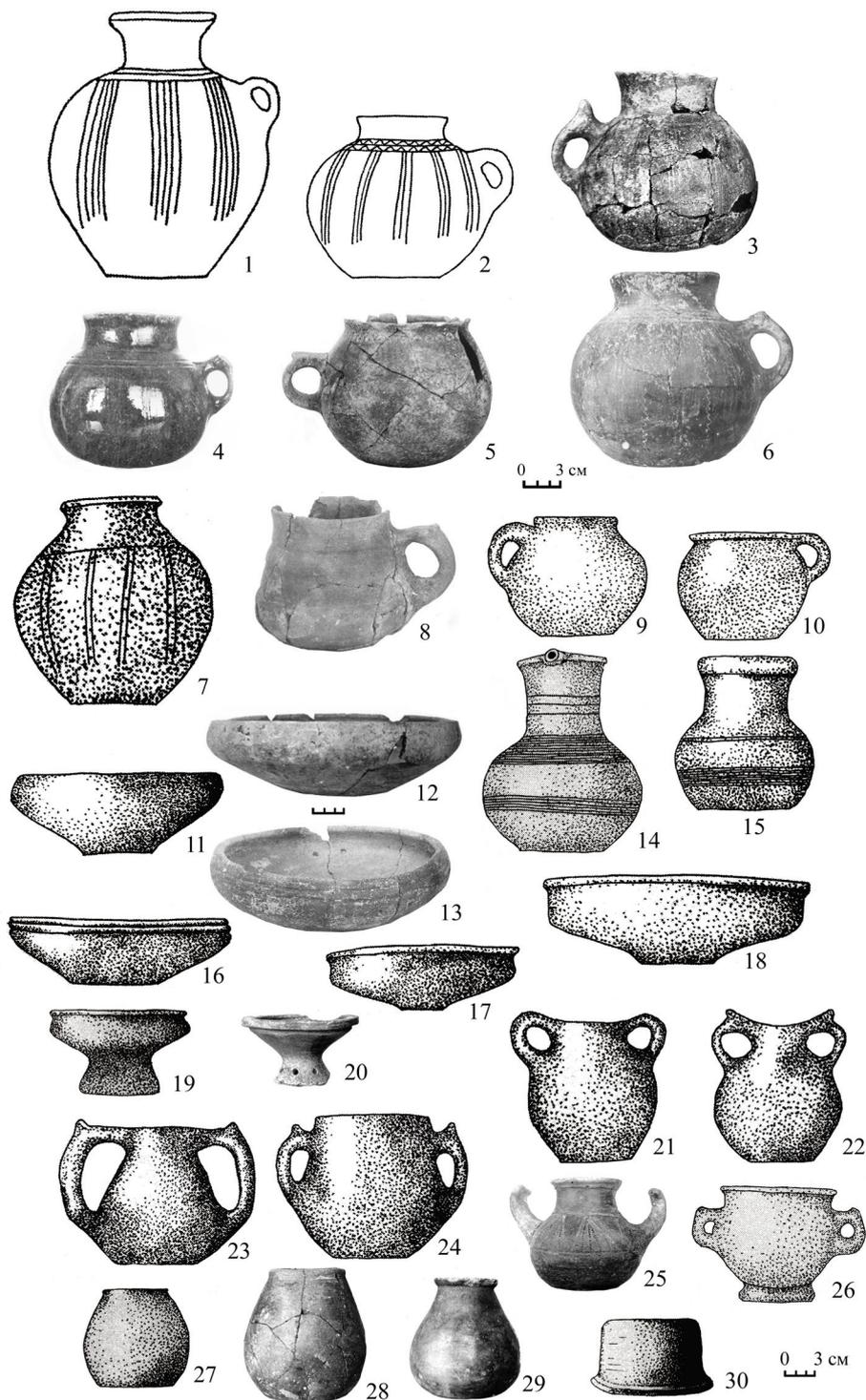

Рис. 10. Заманкульские курганы (3–6, 8, 12, 13, 20, 25, 28, 29 по: [Ростунов, 1993; 1994];
остальное по: [Ростунов, Березин, 2007]) (курган / погребение):

1 – 2/21; 2, 7, 23, 24 – 2/10–12; 3 – 1/35, 39; 4, 29 – 1/9; 5 – 2/68; 6, 12 – 1/23; 8, 13 – 2/45; 9, 26 – 2/48; 10 – 2/47;
11 – 2/55; 14 – 1/50; 15 – 1/15; 16 – 2/29; 17 – 2/28; 18 – 2/70; 19 – 2/43; 20, 28 – 1/63;
21, 27 – 2/56; 22 – 2/1; 25 – 1/14; 30 – 2/39

Fig. 10. Zamankul kurgans (3–6, 8, 12, 13, 20, 25, 28, 29 after: [Rostunov, 1993; 1994];
others after: [Rostunov, Berezin, 2007]) (kurgan / burial):

1 – 2/21; 2, 7, 23, 24 – 2/10–12; 3 – 1/35, 39; 4, 29 – 1/9; 5 – 2/68; 6, 12 – 1/23; 8, 13 – 2/45; 9, 26 – 2/48; 10 – 2/47;
11 – 2/55; 14 – 1/50; 15 – 1/15; 16 – 2/29; 17 – 2/28; 18 – 2/70; 19 – 2/43; 20, 28 – 1/63;
21, 27 – 2/56; 22 – 2/1; 25 – 1/14; 30 – 2/39

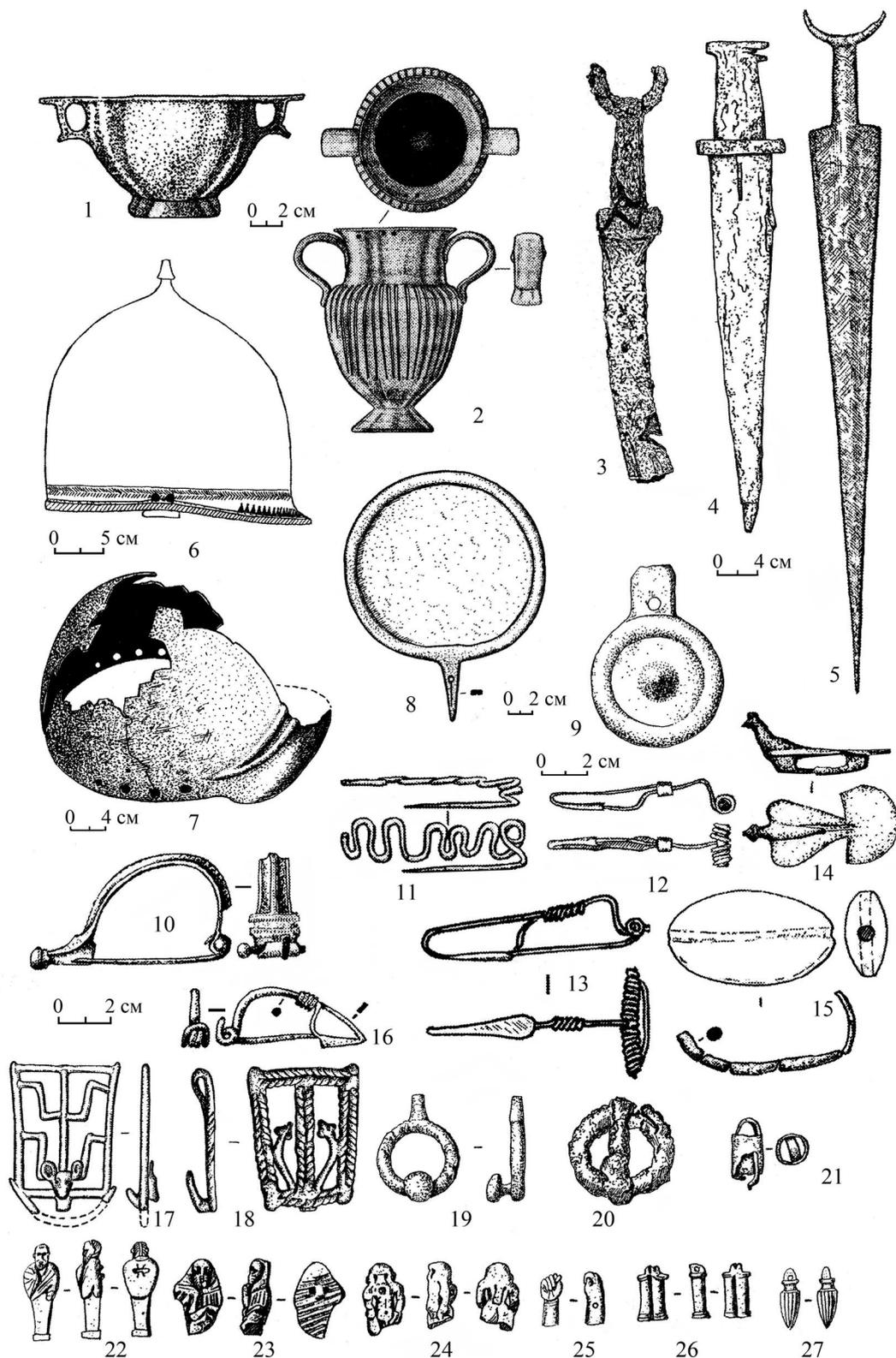

Рис. 11. Заманкульские курганы (по: [Ростунов, Березин, 2007]) (курган / погребение):

1, 6, 8, 15 – 2/56; 2 – 2/10–12; 3 – 2/52; 4 – 1/61; 5 – 2/44; 7 – 1/4; 9, 16 – 2/47; 10 – 2/28; 11 – 1/39; 12 – 1/62;
13 – 1/8; 14 – 2/53; 17 – 1/2; 18 – 2/42; 19 – 2/72; 20, 21, 24, 27 – 2/51; 22, 23, 25, 26 – 2/70

Fig. 11. Zamankul kurgans (after: [Rostunov, Berezin, 2007]) (kurgan / burial):

1, 6, 8, 15 – 2/56; 2 – 2/10–12; 3 – 2/52; 4 – 1/61; 5 – 2/44; 7 – 1/4; 9, 16 – 2/47; 10 – 2/28; 11 – 1/39; 12 – 1/62;
13 – 1/8; 14 – 2/53; 17 – 1/2; 18 – 2/42; 19 – 2/72; 20, 21, 24, 27 – 2/51; 22, 23, 25, 26 – 2/70

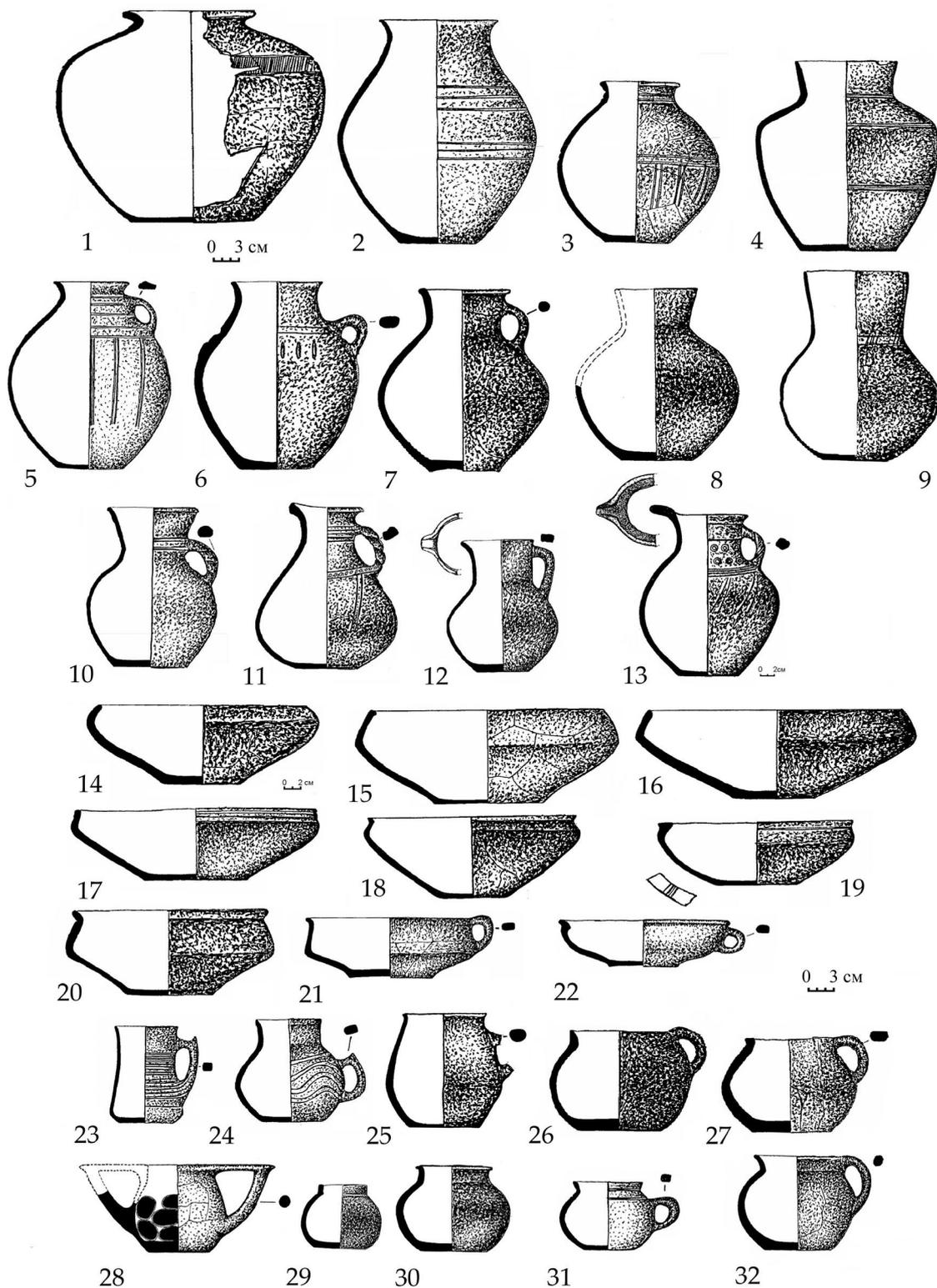

Рис. 12. Могилиник Самашкинский (по: [Бурков, Прокопенко, 2008]) (курган / погребение):

1 – 3/28; 2 – 2/36; 3 – 2/22; 4 – 2/19; 5 – 2/12; 6 – 3/3; 7, 8, 32 – 2/24; 9, 17 – 2/27; 10 – 2/8; 11 – 2/11; 12 – 3/15; 13 – 3/3; 14 – 3/21; 15 – 2/14; 16 – 2/21; 18 – 2/15; 19 – 2/28; 20 – 3/28; 21 – 3/19; 22 – 3/32; 23 – 3/36; 24 – 3/2; 25 – 2/32; 26 – 2/14; 27 – 2/12; 28 – 2/16; 29 – 2/9; 30 – 2/21; 31 – 3/11

Fig. 12. Kurgan cemetery Samashkinskiy (after: [Burkov, Prokopenko, 2008]) (kurgan / burial):

1 – 3/28; 2 – 2/36; 3 – 2/22; 4 – 2/19; 5 – 2/12; 6 – 3/3; 7, 8, 32 – 2/24; 9, 17 – 2/27; 10 – 2/8; 11 – 2/11; 12 – 3/15; 13 – 3/3; 14 – 3/21; 15 – 2/14; 16 – 2/21; 18 – 2/15; 19 – 2/28; 20 – 3/28; 21 – 3/19; 22 – 3/32; 23 – 3/36; 24 – 3/2; 25 – 2/32; 26 – 2/14; 27 – 2/12; 28 – 2/16; 29 – 2/9; 30 – 2/21; 31 – 3/11

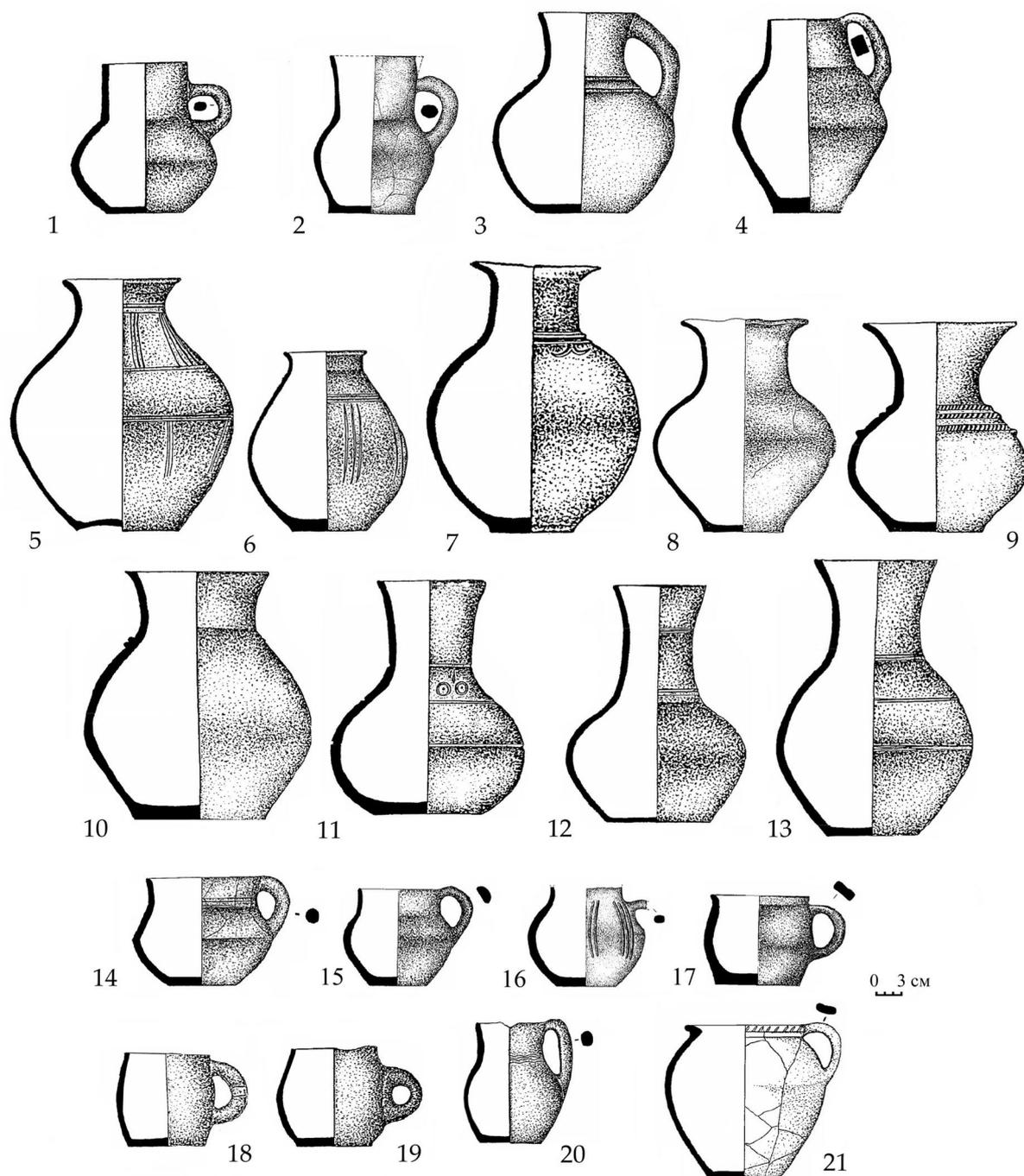

Рис. 13. Могильник Орджоникидзевский (по: [Бурков, Прокопенко, 2008]) (курган / погребение, комплекс):

1 – 1/компл. 8; 2 – 14/14; 3 – 1/15; 4 – 1/31; 5 – 1/24; 6 – 1/23; 7 – 1/компл. 3; 8 – 14/7; 9 – 1/33; 10 – 1/20;
 11 – 1/10; 12, 13 – 1/компл. 13; 14 – 14/компл. 2; 15, 17 – 14/11; 16 – 14/компл. 5; 18 – 1/1; 19 – 1/13;
 20 – 1/20; 21 – 14/компл. 2

Fig. 13. Kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy (after: [Burkov, Prokopenko, 2008]) (kurgan / burial, complex):

1 – 1/complex 8; 2 – 14/14; 3 – 1/15; 4 – 1/31; 5 – 1/24; 6 – 1/23; 7 – 1/complex 3; 8 – 14/7; 9 – 1/33; 10 – 1/20;
 11 – 1/10; 12, 13 – 1/complex 13; 14 – 14/complex 2; 15, 17 – 14/11; 16 – 14/complex 5; 18 – 1/1; 19 – 1/13;
 20 – 1/20; 21 – 14/complex 2

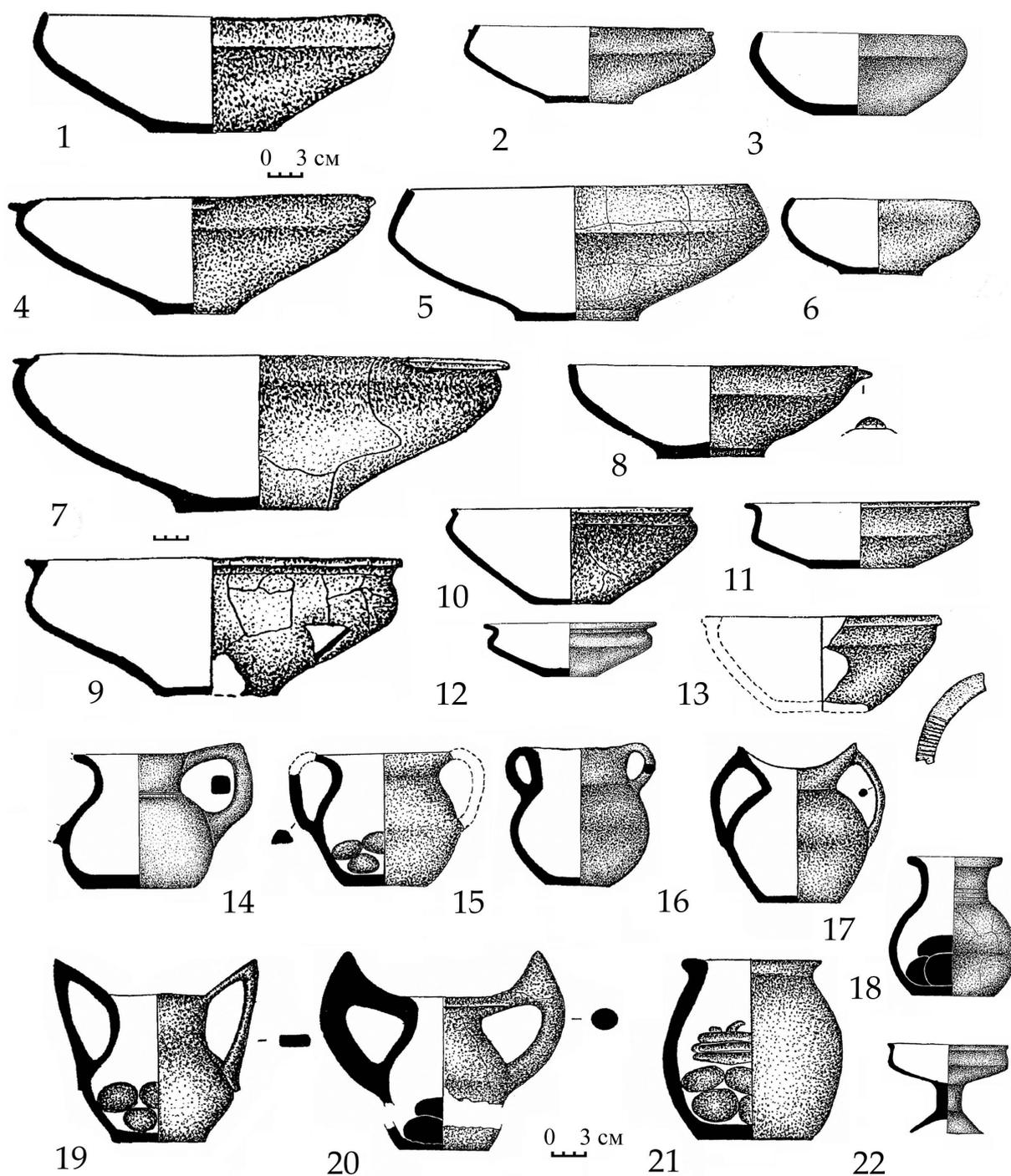

Рис. 14. Могильник Орджоникидзевский (по: [Бурков, Прокопенко, 2008]) (курган / погребение, комплекс):

1 – 1/компл. 1; 2 – 1/1; 3 – 14/компл. 1; 4 – 1/компл. 13; 5, 18 – 14/15; 6 – 1/32; 7 – 1/51; 8 – 1/41; 9 – 1/33;
10 – 14/6; 11 – 14/10; 12 – 14/11; 13 – 1/22; 14 – 1/компл. 13; 15 – 1/компл. 16; 16 – 1/53; 17 – 1/компл. 9;
19 – 1/41; 20 – 14/компл. 1; 21 – 1/15; 22 – 1/31

Fig. 14. Kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy (after: [Burkov, Prokopenko, 2008]) (kurgan / burial, complex):

1 – 1/complex 1; 2 – 1/1; 3 – 14/complex 1; 4 – 1/complex 13; 5, 18 – 14/15; 6 – 1/32; 7 – 1/51; 8 – 1/41; 9 – 1/33;
10 – 14/6; 11 – 14/10; 12 – 14/11; 13 – 1/22; 14 – 1/complex 13; 15 – 1/complex 16; 16 – 1/53; 17 – 1/complex 9;
19 – 1/41; 20 – 14/complex 1; 21 – 1/15; 22 – 1/31

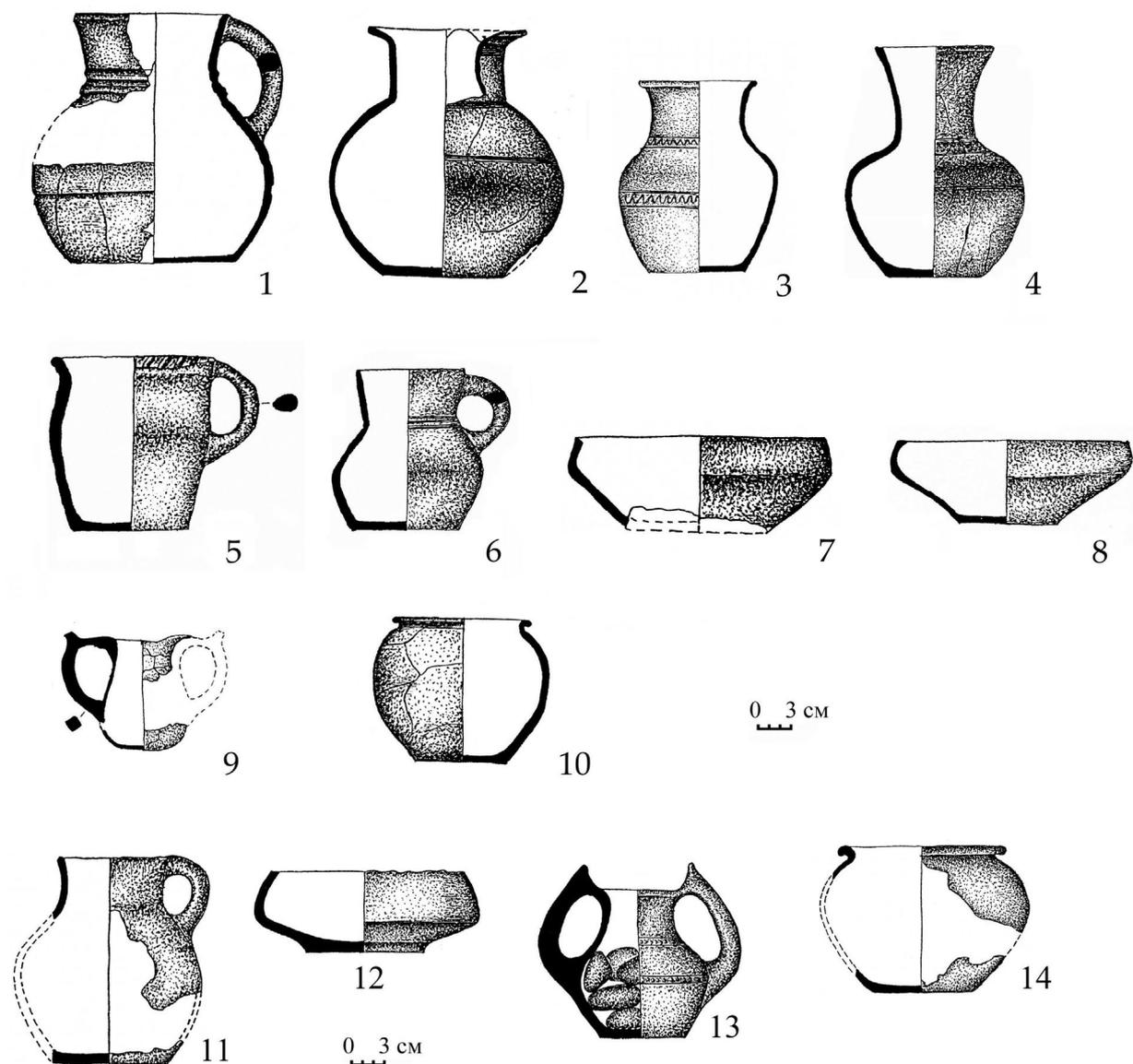

Рис. 15

Могильник Бамутский поворот, группа I (курган / погребение, комплекс):
 1 – 1/2; 2 – 4/6; 3 – 1/18; 4 – 1/7; 5 – 4/5; 6, 7 – 4/насыпь; 8 – 4/4; 9 – 1/18; 10 – 1/компл. 5.

Могильник Бамутский поворот, группа II (курган / погребение):

11 – 1/7; 12, 13 – 1/5; 14 – 1/8

Fig. 15

Kurgan cemetery Bamutskiy povorot, group I (kurgan / burial, complex):
 1 – 1/2; 2 – 4/6; 3 – 1/18; 4 – 1/7; 5 – 4/5; 6, 7 – 4/mound; 8 – 4/4; 9 – 1/18; 10 – 1/complex 5.

Kurgan cemetery Bamutskiy povorot, group II (kurgan / burial): 11 – 1/7;

12, 13 – 1/5; 14 – 1/8

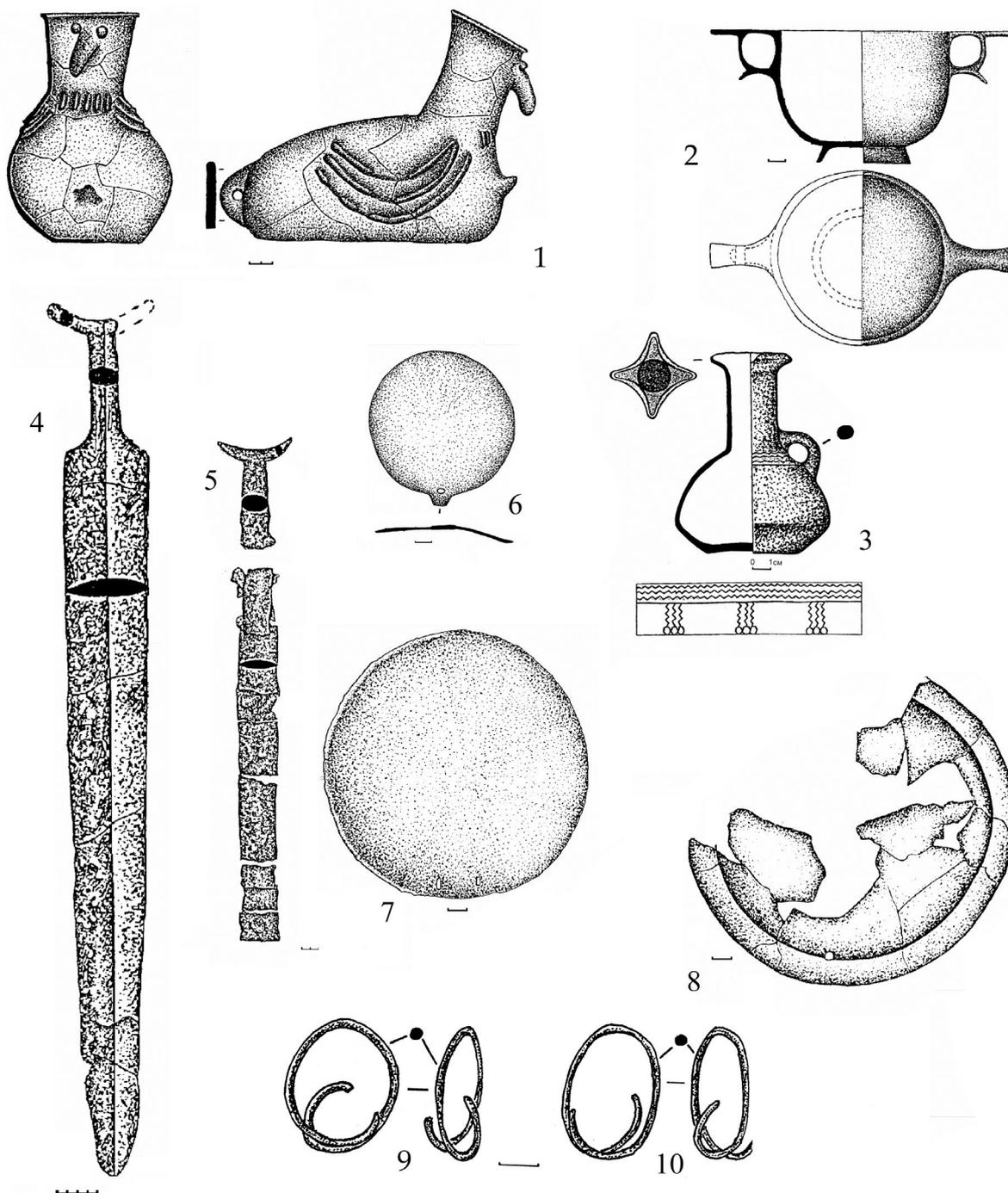

Рис. 16

Орджоникидзевский могильник (курган / погребение, комплекс): 1, 4 – 1/51; 2 – 1/15; 5 – 1/29; 6 – 1/25; 7 – 1/компл. 10; 8 – 1/48.

Самашкинский могильник (курган / погребение): 3 – 3/36; 9, 10 – 2/28
(по: [Бурков, Прокопенко, 2008])

Fig. 16

Kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy (kurgan / burial, complex): 1, 4 – 1/51; 2 – 1/15; 5 – 1/29; 6 – 1/25; 7 – 1/complex 10; 8 – 1/48.

Kurgan cemetery Samashkinskiy (kurgan / burial): 3 – 3/36; 9, 10 – 2/28
(after: [Burkov, Prokopenko, 2008])

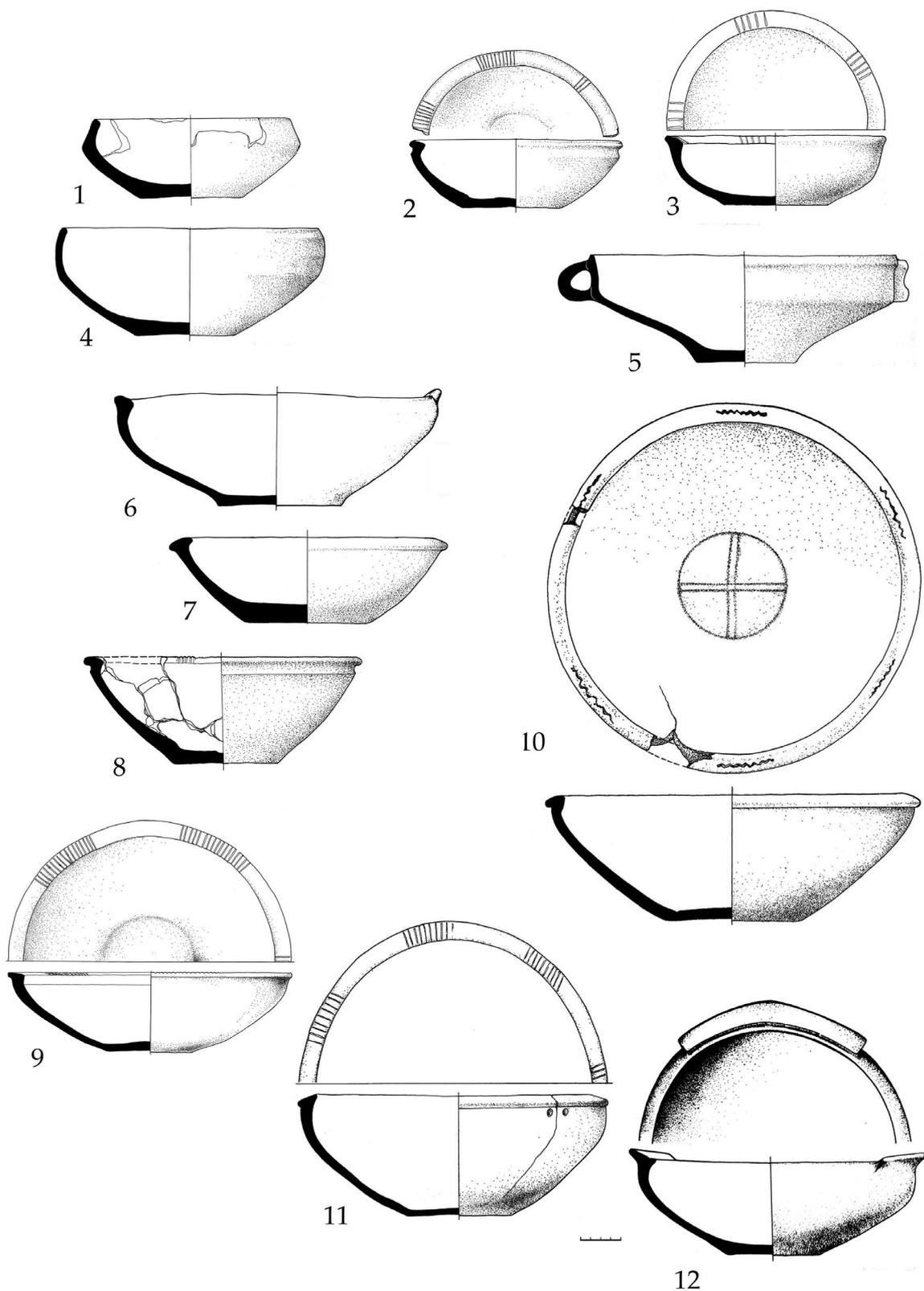

Рис. 17. Львовский VII, курган 4, погребения (по: [Маслов и др., 2016]):

1, 6 – № 20; 2 – № 2; 3 – № 25; 4 – № 21; 5 – № 39; 7 – № 8; 8 – № 3; 9 – № 16; 10 – № 29; 11 – компл. 10; 12 – № 40

Fig. 17. Kurgan cemetery L'vovskiy VII, kurgan 4, burials (after: [Maslov et al., 2016]):

1, 6 – No. 20; 2 – No. 2; 3 – No. 25; 4 – No. 21; 5 – No. 39; 7 – No. 8; 8 – No. 3; 9 – No. 16; 10 – No. 29;
11 – complex 10; 12 – No. 40

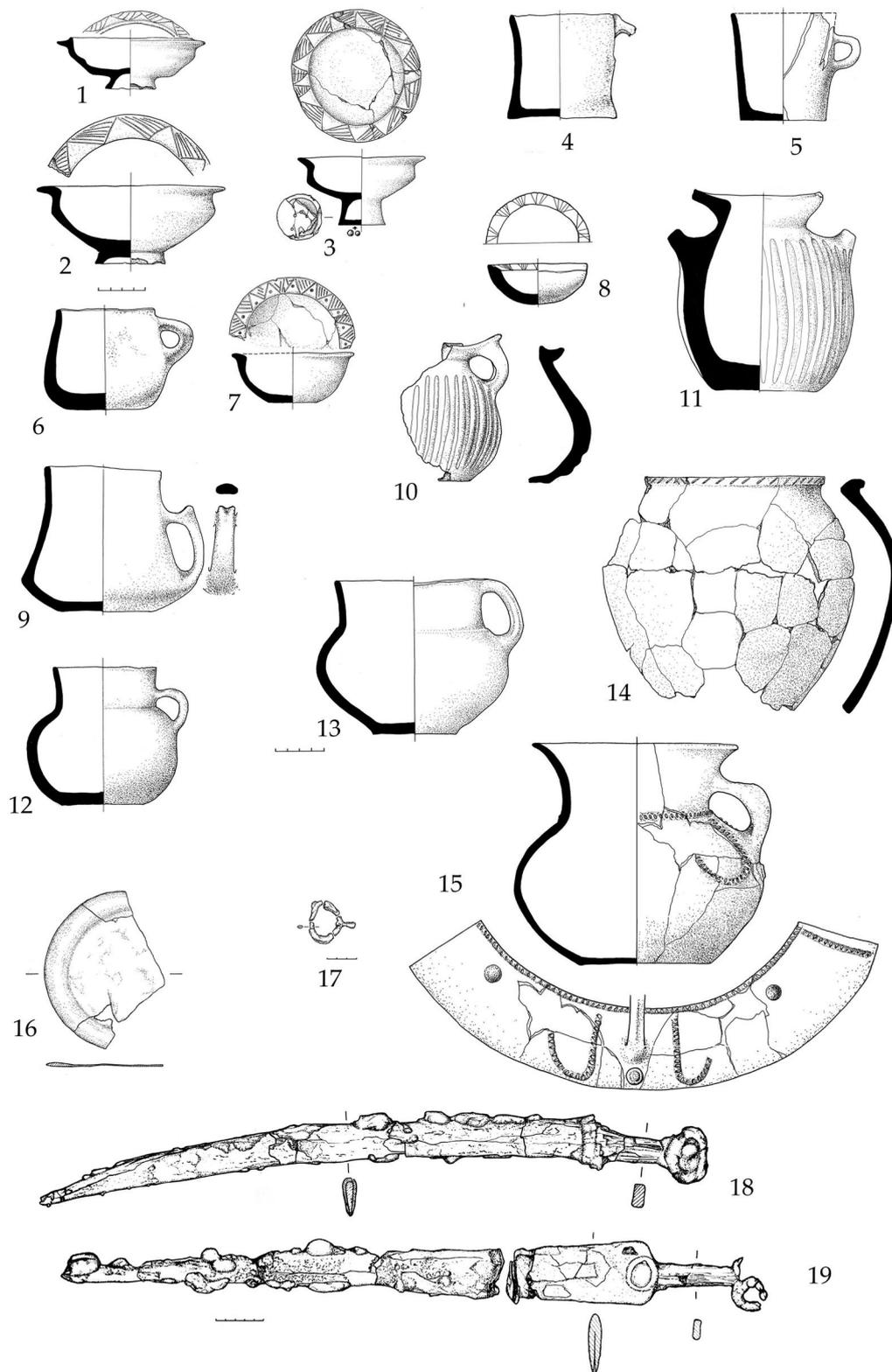

Рис. 18. Львовский VII, курган 4, погребения (по: [Маслов и др., 2016]):

1 – № 17; 2 – № 32; 3, 5, 10 – насыпь; 4 – № 9; 6, 19 – № 29; 7 – компл. 1; 8 – № 22; 9 – № 7; 11 – № 16;
12 – № 26; 13 – № 39; 14 – компл. 8; 15 – № 19; 16 – № 28; 17 – № 20; 18 – № 17

Fig. 18. Kurgan cemetery L'vovskiy VII, kurgan 4, burials (after: [Maslov et al., 2016]):

1 – No. 17; 2 – No. 32; 3, 5, 10 – mound; 4 – No. 9; 6, 19 – No. 29; 7 – complex 1; 8 – No. 22; 9 – No. 7; 11 – No. 16;
12 – No. 26; 13 – No. 39; 14 – complex 8; 15 – No. 19; 16 – No. 28; 17 – No. 20; 18 – No. 17

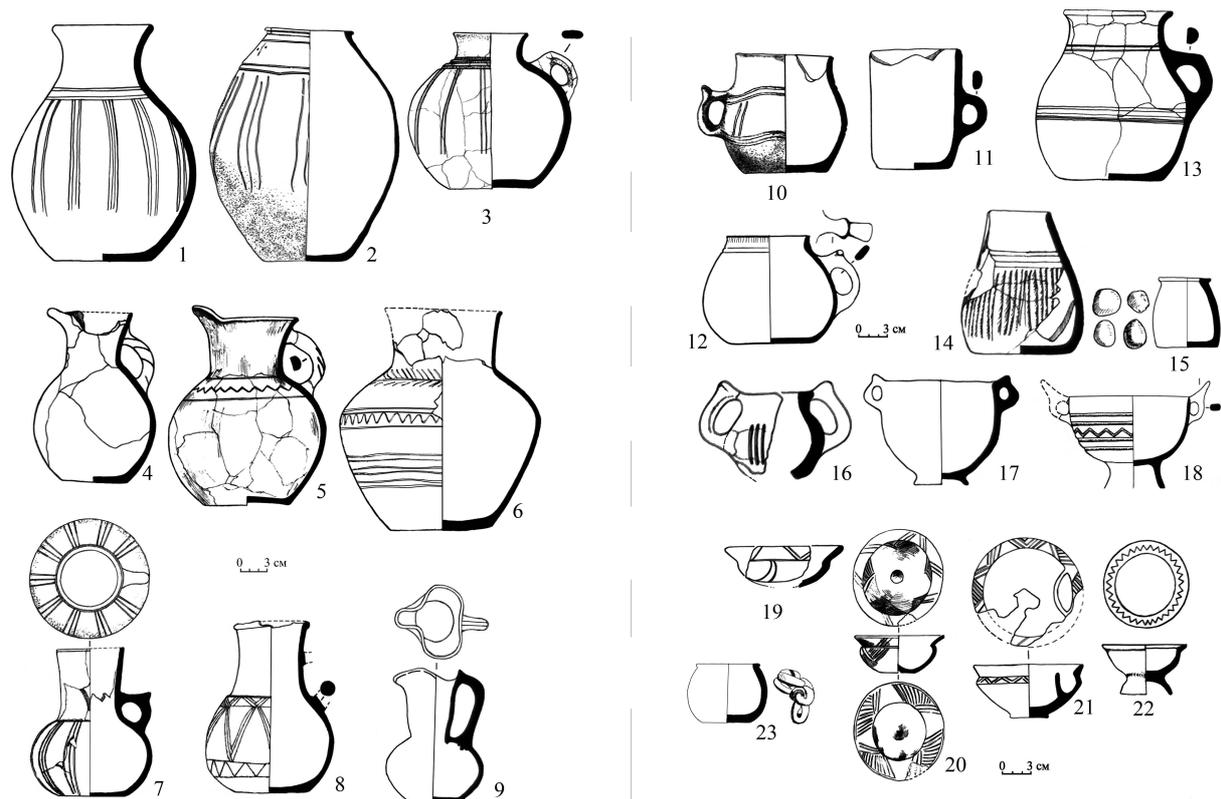

Рис. 19. Зеленоморский курган, погребения (по: [Салихов, 1986; 1988]):

1 – № 31; 2, 8 – № 12; 3 – № 53; 4 – № 37; 5 – № 36; 6 – № 17; 7 – № 24; 9 – № 29; 10 – № 10;
 11 – № 45; 12 – № 51; 13 – № 39; 14 – № 28; 15 – № 38; 16, 19 – разрушенные погр.; 17 – № 32;
 18 – № 37; 20 – № 52; 21 – № 11; 22 – № 50; 23 – № 40

Fig. 19. Kurgan Zelenomorskiy, burials (after: [Salikhov, 1986; 1988]):

1 – No. 31; 2, 8 – No. 12; 3 – No. 53; 4 – No. 37; 5 – No. 36; 6 – No. 17; 7 – No. 24; 9 – No. 29; 10 – No. 10;
 11 – No. 45; 12 – No. 51; 13 – No. 39; 14 – No. 28; 15 – No. 38; 16, 19 – destroyed burials; 17 – No. 32;
 18 – No. 37; 20 – No. 52; 21 – No. 11; 22 – No. 50; 23 – No. 40

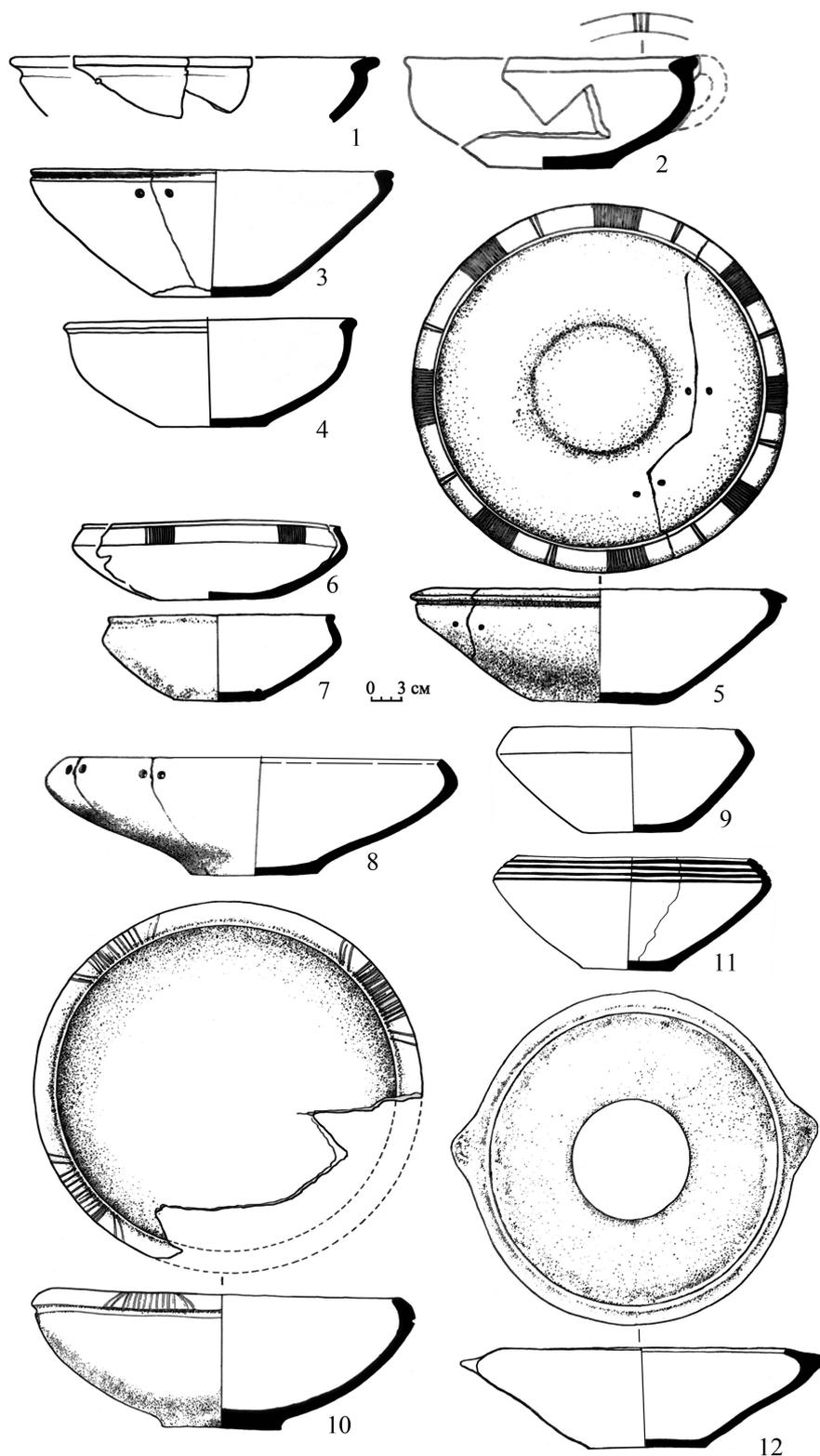

Рис. 20. Зеленоморский курган, погребения (по: [Салихов, 1986; 1988]):

1, 2 – разрушенные погр.; 3 – № 31; 4 – № 38; 5 – № 13; 6 – № 39; 7 – № 26; 8 – № 10; 9 – № 41; 10 – № 12;
11 – № 43; 12 – № 24

Fig. 20. Kurgan Zelenomorskiy, burials (after: [Salikhov, 1986; 1988]):

1, 2 – destroyed burials; 3 – No. 31; 4 – No. 38; 5 – No. 13; 6 – No. 39; 7 – No. 26; 8 – No. 10; 9 – No. 41; 10 – No. 12;
11 – No. 43; 12 – No. 24

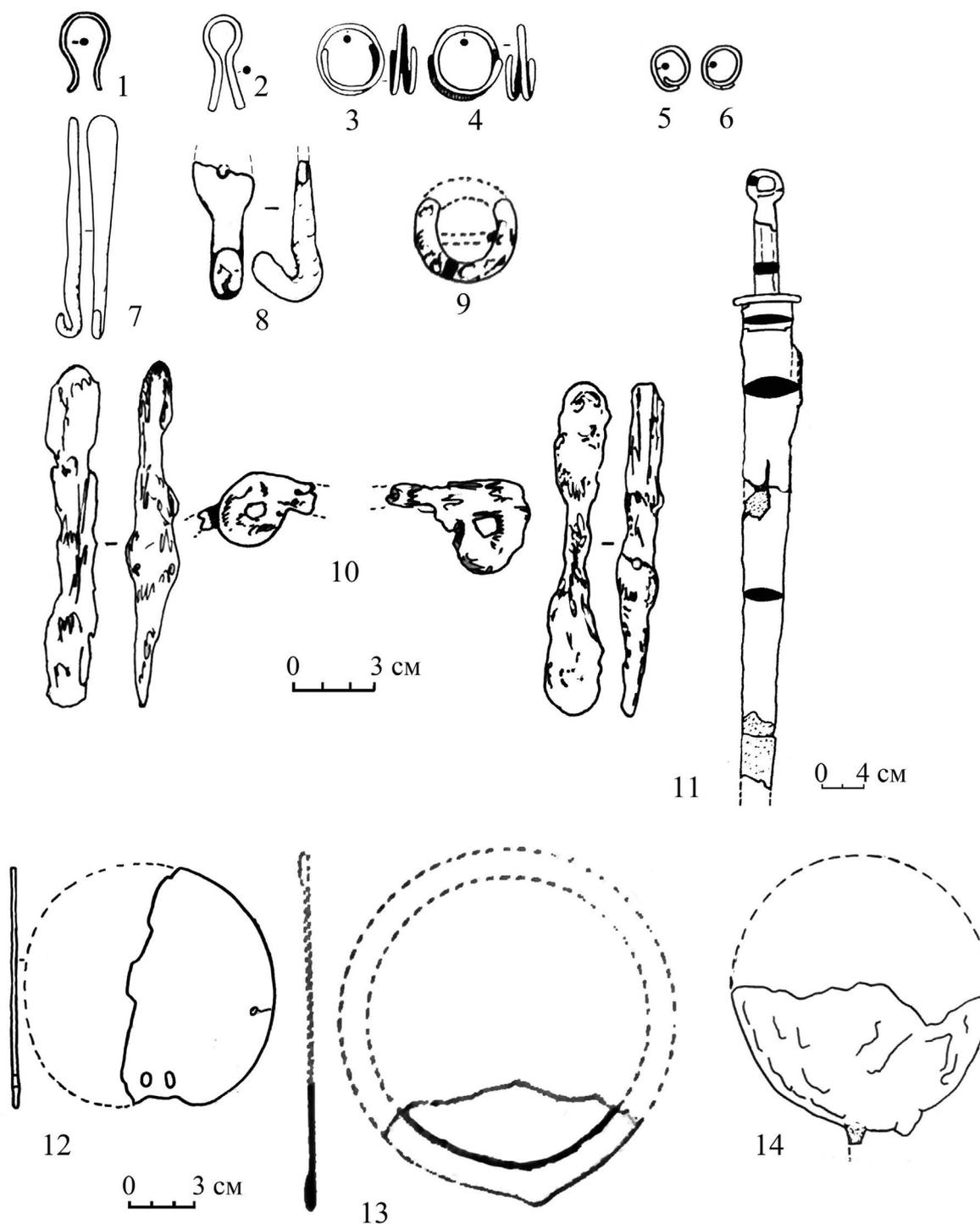

Рис. 21. Зеленоморский курган, погребения (по: [Салихов, 1986; 1988]):

1, 10 – № 39; 2 – № 41; 3, 4 – № 16; 5, 6 – № 12; 7 – № 54; 8 – № 13; 9 – № 26; 11 – № 30; 12 – № 31;
13 – разрушенное погр.; 14 – № 10

Fig. 21. Kurgan Zelenomorskiy, burials (after: [Salikhov, 1986; 1988]):

1, 10 – No. 39; 2 – No. 41; 3, 4 – No. 16; 5, 6 – No. 12; 7 – No. 54; 8 – No. 13; 9 – No. 26; 11 – No. 30; 12 – No. 31;
13 – destroyed burial; 14 – No. 10

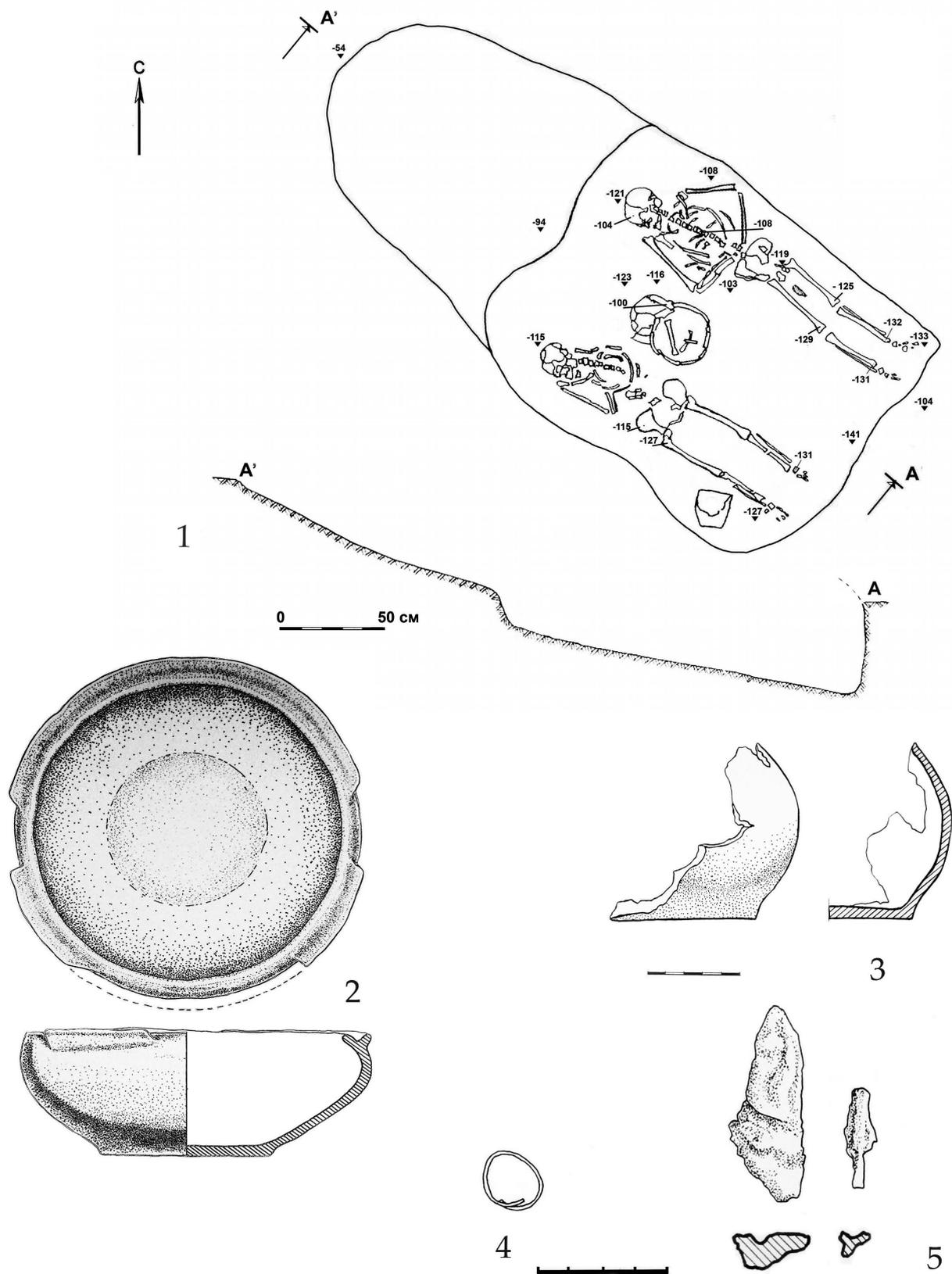

Рис. 22. Курганный могильник Манаскент I. Курган 2, погребение 7 (по: [Маслов и др., 2013]):

1 – план и разрез погребального сооружения; 2–5 – погребальный инвентарь

Fig. 22. Kurgan cemetery Manaskent I. Kurgan 2, burial 7 (after: [Maslov et al., 2013]):

1 – plan and section of the burial structure; 2–5 – grave goods

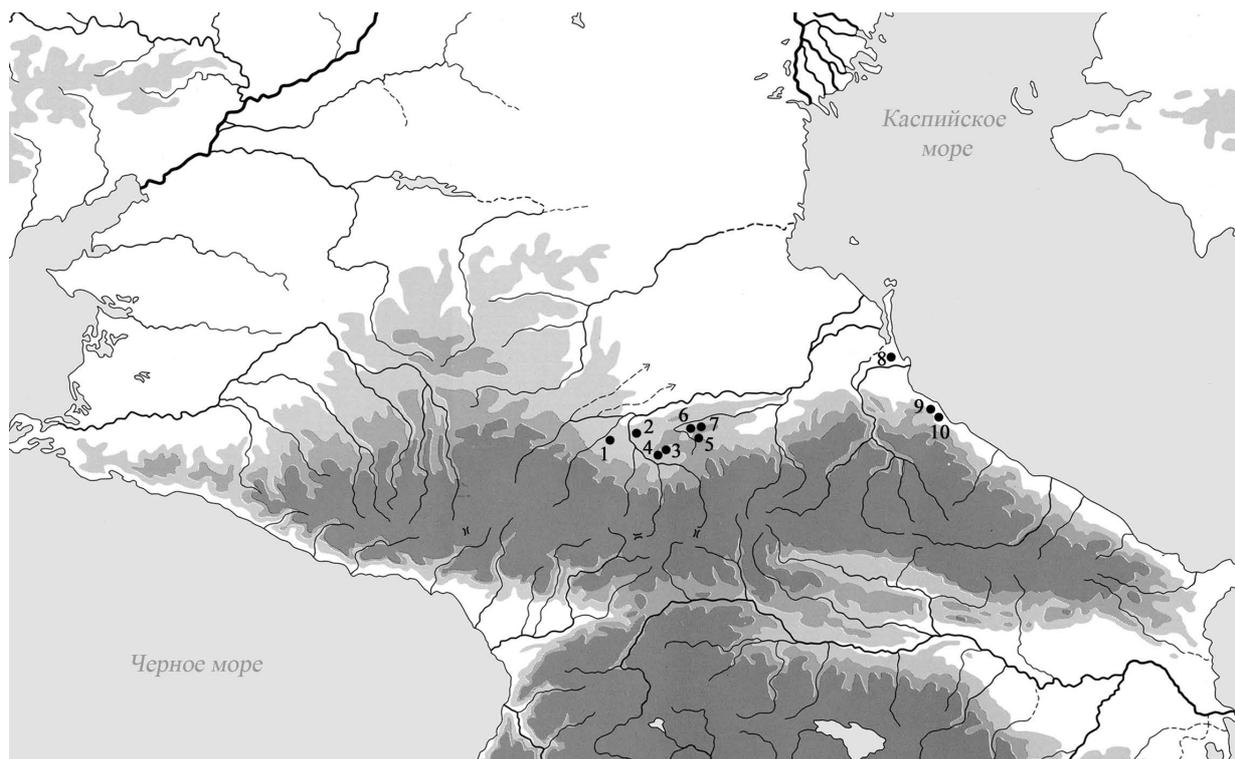

Рис. 23. Карта памятников:

- 1 – Чегемский курган; 2 – Нижне-Джулатский могильник; 3 – Заманкульские курганы; 4 – могильник Брут 1;
5 – могильник Бамутский поворот; 6 – могильник Орджоникидзевский; 7 – могильник Самашкинский;
8 – могильник Львовский VII; 9 – Зеленоморский курган; 10 – могильник Манаскент I

Fig. 23. Map of sites:

- 1 – Chegem kurgan; 2 – Nizhny Dzhulat cemetery; 3 – Zamankul kurgans; 4 – kurgan cemetery Brut 1;
5 – kurgan cemetery Bamutskiy povorot; 6 – kurgan cemetery Ordzhonikidzevskiy; 7 – kurgan cemetery Samashkinskiy;
8 – kurgan cemetery L'vovskiy VII; 9 – kurgan Zelenomorskiy; 10 – kurgan cemetery Manaskent I

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик : Эльбрус. 76 с.
- Абрамова М. П., 1987. Подкумский могильник. М. : Наука. 182 с.
- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 141 с.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб : Нестор-История. 384 с.
- Березин Я. Б., Виноградов В. Б., 1988. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории : тез. докл. конф. Азов : Азов. краевед. музей. С. 28–41.
- Березин Я. Б., Каминский В. Н., Малашев В. Ю., 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М. : ТАУС. 208 с.
- Березин Я. Б., Колесниченко К. Б., 2009. Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станция-2» // Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир; Краснодар : Армавир. краевед. музей ; М. : ИА РАН. С. 53–57.
- Бурков С. Б., Прокопенко Ю. А., 2008. Подкурганские погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь : Орион. 384 с.
- Виноградов В. Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-та при Совете Министров ЧИАССР. Т. 6. Грозный : Изд-во ЧИНИИ. 222 с.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе : СОГУ им. К.Л. Хетагурова. С. 43–63.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1984. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар : КубГУ. С. 15–36.
- Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // Российская археология. № 2. С. 36–47.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. МИАР. № 11. М. : ТАУС. 468 с.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 2018. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 18. М. : ИА РАН ; Вологда : Древности Севера. С. 105–114.
- Гаджиев М. С., 2002. Древний город Дагестана. М. : Вост. лит. 320 с.
- Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2021. Два ритуальных клада эпохи Митридатовых войн из Нижнего Подонья // *Stratum plus*. № 3. С. 281–296.
- Гущина И. И., Фирсов К. Б., 2000. Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицина в 1895 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 268–293.
- Давудов О. М., 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН. 428 с.
- Домжалски К., Журавлев Д. В., 2003. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : материалы IV Боспорских чтений. Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ, ЦАИ, Керченский историко-культурный заповедник. С. 89–92.
- Егорова Т. В., 2019. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 123–137. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.10>.
- Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь : Универсум. 212 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2007. Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 81–108.
- Засецкая И. П., Марченко И. И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. С. 90–104.

- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2009. Отчет о раскопках кургана № 1 курганного могильника «Марьинская-5» на территории Кировского района Ставропольского края в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30306. 136 с. ; № 13307. 146 с.
- Керефов Б. М., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик : Эльбрус. С. 136–259.
- Керефов Б. М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 216 с.
- Клепиков В. М., Дьяченко А. М., Блохин В. Г., Кривошеев М. В., 2006. Исследования курганов у сел Племхоз и Моисеево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 164–177.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С., 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 47–81.
- Козенкова В. И., 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М. : Наука. 198 с.
- Косьяненко В. М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов : Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. 544 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : Адеф-Украина. 384 с.
- Куриных О. И., Малашев В. Ю., 2012. Новые погребальные памятники II в. до н.э. – первой половины II в. н.э. на территории предгорной зоны Северной Осетии – Алании // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. Махачкала : Изд. дом Мавраевъ. С. 204–205.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и раннеримского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар : КубГУ. С. 106–183.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : КубГУ. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология мечей с серповидным навершием из меотских могильников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2007а. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV в. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М. : Памятники исторической мысли. С. 487–501.
- Малашев В. Ю., 2007б. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв. : позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. № 3. С. 111–121.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., 2018. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы №№ 410, 411) // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 64940–64942. 757 с.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала : Изд. дом Мавраевъ. 452 с.
- Малашев В.Ю., Торгоев А.И., 2018. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. № 4. С. 36–52.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М. : Вост. лит. 365 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 336 с.
- Маслов В. Е., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2013. Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик : КБИГИ. С. 31–37.

- Маслов В. Е., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2016. Курганы Нижнего Сулака : курган-кладбище № 4 могильника Львовский-VII. Труды Дагестанской экспедиции. Т. IV. М. : Перо. 116 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.
- Охонько Н. А., 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования по археологии Ставропольского края. Вып. 15-16. Ставрополь : Ставропольское кн. изд-во. С. 243–291.
- Парович-Пешикан М., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев : Наукова думка. 219 с.
- Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Шишлина Н. И., 1986. Отчет о раскопках Дагестанской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 11022. 62 с.
- Ростунов В. Л., 1993. Отчет о раскопках курганов у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17880. 282 с.
- Ростунов В. Л., 1994. Отчет о доисследовании кургана № 2 у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18412. 259 с.
- Ростунов В. Л., 1995. Отчет об археологических раскопках на Заманкульском курганном могильнике в Правобережном районе Республики Северная Осетия в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19415. 39 с.
- Ростунов В. Л., Березин Я. Б., 2007. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ : СОИГСИ. С. 5–60.
- Салихов Б. М., 1986. Отчет отряда Дагестанской экспедиции ИА АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 12226. 57 с.
- Салихов Б. М., 1988. Отчет Приморского археологического отряда Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 13650. 17 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.
- Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : СГУ. 300 с.
- Скрипкин А. С., 2010. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 370 с.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
- Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М. : Наука. 128 с.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III – II в. до н.э. у с. Глинное. Археологические памятники Приднестровья. Вып. III. Тирасполь : Stratum plus. 1096 с.
- Храпунов И. Н., 2007. Погребение воина 2 в. н.э. из могильника Опушки // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 115–124.
- Чеченов И. М., 1967. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XXV. Нальчик : Кабардино-Балкарское кн. изд-во. С. 192–227.
- Шилов В. П., 1966. Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 год // Архив ИА РАН. Р-1. №4625. 109 с.
- Bozkova A., 1997. A Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age. A Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast // Archaeologia Bulgarica. № 2. P. 8–17.
- Domzalski K., 1996. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. Vol. 47. P. 95–109.
- Lomtadze G., Zhuravlev D., 2004. Amphorae from the late Hellenistic cistern from Pantikapaion // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002. Monographs the Danish Institute in Athens. Vol. 5. Aarhus : Aarhus University Press. P. 203–209.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1972. *Nizhne-Dzhulatskiy mogilnik* [Nizhniy Dzhulat Cemetery]. Nalchik, Elbrus Publ. 76 p.
- Abramova M.P., 1987. *Podkumskiy mogilnik* [Podkumsk Cemetery]. Moscow, Nauka Publ. 182 p.
- Abramova M.P., 1993. *Tsentrallye Predkavkazye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Time (III C. BC – IV C. AD)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South European Part of the USSR of the II C. BC – IV C. AD]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 141 p.
- Beglova E.A., Erlikh V.R., 2018. *Meoty Zakubania v sarmatskoye vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogilnika)* [Meots of Trans-Kubania in the Sarmatian Time (by Materials from Tenginsk Cemetery)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 384 p.
- Berezin Ya.B., Vinogradov V.B., 1988. *Tsentrallye Predkavkazye vo vtoroy polovine I tysyacheletiya do nashey ery (oчерk etnokulturnykh protsessov)* [Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BC (Essay of Ethnocultural Processes)]. *Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii : tezisy dokladov konferentsii* [Problems of Sarmatian Archaeology and History (Abstracts of the Conference Reports)]. Azov, Azov Local History Museum, pp. 28-41.
- Berezin Ya.B., Kaminskiy V.N., Malashev V.Yu., 2012. *Tatarskoye gorodishche i formirovaniye pamyatnikov tipa Tatarka-Verbovka* [Tatar Settlement and the Formation of Monuments of the Tatarka-Verbovka Type]. Moscow, TAUS Publ. 208 p.
- Berezin Ya.B., Kolesnichenko K.B., 2009. *Znaki na keramike sarmatskogo vremeni s poseleniya «Georgiyevskaya stanitsa-2»* [Signs on Ceramics of the Sarmatian Time from the Settlement “Georgievskaya Stanitsa-2”]. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], iss. 9. Armavir, Krasnodar, Moscow, IA RAS, Armavir Local History Museum, pp. 53-57.
- Burkov S.B., Prokopenko Yu.A., 2008. *Podkurgannyye pogrebeniya rannego zheleznogo veka – epokhi rannego srednevekovia s territorii predgornoy Chechni* [Burial Mounds in the Early Iron Age and the Early Middle Age in the Territory of Piedmont Chechnya]. Stavropol, Orion Publ. 384 p.
- Vinogradov V.B., 1963. *Sarmaty Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Sarmatians of the North-East Caucasus]. Tr. Checheno-Ingush. nauch.-issled. in-ta pri Sovete Ministrov ChIASSR, vol. 6. Grozniy, ChISRI. 222 p.
- Vinogradov V.B., Berezin Ya.B., 1985. *Katakombnyye pogrebeniya i ikh nositeli v Tsentralnom Predkavkazye v III v. do n.e. – IV v. n.e.* [Catacomb Burials and their Carriers in the Central Ciscaucasia in the 3rd C. BC – 4th C. AD] *Antichnost i varvarskiy mir* [Antiquity and the Barbarian World]. Ordzhonikidze, Khetagurov NOSU, pp. 43-63.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1984. *Pogrebeniya sarmatskogo vremeni iz Khankalskikh mogilnikov* [Burials of the Sarmatian Period from the Khankala Cemeteries]. *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar, KubSU, pp. 15-36.
- Vnukov S.Yu., 2016. *Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor* [On the Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Heracleian) Narrow-Necked Amphorae]. *Rossiskaya Archeologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 36-47.
- Gabuyev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Monuments of the Early Alans of the Central Regions of the North Caucasus]. *Materials and Studies in the Russian Archaeology*, no. 11. Moscow, TAUS Publ. 468 p.
- Gavritukhin I.O., Malashev V.Yu., 2018. *Zerkalo s tsentralnoy petley i ornamentalnoy kompozitsiyey s motivom kvadrata v tsentre* [Mirror with a Central Loop and an Ornamental Composition with a Square Motif in the Center]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emalyu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.)*. [Bryansk Treasure of Jewelry with Champlevé Enamel of the Eastern European Style (III AD C.)]. *Rannoslavianskiy mir*, iss. 18. Moscow, IA RAS; Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 105-114.
- Gadzhiev M.S., 2002. *Drevniy gorod Dagestana* [The Ancient Town of Dagestan]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ. 320 p.
- Glebov V. P., Dedyulkin A. V., 2021. *Dva ritual'nykh klada epokhi Mitridatovykh voyn iz Nizhnego Podon'ya* [Two ritual deposits from the time of the Mithridatic wars from the Lower Don region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 281-296.
- Gushchina I.I., Firsov K.B., 2000. *Kurgany u derevni Mashevki, kolonii Norka i stantsii Lebyazhye v Balashovskom i Kamyshinskom uyezdakh byvshey Saratovskoy gubernii (po materialam raspokok A.A. Spitsina v 1895 g.)*

- [Barrows near the Village Mashevka, the Colony Norka, and the Station Lebyazhye in Balashov and Kamyshin Uezd of the Former Saratovskaya Guberniya (After Excavation Materials by A.A. Spitsin in 1895)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 268-293.
- Davudov O.M., 1996. *Materialnaya kultura Dagestana albanskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Material Culture of Dagestan of the Albanian Time (III C. BC – IV C. AD)]. Makhachkala, IHAЕ DSC RAS. 428 p.
- Domzhalski K., Zhuravlev D.V., 2003. Bosporskaya sigillata [Bosporan Sigillata]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovia: materialy IV Bosporskikh chteniy* [Materials of the IV Bosporus Readings: Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, CB IOS NAS, CAI, Kerch historical-cultural museum reserve, pp. 89-92.
- Egorova T.V., 2019. Problemy datirovaniya neatticheskikh kanfarov klassicheskikh form [The Problems of Dating Non-Attic Classical Kantharoi]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 123-137. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.10>.
- Zaytsev Yu.P., 2003. *Neapol skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.)* [Scythian Naples (II C. BC – III C. AD)]. Simferopol, Universum Publ. 212 p.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2007. Elitnyy nekropol 2 v. n.e. u tsentralnykh vorot Neapolya Skifskogo [Elite Necropolis of the 2 Century AD at the Central Gate of Scythian Naples]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Tavrika]. Simferopol, Universum Publ., pp. 81-108.
- Zasetskaya I.P., Marchenko I.I., 1995. Klassifikatsiya steklyannykh kanfarov pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni [Classification of Glass Canfars of late Hellenistic and Early Roman Times]. *Archeologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The State Hermitage Museum Archaeological Papers], iss. 32, pp. 90-104.
- Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2009. Otchet o raskopkakh kurgana № 1 kurgannogo mogilnika «Marinskaya-5» na territorii Kirovskogo rayona Stavropolskogo kraya v 2009 g. [Report on the Excavation of Kurgan no. 1 of the Maryinskaya-5 Cemetery in the Kirovsky District of the Stavropol Territory in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 30306. 136 p.; no. 13307. 146 p.
- Kerefov B.M., 1985. Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni [Chegem Kurgan-Cemetery of the Sarmatian Time]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological Research at Construction in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], vol. 2. Nalchik, Elbrus. Publ., pp. 136-259.
- Kerefov B.M., 1988. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Monuments of the Sarmatian Period of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Elbrus Publ. 216 p.
- Klepikov V.M., Diachenko A.M., Blokhin V.G., Krivosheyev M.V., 2006. Issledovaniya kurganov u sel. Plemkhoz i Moiseyevu [Studies of Kurgans near the Villages of Plemkhoz and Moiseevo]. *Materialy po arkheologii Volgo-Don'skikh stepey* [Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 164-177.
- Klepikov V.M., Skripkin A.S., 2002. Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzhia [Chronology of the Early Sarmatian Monuments Located in the Lower Volga Area]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5. Volgograd, VolSU, pp. 47-81.
- Kozenkova V.I., 2001. *Poselok-ubezhishche kobanskoy kultury u aula Serzhen-Yurt v Chechne kak istoricheskij istochnik (Severnyy Kavkaz)* [The Settlement-Refuge of Koban Culture near the Village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a Historical Source (North Caucasus)]. Moscow, Nauka Publ. 198 p.
- Kosyanenko V.M., 2008. *Nekropol Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)* [Kobyakova Settlement Necropolis (Based on Materials from Excavations in 1956–1962)]. *Donskiye Drevnosti*, iss. 9. Azov, Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve. 544 p.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev, Adef-Ukraine Publ. 384 p.
- Kurinskikh O.I., Malashev V.Yu., 2012. Novyye pogrebalnyye pamyatniki II v. do n.e. – pervoy poloviny II v. n.e. na territorii predgornoy zony Severnoy Osetii – Alanii [New Burial Monuments of the 2 C. BC. – the First Half of the 2 C. AD on the Territory of the Foothill Zone of North Osetia-Alania]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «XXVII Krupnovskiy chteniya». Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii* [Materials of the International Scientific Conference “XXVII Krupnovskie Readings”. The Newest Discoveries in the Archaeology of the North Caucasus: Research and Interpretation]. Makhachkala, Mavrayev Publ., pp. 204-205.

- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2003. Steklyannyye sosudy pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni iz Prikubania [Glass Vessels of late Hellenistic and Early Roman Times from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban], iss. 3. Krasnodar, KubSU, pp. 106-183.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I. 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogilnikov pravoberezhia Kubani [Chronology of Ceramic Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Meotian Cemeteries on the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 219-324.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2020. Chronologiya mechey s serpovidnym navershiem iz meotskikh mogil'nikov [Chronology of Swords with a Crescent-Shaped Top from Maeotian Burial Grounds]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 136-150. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don], iss. 1. Rostov-na-Donu, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2007a. Kulturnaya situatsiya v tsentralnykh rayonakh Severnogo Kavkaza vo II–IV vv. n.e. [The Cultural Situation in the Central Regions of the North Caucasus in the II–IV C. AD]. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druzia i ucheniki* [Three Quarters of a Century. To D.V. Deopik From Friends and Followers]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 487-501.
- Malashev V.Yu., 2007b. Arkheologicheskiye pamyatniki yuzhnouralskikh stepey vtoroy poloviny II–IV vv.: pozdnesarmatskaya ili gunno-sarmatskaya kultura (veshchevoy kompleks) [South Ural Archaeological Sites of the Second Half of the 2nd–4th c. A.D.: Late Sarmatian Culture or Hun-Sarmatian Culture (Analysis of Finds)]. *Rossiskaya archeologia* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 111-121.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogilnikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and their Traditions in the Burial Mounds of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2 – the Middle of the 5 AD]. Moscow, IA RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., 2018. Otchet ob okhranno-spasatelnykh issledovaniyakh mogilnika «Bratskiye 1-e kurgany» v zone stroitelstva magistralnogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Nadterechnom rayone Chechenskoy Respubliki v 2018 g. (Otkrytyye listy №№ 410, 411) [Report on Investigations of the “Bratsk 1st Kurgan” Cemetery in the Construction Zone of the Mozdok-Grozny Gas Pipeline in the Nadterechny District of the Chechen Republic in 2018 (Open Sheets No. 410, 411)]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 64940–64942. 757 p.
- Malashev V.Yu., Gadzhiyev M.S., Ilyukov L.S., 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd–5th cc. AD]. Makhachkala, Izdatelskiy dom Mavraev Publ. 452 p.
- Malashev V.Yu., Torgoev A.I., 2018. T-obraznye katakomby sarmatskogo vremeni Severnogo Kavkaza i Sredney Azii [T-shaped catacombs of the Sarmatian time of the North Caucasus and Central Asia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], no. 4, pp. 36-52.
- Malashev V.Yu., Yablonskiy L.T., 2008. *Stepnoye naseleniye Yuzhnogo Priuralia v pozdnesarmatskoye vremya* [The Steppe Population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Time]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 365 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki of Kuban (On Materials of Kurgan Burials of Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 336 p.
- Maslov V.E., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2013. Katakombnyye pogrebeniya poslednikh vekov do nashey ery na territorii Dagestana [Catacomb Burials of the Last Centuries BC on the Territory of Dagestan]. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus], iss. 2. Nalchik, KBIGR, pp. 31-37.
- Maslov V.E., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2016. *Kurgany Nizhnego Sulaka: kurgan-kladbishche № 4 mogilnika Lvovskiy-VII* [Kurgans of Lower Sulak: Kurgan-Cemetery No. 4 of the Lvovskiy-VII Cemetery]. Trudy Dagestanskoy ekspeditsii, vol. IV. Moscow, Pero Publ. 116 p.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebalnykh sooruzheniy [Chronology and Typology of the Sarmatian Catacomb Burial Structures]. *Nauchnyye shkoly*

- Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Arkheologiya Volgo-Uralskogo regiona v epokhu rannego zheleza i srednevekovia* [Scientific Schools of the Volgograd State University. Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnyye i katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralia savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and Catacomb Burials of the Southern Urals of the Savromat and Early Sarmatian Times]. *Pogrebalnyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., Rostov-na-Donu, Kagalnik)* [Burial Rite of the Early Nomads of Eurasia: Materials of the VII International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (May 11–15, 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov-na-Donu, SSC RAS, pp. 162-167.
- Okhonko N.A., 1988. Arkheologicheskiye pamyatniki Stavropolskoy vozvysheynosti i voprosy zaseleniya Tsentralnogo Predkavkazia v drevnosti i srednevekovye [Archaeological Sites of the Stavropol Upland and Issues of Settlement of the Central Ciscaucasia in Antiquity and the Middle Ages]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Stavropol'skogo kraya* [Materials and Research on the Archaeology of Stavropol Region], iss. 15-16. Stavropol, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 243-291.
- Parovich-Peshikan M., 1974. *Nekropol' Olvii ellinisticheskogo vremeni* [Necropolis of Olbia in Hellenistic Time]. Kiev, Naukova dumka Publ. 219 p.
- Pyatykh G.G., Salikhov B.M., Shishlina N.I., 1986. Otchet o raskopkakh Dagestanskoy ekspeditsii v 1985 g. [Report on the Excavations of the Dagestan Expedition in 1985]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 11022. 62 p.
- Rostunov V.L., 1993. Otchet o raskopkakh kurganov u s. Zamankul' Pravoberezhnogo rayona Respubliki Severnaya Osetiya v 1993 g. [Report on the Excavation of Kurgans near the Village Zamankul of the Pravoberezhny District of the Republic of North Ossetia in 1993]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 17880. 282 p.
- Rostunov V.L., 1994. Otchet o doissledovanii kurgana № 2 u s. Zamankul Pravoberezhnogo rayona Respubliki Severnaya Osetiya v 1994 g. [Report on the additional Exploration of the Kurgan No. 2 near the Village Zamankul of the Pravoberezhny District of the Republic of North Ossetia in 1994]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 18412. 259 p.
- Rostunov V.L., 1995. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Zamankul'skom kurgannom mogilnike v Pravoberezhnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya v 1995 g. [Report on the archaeological Excavations at Zamankul Kurgan Cemetery in the Pravoberezhny District of the Republic of North Ossetia in 1995]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 19415. 39 p.
- Rostunov V.L., Berezin Ya.B., 2007. Skifo-sarmatskiy period na territorii Severnoy Osetii [Scythian-Sarmatian Period on the Territory of North Ossetia]. *Arkheologiya Severnoy Osetii* [Archaeology of North Ossetia], part 2. Vladikavkaz, SOIGCR, pp. 5-60.
- Salikhov B.M., 1986. Otchet otryada Dagestanskoy ekspeditsii IA AN SSSR o raskopkakh Zelenomorskogo kurgana v 1986 g. [Report on the Excavations the Zelenomorsk Kurgan of the Dagestan Expedition of the Institut of Archaeology USSR Academy of Sciences in 1986]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 12226. 57 p.
- Salikhov B.M., 1988. Otchet Primorskogo arkheologicheskogo otryada Instituta IYaL Dagfiliala AN SSSR o raskopkakh Zelenomorskogo kurgana v 1988 g. [Report on the Excavations of the Zelenomorsk Kurgan of the Primorsky Archaeological Team of the Institute of ILL of the Dagestan Branch USSR Academy of Sciences in 1988]. *Arkhir IA RAN*. P-1, no. 13650. 17 p.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskiye vsadniki severnogo Prichernomorja* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 328 p.
- Skripkin A.S., 1977. Fibuly Nizhnego Povolzh'ya (po materialam sarmatskih pogrebeniy) [Fibulas of the Lower Volga region (based on the materials of Sarmatian burials)]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 100-120.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i eyo istoricheskiiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 300 p.
- Skripkin A.S., 2010. *Sarmaty i Vostok. Izbrannyye trudy* [Sarmatians and the East. Selected Works]. Volgograd, VolSU. 370 p.
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatskiye katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ikh onosheniye k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials in the Southern Urals, the Volga Region and their Relation to the Catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 73-81.

- Sokolskiy N.I., 1976. *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrysaliska* [Taman Tholos and Chrysalisk's Residence]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Telnov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskiy mogilnik III–II v. do n.e. u s. Glinnoye* [Scythian Cemetery III–II C. BC near Glinnoye Village]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrovia*, iss. 3. Tiraspol, Stratum plus Publ. 1096 p.
- Khrapunov I.N., 2007. Pogrebeniye voina 2 v. n.e. iz mogilnika Opushki [Warrior's burial of 2 c. AD from cemetery Opushki]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, Universum Publ., pp. 115-124.
- Chechenov I.M., 1967. Raskopki gorodishcha Nizhniy Dzhulat v 1966 g. [Excavations of the Settlement Nizhniy Dzhulat in 1966]. *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo NII* [Scientific Notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute], vol. XXV. Nalchik, Kabardino-Balkarskoye Knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 192-227.
- Shilov V.P., 1966. Otchet Astrakhanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1966 god [Report of the Astrakhan Archaeological Expedition for 1966]. *Arkhiv IA RAN*. P-1, no. 4625. 109 p.
- Bozkova A., 1997. A Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age. A Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast. *Archaeologia Bulgarica*, no. 2, pp. 8-17.
- Domzalski K., 1996. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994. *Archeologia*, vol. 47, pp. 95-109.
- Lomtadze G., Zhuravlev D., 2004. Amphorae from the late Hellenistic cistern from Pantikapaion. *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002. Monographs the Danish Institute in Athens*, vol. 5. Athens : Aarhus University Press, pp. 203-209.

Information About the Authors

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Vladimir E. Maslov, Candidate of Sciences (History), Scientific Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, maslovlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4910-8317>

Информация об авторах

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Владимир Евгеньевич Маслов, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, maslovlad@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4910-8317>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.6>UDC 902(653):903.46
LBC 63.444(235.54)Submitted: 17.09.2021
Accepted: 25.11.2021

MANUFACTURING COMPLEXES FOR THE NON-FERROUS METALS PROCESSING OF THE GOLDEN HORDE CITIES: SEARCH FOR ANALOGIES¹

Kseniya S. Kovaleva

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the Golden Horde complexes associated with the processing of non-ferrous metals and the organization of handicraft production. Historiography has repeatedly voiced the significant role of the masters of the conquered territories in the formation of the metalworking production of the Golden Horde. In the article the characteristic features of the Golden Horde craft complexes are considered in comparison with similar complexes of Kievan Rus cities, as well as with some traditions of the organization of Central Asian craft. Data from workshops of Tsarevskoe, Uvekskoe, Bolgarskoe settlements, Staryy Orhey were brought in. The complexes are considered in terms of such parameters as location in the city planning system, type of structure, presence of smelting furnaces and hydraulic structures, set of production, range of products and coexistence with other industries. It is noted that in the cities of the Golden Horde there are various forms of organization of metalworking crafts, small workshops in craft districts and complex workshops functioning within household plots. The workshops location is not clearly defined; in general, they do not form specialized areas. The structures in which the workshops operate have no design features and may not contain heat engineering structures. Workshops for the processing of non-ferrous metals most often function in conjunction with bone carving and pottery production, less often in a composition with leather, glass making, and gemstone processing. This is significantly different from the situation in Kievan Rus cities, where the processing of non-ferrous metals is most often combined in various forms with the processing of ferrous metals. The handicraft complexes of the Golden Horde cities demonstrate a wide variety of forms, and most of them find their analogies in the materials of ancient Russian cities, therefore, it is difficult to single out specific features indicating possible genetic connections.

Key words: Golden Horde, Kievan Rus, non-ferrous metal processing, manufacturing complex, craft.

Citation. Kovaleva K.S., 2021. Proizvodstvennye bronzoliteynye komplekсы gorodov Zolotoy Ordy: poisk analogiy [Manufacturing Complexes for the Non-Ferrous Metals Processing of the Golden Horde Cities: Search for Analogies]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 133-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.6>

УДК 902(653):903.46
ББК 63.444(235.54)Дата поступления статьи: 17.09.2021
Дата принятия статьи: 25.11.2021

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ БРОНЗОЛИТЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПОИСК АНАЛОГИЙ¹

Ксения Сергеевна Ковалева

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена золотоордынским комплексам, связанным с обработкой цветных металлов и вопросами организации ремесленного производства. В историографии неоднократно озвучивалась значительная роль мастеров завоеванных территорий в становлении металлообрабатывающего производства Золотой Орды. В рамках статьи характерные черты золотоордынских ремесленных комплексов рассмотрены в сравнении с аналогичными комплексами древнерусских городов, а также с некоторыми традициями организации среднеазиатского ремесла. Привлечены данные мастерских по обработке цветных металлов Царевского, Увекского, Болгарского городищ, Старого Орхья. Комплексы рассмотрены по таким парамет-

рам, как расположение в системе планировки города, тип сооружения, наличие плавильных печей и гидротехнических сооружений, направление производства, ассортимент продукции, сосуществование с другими производствами. Отмечено, что в городах Золотой Орды функционируют разные формы организации металлообрабатывающего ремесла, небольшие мастерские в ремесленных кварталах и комплексные мастерские, функционирующие в рамках приусадебных хозяйств. Расположение мастерских не имеет четко выраженной локализации, в основном они не формируют специализированные районы. Сооружения, в которых функционируют мастерские, не имеют конструктивных особенностей, могут не содержать теплотехнические сооружения. Мастерские по обработке цветных металлов чаще всего функционируют в комплексе с косторезным и гончарным производствами, реже – в составе с кожевенным, стеклоделательным и обработкой камней. Это значительно отличается от ситуации в древнерусских городах, где обработка цветных металлов чаще всего в разных формах сочетается с обработкой черных металлов. Ремесленные комплексы золотоордынских городов демонстрируют большое разнообразие форм, и большинство из них находят свои аналогии в материалах древнерусских городов, поэтому выделить специфические черты, указывающие на возможные генетические связи, затруднительно.

Ключевые слова: Золотая Орда, Древняя Русь, обработка цветных металлов, производственный комплекс, ремесло.

Цитирование. Ковалева К. С., 2021. Производственные бронзолитейные комплексы городов Золотой Орды: поиск аналогий // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 133–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.6>

Город в эпоху Средневековья представляет собой центр мелкого товарного производства, выступая одновременно и производителем, и потребителем ремесленных изделий [Зиняков, 2013, с. 232]. В золотоордынских городах ремесленные кварталы занимают значительную, нередко центральную, часть города [Егоров, 1985, с. 114]. О немалых масштабах производства может свидетельствовать тот факт, что продукция мастеров по металлу нижневолжских городов поступала в другие регионы Золотой Орды, на Среднюю Волгу в Болгар [Крамаровский, Полубояринова, 1982, с. 100] и юго-западный Крым [Масюта, Лесная, 2020, с. 240–242], в древнерусских городах существовала определенная «мода» на золотоордынские вещи и их местные подражания [Горелик, 2008]. Определенно, города обеспечивали изделиями из цветных металлов собственную кочевую округу [Король, Наумова, 2017, с. 55]. Однако, как справедливо отмечено С.И. Валиулиной, ремесленные традиции Золотой Орды не имеют периода становления, а появляются в результате прямого заимствования уже готовых технологических практик [Валиулина, 2020, с. 41]. Основные точки зрения касательно истоков металлообрабатывающего производства были высказаны еще в 30–50-е гг. XX века. А.Ю. Якубовский видел их на Кавказе – в области Дагестана или Азербайджана [Якубовский, 1931, с. 27], а также отмечал

вклад русских мастеров [Греков, Якубовский, 1941, с. 153]. Об огромной роли русских, хорезмских и закавказских мастеров в формировании культуры золотоордынских городов писал в своей работе о ремесле Древней Руси Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1948, с. 531]. М.Г. Сафаргалиевым высказывалось достаточно радикальное мнение, что нельзя говорить даже о заимствовании традиций, большинство изделий из металла изготавливались непосредственно русскими мастерами [Сафаргалиев, 1960, с. 76–78].

Вопросы об организации ремесленного производства как одного из составляющих культуры в золотоордынских городах, уровне развития и корнях традиций также стали подниматься еще до начала активных археологических работ и появления массового вещественного материала. Одним из первых к нему обратился А.Ю. Якубовский. Основываясь на результатах полевых исследований на Царевском городище А.В. Терещенко в 40-х гг. XIX в., он предположил наличие в городе крупных железо- и медеплавильных заводов, а также огромного количества мастерских по выделке изделий из железа и меди. По его мнению, металлургическая промышленность, наряду с керамической, занимала в этом стольном городе главное место и представляла собой производства мануфактурного типа – кархане («корхана», «корхара»), под которыми понимал большие мастерские с разделе-

нием труда, принадлежащие ханскому двору, крупным купцам или феодалам [Греков, Якубовский, 1941, с. 146]. При этом особая роль в организации ремесленного производства отводилась торговым компаниям – именно они держали крупные ремесленные заведения [Якубовский, 1931, с. 16–19].

Г.А. Федоров-Давыдов обобщил результаты многолетних исследований золотоордынских городов Поволжской археологической экспедицией и пришел к выводу о наличии разных видов организации ремесла. По его мнению, существовали индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом работ, усадебные мастерские, где разные по профессии ремесленники с узкой специализацией работали на хозяина, и, наконец, мастерские, которые достигли больших размеров, объединяли в себе несколько десятков ремесленников и выпускали более разнообразную продукцию, собственно кархане. Последнюю форму он выделял только на керамическом производстве, приводя в пример гончарную мастерскую на Селитренном городище [Федоров-Давыдов, 1997, с. 100–101].

Мастерские кархане известны по письменным источникам, об их существовании в хулагуидском Иране сообщает Рашид ад-Дин [2011, с. 35, 336, 352]. Кархане сравнивают с известными повсеместно на Ближнем Востоке в период арабского халифата казенными мастерскими – тиразами. Нередко тиразы были собственностью отдельных лиц [Кикнадзе, 1962, с. 48–49]. И хотя высказывалось мнение о дальневосточном или уйгуро-монгольском происхождении кархане [Беленицкий, 1948, с. 123], в основных аргументах против такой версии указывалось, что большие казенные мастерские существовали в городах Ближнего Востока в период халифата и продолжали действовать непосредственно перед монгольским нашествием, о чем свидетельствуют письменные источники, в то время как в монгольских и китайских источниках не упоминается о существовании там подобных государственных мастерских [Кикнадзе, 1962, с. 50]. Несмотря на значительный урон, нанесенный городской экономике монголами во время нашествия, ремесленное производство необходимо было быстро восстанавливать, так как завоеватели нуждались в большом ко-

личестве ремесленной продукции. Чтобы как-то удовлетворить потребности военной знати и войска, они начали создавать большие мастерские, так называемые кархане, принадлежавшие государству или монгольским ханам и выполнявшие государственные заказы. Таким образом, монголы не принесли в Иран новых форм организации ремесленного труда, но воспользовались существовавшей формой [Кикнадзе, 1962, с. 50].

Есть свидетельства, что на раннем этапе существования золотоордынского государства ханы Улуса Джучи пользовались возможностями кархане на территории Ирана. Так, например, основным источником поступления оружия в Орду до конфликта с хулагуидами были кархане Северо-Западного Ирана [Кулешов, 2014, с. 210]. Арабский историк Ол-Амари сообщает, что в Тебризе были выстроены мастерские карханат по изготовлению ткани для золотоордынского хана Берке [Кикнадзе, 1962, с. 50]. До становления развитой городской культуры в начале XIV в., ремесленное производство на территории Нижнего Поволжья оставалось кустарным и не могло обеспечить молодое государство необходимой продукцией.

В рамках данной статьи сделана попытка рассмотреть золотоордынские городские производственные комплексы, специализирующиеся на обработке цветных металлов, в сравнении с мастерскими древнерусских городов домонгольского и монгольского периодов, а также некоторыми традициями организации ремесла Средней Азии, чтобы выявить возможные связи.

Производственным комплексом, или мастерской, принято считать совокупность единовременных и территориально близко расположенных сооружений, характер находок в которых позволяет судить о наличии производственной деятельности [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 35]. Определение ремесленных комплексов как бронзолитейных происходит по наличию таких индикаторов производства, как отработанные тигли, обрезки металла, специализированные инструменты (миниатюрные наковаленки, молоточки, штампы), заготовки, выплески и капли металла, остатки сооружений, связанные с высокотемпературными процессами.

Как показали экспериментальные исследования, бронзолитейное производство может быть весьма неувеличим, остатки теплотехнических сооружений часто принимаются в лучшем случае за очаг [Саврасов, 2013, с. 125–126]. Экономное отношение мастера к сырью приводит к тому, что на место плавки могут указывать только капли металла диаметром всего в несколько миллиметров [Söderberg, 2002, S. 261]. Многие инструменты могут быть нераспознанными из-за коррозии металла, и даже тигли могли перерабатываться ремесленниками в шамот [Söderberg, 2002, S. 259]. Некоторые из инструментов – волоочильные доски, наковальни или литейные формы – могли быть изготовлены из дерева, а соответственно, не сохраниться до момента исследования.

По совокупности признаков на территории Нижнего Поволжья исследователями выявлено несколько золотоордынских комплексов, определенных как мастерские по обработке цветных металлов. Три из них были открыты в результате многолетних работ Поволжской археологической экспедиции на территории Царевского городища [Федоров-Давыдов и др., 1974; Гусева, 1974; Байрамова, Зеленева, 2000, с. 19–21; Зеленева, Курочкина, 2009, с. 73–85]. Сведения о металлообрабатывающем производстве содержатся и в материалах, описывающих исследование городища в середине XIX – начале XX в. [Терещенко, 1850, с. 382, 384; Баллод, 1923, с. 22]. На Увекском городище известен комплекс, определенный автором раскопок как «жилище мастера», который с некоторыми оговорками, но также рассматривается как мастерская [Кубанкин, 2010; 2013]. Работами последних лет на городище выявлен еще один комплекс производств, включающий обработку цветных металлов [Яворская, 2020, с. 223]. За пределами Нижневолжского региона открыты мастерские на территории золотоордынского Болгара [Полякова, 1996, с. 157–158; Кокорина, 2005; Аксенова, Полубояринова, 2005; Бадеев, Коваль, 2018] и Старого Орхья [Быря, 1974]. Многочисленные следы производств по обработке цветных металлов, позволяющих говорить о специализированных районах металлообработки, но без выделения отдельных комплексов, известны в Азаке

[Масловский, 2015, с. 396–398]. Эти данные также привлечены для сравнения.

Расположение комплексов в системе планировки города. Мастерские сильно разнятся по территориальному положению. Две ювелирные мастерские Царевского городища располагались в восточном пригороде, на территории аристократических усадеб с комплексами производств [Гусева, 1974, с. 125]. Еще одна бронзолитейная мастерская открыта в центральной, торгово-ремесленной части города с квартальной застройкой [Зеленева, Курочкина, 2009, с. 73]. А.В. Терещенко, исследовавший городище в 1843–1851 гг., писал в своих дневниках о находках в центральной части города «плавильных чашечек с остатками в них металла», весов, глиняных и каменных литейных форм [Терещенко, 1850, с. 382, 384]. Раскопками Ф.В. Баллода в 1922 г. зафиксированы следы работы с цветным металлом в виде тиглей, большого количества мелких слитков меди и готовых изделий в северной, вероятно ремесленной, части городища [Баллод, 1923, с. 22; Глухов, 2015, с. 52].

На Увекском городище комплекс, связанный с литьем серебра, выявлен на северо-западной окраине, где предположительно располагался район ремесленных производств по обработке черных и цветных металлов [Кубанкин, 2013, с. 179, 185]. Следы комплекса производств середины XIV в., где косторезное и кожевенное ремесла соседствуют с обработкой цветных металлов [Яворская, 2020, с. 223], открыты в результате работ 2019 г. в центральной части городища.

На территории Болгарского городища металлургическое и металлообрабатывающие (в том числе ювелирное) производства зафиксированы в центральной, торгово-ремесленной части города [Кокорина, 2005; Бадеев, Коваль, 2018]. Также металлообрабатывающие комплексы открыты на территории ремесленного квартала в юго-западной части городища [Полякова, 1996, с. 158; Аксенова, Полубояринова, 2005]. Здесь, в районе Голландского (Галанского) озера, функционировало крупное гончарное производство, и, по мнению Д.Ю. Бадеева, местные мастерские по обработке черного и цветного металла были ориентированы на его обслуживание [Бадеев, 2018, с. 83]. В Азаке следы обработки цветного металла

рассеяны по всей центральной части городища [Масловский, 2015, с. 397]. Мастерская из золотоордынского Старого Орхея (Молдавия) располагалась также в центральной части города, примыкая одной стеной к караван-сараяу, и была окружена другими производственными комплексами, образующими ремесленный квартал [Абызова и др., 1981, с. 30].

Примеры размещения древнерусских мастерских также не демонстрируют какого-то четкого положения в структуре городской застройки. Производственные комплексы могли располагаться в центральной части города [Колчин, 1985, с. 261], в детинце, занимая его периферийные части [Зайцева, 2010, с. 202; Зайцева, Сарачева, 2011, с. 53], могли входить в состав городских усадеб [Колчин, 1985, с. 261; Сингх, 2011, с. 233–235; Троицкий, 2019, с. 216], формировали окраинные ремесленные кварталы [Кренке и др., 2016, с. 22; Троицкий, 2019, с. 217] или занимали удаленные друг от друга участки поселений [Мурашева и др., 2007, с. 31]. В то же время в некоторых городах, например в Пскове, зафиксирована тенденция перемещения мастерских от центра в ремесленные посады по мере увеличения городской территории [Королева, 2003, с. 220].

Тип сооружения. Мастерские золотоордынских городов относятся к разным типам сооружений и имеют разную планировку. Одна из усадебных ювелирных мастерских Царевского городища представляла собой обмазанную глиной деревянную с сырцовым цоколем пристройку к жилому дому. Другая мастерская располагалась в землянке со стенами из сырцовых кирпичей и глиняным полом. Кроме того, следы работы ювелира зафиксированы и в наземном жилом доме, входящем в усадебный комплекс [Гусева, 1974, с. 129, 132]. Мастерская медника, открытая также на Царевском городище, располагалась в отдельном сооружении, выполненном из сырцовых кирпичей с известковой обмазкой, сначала с известковым, а позднее – глиняным полом [Зеленева, Курочкина, 2009, с. 75–76]. Мастерская Увекского городища представляла собой частично заглубленную в землю пристройку со стенами из двух собранных из досок щитов и засыпкой песком между ними. Само сооружение являлось жилым, производственное пространство располагалось в юж-

ной его половине. Ссылаясь на исследования Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова, автор раскопок Д.А. Кубанкин отметил, что такие постройки являлись простым и распространенным жилищем ремесленников в Золотой Орде [Кубанкин, 2013, с. 182]. Одна из ювелирных мастерских торгово-ремесленного квартала Болгара располагалась в многоквартирном сооружении, состоящем из наземного и полуземляночного помещения со стенами из глиняной забутовки и бревен [Кокорина, 2005, с. 110–111]. В юго-западном ремесленном квартале производственные сооружения представлены землянками с деревянными стенами или подполом наземного дома [Аксенова, Полубояринова, 2005, с. 135–143]. Ювелирная мастерская Старого Орхея располагалась в одном из отсеков трехкамерного сооружения, состоящего из жилой и производственной частей. Стены последнего, вероятно, были возведены из камней, кирпичей и глиняной обмазки, а пол сооружен из мелких камней и щебня, залитых известкой [Бырня, 1974, с. 231–232].

Таким образом, все открытые постройки являлись наземными, а землянки зафиксированы в основном на территории крупных усадеб, что соотносится с данными по ремесленным мастерским разных специализаций в целом по Золотой Орде [Егоров, 1970, с. 191]. Вероятно, эти мастерские могли работать на обслуживание населения ближайших кварталов. Производственные комплексы, расположенные в землянках юго-западной ремесленной части Болгара, Н.Д. Аксенова и М.Д. Полубояринова связывают с городской беднотой и зависимым населением, в том числе русским [Аксенова, Полубояринова, 2005, с. 142].

Другая ситуация отмечается в древнерусских комплексах. Землянки в качестве производственного помещения встречаются достаточно часто, например на территории Спас-Городка [Зайцева, 2010, с. 199], Старой Рязани [Троицкий, 2019, с. 216] или даже Гнездова, где отмечены связи со скандинавскими традициями использования углубленных построек без отопительных сооружений в качестве ремесленно-хозяйственных [Мурашева и др., 2007, с. 37–38]. Помимо землянок, в качестве производственных помещений зафиксированы пристройки к жилому дому в Киеве, нежилые

столбовые конструкции и жилые дома в Новгороде [Колчин, 1985, с. 261; Сингх, 2011, с. 234–235]. Сочетание функций жилища и мастерской в целом характерно для большинства мастерских древнерусских городов [Енисова и др., 2011, с. 139; Королева, 2003, с. 222; Рындина, 1963, с. 226]. Отмечено, что постройки, связанные с ювелирным производством, не имеют конструктивных особенностей, по сравнению с теми, которые к производству отношения не имеют [Королева, 2003, с. 220].

Плавильные печи, сооруженные из обожженного кирпича, были зафиксированы в мастерской Царевского городища [Гусева, 1974, с. 129], из обожженной глины – на Болгарском городище [Жоколина, 2005, с. 109; Аксенова, Полубояринова, 2005, с. 135–137, 139; Бадеев, Коваль, 2018, с. 277], из глины с известковой обмазкой и кирпичным дном – в мастерской медника Царевского городища [Зеленева, Курочкина, 2009, с. 78]. В располагавшейся в землянке ювелирной мастерской Царевского городища печь отсутствует, однако ее функцию, а именно использование для плавки металла, с большой долей вероятности исполняла вырытая рядом яма, в которой зафиксированы следы литья (прослойка, насыщенная каплями металла) [Гусева, 1974, с. 129]. В мастерской Увека теплотехнических сооружений и следов производства обнаружено не было, несмотря на предполагаемую по наличию тиглей литейную специализацию. В Старом Орхее не были зафиксированы ни печи, ни следы литья, но возможно, что мастерская была направлена на холодную кузнечную обработку цветных металлов, что подтверждается и составом находок – инструментария и отходов производства (обрезки).

Отсутствие специализированных помещений и печей-горнов в связанных с обработкой цветных металлов производственных комплексах нередко отмечается для древнерусских городов. Э.В. Королева, исследовавшая обработку цветных металлов в средневековом Пскове, отметила, что дворы ювелиров и медников часто соседствуют с железообрабатывающими комплексами, где и могли происходить все процессы, связанные с высокими температурами [Королева, 2003, с. 223].

Рядом с мастерскими Царевского и Увекского городищ зафиксированы связанные

с ними **искусственные водоемы**, необходимость которых очевидна для производств, связанных с высокими температурами. Расположение производственных комплексов вдоль водоема отмечено в Смоленске [Кренке и др., 2016, с. 22]. В кузнечно-ювелирной мастерской Гнездова небольшая яма, использовавшаяся предположительно в качестве искусственного водоема для закалки железных изделий, обнаружена непосредственно внутри производственного помещения [Мурашева и др., 2007, с. 49].

Направление производства и ассортимент продукции. Две ювелирные мастерские Царевского городища, по мнению авторов раскопок, были связаны преемственностью [Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 120–123]. После затухания жизни на усадьбе, в которой функционировала более ранняя мастерская, мастер со всем инструментарием и сырьем перемещается на территорию другой, соседней усадьбы. На перенос производства может указывать и низкая концентрация в ранней мастерской находок, связанных с производством [Гусева, 1974, с. 132]. Мастер, или мастера, работавшие в этих мастерских, использовали разнообразное сырье, среди которых высокопробное золото [Вайнер, Кринари, 1974, с. 126], серебро, свинец, бронза, драгоценные и полудрагоценные камни. Было зафиксировано использование в качестве сырья вещей, уже бывших в употреблении, а именно стенок бронзовых сосудов, из которых вырезались заготовки для бляшек или накладок. Исходя из находок инструментария (тигли со следами литья, наковаленка, пуансон для нанесения циркульного орнамента), мастера работали как в технике литья, так и обработки давлением. Об ассортименте их продукции можно судить по заготовкам, найденным на территории мастерских. Это накладки и медальоны из бронзы и свинца, перстни со вставками и без, золотые детали поясных наборов [Гусева, 1974, с. 129–130]. Авторами раскопок бы сделан вывод об отсутствии стандартизации в работе этих мастерских и, соответственно, работе скорее на заказ, нежели на свободный рынок [Гусева, 1974, с. 132].

«Мастерская медника» Царевского городища имела более узкую специализацию. В качестве металлического сырья здесь ис-

пользовались сплавы на основе меди и изготавливались, в том числе, такие бытовые вещи, как бубенчики, муфты для ножей и клепки [Зеленева, Курочкина, 2009, с. 80]. Из украшений здесь был также обнаружен фрагмент браслета и бронзовая вставка в кольцо. В целом об ассортименте продукции говорить сложно, так как находки разных категорий в основном единичны, и нельзя с точностью определить, что было готовым изделием, а что представляло собой лом, подготовленный для переплавки. Инструментарий представлен фрагментами тиглей и ювелирным молоточком, а в заполнении ям было обнаружено большое количество шлаков цветных металлов и обрезков, так что можно предположить также применение техник литья и обработки давлением.

Единственным атрибутом литейщика-ювелира и единственным типом инструментария, обнаруженного в комплексе, открытом на Увекском городище, являются тигли со следами серебра [Кубанкин, 2013, с. 181], металла дорогого и используемого именно в ювелирном деле. Несмотря на то что в сооружении было зафиксировано зольное пятно и в заполнении встречаются фрагменты угольков, наиболее явного свидетельства наличия литейного производства – прослойки с мелкими кусочками угля и каплями металла – обнаружено не было. Поэтому говорить, что в данном сооружении проходил узкоспециализированный производственный процесс, следует с некоторой осторожностью.

В мастерских ремесленного квартала к югу и юго-западу от Соборной мечети Болгара работали, прежде всего, со сплавами на основе меди, о чем говорит большая распространенность на данной территории медных шлаков, обрезков металла и изделий, подготовленных для переплавки [Бадеев, Коваль, 2018, с. 277]. В одной из мастерских, исследованных в этом квартале, кроме медного сырья было встречены серебро в виде проволоки, а также куски свинца, марганца, серы и олова [Кокорина, 2005, с. 113]. О специализации мастеров данного района на литье украшений свидетельствуют находки большого количества форм для изготовления перстней, височных колец, ременных гарнитур, привесок, медальонов, браслетов и т. д. Д.Ю. Бадеевым

и В.Ю. Ковалем было подсчитано, что количество форм, происходящих из этого квартала, сопоставимо с общим числом находок на всей территории Болгарского городища [Бадеев, Коваль, 2018, с. 280]. Помимо этого, инструментарий представлен тиглями, пинцетами, мерной ложкой, миниатюрным топориком, молоточком, клещами, ножницами, каменными волоочильными досками [Кокорина, 2005, с. 113; Бадеев, Коваль, 2018, с. 281–283]. Мастерские другого ремесленного квартала, расположенного в юго-западной части городища, были ориентированы, прежде всего, на выплавку цветных и черных металлов и на металлообработку меди и медных сплавов, о чем свидетельствуют такие находки, как: куски медного колчедана, медных и железных шлаков, криц, куски и слитки меди, бронзы и свинца, обломки изделий. Готовые изделия представлены в основном обломками, вероятнее всего подготовленными для переплавки. Из инструментов, помимо тиглей и льячек, встречены бронзовая наковальня и железный молоток. Авторами раскопок было сделано предположение, что главной продукцией ремесленников-медников являлась медная посуда [Аксенова, Полубаяринова, 2005, с. 135–143].

Мастерская Старого Орхья отличается от рассмотренных выше узкой кузнечной специализацией. Набор инструментов данной мастерской включает напильник, пилу (ножовку), наковальню, стамеску, миниатюрное зубильце, а из готовых изделий встречены проволочные серьги, цепочки, вставки, шаровидные пуговицы, спиралевидные пронизи из тонкой проволоки, тисненая оковка [Бырина, 1974, с. 235–238]. С учетом отсутствия каких-либо следов литья, литейного инструментария (форм и тиглей), а также горна или ямы-очага, где могла происходить плавка металла, можно с достаточной долей уверенности говорить, что мастер занимался исключительно холодной кузнечной обработкой сплавов на основе меди и изготовлением простейших украшений со вставками из стекла, янтаря и жемчуга.

Мастерские, в которых занимались лишь пластической деформацией цветных металлов, открыты также и в древнерусских городах, например в Новгороде [Ениосова и др., 2011, с. 139], однако чаще можно наблюдать,

что чеканщики и литейщики сосуществовали в одних мастерских. Многие мастерские имели узкую специализацию, например занимались изготовлением медных бубенчиков [Колчин, 1985, с. 261] или крестиков и книжных застёжек, однако крупные производства, как, например, многопрофильная мастерская в детинце Серенска, могли работать и удовлетворять нужды как собственно военного гарнизона, так и изготавливать бытовые изделия и украшения, в том числе из драгоценных металлов [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 65, 72].

Сосуществование с другими производствами. Одной из ярких черт мастерских по обработке цветных металлов является их функционирование в составе комплекса производств. Усадебные мастерские Царевского городища формировали комплекс, в который помимо обработки цветного металла входит обработка кости и производство керамики [Гусева, 1974]. На Увекском городище в результате работ 2019 г. открыты следы комплекса производств середины XIV в., где косторезное и кожевенное ремесла соседствуют с обработкой цветных металлов [Яворская, 2020, с. 223]. На Болгарском городище в конце XIII – начале XIV в. к югу и юго-западу от Соборной мечети формируется район, специализирующийся на обработке цветных металлов, но при этом с медниками и ювелирами соседствовали усадьбы, на которых выявлены материалы, связанные с косторезным, стеклоделательным и гончарным производствами. К середине XIV в. здесь возводится и здание базара [Бадеев, Коваль, 2018, с. 277; Кокорина, 2005, с. 114]. В ремесленном квартале в юго-западной части городища обработка цветных металлов сочетается с кузнечным и косторезным ремеслами, гончарным производством [Аксенова, Полубояринова, 2005, с. 145]. На Селитренном городище была исследована усадьба, где помимо основного стеклоделательного производства было зафиксировано косторезное, гончарное производства и обработка полудрагоценных камней [Пигарев, 2020, с. 212]. Можно сделать предположение, что поблизости могло находиться и ювелирное производство, где использовались вставки из стекла и камня, которые производились в этой усадьбе. Таким образом, в основном мастерские по обработке цветных

металлов функционируют в комплексе с обработкой кости и изготовлением керамики. Косторезное ремесло, как отмечают большинство исследователей, встречается на территории золотоордынских городов повсеместно и часто выполняет функцию вспомогательного, удовлетворяющего хозяйственные нужды усадьбы и приусадебных мастерских [Аксенова, Полубояринова, 2005, с. 145; Пигарев, 2020, с. 212]. Гончарное производство в ряде случаев доминирует или полностью сменяет другие ремесленные направления на последних этапах существования производственных комплексов, как, например, в мастерских Царевского городища [Гусева, 1974, с. 133; Кокорина, 2005, с. 116].

В древнерусских городах производства по обработке цветных металлов функционируют в комплексе с косторезным [Ениосова и др., 2011, с. 140; Ениосова, Жарнов, 2006, с. 64], деревообрабатывающим [Рябинин, 1994, с. 53; Сингх, 2011, с. 234–235] и сапожным [Сингх, 2011, с. 233], обработкой камня [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 53]. Наиболее часто фиксируется соседство с железоделательным производством [Рябинин, 1994, с. 52; Мурашева и др., 2007; Зайцева, 2010, с. 200; Королева, 2003, с. 223; и др.], причем в таком случае предполагается, что железообрабатывающие производственные помещения использовались и для горячей обработки цветных металлов, в то время как специальные ювелирные горны отсутствуют. Судя по имеющимся на данный момент данным, для золотоордынского ремесла сочетание обработки цветных и черных металлов в целом менее характерно. На Болгарском городище, в районах, где такое сосуществование фиксируется, исследователями отмечается присутствие русского этнического компонента [Аксенова, Полубояринова, 2005, с. 138; Бадеев, 2018, с. 82]. В то же время, по данным этнографии, у кочевых народов мастер по металлу соединял в одном лице и кузнеца, и литейщика, и ювелира, работал с разными материалами и выполнял сам все процессы, от заготовки угля до финальной обработки поверхности изделия, работал в одиночку или привлекая помощника-ученика [Король, Наумова, 2017, с. 57–58].

Многопрофильный характер мастерских может быть связан с вопросами реализации

продукции, образуя законченный производственный цикл, так как зачастую изготовление одного изделия требует операций разных ремесленных направлений [Рябинин, 1994, с. 54–55]. Кроме того, объединение большого числа ремесел на территории одного комплекса часто говорит о том, что у такого производства должен быть некий внешний организатор, например представитель аристократии или купечества [Сингх, 2011, с. 241; Зайцева, 2010, с. 203–204]. Такая ситуация могла наблюдаться в случае ювелирных мастерских Царевского городища, располагавшихся на территории аристократических усадеб и имевших доступ к драгоценным металлам.

Связь ремесла и купечества демонстрирует мастерская в Старом Орхее, примыкающая одной стеной к караван-сараяу, и наиболее ярко – торгово-ремесленный квартал Болгара, где на территории активного функционирования разнообразных ремесленных мастерских возникает и городская базар. Исследователями высказывалось предположение, что за возведением базара, как и в среднеазиатских городах, могли стоять некие ремесленные объединения [Бадеев, Коваль, 2018, с. 283]. Так, например, в позднесредневековой Бухаре существовали корпорации мастеров по обработке металлов: кузнецов, мастеров по литью чугуна, обработки меди, литью бронзы и ювелиров. У городских ремесленников существовала более узкая специализация внутри корпораций. Ювелиры составляли особую корпорацию *касаба*, возглавляемую *аксакалом*, в обязанности которого входило наблюдение за торговлей ювелирными изделиями, качеством работы, ценами на изделия и материалы. При этом корпорация ювелиров была социально раздробленной и объединяла в себе и богатых мастеров, содержащих цеха, и мастеров-одиночек, и наемных мастеров [Сухарева, 1962, с. 53–55]. Ремесленные организации существуют, например, в Самарканде уже в предмонгольское время [Зиняков, 2013, с. 232], и можно предположить, что такая организация труда могла быть заимствована золотоордынцами, как и многие другие социальные структуры.

Таким образом, в городах Золотой Орды функционируют разные формы организации металлообрабатывающего ремесла, как не-

зависимые небольшие мастерские в ремесленных кварталах, так и комплексные мастерские при усадьбах, которые объединяли несколько видов производств. Вопрос о существовании металлообрабатывающих государственных «цехов» – *кархане* – остается открытым, но на данный момент уверенно говорить о существовании такой формы организации ремесла все же нельзя.

Расположение металлообрабатывающих мастерских в золотоордынских городах не имеет четко выраженной локализации. Наличие специализированного района по обработке металлов можно осторожно предположить в юго-западной части Болгара. Расположение мастерских подчинялось внутренним потребностям городских кварталов. Усадебные мастерские, отличающиеся некой элитарностью, работали не на рынок, а на заказ, и можно сделать осторожное предположение о том, что они удовлетворяли нужды городской и кочевой аристократии.

Сооружения, в которых функционируют мастерские, не имеют каких-либо конструктивных особенностей и характерны для ремесленных комплексов в целом. В мастерских, специализирующихся на пластической деформации металла, могут отсутствовать теплотехнические сооружения.

Многие золотоордынские мастерские по обработке цветных металлов функционируют в связке с другими ремеслами, наиболее часто фиксируют сочетание с косторезным, гончарным ремеслами, реже – стеклоделательным, кожевенным и обработкой камней. Это достаточно резко отличается от ситуации в древнерусских городах, где комплексы по обработке цветных металлов, помимо других ремесел, чаще сосуществуют с железообрабатывающим производством.

Ремесленные комплексы золотоордынских городов демонстрируют большое разнообразие форм, и большинство из них так или иначе находит аналогии в материалах древнерусских городов. Однако какие-либо значимые специфические черты, способные указать на возможные генетические связи, выявить на материале организации производственных комплексов довольно затруднительно. Таким образом, решение вопроса влияния русского ремесла на ордынское должно

лежать, скорее, в сфере изучения применяемых технологий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и есте-

ственно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme “Pre-Mongol frescoes in Novgorod: archaeological context and scientific research: The frescoes of St. Georges Cathedral, Yuriev monastery from the 2013/2020 excavations”), agreement № 075-15-2021-576.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А., 1981. Древности Старого Орхья. Золотоордынский период. Кишинев : Штиинца. 100 с.
- Аксенова Н. Д., Полубояринова М. Д., 2005. Исследование ремесленного района юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) : материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 г., Казань – Яльчик). Казань : РИЦ «Школа». С. 133–156.
- Бадеев Д. Ю., 2018. Ремесленные районы золотоордынского Болгара: попытка локализации // Археология Евразийских степей. № 5. С. 81–86.
- Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследование ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. № 2 (24). С. 270–289. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.270.289>.
- Байрамова Г. С., Зеленев Ю. А., 2000. Мастерская медника города Сарай ал-Джедид // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века : тез. Рос. науч. конф. Йошкар-Ола. С. 19–21.
- Баллод Ф. В., 1923. Приволжские «Помпеи» : (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М. : Гос. изд-во ; Пг. : Мосполиграф. 132 с.
- Беленицкий А. М., 1948. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху // Советское востоковедение. Т. 5. С. 111–128.
- Бырня П. П., 1974. Ювелирная мастерская XIV в. из Старого Орхья // Археологические исследования в Молдавии (1973). Кишинев : Штиинца. С. 229–241.
- Вайнер И. С., Кринари Г. А., 1974. Исследование образцов золота из мастерских в районе «Трех усадеб» на Царевском городище (Новый Сарай) // Города Поволжья в средние века. М. : Наука. С. 126–129.
- Валиулина С. И., 2020. Проблема социальной структуры средневекового ремесла Поволжья по археологическим данным // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 162, кн. 6. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.6.35-46>.
- Глухов А. А., 2015. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 101 с.
- Горелик М. В., 2008. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // Краткие сообщения института археологии. Вып. 222. С. 117–125.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., 1941. Падение Золотой Орды. М. : Госполитиздат. 208 с.
- Гусева Т. В., 1974. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // Советская археология. № 3. С. 125–141.
- Егоров В. Л., 1970. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. МИА. № 164. М. : Наука. С. 172–193.
- Егоров В. Л., 1985. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV веков. М. : Наука. 245 с.
- Ениосова Н. В., Жарнов Ю. Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира // Российская археология. № 2. С. 64–81.

- Ениосова Н. В., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тарабардина О. А., 2011. Ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИИМК РАН. С. 139–140.
- Зайцева И. Е., 2010. К вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб. : Нестор-История. С. 199–205.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. М. : Индрик. 402 с.
- Зеленеев Ю. А., Курочкина С. А., 2009. Золотоордынский город Сарай-ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). Йошкар-Ола : Изд-во МарГУ. 264 с.
- Зиняков Н. М., 2013. Металлургия и металлообработка в средневековых городах Казахстана: характеристика общественных условий и уровня развития производства // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). С. 232–234.
- Кикнадзе Р. К., 1962. Из истории ремесленного производства (кārхāнэ) в Иране XIII–XIV вв. // Ближний и средний Восток. М. : Вост. лит. С. 47–55.
- Кокорина Н. А., 2005. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) : материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 г., Казань – Яльчик). Казань : РИЦ «Школа». С. 109–132.
- Колчин Б. А., 1985. Ремесло. Обработка цветных металлов // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. Т. 15. М. : Наука. С. 260–265.
- Королева Э. В., 2003. Ювелирные ремесленные комплексы Средневекового Пскова // Псков в российской и европейской истории : Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1. М. : МГУП. С. 219–224.
- Король Г. Г., Наумова О. Б., 2017. Вопросы металлообработки у кочевых народов Центральной Азии (раннее средневековье и этнографическое время) // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. С. 52–68.
- Крамаровский М. Г., Полубояринова М. Д., 1982. К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды // Советская археология. № 3. С. 96–102.
- Кренке Н. А., Ершов И. Н., Муренцева Т. Ю., Хаврин С. В., 2016. Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // Краткие сообщения института археологии. № 245 (2). С. 7–28.
- Кубанкин Д. А., 2010. Жилище мастера на северо-западной окраине Увекского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия : материалы III Междунар. Нижневож. археол. конф. (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет». С. 220–227.
- Кубанкин Д. А., 2013. Археологические раскопки на Увекском городище в 2008–2009 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов. С. 179–191.
- Кулешов Ю. А., 2014. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. № 7. С. 199–251.
- Масловский А. Н., 2015. Заметки по топографии золотоордынского города Азака // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев : Stratum Plus. С. 383–410.
- Масюта Д. А., Лесная Е. С., 2020. Деталь поясного набора золотоордынского времени из Юго-Западного Крыма // Поволжская археология. № 2. С. 238–247. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.238.247>.
- Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М. : Альфарет. С. 31–77.
- Пигарев Е. М., 2020. Раскопки стеклоделательной мастерской Селитренного городища (итоги работ 2017–2019 гг.) // Волго-Уральский регион от древности до средневековья : материалы VI Нижневож. Междунар. археол. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 210–214.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань : ИЯЛИ АН Татарстана. С. 154–268.
- Рашид ад-Дин Ф., 2011. Джамии-ат-Таварих. Баку : Нагыл Еви. 540 с.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М. : Изд-во АН СССР. 792 с.
- Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 117. Новые методы в археологии. Труды Новгородской Археологической Экспедиции. Т. III. М. : ИА АН СССР. С. 200–268.

- Рябинин Е. А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладогe : (К истории общепалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. : ИИМК РАН. С. 50–59.
- Саврасов А. С., 2013. Практика и перспективы экспериментальных исследований металлопроизводства эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи (срубная археологическая общность) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век : материалы Междунар. полевой науч. конф. Ульяновск : Печатный двор. С. 121–126.
- Сафаргалиев М. Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск : Мордов. кн. изд-во. 276 с.
- Сингх В. К., 2011. Производственные комплексы на усадьбах Славенского раскопа // Новгородские археологические чтения – 3 : материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» (Великий Новгород, 25–28 сент. 2007 г.). В. Новгород : Печатный двор. С. 233–242.
- Сухарева О. А., 1962. Феодалный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент : Изд-во Акад. наук Узбек. ССР. 365 с.
- Терещенко А. В., 1850. Археологические поиски в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. Т. II. СПб. С. 364–310.
- Троицкий С. О., 2019. Новые данные по ремесленным комплексам по обработке цветных металлов из раскопок городища Старая Рязань // Археология Евразийских степей. № 5. С. 215–220.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. № 1. С. 92–110.
- Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В., 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в Средние века. М. : Наука. С. 89–125.
- Яворская Л. В., 2020. Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от древности до средневековья : материалы VI Нижневолж. Междунар. археол. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 222–228.
- Якубовский А. Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия ГАИМК. Т. 8, вып. 2–3. С. 7–48.
- Söderberg A. A., 2002. Metalliska spår efter gjutet iverksamhet- en skiss till en arkeologisk fältmetod // Fornvännen. № 97. S. 255–264.

REFERENCES

- Abyzova E.N., Byrnya P.P., Nudel'man A.A., 1981. *Drevnosti Starogo Orheya. Zolotoordynskiy period* [Antiquities of the Staryy Orhey. The Golden Horde Period]. Kishinev, Shtiintsa Publ. 100 p.
- Aksenova N.D., Poluboyarinova M.D., 2005. Issledovanie remeslennogo rayona yugo-zapadnoy chasti Bolgarskogo gorodishcha [Exploration of the Handicraft Area of the Southwestern Part of the Bolgarskoe Settlement]. *Drevnosti Povolzh'ya: epoha srednevekov'ya (issledovanie kul'turnogo naslediya Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ordy): materialy II Vserossiyskoy konferentsii «Povolzh'e v srednie veka», 25–28 sentyabrya 2003 g., Kazan'-Yal'chik* [Antiquities of the Volga Region: the Middle Ages (Study of the Cultural Heritage of the Volga Bulgaria and the Golden Horde). Materials of the II All-Russian Conference “The Volga Region in the Middle Ages”, September 25–28, 2003, Kazan-Yalchik]. Kazan', Shkola Publ., pp. 133–156.
- Badeev D.Yu., 2018. Remeslennyye rayony zolotoordynskogo Bolgara: popytka lokalizatsii [Craft Areas of the Golden Horde Bolgar: an Attempt at Localization]. *Arheologiya Evraziyskih stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 5, pp. 81–86.
- Badeev D.Yu., Koval' V.Yu., 2018. Issledovanie remeslenno-torgovogo rayona srednevekovogo Bolgara [Studies of the Trade and Craft District of Medieval Bolgar]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (24), pp. 270–289. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.270.289>.
- Bayramova G.S., Zeleneev Yu.A., 2000. Masterskaya mednika goroda Saray al-Dzhedid [Workshop of the Coppersmith of the City of Saray al-Jedid]. *Etnokul'turnye faktory v stanovlenii i razviti metallurgii i obrabotki tsvetnykh metallov u narodov Povolzh'ya v srednie veka: tezisy Rossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Ethnocultural Factors in the Formation and Development of Metallurgy and Processing of Non-Ferrous Metals Among the Peoples of the Volga Region in the Middle Ages. Abstracts of the Russian Scientific Conference]. Yoshkar-Ola, pp. 19–21.

- Ballod F.V., 1923. *Privolzhskie «Pompei»: (Opyt hudozhestvenno-arheologicheskogo obsledovaniya chasti pravoberezhnoy Saratovsko-Tsaritsynskoy privolzhskoy polosy)* [Volga “Pompei”: (Experience of Artistic and Archaeological Survey of Part of the Right-Bank Saratov-Tsaritsyn Volga Strip)]. Moscow, Mospoligraf Publ.; Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. 132 p.
- Belenitskiy A.M., 1948. K voprosu o sotsial'nyh otnosheniyah v Irane v hulaguidskuyu epohu [On the Issue of Social Relations in Iran in the Hulaguid Era]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], vol. 5, pp. 111-128.
- Byrnya P.P., 1974. Yuvelirnaya masterskaya XIV v. iz Starogo Orheya [Jewelry Workshop of the XIV Century from Old Orhey]. *Arheologicheskie issledovaniya v Moldavii (1973)* [Archaeological Research in Moldova (1973)]. Kishinev, Shtiintsa Publ., pp. 229-241.
- Vayner I.S., Krinari G.A., 1974. Issledovanie obraztsov zolota iz masterskih v rayone «Treh usadeb» na Tsarevskom gorodishche (Novyy Saray) [Study of Gold Samples from Workshops in the Area of “Three Estates” on the Tsarevskoye Settlement (Novyy Saray)]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Volga Cities at Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 126-129.
- Valiulina S.I., 2020. Problema sotsial'noy struktury srednevekovogo remesla Povolzh'ya po arheologicheskim dannym [The Social Structure of Medieval Craft in the Volga Region Based on Archaeological Data]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific notes of Kazan University. Series Humanities], vol. 162, no. 6, pp. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.6.35-46>.
- Gluhov A.A., 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriya izucheniya, istoricheskaya topografiya, hronologiya* [Tsarevskoe Settlement: History of Study, Historical Topography, Chronology]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ. 101 p.
- Gorelik M.V., 2008. Zolotoordynskie predmety i ih mestnye podrazhaniya v materialah drevnerusskih gorodov [Golden Horde Objects and Their Local Imitations in the Materials of Ancient Russian Cities]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 222, pp. 117-125.
- Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu., 1941. *Padenie Zolotoy Ordy* [Fall of the Golden Horde]. Moscow, OGIz Gospolitizdat Publ. 208 p.
- Guseva T.V., 1974. Remeslennye masterskie v vostochnom prigorode Novogo Saraya [Craft Workshops in the Eastern Suburbs of Novyy Saray]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 125-141.
- Egorov V.L., 1970. Zhilishcha Novogo Saraya (po materialam issledovaniy 1959–1965 gg.) [Dwellings of the New Saray (Based on Research Materials 1959–1965)]. *Povolzh'e v srednie veka* [The Volga Region at Middle Ages]. *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii*, no. 164. Moscow, Nauka Publ., pp. 172-193.
- Egorov V.L., 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy XIII–XIV vekov* [Historical Geography of the Golden Horde at XIII–XIV Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 245 p.
- Eniosova N.V., Zharnov Yu.E., 2006. Yuvelirnyy proizvodstvennyy kompleks iz «Vetchanogo goroda» domongol'skogo Vladimira [Jewellery Production Association from “Vetchany Gorod” of Pre-Mongol Vladimir]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 64-81.
- Eniosova N.V., Pokrovskaya L.V., Singh V.K., Tarabardina O.A., 2011. Yuvelirnye masterskie Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda [Jewelry Workshops of the Ludin Ends at the Medieval Novgorod]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda* [Proceedings of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. II. St. Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, IHMC RAS, pp. 139-140.
- Zaytseva I.E., 2010. K voprosu ob organizatsii yuvelirnogo dela v gorodah Drevney Rusi [On the Problem of Organization of Jewellers Handicraft in Ancient Russian Towns]. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fyodorovny Korzuhinoy. Sankt-Peterburg, 10–16 aprelya 2006* [Slavic and Old Russian Art of Jewelry and its Roots. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Gali Korzukhinas Birth. St. Petersburg, 10–16 April 2006]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 199-205.
- Zaytseva I.E., Saracheva T.G., 2011. *Yuvelirnoe delo «Zemli vyatichey» vtoroy poloviny XI–XIII v.* [Jewellers Craft of the “Land of Vyatichi” in the Second Half of the 11th–13th Centuries]. Moscow, Indrik Publ. 402 p.
- Zeleneev Yu.A., Kurochkina S.A., 2009. *Zolotoordynskiy gorod Saray-al-Dzhedid (rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.)* [The Golden Horde City of Saray-al-Jedid (Results of Archaeological Research at the Tsarevskoye Settlement in 1994–2000)]. Yoshkar-Ola, MarSU. 264 p.
- Zinyakov N.M., 2013. Metallurgiya i metaloobrabotka v srednevekovykh gorodah Kazahstana: harakteristika obshchestvennykh usloviy i urovnya razvitiya proizvodstva [Metallurgy and Metalworking in Medieval

- Cities of Kazakhstan: Characteristics of Social Conditions and the Level of Production Development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], no. 3 (23), pp. 232-234.
- Kiknadze R.K., 1962. Iz istorii remeslennogo proizvodstva (kārkhāne) v Irane XIII–XIV vv. [From the History of Handicraft Production (karkhane) in Iran XIII–XIV Centuries]. *Blizhniy i sredniy Vostok* [Near and Middle East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., pp. 47-55.
- Kokorina N.A., 2005. Yuvelirnaya masterskaya iz Bolgara [Jewelry Workshop at Bolgar]. *Drevnosti Povolzh'ya: epoha srednevekov'ya (issledovanie kul'turnogo naslediya Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ordy): materialy II Vserossiyskoy konferentsii «Povolzh'e v srednie veka», 25–28 sentyabrya 2003 g., Kazan'-Yal'chik* [Antiquities of the Volga Region: the Middle Ages (Study of the Cultural Heritage of the Volga Bulgaria and the Golden Horde). Materials of the II All-Russian Conference “The Volga Region in the Middle Ages” September 25–28, 2003, Kazan-Yalchik]. Kazan, Shkola Publ., pp. 109-132.
- Kolchin B.A., 1985. Remeslo. Obrabotka tsvetnykh metallov [Craft. Processing of non-ferrous metals]. *Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo* [Ancient Rus. Town, Castle, Village]. Arheologiya SSSR, vol. 15. Moscow, Nauka Publ., pp. 260-265.
- Koroleva E.V., 2003. Yuvelirnye remeslennye komplekсы Srednevekovogo Pskova [Jewelry Craft Complexes of Medieval Pskov]. *Pskov v rossiyskoy i evropeyskoy istorii: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Pskov in Russian and European History: International Scientific Conference], vol. 1. Moscow, MSUPA, pp. 219-224.
- Korol' G.G., Naumova O.B., 2017. Voprosy metallobrabotki u kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (rannee srednevekov'e i etnograficheskoe vremya) [Issues of Metalworking of the Nomadic Peoples of Central Asia (Early Middle Ages and Ethnographic Time)]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Issues of History, Philology and Culture], no. 2, pp. 52-68.
- Kramarovskiy M.G., Poluboyarinova M.D., 1982. K karakteristike gorodskogo yuvelirnogo dela Zolotoy Ordy [The Jewellers Art in the Golden Horde Towns]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 96-102.
- Krenke N.A., Ershov I.N., Murentseva T.Yu., Havrin S.V., 2016. Yuvelirnaya masterskaya XI v. na Rachevke v Smolenske [Jewelry Workshop at Rachevka in Smolensk]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 245 (2), pp. 7-28.
- Kubankin D.A., 2010. Zhilishche mastera na severo-zapadnoy okraine Uvekskogo gorodishcha [A Master's Dwelling on the North-Western Outskirts of the Uvek Settlement]. *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya: materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arheologicheskoy konferentsii (Astrahan', 18–21 oktyabrya 2010 g.)* [Archeology of the Lower Volga Region: Problems, Searches, Discoveries. Materials of the III International Lower Volga Archaeological Conference (Astrakhan, October 18–21, 2010)]. Astrahan', Izdatel'skiy dom “Astrahanskiy universitet” Publ., pp. 220-227.
- Kubankin D.A., 2013. Arheologicheskie raskopki na Uvekskom gorodishche v 2008–2009 gg. [Archaeological Excavations at the Uvek Settlement in 2008–2009]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 11. Saratov, pp. 179-191.
- Kuleshov Yu. A., 2014. Oborot oruzhiya v Zolotoy Orde [Trafficking of Arms in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], no. 7, pp. 199-251.
- Maslovskiy A.N., 2015. Zametki po topografii zolotoordynskogo goroda Azaka [Notes on the Topography of the Golden Horde Town of Azak]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishinev, Stratum Plus Publ., pp. 383-410.
- Masyuta D.A., Lesnaya E.S., 2020. Detal' poyasnogo nabora zolotoordynskogo vremeni iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Detail of a Belt Set from the Golden Horde Period from South-Western Crimea]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2, pp. 238-247. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.238.247>.
- Murasheva V.V., Eniosova N.V., Fetisov A.A., 2007. Kuznechno-yuvelirnaya masterskaya poymennoy chasti Gnezdovskogo poseleniya [Forging and Jewelry Workshop of the Floodplain Part of the Gnezdovo Settlement]. *Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy pamyatnika* [Gnezdovo. The Results of Comprehensive Studies of the Monument]. Moscow, Al'faret Publ., pp. 31-77.
- Pigarev E.M., 2020. Raskopki steklodelatel'noy masterskoy Selitrennogo gorodishcha (itogi rabot 2017–2019 gg.) [Excavations of the Glass-Making workshop of the selitrennoe settlement (results of work 2017–2019)]. *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya: materialy VI Nizhnevolzhskoy Mezhdunarodnoy arheologicheskoy konferentsii* [The Volga-Ural Region From the Ancient to the Medieval Time. Proceedings of the VI Lower Volga International Archaeological Conference]. Volgograd, VolSU, pp. 210-214.

- Polyakova G.F., 1996. Izdeliya iz tsvetnyh i dragotsennyh metallov [Non-ferrous and Precious Metal Items]. *Gorod Bolgar: remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov* [City of Bolgar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, Casters]. Kazan', IYALIAN Tatarstana, pp. 154-268.
- Rashid ad-Din F., 2011. *Dzhami-at-Tavarih*. Baku, Nagyl Evi Publ. 540 p.
- Rybakov B. A., 1948. *Remeslo Drevney Rusi* [The Craft of Ancient Rus]. Moscow, AS USSR. 792 p.
- Ryndina N.V., 1963. Tekhnologiya proizvodstva novgorodskih yuvelirov X–XV vv. [Production Technology of Novgorod Jewelers of the X–XV Centuries]. *Novye metody v arheologii. Trudy Novgorodskoy Arheologicheskoy Ekspeditsii* [New Methods in Archaeology. Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition], vol. III. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, iss. 117. Moscow, IAAS USSR, pp. 200-268.
- Ryabinin E.A., 1994. U istokov remeslennogo proizvodstva v Ladoge: (K istorii obshchebaltiyskikh svyazey v predvikingskuyu epohu) [At the Origins of Handicraft Production in Ladoga: (On the History of General Baltic Relations in the Pre-Viking Era)]. *Novye istochniki po arheologii Severo-Zapada* [New Sources on Archaeology of the Northwest]. St. Petersburg, IHMC RAS, pp. 50-59.
- Savrasov A.S., 2013. Praktika i perspektivy eksperimental'nyh issledovaniy metalloproizvodstva epohi bronzy Vostochnoevropeyskoy lesostepi (srubnaya arheologicheskaya obshchnost') [Practice and Prospects of Experimental Research of Metal Production of the Bronze Age of the East European Forest-Steppe (Srubnaya Archaeological Community)]. *Eksperimental'naya arheologiya. Vzglyad v XXI vek: materialy Mezhdunarodnoy polevoy nauchnoy konferentsii* [Experimental Archaeology. A Look into the XXI Century. Materials of the International Field Scientific Conference]. Ul'yanovsk, Pechatnyy dvor Publ., pp. 121-126.
- Safargaliev M.G., 1960. *Raspad Zolotoy Ordy* [The Decay of the Golden Horde]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 276 p.
- Singh V.K., 2011. Proizvodstvennye komplekсы na usad'bah Slavenskogo raskopa [Production Complexes on the Estates of the Slavensky Excavation]. *Novgorodskie arheologicheskie chteniya – 3: materialy Mezhdunar. konf. «Arheologiya srednevekovogo goroda. K 75-letiju arheologicheskogo izuchenija Novgoroda» (Velikiy Novgorod, 25–28 sent. 2007 g.)* [Novgorod Archaeological Readings – 3. Materials of the All-Russian Conference “Archaeology of a Medieval City. To the 75th Anniversary of the Archaeological Study of Novgorod” (Veliky Novgorod, September 25–28, 2007)]. Veliky Novgorod, Pechatnyy dvor Publ., pp. 233-242.
- Suhareva O.A., 1962. *Feodal'nyy gorod Buhara kontsa XIX – nachala XX veka. Remeslennaya promyshlennost'* [Feudal City of Bukhara of the Late 19th – Early 20th Centuries. Handicraft Industry]. Tashkent, AS Uzbek SSR. 365 p.
- Tereshchenko A.V., 1850. Arheologicheskie poiski v razvalinah Saraya [Archaeological Searches in the Ruins of the Saray]. *Zapiski Sankt-Peterburgskogo arheologo-numizmaticheskogo obshchestva* [Notes of the St. Petersburg Archaeological and Numismatic Society], vol. II. St. Petersburg, pp. 364-310.
- Troitskiy S.O., 2019. Novye dannye po remeslennym kompleksam po obrabotke tsvetnyh metallov iz raskopok gorodishcha Staraya Ryazan' [New Information on the Craft Complexes Related to the Processing of Ferrous Metals from the Excavations of Staraya Ryazan Settlement]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 5, pp. 215-220.
- Fedorov-Davydov G. A., 1997. Nekotorye itogi izucheniya gorodov Zolotoy Ordy na Nizhney Volge [Some Results of the Study of the Cities of the Golden Horde on the Lower Volga]. *Tatarskaya arheologiya* [Tatar Archaeology], no. 1, pp. 92-110.
- Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Guseva T.V., 1974. Issledovanie trekh usadeb v vostochnom prigorode Novogo Saraya (Tsarevskogo gorodishcha) [Study of Three Estates in the Eastern Suburb of New Saray (Tsarevskoe Settlement)]. *Goroda Povolzh'ya v Srednie veka* [Volga Cities at Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 89-125.
- Yavorskaya L.V., 2020. Remeslennye proizvodstva iz zhiivotnogo syr'ya v zolotoordynskom Ukeke: novye dannye [Craft Products from Animal Raw Materials in Golden Horde City Ukek: New Data]. *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya: materialy VI Nizhnevolzhskoy Mezhdunarodnoy arheologicheskoy nauchnoy konferentsii* [The Volga-Ural Region From the Ancient to the Medieval Time. Proceedings of the VI Lower Volga International Archaeological Conference]. Volgograd, VolSU, pp. 222-228.
- Yakubovskiy A. Yu., 1931. K voprosu o proiskhozhdenii remeslennoy promyshlennosti Saraya Berke [On the Origin of the Craft Industry of Saray Berke]. *Izvestiya GAIMK* [Reports of the State Academy of the History of Material Culture], vol. 8, iss. 2-3, pp. 7-48.
- Söderberg A.A., 2002. Metalliska spår efter gjutet iverksamhet- en skiss till en arkeologisk fältmetod. *Fornvännen*, no. 97, pp. 255-264.

Information About the Author

Kseniya S. Kovaleva, Researcher, Laboratory for Architectural Archaeology and Interdisciplinary Studies of Monuments of Architecture, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation; Laboratory Assistant, Laboratory for Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Ковалева, научный сотрудник лаборатории архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация; лаборант лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7>

UDC 902(653):39(=512.3)

LBC 63.444(235.54)+63.521(=64)

Submitted: 13.06.2021

Accepted: 30.10.2021

IRON CONES IN THE BURIALS OF ULUS JOCHI: ASPECTS OF ETHNOCULTURAL IDENTIFICATION¹

Igor I. Dremov

Regional Center for Ecology, Local Studies and Tourism, Saratov, Russian Federation

Evgeniy V. Kruglov

Volgograd Regional Branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Cone-shaped objects, rolled from iron and bronze sheets, are found in the Golden Horde burials of the late 13th – early 15th centuries. The authors collected information on more than 100 burials with iron and bronze cones located in the territory of Ulus Jochi. This article examines material from 78 iron cone burials. Specific features of the topographic location of these complexes, use of stones in rituals, construction of log cabins around graves is similar to archaeological and ethnographic monuments of Central Asia associated with ethnic Mongols. As a rule, human remains buried in graves are oriented north or northeast with their heads, which is also a feature of the Mongol funeral rite. Accompaniment of the burial with whole or stuffed horses remains in the complexes with cones is not common, but these features are also known in Mongolian cemeteries in Central Asia. The placement of a sheep tibia at the head of the buried occasionally in vertical position is considered a main ethnic feature of the Mongol culture. In general, the sample of the Ulus Jochi burials, united by the iron cones presence in the burial inventory, is characterized by an increased concentration of rather specific ritual signs typical of the Mongols of Central Asia. This allows us to conclude that the considered monuments belong to the same ethnocultural group of population. Moreover, the available anthropological data testify to the Central Asian (Mongolian) origin of the representatives of this group of nomads of Ulus Jochi Burials with iron cones. The authors observe manifestations of pagan shamanic and Buddhist rituals judging by the dominant features of funeral rituals left by the bearers of Mongolian ethnic and cultural traditions.

Key words: cones, funeral rite, nomads, Ulus Jochi, graves structures, sheep bones, northern orientation, Mongols.

Citation. Dremov I.I., Kruglov E.V., 2021. Zheleznye konusy v pogrebeniyah Ulusa Dzhuchi: aspekty etnokul'turnoy prinadlezhnosti [Iron Cones in the Burials of Ulus Jochi: Aspects of Ethnocultural Identification]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 149-168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7>

УДК 902(653):39(=512.3)

ББК 63.444(235.54)+63.521(=64)

Дата поступления статьи: 13.06.2021

Дата принятия статьи: 30.10.2021

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОНУСЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ УЛУСА ДЖУЧИ: АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ¹

Игорь Иванович Дрёмов

Областной центр экологии, краеведения и туризма, г. Саратов, Российская Федерация

Евгений Викторович Круглов

Волгоградское региональное отделение «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Конусовидные предметы, свернутые из листов железа и бронзы, встречаются в золотоордынских захоронениях 2-й половины XIII – начала XV века. В настоящее время это наименее изученная категория погребений.

бального инвентаря. Авторы собрали сведения более чем о 100 погребениях с железными и бронзовыми конусами, расположенных на территории Улуса Джучи. Данная статья основана на материалах 78 погребений с железными конусами. Специфические особенности топографического расположения этих комплексов, использование камня в ритуальной обрядности, сооружение вокруг могил бревенчатых срубов – все это находит прямые аналогии в археологических и этнографических памятниках Центральной Азии, связываемых с этническими монголами. Погребенные в могилах, как правило, ориентированы головами на север – северо-восток, что также было характерной особенностью погребального обряда монголов. Сопровождение погребенных останками целых лошадей или их чучелами в комплексах с конусами встречается не часто, но и эти особенности известны в монгольских могильниках Центральной Азии. Размещение у головы погребенных берцовой кости овцы, в том числе установленной вертикально, считается одним из основных этнических признаков погребального обряда монголов. В целом выборка захоронений Улуса Джучи, объединенных фактом наличия в погребальном инвентаре железных конусов, характеризуется повышенной концентрацией достаточно специфических обрядовых признаков, свойственных монголам Центральной Азии. Это позволяет сделать вывод о принадлежности рассматриваемых памятников к той же этнокультурной группе населения. О центральноазиатском (монгольском) происхождении представителей этой группы кочевников Улуса Джучи свидетельствуют и имеющиеся антропологические данные. Захоронения с железными конусами, судя по доминантным признакам погребальной обрядности, оставлены носителями монгольских этнокультурных традиций с проявлениями языческих шаманских и буддийских ритуалов.

Ключевые слова: конусы, погребальный обряд, кочевники, Улус Джучи, надмогильные конструкции, кости овцы, ориентировка на север, монголы.

Цитирование. Дрёмов И. И., Круглов Е. В., 2021. Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 149–168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7>

Конусы в могилах кочевников Улуса Джучи являются одной из самых загадочных, а на данный момент – наименее изученной категорией погребального инвентаря. Они представляют собой небольшие предметы, свернутые из листа железа или бронзы; имеют высоту, как правило, от 2 до 6 см, но изредка бывают и крупнее. Данные изделия имеют разные пропорции, острую, скругленную или срезанную вершину; замкнутые, разомкнутые или стянутые внахлест края. Авторы раскопок и публикаций называют их по-разному: конусы, колпачки, ворворки, колокольчики, шишаки, втоки для древков копий, стрекала, детали бунчуков и т. д. Соответственно, различны и мнения о предназначении этих изделий. Чаще всего их относят к предметам вооружения, украшениям сбруи, элементам головных уборов, деталям светильников, атрибутам культа. В погребениях чаще всего встречается по одному экземпляру, но есть и по несколько – до 8 [Дрёмов, 2019].

В классическом труде Г.А. Фёдорова-Давыдова конусы только упоминались [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 87]. Тринадцать наиболее крупных предметов Т.М. Потёмкина включила в состав посудовидных изделий [Потёмкина, 2012]. Е.П. Мыськов, изучив конусы из 27 погребений Нижнего Поволжья, рассмотрел их в качестве самостоятельной катего-

рии инвентаря [Мыськов, 2015, с. 227–228]. Авторами выявлено более ста погребальных комплексов с конусами, в том числе – 78 могил с железными (рис. 1) и около 30 захоронений с бронзовыми². Эти материалы, сведенные в иллюстративные таблицы с указанием источника сведений, будут представлены в отдельной работе.

Задачей данной статьи является попытка определения этнокультурной принадлежности комплексов с железными конусами.

Хронология памятников решалась на основе системы, разработанной Г.А. Фёдоровым-Давыдовым. Все выявленные комплексы с железными конусами так или иначе относятся к IV хронологическому периоду кочевнических древностей Восточной Европы (вторая половина XIII – XIV в.) [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 93–116]. Данное обстоятельство подтверждает наличие в 10 памятниках монет, время выпуска которых укладывается от 1260/1277 до 1370/1380 г. (табл. 1). Помимо этого, погребение 1 кургана 2 из Карасуыра (рис. 3, I) датировано 1270–1320 гг. по C¹⁴ (более узкая калиброванная дата 1270–1300 гг.) [Усманова и др., 2020, с. 189–190]. Два комплекса имели датировки, основанные на стратиграфических наблюдениях. Погребение 9 из Азака, ул. Красноармейская, 56, прорезавшее слой времени начала существования этого городища и пере-

крытое слоем с более поздними находками, относится к первой половине XIV века. Датировку по стратиграфическим данным, вторая половина XIV в. – начало XV в., имеет и погребение 4 из Болгара, восточный въезд: захоронения могильника прорезали слой и жилище первой половины XIV в. и были перекрыты грунтом с вала, разрушенного в 1430 г. [Газимзянов, Дрёмов, 2020].

Ареал распространения комплексов с железными конусами покрывает почти всю территорию Улуса Джучи: от междуречья Днестра и Южного Буга на западе до Центрального Казахстана на востоке и от Северного Кавказа до Булгара. Наибольшая концентрация памятников отмечена в Волго-Донском междуречье, на Нижнем Дону и в Нижнем Поднепровье (рис. 1).

Большинство комплексов с железными конусами происходит из курганов с обычными земляными насыпями, в которых преобладают основные захоронения. Могильники обычно состоят из нескольких небольших курганов высотой до 1 м. Более крупные насыпи единичны. В нескольких случаях погребения оформлялись надмогильными набросками из камня. Впускные захоронения в курганы предшествующих периодов встречаются редко. Погребение 1 кургана 7 могильника Хмелевой I было впущено в небольшой естественный бугор. Конусы также встречаются и в грунтовых (безкурганных) могилах. Вышеупомянутые захоронения из Азака и Болгара исследованы в могильниках, расположенных на территории крупных городских центров Золотой Орды. Погребенные были обращены головами на север – северо-восток и резко отличались от обычных безынвентарных могил, традиционно ориентированных на запад – юго-запад. Одиночный комплекс в Саратове на Вишнево́й горе обнаружен в 13 км от золотоордынского города Укек. Одиночное погребение из Маляевки выявлено на краю группы курганов, расположенных вблизи Царевского городища. Одно погребение зафиксировано в могильнике Мамай-Горы на Днепре, а еще три – у г. Евпатория (оз. Сасык). Один комплекс с конусом представлял собой кирпичный мавзолей.

Топография памятников. Выявленные памятники с конусами обычно располагались на склонах водоразделов, на локаль-

ных возвышенностях и мысах. Иногда их находили в низинах или ложбинах. Одиночное захоронение близ Саратова выявлено в аллювиальных отложениях под северным склоном горы Вишнево́й, рядом с родником и спадающей с вершины ложбиной. Погребение 1 кургана 2 из Карасуыра располагалось в горах Улытау (Центральный Казахстан) в небольшой ложбине на северном склоне сопки. Погребение 1 кургана 2 из Шебалино располагалось в низине рядом с луговиной, заливаемой р. Мышкова, левым притоком Дона. Подобная топография типична для могильников Монголии и Тянь-Шаня, которые, «как правило, располагаются на возвышенностях, горных грядах, склонах и вершинах гор» [Акматов, Табалдиев, 2017, с. 71]. Распространенный у монголов обычай хоронить «на теневой стороне горы» (на северном склоне) отмечал в письменных источниках В.В. Бартольд [Бартольд, 1966, с. 391]. Особенность сооружения погребений в ложбинах, иногда расположенных на склонах гор или водоразделов, находит прямые аналогии именно в монгольских могильниках Центральной Азии [Именохоев, 1992, с. 34–48], этнографических материалах монголоязычных ойратов и у калмыков. Так, П.А. Смирнов в XIX в. отмечал, что для калмыцких захоронений выбирались места рядом с сезонным расположением хотона, как правило в небольшой впадине или неглубокой балке [Смирнов, 1999, с. 117]. Захчины (одна из групп ойратов Западной Монголии) для своих захоронений выбирали «большую и раздольную ложбину, где свободно могли бы разместиться все пять видов домашнего скота» [Мэнэс, 1992, с. 116]. Т.И. Шараева отмечает, что эта традиция отражает представление о загробном мире как о новом кочевье, что подтверждается наименованием места захоронения: «нутаг сонгох» – «выбирать кочевье» [Шараева, 2011, с. 169].

Бревенчатые сооружения, окружавшие некоторые могилы с конусами, представлены прямоугольными и многоугольными срубками. В кургане 3 из Миновки XVII над основной могилой 2 с северо-восточной ориентировкой погребенного была зафиксирована выровненная площадка с выложенной на ней прямоугольной срубной оградкой из бревен 6,0 × 3,5 м. Поверхность внутри оградки по-

крывал слой тростника. В могиле вместе с железным конусом были стандартные предметы конской сбруи и воинского снаряжения, остатки шелковой ткани, бронзовый стаканчик и серебряные монеты. За колодой в изголовье располагалась кость конечности овцы (барана) (рис. 2, III) [Шалобудов, Кудрявцева, 1980]. В Кривой Луке XVI, курган 5, потревоженную могилу с останками погребенного, ориентированного головой на север, окружали бревна восьмиугольного сруба, поставленного на древнем горизонте (рис. 2, I). Вход в данное сооружение находился с северной стороны могилы. С этой же стороны располагались разрыв ровика и пустая яма, вероятно ритуальная. Материалы данного комплекса позволили Г.А. Фёдорову-Давыдову сделать авторитетный вывод о связи практики северных ориентировок с культом юга, так как «покойник должен был смотреть на полуденное солнце, то есть на юг». Резкое количественное возрастание в золотоордынское время в Нижнем Поволжье могил с ориентировками погребенных на север исследователь объяснил перемещением населения с востока. «Видимо, сибирские племена, хоронившие своих мертвецов головой на север, переселились в степи Восточной Европы, но быстро там рассредоточились» [Фёдоров-Давыдов, 1984].

Бревенчатые сооружения, окружавшие ряд золотоордынских погребений Волго-Донского региона, рассматривались также Е.П. Мыськовым. В качестве этнографических аналогий данным постройкам исследователь указал на многогранные срубные юрты Алтая, являвшиеся «привилегией зажиточных семей» [Мыськов, 2015, с. 17].

Пожалуй, наиболее показательным памятником является исследованный в 2017 г. курган 1 могильника Клин I. Под насыпью здесь был зафиксирован разобранный деревянный прямоугольный сруб, ориентированный по линии ССВ – ЮЮЗ. Внутри внешнего сруба заметны бревна внутреннего сруба (рис. 2, II). Внутри срубов были обнаружены две могилы-кенотафа с гробами и инвентарем. В составе инвентаря погребения 2 зафиксирован железный конус с органическим тленом, фрагменты серебряной чаши с изображением лотоса, бронзовый казан с ковшом внутри, колчан и другой инвентарь [Курганный могильник Клин I].

Данные срубные постройки находят себе прямые аналогии в этнографических материалах Монголии, где подобные сооружения ставили над захоронениями нойонов, правителей областей. Такие могилы, украшенные деревянными моделями субурганов и остатками провалившихся срубов, в 1925 г. в горах Монголии видел П.К. Козлов [Козлов, 1949, с. 114]. В 1985 г. Н.Л. Жуковская исследовала в Монголии некрополь XVIII–XIX вв., в котором были похоронены пять нойонов. Он располагался на вершине горы и состоял из пяти срубных построек размерами около 2 м по сторонам и в высоту. «Каждый сруб (бухман) представлял собой глухую постройку, без окон и дверей. В двух были видны внутренние срубы меньшего размера, в них находятся остатки саркофагов... Фундаментом каждого сруба служила платформа из наваленных грудой камней...». Некоторые сооружения имели два сруба – один в другом, другие – один. Над одним из них посередине коньковой балки сохранился ганджир – навершие в виде цилиндра, увенчанного куполом, один из характерных признаков буддийских культовых построек. С южной стороны кладбища совершали жертвоприношения: жгли можжевельник, ставили «белую пищу» (молоко, масло, молочную водку, сыр и др.) [Жуковская, 1989, с. 165–170].

Использование камня в обрядности комплексов с конусами фиксируется неоднократно. Над погребением 1 кургана 5 могильника Русский Колодец VII была сооружена каменная площадка. В погребении 1 кургана 2 Карасуыра (рис. 3, I); погребении 1 кургана 4 Ковалёвки (рис. 3, II); погребении 1 кургана 41 Нововасильевки (Коминтерн); погребении 1 кургана 7 Русского Колодца VII и в погребении 3 Мамай-Горы IV над могилами находились наброски из камней. Погребение 1 из кургана 1 могильника Северный II было выявлено по наличию на дневной поверхности крупных камней. Камень, провалившийся в могилу, зафиксирован и в Клину I, курган 1, погребение 1. Отмечены камни в заполнении ям и в комплексах могильника Русский Колодец VII, курган 5, погребение 1; курган 7, погребение 2; курган 10, погребение 1; курган 11, погребение 1, а в погребении 2 кургана 10 могильника Власовский I они были встречены на дне ямы [Ковпаненко и др.,

2005; Курганный могильник Клин I; Усмано-ва и др., 2020].

Использование камня традиционно считается одним из составляющих обрядовых признаков половецких погребений или же их наследием [Плетнёва, 1958, с. 179; 1962, с. 133; Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 145]. Сравнительно недавно В.А. Иванов заметил, что каменные конструкции золотоордынских курганов и памятников Монголии, Забайкалья и Тянь-Шаня обнаруживают не просто аналогии друг другу, а практически полную идентичность. По его подсчетам, на территории Улуса Джучи от Иртыша до Дуная количество погребений с камнем составляет 18,4 % от общего числа кочевнических могил [Иванов, 2019, с. 645]. Однако в Волго-Донском междуречье таких памятников лишь 0,2 %, а большая их часть, 10,7 %, находится в районах к востоку от Волги, где половцев не было. Уже это позволяет пересмотреть традиционное представление о камне как исключительно половецкой принадлежности. Полагаем, что в обрядности кочевников Улуса Джучи использование камня следует считать проявлением не только тюрко-кыпчакских (половецких), но и монгольских традиций. Также очевидно, что в Восточной Европе в золотоордынское время использование камня в погребальной обрядности зависело от конкретных особенностей той или иной местности. В Северном Причерноморье, на Южном Урале и на территории Казахского мелкосопочника (Сары-Арка) таких памятников больше, чем в степях Нижнего Поволжья, на значительной части которого вообще нет выходов камня на поверхность.

Огненные ритуалы в курганах с погребениями с конусами встречаются не часто, но они вариативны и показательны. В кургане 3 могильника Миновка XVII бревенчатая оградка основного погребения 2 была слегка обожжена (рис. 2, III). В одиночном кургане из Песковки рядом с могилой была площадка из обожженных комьев земли, перенесенных из мощного кострища со стороны. В Рыбинке, курган 1, погребение 1, под насыпью к северу от могилы зафиксирована площадка с углями и тремя обгорелыми бревнами. В Кировском V, курган 4, большое кострище выявлено над могилой погребения 1. В Сенном, курган 5, зафиксировано мощное

кострище с прокалом земли и углями. Кострище с обугленными зернами злаковых культур и костями МРС прослежено к югу от сруба из погребения 1 кургана 1 из Клина I (рис. 2, II) [Шалобудов, Кудрявцева, 1980, с. 91; Мамонтов, Ситников, 1998, с. 115; Курганный могильник Клин I]. Все это также находит прямые соответствия в монгольских обрядах и ритуалах очищения огнем, хорошо известных, в частности, по описаниям истории русского князя Михаила Черниговского, казненного за отказ поклониться огню перед входом в шатер хана Бату. Этот исторический эпизод В.В. Бартольд приводил как пример обязательности исполнения культа почитания огня и южной стороны в Монгольской империи [Бартольд, 1966, с. 390, 392–394]. У калмыков обряд поклонения огню, согласно канонам, может проводиться только мужчинами в определенное время и в определенном месте, например через 7, 49 дней и через год после похорон. У калмыков-буддистов огонь считается средством очищения, поэтому после похорон люди не имели права войти в дом, не очистив руки огнем. Бронзовые казаны с ковшом внутри использовались не столько для гигиенических процедур, сколько в связи с ритуалами омовений. У порога ставился таз с водой и ковшом, из которого омывают руки после похорон и разводят костер в другом тазу или ведре, над которым очищают руки огнем после омовения [Ользеева, 2012, с. 245–246, 261–262].

Не может быть случайным столь детальное совпадение не встречавшихся в Восточной Европе в домонгольское время обрядовых признаков и их сочетаний, таких как: вымощенные каменные площадки; сочетание каменных и деревянных конструкций с земляными насыпями; наличие срубов, в том числе одного в другом; камни, сваленные в основании сруба; наличие большого камня в могиле; наличие приборов для омовений, жертвенных кострищ и ям для «белого» или молочного жертвоприношения, расположенного в меридиональном направлении от могилы. Можно предположить, что многогранные и прямоугольные срубы над погребениями представляют собой вариации буддийских срубных сооружений над могилами, символизирующих субурган. Прямоугольные срубы могли иметь сверху ганджир с куполом, как на надмогильных сооружениях Мон-

голии³. В дозолотоордынское время в степях Восточной Европы подобные сооружения не известны – они могли быть привнесены сюда лишь вместе с монголами.

Останки коней, сопровождавшие погребенных, зафиксированы в восьми могилах. Чучела из черепов и скаковых конечностей отмечены трижды. В погребении 1 кургана 1 из Никифорово и погребении 1 кургана 41 из Нововасильевки (Коминтерн) чучела располагались в могилах вместе с останками человека. В первом комплексе они ориентированы на запад, во втором – на восток. В погребении 1 кургана 7 из Ютаевки череп и скаковые конечности коня найдены в заполнении потревоженной могилы, ориентированной по линии СВ – ЮЗ. В пяти комплексах были обнаружены останки целого коня. В погребении 1 кургана 1 из Северного II скелет, ориентированный на запад, располагался на ступеньке входной ямы общей могилы. В остальных комплексах останки коня находились в отдельных ямах. В кургане 6 Дмухайловки и в кургане 3 Миновки XVII (рис. 2, III) останки коня располагались в ямах к СВ от могил погребенных и были ориентированы, как и человек, на СВ. В кургане 11 из Волошино I погребенный и останки двух коней находились в разных ямах и были ориентированы на СЗ. Скелет коня в отдельной яме сопровождал погребенного, ориентированного на СЗ, так же и в могиле 1 кургана 8 из Красного IV.

Сопровождение погребенных останками целого коня или его чучелом обычно считается проявлением тюркских обычаев. В Дешт-и-Кыпчак захоронения коня в могиле с человеком были широко распространены уже в раннем средневековье, но они также известны и в Центральной Азии, в том числе и в Монголии [Именохоев, 1992, с. 34–48]. В то же время целые остовы коня в отдельных ямах совершенно не типичны для половецкого погребального обряда. Их появление в Дешт-и-Кыпчак, по-видимому, является результатом монгольского завоевания.

В золотоордынское время в Волго-Донском регионе захоронения с конем чаще всего ориентированы в западный сектор (91 %) [Мыськов, 2015, с. 46–49]. Среди комплексов с конем и железными конусами ориентировку на запад имеют лишь три погребения из восьми, одно

направлено на северо-запад, а остальные – на север и северо-восток. Подобное сочетание тюркских и монгольских признаков в погребальном обряде может являться либо смешением разнокультурных традиций, либо сохранением общего наследия более раннего времени.

В могиле воина на южном склоне горы Булган Ундэр Улаан (Монголия) найден «полный скелет лошади, на голову, позвоночник и живот которой была надета подпруга с железными пластинами. На ребрах лошади с правой стороны лежала берцовая кость барана – «хонт». В другом могильнике была обнаружена могила уйгурского периода, в которой берцовая кость барана находилась на животе лошади» [Улийбаяр и др., 2010, с. 233]. В могильнике Тавантолгой XIII–XIV вв., в котором ярко выражены проявления буддизма, также есть погребения с северной ориентировкой и конем, причем погребение 10 выделялось особо – как захоронение «необычного человека». Останки скелета взрослого мужчины были разрушены и сдвинуты с места, череп располагался на крышке гроба. Остов коня отделен от человека вертикально поставленной каменной плитой, скелет также разрушен, а череп ориентирован на север. На нем была узда с украшениями и удилами, рядом находилось седло с изображением дракона и цветов. В инвентаре комплекса представлены серьги из яшмы и лазурита, скрепленные золотой нитью. В других погребениях Тавантолгой встречены целые конские остовы, отдельный череп, уложенный на колчан, а также «чучело» с вертикально установленными скаковыми конечностями, поверх которых находилось седло, а на нем – череп коня. В Тавантолгое также имеются погребения с такими буддийскими атрибутами, как ваджра и жемчужина в золотой оправе, зажатая в кулаке. Кроме захоронений с северной ориентировкой в могильнике есть и погребения, обращенные на запад [Улийбаяр и др., 2010, с. 233].

Конские черепа без нижних челюстей, обнаруженные на уровне древней погребенной почвы в Нагавском I, курган 1, погребение 1, и в ровике из Аксая III, курган 2, погребение 1, не являются сопроводительными, а отражают существование какого-то иного цикла постпогребальных поминальных действий вокруг данных могил.

Кости животных в могилах отмечены в материалах 38 погребений с железными конусами. В 34 случаях это были кости овцы (барана), в том числе: отдельные конечности – 28, лопатка с конечностями или без них – 11, альчики или астрагалы вместе с другими костями – 4, скелет без черепа – 1 экз. В 14 могилах трубчатые фаланги овцы располагались в изголовье или у плеч погребенных. В погребении 1 кургана 2 из Карасуыра (рис. 3, I) и в погребении 1 кургана 10 из Волошино I они были зафиксированы вертикально вкопанными. Вертикально расположенная голень овцы определяется этнокультурным признаком погребений монголов на самых разных территориях [Акматов, Табалдиев, 2017; Улийбаяр и др., 2010, с. 211–234].

Вопросы семантики использования в золотоордынских погребениях костей конечностей и лопаток овцы с учетом этнографических материалов монгольских народов подробно рассматривались В.А. Ларенок. Они использовались в обряде так называемого последнего кормления старца, когда куски курдючного сала, положенные на баранью лопатку, закладывали старику в рот с помощью берцовой кости. В результате человек умирал, а кости оставляли в его могиле [Ларенок, 1992, с. 181, 183].

Обряд «почетной смерти» для стариков обычно связывают с тем, что берцовая кость для монголов «воплощала собой жизненный потенциал (сульдэ) и являлась средством его передачи от умирающего старика к юноше, вступающему в жизнь». Кроме того, берцовая кость барана связывалась и с представлением об отцовском начале, а лопатка – с материнским. Использование этих костей в свадебных обрядах и ритуалах отражает идеи возрождения и перерождения. Ритуальные действия с берцовой костью и лопаткой считаются этнографической спецификой монгольских народов, что, возможно, было связано с распространением у них буддизма [Бадмаев, 2015, с. 257]. Подтверждением существования буддийской идеи перерождения, возможно, является уникальный случай, зафиксированный в погребении 4 кургана 11 из Волошино I. Здесь у черепа скелета мужчины 40–45 лет находились два астрагала и вертикально поставленная локтевая кость ребенка, взя-

тая из прорезанного этой могилой захоронения эпохи бронзы. В аналогичном погребении 1 кургана 10 из Волошино I в изголовье скелета мужчины 20–25 лет была зафиксирована ямка с вертикально поставленной в нее костью конечности барана и лопаткой. В комплексе также имелись два астрагала с насечками и следами красной краски, а также скорлупа куриных яиц. В обоих могилах было зафиксировано наличие железных конусов, в один из которых был вложен железный шарик, а в другой – шарик из ткани [Супруненко и др., 2006]. Очевидно, что вертикально стоявшая кость руки ребенка заменяла конечность барана и могла символизировать идею перехода сульдэ от умершего мужчины к ребенку. Открытым остается вопрос о том, почему на территории Монголии берцовая кость овцы обычно устанавливалась в вертикальном положении, что являлось естественным символом мужского начала, а в Тянь-Шане, Забайкалье и в Дешт-и-Кыпчак она чаще укладывалась горизонтально [Табалдиев, 2013; Акматов, Табалдиев, 2017, с. 73]⁴.

Данные об ориентировках погребенных в могилах с железными конусами имеются по 65 комплексам, остальные разрушены, либо эти сведения отсутствовали. Ориентировку на север имеют 11 погребений; на север – северо-восток – 11; на северо-восток – 27; на северо-запад – 4; на восток – 3; на запад – 8; на юго-запад – 1. Таким образом, в захоронениях с железными конусами абсолютное большинство погребенных имели ориентировки в северный сектор – 75,38 %; запад – 12,31 %; северо-запад – 6,15 %; восток – 4,62 %; юг – 1,54 %. В то же время сравнение ориентировок в северный и западный сектора с общим количеством исследованных кочевнических погребений Волго-Донских степей показывает противоположное соотношение: северные направления – около 20 %, западные – около 70 %; все остальные – 10 %. В Западном Казахстане: северные – 22,2 %, западные – 73,6 % [Мыськов, 2015, с. 44]. Абсолютное преобладание северных ориентировок в погребениях с железными конусами в совокупности с остальными особенностями свидетельствует об устойчивости и определенной этнической самобытности данной группы населения Улуса Джучи.

Связь ориентировок погребенных с теми или иными этнокультурными группами средневекового населения является одним из наиболее дискуссионных вопросов. В.В. Бартольд считал, что у степных народов, как тюркских, так и монгольских, священной стороной изначально являлся восток, соответствовавший ориентации погребенных на запад. У китайцев священной стороной был юг, соответственно мир мертвых располагался у них на севере. По мнению В.В. Бартольда, в X–XII вв., в связи с распространением в Монголии буддизма, культ юга вытеснял более ранний традиционный культ востока, «а при Чингисхане он сделался официальным уже для всей степи, подчинявшейся монголам». У кочевников, воспринявших буддизм из Китая, почитание юга проявляется до настоящего времени в расположении кибиток выходом к югу, независимо от того, тюрки они или монголы. Но у тех, кто буддизм не принял, оставшись шаманистами, продолжал сохраняться культ востока. «Память о шаманских обычаях, в особенности обрядах погребения, быстро исчезла в Монголии под влиянием буддизма» [Бартольд, 1966, с. 393–394]. Речь, таким образом, должна идти не о проявлении традиционных тюркской или монгольской этнических традиций погребальной ориентации, а о соотношении буддийской и языческой традиций. Если северная ориентировка заимствована монголами из Китая и была, как считал В.В. Бартольд, связана с распространением буддизма, то западная ориентировка сохраняется у них как более древняя тюрко-монгольская традиция. В связи с этим при сопоставлении погребальных обрядов двух основных групп кочевого населения Золотой Орды – монгольской и тюркской (кыпчакской) – северная ориентировка должна иметь преимущественно монгольскую основу, а западная – тюркскую [Мыськов, 2015 с. 272–279, 281]. Это связано не только с этнокультурными традициями, но и со всей системой мировоззрения, государственной и социальной организацией общества, которые у монголов определяются по меридиональным, а у тюрков – по широтным направлениям. Деление войска, государственных структур, территории и всего иного пространства на переднюю и заднюю части, левое и правое крыло у монголов определяет-

ся как юг – перед, север – левое, восток – правое крыло; а у тюрков, соответственно, восток – перед, запад – зад; юг – левое, север – правое крыло [Семби, 2013, с. 15–20, 89–99].

Другой важный вопрос связан с поиском причин отклонения ориентировок погребенных от севера в направлении к северо-востоку. М.М. Содномпилова обратила внимание на существующее в некоторых этнических сообществах монгольского мира несовпадение основных ориентационных направлений с базовыми направлениями общепринятой классической пространственной схемы. Последние зачастую заменяются промежуточными направлениями. В языках монголоязычных и у некоторых тюркских народов даже нет слов для обозначения промежуточных направлений, так как «вместо понятий о сторонах света выступают понятия об углах света» [Содномпилова, 2009, с. 42–46]. Северная сторона, или северный угол, в мифопоэтическом понимании по направлению к восходу солнца одновременно может быть как севером, так и северо-востоком, что вполне согласуется также и с идеей перерождения. «Подтверждением актуальности образа северной стороны как обители мертвых служит ориентация умершего головой в северном направлении (север, северо-запад, северо-восток) в традиции большинства этнических групп бурят и монголов. У захчинов лицо умершего обращали на северо-запад, голову на северо-восток, что указывает на то, что у захчинов плохой стороной или направлением считался северо-восток» [Содномпилова, 2009, с. 145]. Значение северной и северо-восточной сторон в погребальном обряде монголов равнозначно, и меридиональная концепция мироздания при этом полностью сохраняется: юг – передняя, «правильная» сторона (направление) – мир живых; север – задняя, обратная, «неправильная» сторона (направление) – мир мертвых. В этой связи представляется, что абсолютное преобладание северных направлений (включая северо-восточные) в погребениях с конусами определенно свидетельствует о том, что этническую основу этой группы кочевников составляли носители монгольской культурной традиции. Ориентировки между севером и северо-востоком являются для них нормой, а остальные выступают отклонением от нормы

или смешением монгольской с тюркской или иными культурными традициями.

Краниологические определения, представленные антропологами, имеются по пяти комплексам (табл. 2). В дополнение к ним могут быть привлечены данные еще о пяти погребениях, расположенных в тех же могильниках, но не имеющих в составе инвентаря конусов. Девять из десяти захоронений имели ориентировку на север – северо-восток и ярко выраженные признаки монголоидности центральноазиатского типа. Лишь погребенный из Волошино I, курган 11, погребение 4, с северо-западной ориентировкой имел смешанные признаки европеоида и монголоида североазиатского или центральноазиатского типа и являлся метисом. Антропологические определения погребенных с конусами, таким образом, в целом также находятся в рамках общей тенденции принадлежности памятников к представителям центральноазиатских монгольских этнических групп.

Определение ДНК погребенного из Карасуыр, курган 1, погребение 1, ориентированного на север, также укладывается в общую тенденцию. Выявленные Y-хромосомы этого комплекса относятся к гаплогруппе C-Y4580, или C-F9700. Данный тип называют Starcluster, или «гаплотип Чингисхана», и определяют одним из важнейших субкладов культуры этнических монголов [Усманова и др., 2020, с. 203–204].

Нарушение сохранности останков погребенных отмечено в 25 комплексах из 69, имеющих соответствующие данные (36 %). Все кости погребенных из курганов 3 и 4 могильника Аглос (Рассвет III) были перемешаны и сдвинуты в одну сторону, но в ямах вместе с обильным инвентарем сохранилось, соответственно, шесть и четыре серебряных дирхемов. В погребении 1 кургана 2 из Весёлого II кости скелета также были сдвинуты, но инвентарь сохранился практически в целостности. В погребении 1 кургана 1 из Горно-Пролейского II форма могилы соответствует ограблению, но следов затека и наличия костей скелета зафиксировано не было, а найденные вещи находились в восточной части ямы на дне. Данная ситуация больше похожа на кенотаф или преднамеренное изъятие трупа из могилы. В Русском Колодце VII, курган 5, погребение 1, могила после разрушения была засыпана камнями.

В погребении 1 кургана 25 Семёнкина, погребении 1 Маляевки и погребении 1 кургана 5 Сенного (рис. 3, III) скелеты погребенных разрушены лишь в районах грудной клетки и черепа, но сопровождавшиеся вещи почти не потревожены. Аналогичная ситуация фиксируется и в Монголии. В могильнике Тавантолгой часть погребений была разрушена, но знаковые и ценные вещи в них сохранялись. Предположение о том, что такие могилы грабили «мародеры, нищие монголы» [Улийбаяр и др., 2010, с. 229–230], вызывает сомнение.

В нескольких погребениях с железными конусами зафиксированы признаки постпогребальных действий с останками. В погребении 2 кургана 8 Бударки 3 череп был сдвинут, а между ним и костями туловища помещена тушка барана без головы (рис. 4, I). В погребении 1 кургана 11 из Высочино II предплечье и кисть правой руки погребенного мужчины были отделены и помещены кистью вниз в бронзовый котел, стоявший в ногах (рис. 4, II). Следы отчленения на костях при этом не фиксировались. Следовательно, такие действия могли совершаться лишь после частичного разложения мягких тканей. В погребении 1 кургана 5 Кривой Луки XVI скелет погребенного был частично разрушен в области груди (рис. 2, I). В этом комплексе, как и в вышеупомянутых, сохранился разнообразный инвентарь, в том числе серебряные монеты. Полевые наблюдения позволили Г.А. Фёдорову-Давыдову сделать вывод о том, что насыпь этого кургана была сооружена не сразу, а лишь спустя некоторое время после обряда погребения. Разрушение скелета произошло уже после распада сухожилий в промежутке времени «между смертью и первичным погребением и окончательным погребением», когда был насыпан курган [Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 105–106].

Сам по себе обряд обезвреживания покойника имеет широкое временное и территориальное распространение. Он, в частности, широко представлен в погребениях огузов X – начала XI в. [Круглов, 2003], как известно ушедших на запад в VIII в. именно из Монголии, и вполне может иметь общие тюрко-монгольские корни. В контексте монгольской этнокультурной традиции те или иные ритуальные разрушения и постпогребальные действия

с останками и костями могут являться как реминисценцией древних шаманских культов, так и отражением новых буддийских обрядов, для которых также были характерны различные манипуляции с костями скелета уже после разложения трупа.

Таким образом, анализ особенностей погребального обряда показывает, что захоронения с железными конусами характеризуются необычайно высокой концентрацией достаточно специфических признаков, что позволяет сделать вывод о принадлежности данных памятников к вполне определённой этнокультурной группе средневекового населения.

Особенности топографического размещения погребений на северных и южных склонах возвышенностей, водоразделов, во впадинах и лощинах имеют устойчивые соответствия в топографии погребальных памятников монгольских народов.

Сооружение бревенчатых конструкций над неординарными погребениями совпадает с традицией сооружения срубов над могилами нойонов Монголии. Использование камня в могилах и над могилами имеет богатые аналогии в Центральной Азии. Наличие костей овцы, включая конечности, вертикально поставленные в изголовье погребенных, является особой этнокультурной спецификой монгольских захоронений. Наличие сопровождающих захоронений коня как в отдельных могилах, так и в одной общей могиле не является исключительной прерогативой тюркского погребального обряда. Они фиксируются, в частности, также и в тавантолгойской культуре на р. Онон в северо-восточной Монголии. Преобладание практики ориентации умерших в направлении на север и северо-восток является еще одним составляющим признаком монгольской погребальной обрядности. Данные краниологии также свидетельствуют о центральноазиатском монгольском происхождении.

На основе всего вышеуказанного предлагается вывод, что кочевнические захоронения с железными конусами на территории Улуса Джучи являются монокультурными. По специфическим (топография могил, сооружение срубов, использование камня, огненные ритуалы) и доминантным признакам погребальной обрядности (использование трубчатой кости овцы / барана, в том числе установленной вер-

тикально; ориентация покойных на север – северо-восток) можно заключить, что данные памятники оставлены носителями монгольских этнокультурных традиций с проявлением шаманских и буддийских ритуалов. Судя по датам монет (табл. 1), основные монгольские этнические традиции устойчиво сохранялись данным населением до самого конца XIV века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

The research was supported by RFBR grant “Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga River region (paleopathological aspect)”, № 19-09-00471.

² Авторы признательны В.А. Бабенко, А.В. Еглевскому, М.В. Квитницкому, В.Ю. Макласову, А.Н. Масловскому, Е.И. Нарожному, М.А. Очир-Горяевой, К.А. Руденко, Д.С. Соловьёву – друзьям и коллегам за помощь, оказанную в сборе первичной научной информации о погребениях Улуса Джучи с конусами.

³ Сооружение срубов вокруг и над могилами высшей провинциальной знати Монголии, исповедовавшей буддизм, возможно является реминисценцией шаманских культов лесных народов Южной Сибири и Центральной Азии. Н.Л. Жуковская высказала такое предположение, сравнивая срубы монгольских нойонов с примитивными шаманскими деревянными «домами духов». Также она провела параллели между срубами и обрядами захоронения лам в более скромных деревянных гробницах бурят и тувинцев. Она отметила, что кроме наличия «ганджира и позы махапаринирваны» (на правом боку, голова на север, лицо на запад, правая рука у щеки) у единственного сохранившегося покойника, никаких других проявлений буддизма не было [Жуковская, 1989]. Остатки бревенчатых конструкций в золотоордынских курганах имеют более внушительные размеры, чем сооружения, окружавшие могилы нойонов. Это позволяет в большей степени сопоставлять их с погребениями знати, чем с шаманскими домами духов.

⁴ Ритуал «почетной смерти» мужчин старческого возраста невозможно напрямую связывать с находками в погребениях берцовых костей овцы, так как они встречаются в могилах с останками погребенных разного возраста, в том числе и женских. Вероятно, кости овцы являлись символами как мужского начала, так и буддийской идеи перерождения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Наличие монет в погребениях с железными конусами

Table 1. Presence of coins in burials with iron cones

Комплекс	Количество монет и их определения
Комсомольский, мавз. 2, погр. 2	1 динар: ал-Мелик аз-Закыр Рукн-ад-Дин Бейбарс, Каир, 1260–1277
Ютаевка, кург. 7, погр. 1	1 дирхем: Токта, Сарай ал-Махруса, 1311
Красный IV, кург. 8, погр. 1	5 дирхемов: Узбек, 1316/17
Аглос (Рассвет III), кург. 3, погр. 1	6 дирхемов: 2 – Узбек, Азак, 1315/20, остальные не определены
Аглос (Рассвет III), кург. 4, погр. 1	4 дирхема: Узбек, Азак, 1315/20
Сенной, кург. 5, погр. 1	8 дирхемов: 1 – Токта, Сарай ал-Махруса, 1310/11; 1 – Узбек, Сарай ал-Махруса, 1322; 6 – Джанибек, Сарай ал-Джедид, 1342–1346
Кривая Лука XVI, кург. 5, погр. 1	11 дирхемов: 1 – Узбек, Сарай ал-Махруса, 1322; 1 – Узбек, Сарай, год не определен; 1 – Джанибек, Хорезм, 1344/45; 1 – Бирдибек, Гюлистан, 1358/59; 7 – не определены
Миновка XVII, кург. 3, погр. 2	5 дирхемов: 2 – Узбек, 1313/39; 2 – Навруз, Азак, 1359; 1 – Навруз, Гюлистан, 1360
Саратов, Вишнёвая гора	11 дирхемов, все Азак: 4 – Бирдибек, 1357/58; 1 – Хызр, 1360/61; 6 – Абдуллах, 1363/64
Дмухайловка, кург. 6, погр. 1	3 дирхема: 1 – Абдуллах, Орда, 1368/69; 2 – Мухаммед-Булак, Орда, 1370–1380

Таблица 2. Краниологические определения погребенных из могил с конусами, выполненные А.В. Шевченко, М.А. Балабановой, И.П. Панюшкиной и С.О. Горбенко (по: [Мысков, 2015, с. 287, 344; Усманова и др., 2020, с. 203; Супруненко и др., 2006, с. 113–135])

Table 2. Craniological definitions of individuals buried in the cones graves was conducted by anthropologists A.V. Shevchenko, M.A. Balabanova, I.P. Panyushkina, S.O. Gorbenko (after: [Myskov, 2015, p. 287, 344; Usmanova et al., 2020, p. 203; Suprunenko et al., 2006, p. 113–135])

Комплекс	Наличие конусов	Пол	Возраст	Антропологические признаки	Ориентировка
Нагавский I, кург. 1, погр. 1	3 жел.	Ж	45–50	Выраженная монголоидность центрально-азиатского (ц/а) типа	СВ
Нагавский I, кург. 2, погр. 1	1 жел.	М	20–25	Выраженная монголоидность ц/а типа	СВ
Нагавский IV, кург. 1, погр. 1	1 бронз.		20–25	Монголоидность	
Тормосин, кург. 1, погр. 1	1 жел.	М	?	Выраженная монголоидность ц/а типа	СВ
Карасуыр, кург. 2, погр. 1	1 жел.	М	25–30	Выраженная монголоидность ц/а типа	С
Волошино I, кург. 11, погр. 4	1 жел.	М	44–50 60–70	Монголоидность северо- или ц/а типа и европеоидность (метис?)	СЗ

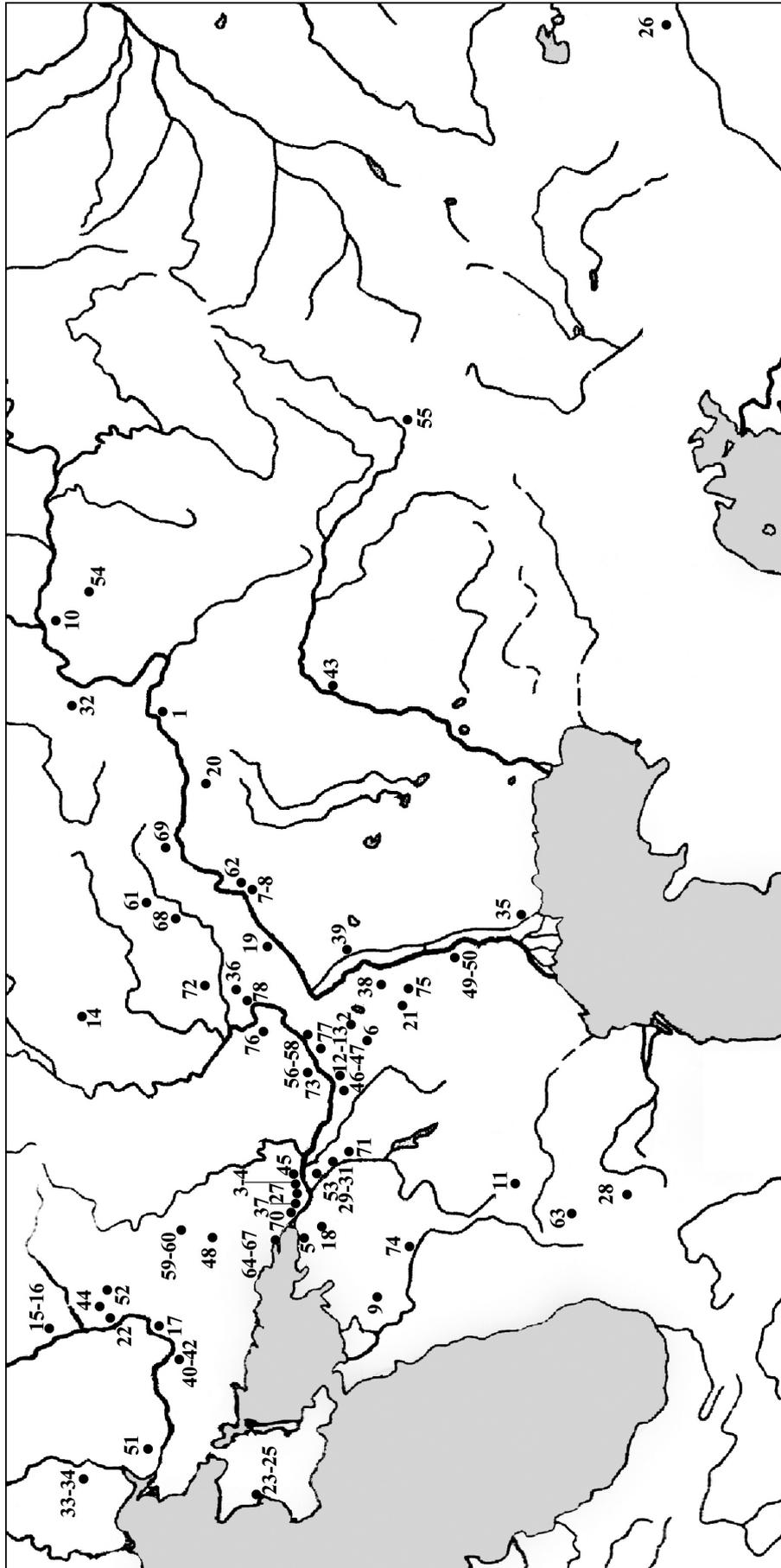

Рис. 1. Погребения Улуса Джучи с железными конусами
Fig. 1. Burials of Ulus Jochi with iron cones

Рис. 1. Погребения Улуса Джучи с железными конусами:

- 1 – Абашево, кург. 1, погр. 1; 2 – Абганерово IV, кург. 10, погр. 1; 3, 4 – Аглос (Рассвет III), кург. 3, погр. 1; кург. 4, погр. 1; 5 – Азов, ул. Красноармейская, 56, погр. 9; 6 – Аксай III, кург. 2 погр. 1; 7, 8 – Бережновка I, кург. 47, погр. 1; кург. 50, погр. 1; 9 – Бойко-Понура I, кург. 1, погр. 2; 10 – Болгар, Восточный въезд, погр. 4; 11 – Бударка 3, кург. 8, погр. 2; 12 – Весёлый II, кург. 2, погр. 1; 13 – Весёлый V, кург. 1, погр. 1; 14 – Власовский I, кург. 15, погр. 3; 15, 16 – Волошино I, кург. 10, погр. 1; кург. 11, погр. 4; 17 – Вороная (Рясные могилы), кург. 7, погр. 1; 18 – Высочино II, кург. 11, погр. 1; 19 – Горно-Пролейский II, кург. 1, погр. 1; 20 – Давыдовка III, кург. 11, погр. 1; 21 – Джангар II-88, кург. 2, погр. 1; 22 – Дмухайловка, кург. 6, погр. 1; 23, 24, 25 – Евпатория (оз. Сасык), погр. 1, 7, 10; 26 – Карасуыр, кург. 2, погр. 1; 27 – Каршинский, кург. 16, погр. 1; 28 – Келийский могильник, погр. 247; 29 – Кировский IV, кург. 10, погр. 1; 30, 31 – Кировский V, кург. 4, погр. 1; кург. 7, погр. 1; 32 – Клин I, кург. 1, погр. 2; 33, 34 – Ковалевка IV, кург. 4, погр. 1; кург. 10, погр. 1; 35 – Комсомольский, мавз. 2, погр. 2; 36 – Красная Котлубань, кург. 1, погр. 1; 37 – Красный IV, кург. 8, погр. 1; 38 – Кривая Лука XVI, кург. 5, погр. 1; 39 – Маляевка, погр. 1; 40 – Мамай-Гора, Восточная группа, погр. 3; 41, 42 – Мамай-Гора, объект 184, погр. 6, кург. 191, погр. 2; 43 – Мамбетбай, кург. 3, погр. 1; 44 – Миновка XVII, кург. 3, погр. 2; 45 – Мухин I, кург. 6, погр. 1; 46, 47 – Нагавский I, кург. 1, погр. 1, кург. 2, погр. 1; 48 – Никифорово, кург. 1, погр. 1; 49, 50 – Никольское I, кург. 3, погр. 1; кург. 8, погр. 1; 51 – Нововасильевка (Коминтерн), кург. 41, погр. 1; 52 – Ново-Подкряж, кург. 6, погр. 1; 53 – Новосадковский, кург. 19, погр. 1; 54 – Ново-Серёжино, могильник; 55 – Новый Кумак II, кург. 3, погр. 1; 56, 57, 58 – Первомайский VII, кург. 45, погр. 1; кург. 52, погр. 1; кург. 57, погр. 1; 59, 60 – Пески, кург. 17, погр. 1; кург. 22, погр. 1; 61 – Песковка, кург. 1, погр. 1; 62 – Потёмкино, кург. 7, погр. 1; 63 – Пятигорск (ур. Гора), кург. 8, погр. 1; 64, 65, 66, 67 – Русский Колодец VII, кург. 5, погр. 1; кург. 7, погр. 2; кург. 10, погр. 1; кург. 11, погр. 1; 68 – Рыбинка, кург. 1, погр. 1; 69 – Саратов, Вишнёвая гора, погр.; 70 – Северный II, кург. 1, погр. 1; 71 – Семёнкин, кург. 25, погр. 1; 72 – Сенной, кург. 5, погр. 1; 73 – Тормосин, кург. 1, погр. 1; 74 – Усть-Лабинск, кург. 8, погр. 1; 75 – Хар Нуурин Толга, кург. 9, погр. 1; 76 – Хмелевой I, кург. 7, погр. 1; 77 – Шебалино, кург. 2, погр. 1; 78 – Ютаевка, кург. 7, погр. 1

Fig. 1. Burials of Ulus Jochi with iron cones:

- 1 – Abashevo, kurgan 1, burial 1; 2 – Abganerovo IV, kurgan 10, burial 1; 3, 4 – Aglos (Rassvet III), kurgan 3, burial 1; kurgan 4, burial 1; 5 – Azov, ul. Krasnoarmeyskaya, 56, burial 9; 6 – Aksay III, kurgan 2, burial 1; 7, 8 – Berezhnovka I, kurgan 47, burial 1; kurgan 50, burial 1; 9 – Boyko-Ponura I, kurgan 1, burial 2; 10 – Bolgar, Vostochnyy v'ezd, burial 4; 11 – Budarka 3, kurgan 8, burial 2; 12 – Vesyoly II, kurgan 2, burial 1; 13 – Vesyoly V, kurgan 1, burial 1; 14 – Vlasovskiy I, kurgan 15, burial 3; 15, 16 – Voloshino I, kurgan 10, burial 1; kurgan 11, burial 4; 17 – Voronaya (Ryasnye mogily), kurgan 7, burial 1; 18 – Vysochino II, kurgan 11, burial 1; 19 – Gorno-Proleyskiy II, kurgan 1, burial 1; 20 – Davydovka III, kurgan 11, burial 1; 21 – Dzhangar II-88, kurgan 2, burial 1; 22 – Dmuhaylovka, kurgan 6, burial 1; 23, 24, 25 – Evpatoriya (oz. Sasyk), burial 1, 7, 10; 26 – Karasuyr, kurgan 2, burial 1; 27 – Karshinskiy, kurgan 16, burial 1; 28 – Keliyskiy m-k, burial 247; 29 – Kirovskiy IV, kurgan 10, burial 1; 30, 31 – Kirovskiy V, kurgan 4, burial 1; kurgan 7, burial 1; 32 – Klin I, kurgan 1, burial 2; 33, 34 – Kovalevka IV, kurgan 4, burial 1; kurgan 10, burial 1; 35 – Komsomol'skiy, mavz. 2, burial 2; 36 – Krasnaya Kotluban', kurgan 1, burial 1; 37 – Krasnyy IV, kurgan 8, burial 1; 38 – Krivaya Luka XVI, kurgan 5, burial 1; 39 – Malyaevka, burial 1; 40 – Mamay-Gora, Vostochnaya gruppa, burial 3; 41, 42 – Mamay-Gora, ob'ekt 184, burial 6; kurgan 191, burial 2; 43 – Mambetbay, kurgan 3, burial 1; 44 – Minovka XVII, kurgan 3, burial 2; 45 – Muhin I, kurgan 6, burial 1; 46, 47 – Nagavskiy I, kurgan 1, burial 1; kurgan 2, burial 1; 48 – Nikiforovo, kurgan 1, burial 1; 49, 50 – Nikol'skoe I, kurgan 3, burial 1; kurgan 8, burial 1; 51 – Novovasil'evka (Komintern), kurgan 41, burial 1; 52 – Novo-Podkryazh, kurgan 6, burial 1; 53 – Novosadkovskiy, kurgan 19, burial 1; 54 – Novo-Seryozhino, m-k; 55 – Novyy Kumak II, kurgan 3, burial 1; 56, 57, 58 – Pervomayskiy VII, kurgan 45, burial 1; kurgan 52, burial 1; kurgan 57, burial 1; 59, 60 – Peski, kurgan 17, burial 1; kurgan 22, burial 1; 61 – Peskovka, kurgan 1, burial 1; 62 – Potyomkino, kurgan 7, burial 1; 63 – Pyatigorsk (ur. Gora), kurgan 8, burial 1; 64, 65, 66, 67 – Russkiy Kolodec VII, kurgan 5, burial 1; kurgan 7, burial 2; kurgan 10, burial 1; 68 – Rybinka, kurgan 1, burial 1; 69 – Saratov, Vishnyovaya gora, burial; 70 – Severnyy II, kurgan 1, burial 1; 71 – Semyonkin, kurgan 25, burial 1; 72 – Sennoy, kurgan 5, burial 1; 73 – Tormosin, kurgan 1, burial 1; 74 – Ust'-Labinsk, kurgan 8, burial 1; 75 – Har Nuurin Tolga, kurgan 9, burial 1; 76 – Hmelevoy I, kurgan 7, burial 1; 77 – Shebalino, kurgan 2, burial 1; 78 – Yutaevka, kurgan 7, burial 1

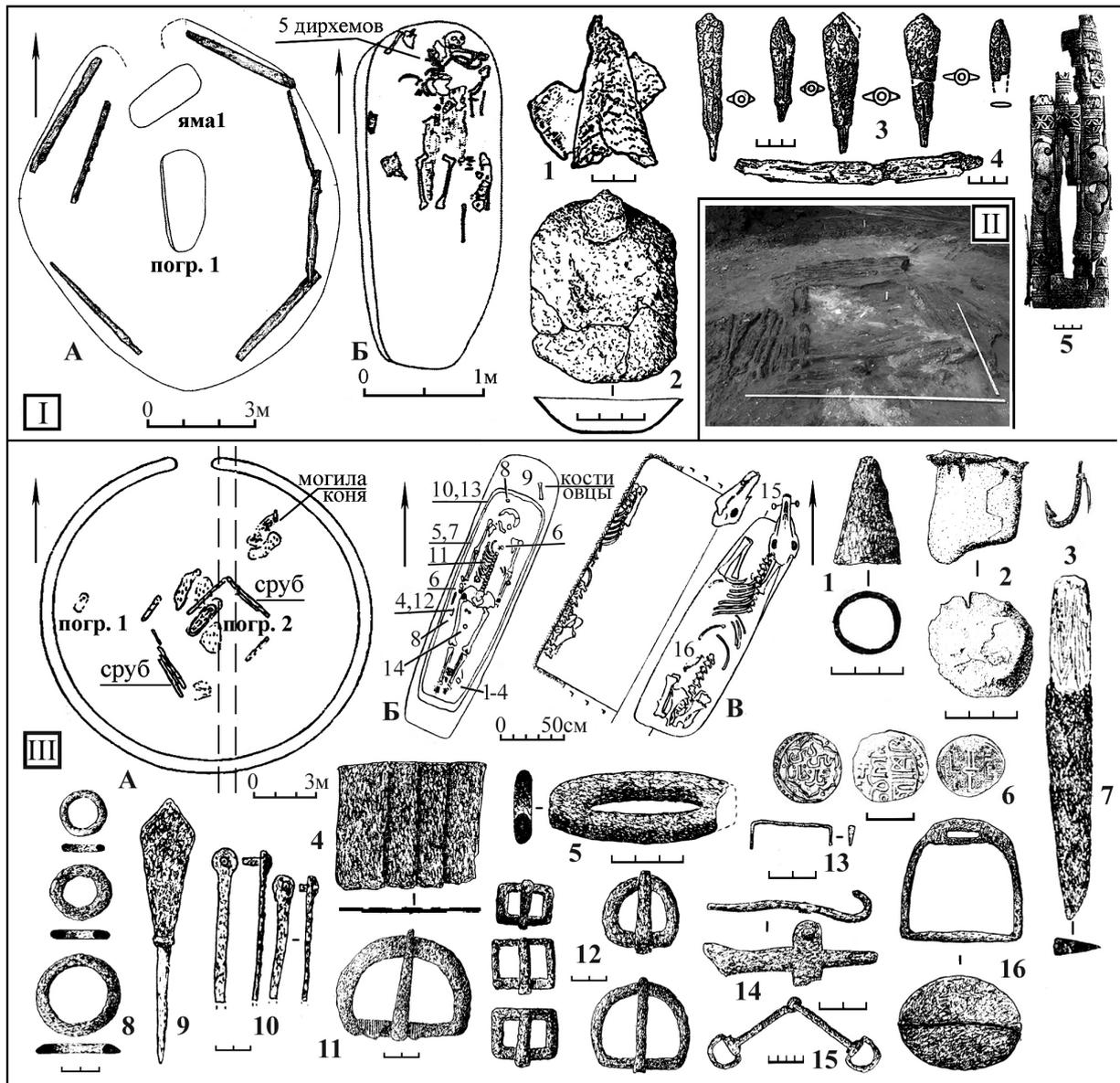

Рис. 2. Курганы со срубам.

I – Кривая Лука XVI, кург. 5, погр. 1. А – план кургана, Б – план погребения.

Могильный инвентарь: 1 – конус на железной пластине; 2 – железные плоска и пластина; 3 – наконечники стрел; 4 – нож; 5 – колчан (по: [Дворниченко и др., 1976, рис. 122; Фёдоров-Давыдов, 1984, рис. 1–4]).

II – Клин I, кург. 1, погр. 2. Фото бревенчатой конструкции под насыпью (по: [Курганный могильник Клин I]).

III – Миновка XVII, кург. 3, погр. 2. А – план кургана, Б – план погребения, В – план могилы коня.

Могильный инвентарь (порядковые номера предметов могильного инвентаря здесь и на рис. 3–4 соответствуют позициям на планах погребений): 1 – конус; 2 – медный сосуд; 3 – крючок с верёвкой; 4 – железные пластины с остатками шёлковой ткани; 5 – кресало; 6 – три дирхема на крышке гроба и пять под кистью правой руки; 7 – нож; 8 – кольца; 9 – наконечник стрелы; 10, 13 – крепления гроба; 11, 12 – пряжки; 14 – крюк колчана; 15, 16 – удила и стремена на крышке гроба (по: [Шалобудов, Кудрявцева, 1980, рис. 3–4])

Fig. 2. Kurgans with logs.

I – Krivaya Luka XVI, kurgan 5, burial 1. A – plan of mound, B – plan of burial.

Grave goods (The sequential numbers of the grave goods drawings here and in Fig. 3–4 correspond to the positions on the burials plans): 1 – cone on the plate; 2 – iron flat with a plate; 3 – arrowheads; 4 – knife; 5 – birch quiver (after: [Dvornichenko et al., 1976, fig. 122; Fedorov-Davydov, 1984, fig. 1–4]). II – Klin I, kurgan 1, burial 2.

Photo of the log structure in the kurgan (after: [Kurgannyy mogil'nik Klin I]). III – Minovka XVII, kurgan 3, burial 2.

A – plan of kurgan, B – plan of burial, B – plan of horse's grave. Grave goods: 1 – cone; 2 – copper jar; 3 – fishhook with rope; 4 – iron plates with the remains of silk fabric; 5 – chaired; 6 – three silver coins on the coffin lid and five coins under the hand; 7 – knife; 8 – rings; 9 – arrowheads; 10, 13 – fastenings of the coffin; 11, 12 – buckles; 14 – hook quiver; 15, 16 – rod and stirrup on the lid of the coffin (after: [Shalobudov, Kudryavtseva, 1980, fig. 3–4])

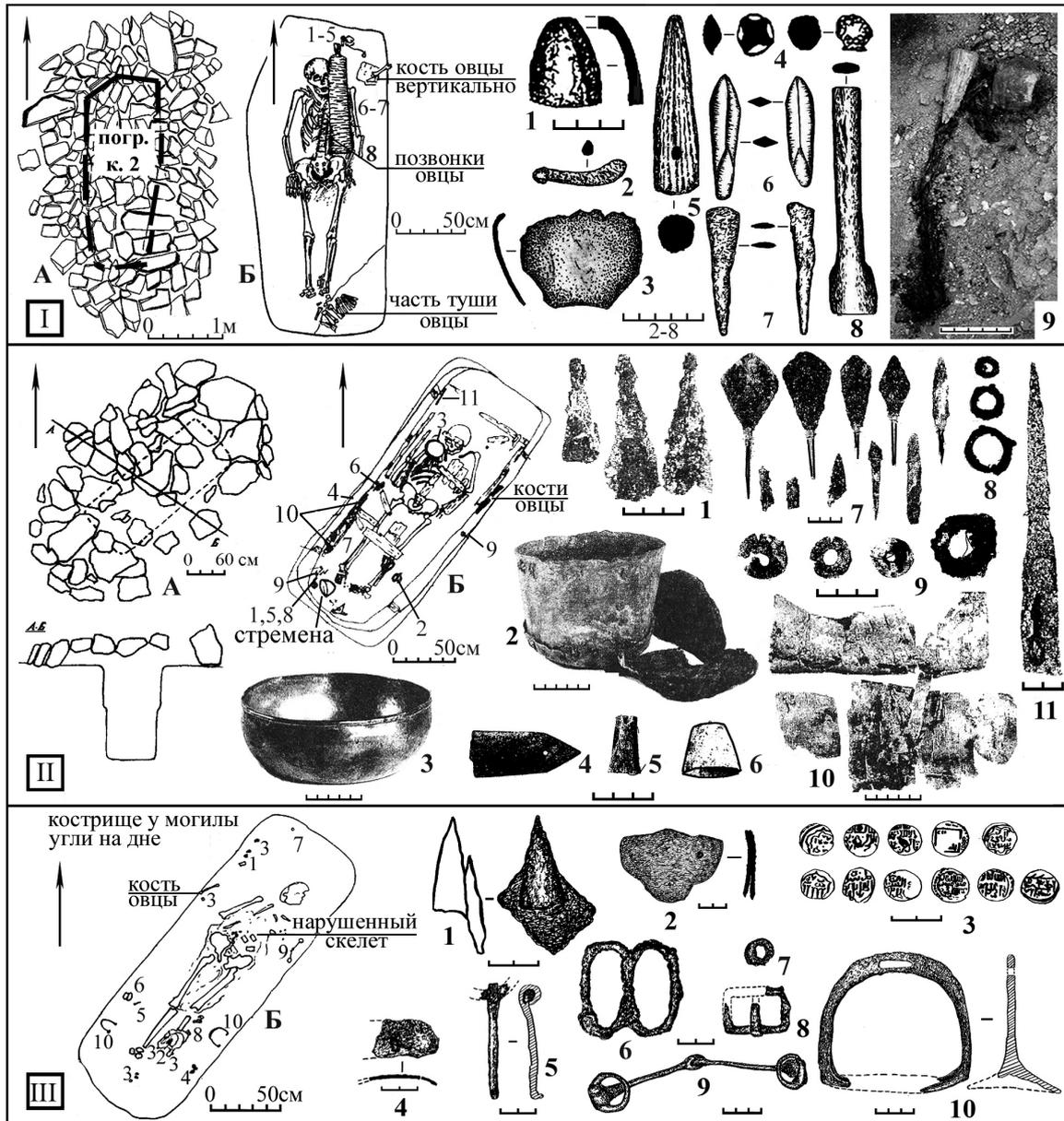

Рис. 3. Погребения с каменными насыпями и ритуальным разрушением. I – Карасуыр, курган 2, погребение 1. А – план кургана, Б – план погребения. Могильный инвентарь: 1 – конус; 2 – стержень; 3 – бронзовая плочка; 4 – крепежные детали; 5 – рог; 6–7 – костяные и железные наконечники стрел в колчане; 8 – срединная накладка лука; 9 – фото комплекса предметов и железного крюка (по: [Усманова и др., 2020, рис. 1, 11–12, 15–20, 3, 6]).

II – Ковалёвка, кург. 4, погр. 1. А – план кургана, Б – план погребения. Могильный инвентарь: 1 – конусы; 2 – бронзовый котелок с остатками ткани; 3 – серебряная чаша; 4–5 – ворворки; 6 – оселок; 7 – наконечники стрел; 8 – железные кольца; 9 – свинцовые кольца; 10 – два берестяных колчана; 11 – наконечник копья (по: [Ковпаненко и др., 2005, рис. 31, 32, 38, 39]).

III – Сенной, кург. 5, погр. е 1. Б – план погребения. Могильный инвентарь: 1 – конус с железными пластинами; 2 – застежка сумки; 3 – дирхемы; 4 – железная пластина; 5 – стержень с фрагментом кольца; 6, 8 – пряжки; 7 – кольцо; 9 – удила; 10 – стремена (по: [Мамонтов, Ситников, 1998, рис. 1, 2]).

Fig. 3. Burials with stone mounds and ritual destruction. I – Karasuyr, kurgan 2, burial 1. A – plan of kurgan, B – plan of burial. Grave goods: 1 – cone; 2 – rod; 3 – bronze flat; 4 – details of the fixtures; 5 – horn; 6–7 – bone and iron arrowheads in a quiver; 8 – the middle overlay of the battle bow; 9 – photo of complex of objects and an iron hook (after: [Usmanova et al., 2020, fig. 1, 11–12, 15–20, 3, 6]).

II – Kovalevka, kurgan 4, burial 1. A – plan of kurgan, B – plan of burial. Grave goods: 1 – cones; 2 – bronze cauldron with remains of cloth; 3 – silver bowl; 4–5 – finial (vorvorka); 6 – grindstone; 7 – arrowheads; 8 – iron rings; 9 – lead plaques; 10 – two quivers; 11 – tip of the spear (peak) (after: [Kovpanenko et al., 2005, fig. 31, 32, 38, 39]).

III – Sennoy, kurgan 5, burial 1. B – plan of burial. Grave goods: 1 – cone with iron plates; 2 – bag clasp; 3 – silver coins; 4 – iron plate; 5 – rod with a ring fragment; 6, 8 – buckles; 7 – ring; 9 – rod; 10 – stirrups (after: [Mamontov, Sitnikov, 1998, fig. 1, 2]).

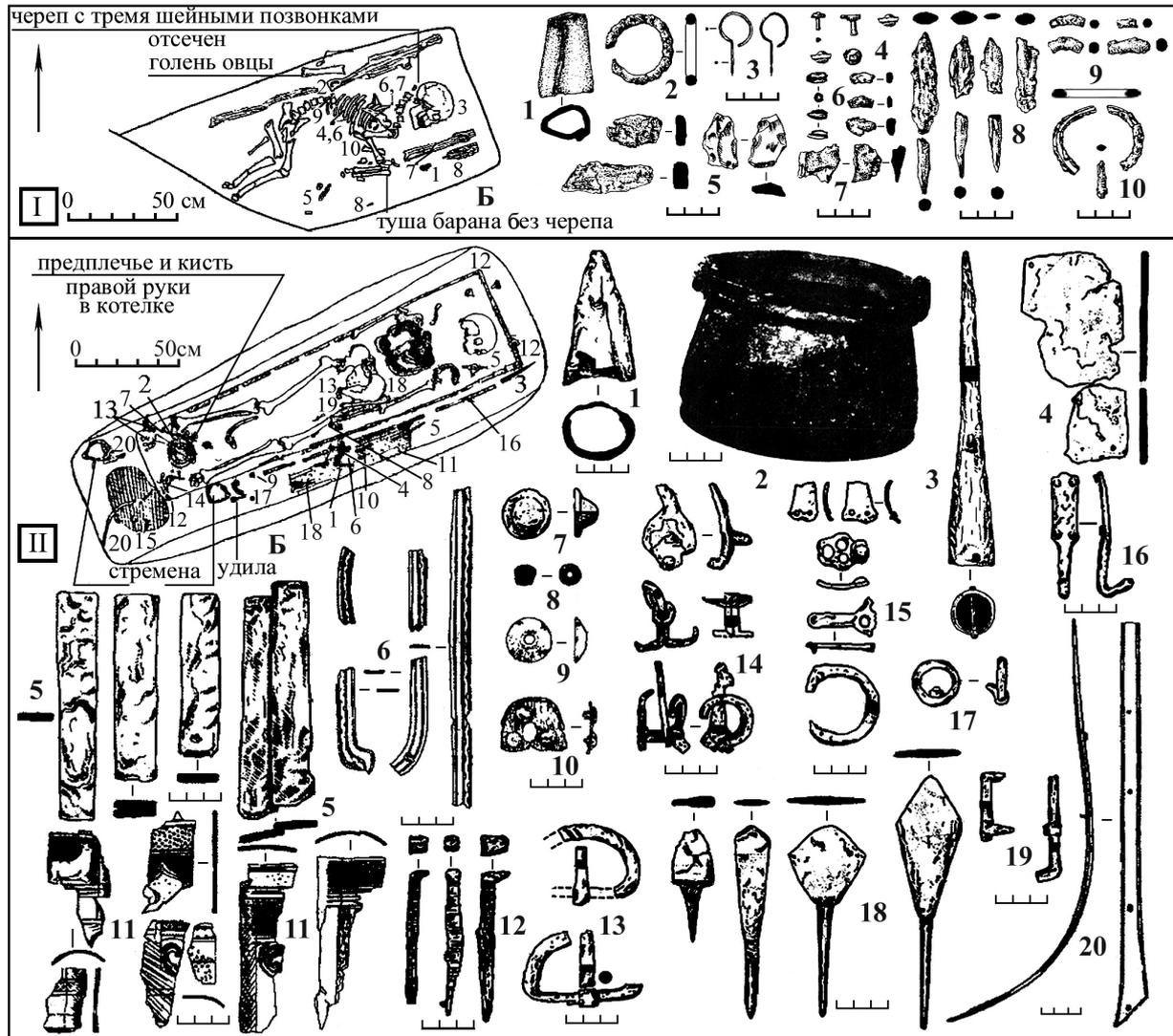

Рис. 4

Погребения с постингумационными нарушениями. I – Бударка 3, кург. 8, погр. 2. Б – план погребения. Могильный инвентарь: 1 – конус-втулка; 2, 9–10 – кольца; 3 – золотые серьги; 4 – заклепки; 5 – кресало с кремнем; 6 – бусины; 7 – неопределенные предметы; 8 – фрагменты наконечников стрел (по: [Савенко, 2010, рис. 3; 6]).
 II – Высочино II, кург. 11, погр. 1. Б – план погребения. Могильный инвентарь: 1 – конус; 2 – бронзовый котел с остатками ткани; 3 – наконечник копья (пика); 4 – железные пластины; 5 – панцирные пластины; 6, 10–11 – костяные накладки колчана; 7 – умбон щита; 8 – бусина; 9 – костяная ворворка; 12, 14 – гвозди и крепления гроба; 13, 17, 19 – пряжки; 15 – крепления сбруи; 16 – крюк колчана; 18 – наконечники стрел; 20 – костяные накладки седла (по: [Беспалый, Лукьяшко, 2008, табл. XXVIII–XXIX])

Fig. 4

Burials with post-ingumation destructions. I – Budarka 3, kurgan 8, burial 2. Б – plan of burial. Grave goods: 1 – cone-sleeve; 2, 9–10 – rings; 3 – gold earrings; 4 – rivets; 5 – chaired with flint; 6 – beads; 7 – plates from the armor; 8 – fragments of arrowheads (after: [Savenko, 2010, fig. 3; 6]).
 II – Vysochino II, kurgan 11, burial 1. Б – plan of burial. Grave goods: 1 – cone; 2 – bronze bowl with remnants of cloth; 3 – tip of the spear (peak); 4 – iron plates; 5 – plates from the armor; 6, 10–11 – bone linings on the quiver; 7 – umbon of shield; 8 – beads; 9 – finial (vorvorka); 12, 14 – nails from iron details the coffin; 13, 17, 19 – buckles; 15 – harnesses fastening; 16 – hook of the quiver; 19 – arrowheads; 21 – bone linings of the saddle (after: [Bespalyy, Lukyashko, 2008, tab. XXVIII–XXIX])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш., 2017. Погребения под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане и некоторые вопросы изучения средневековых монгольских погребальных комплексов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 16, вып. 5 : Археология и этнография. С. 68–81.
- Бадмаев А. А., 2015. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 14, вып. 7 : Археология и этнография. С. 255–264.
- Бартольд В. В., 1966. К вопросу о погребальных обрядах у турков и монголов // Сочинения. Т. IV. М. : Наука. С. 377–396.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. МИА Юга России. Т. 1. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 224 с.
- Газимзянов И. Р., Дрёмов И. И., 2020. Погребение с северной ориентировкой на мусульманском могильнике в Болгаре и проблема интерпретации железных конусов // Поволжская археология. № 4 (34). С. 170–184. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2020.4.34.170.184>.
- Дворниченко В. В., Смирнов А. С., Фёдоров-Давыдов Г. А., 1976. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г // Архив ИА РАН. Р-1. № 6719, 6719в.
- Дрёмов И. И., 2019. О назначении конусов из листа железа в золотоордынских погребениях // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Волгоград : Сфера. С. 250–259.
- Жуковская Н. Л., 1989. Два культовых объекта в северной Монголии // Новое в этнографии : (Полевые исследования). Вып. 1. М. : Наука. С. 160–171.
- Иванов В. А., 2019. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. Т. 7, № 4. С. 636–651. DOI: <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651>.
- Именохоев Н. В., 1992. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск : Наука. С. 23–48.
- Ковпаненко Г. Т., Гаврилюк Н. А., Евдокимов Г. Л., 2005. Курганы у села Ковалевка (группа IV) // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. Вип. 7. Київ : ІА НАНУ ; Запоріжжя : Дике поле. С. 363–388.
- Козлов П. К., 1949. Путешествие в Монголию. 1923–1926. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой. М. : ГИГЛ. 237 с.
- Круглов Е. В., 2003. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк : ДонНУ. С. 13–82.
- Курганный могильник Клин I. URL: <http://rosarheolog.ru/kurgannyj-mogilnik-klin-1-kurgan-1> (дата обращения: 21.04.2021).
- Ларенок В. А., 1992. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семёнкин // Донские древности. Вып. 1. Азов : Азов. краевед. музей. С. 158–189.
- Мамонтов В. И., Ситников А. В., 1998. Курганный могильник у хутора Сенной // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 113–123.
- Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС. 484 с.
- Мэнэс Г., 1992. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск : Наука. С. 112–127.
- Ользеева С. З., 2012. Калмыцкие народные традиции. Элиста : ННП «Джангар». 479 с.
- Плетнёва С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА. Т. 62. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 151–226.
- Плетнёва С. А., 1962. Половецкие погребения в урочище Каменная балка // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та. С. 133–137.
- Потёмкина Т. М., 2012. Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Донецк : ДонНУ. С. 279–305.
- Савенко С. Н., 2010. Позднекочевническое ритуальное захоронение на Ставрополье // Российская археология. № 2. С. 147–155.

- Семби М. К., 2013. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (Тюркский меридиан) // Труды КазНИИИК. Т. 1. Алматы : КазНИИИК. 296 с.
- Смирнов П. А., 1999. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста : Калм. кн. изд-во. 248 с.
- Содномпилова М. М., 2009. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН. 366 с.
- Супруненко О. Б., Маевська С. В., Артем'єв А. В., Горбенко С. О., 2006. Кургани з похованнями золотоординського часу поблизу Волошиного у пониззі Псла. Старожитності околиць Комсомольська. Т. III. Київ ; Полтава : ПП Друкарня «Гротеск». 140 с.
- Табалдиев К. Ш., 2013. Традиции, связанные с животными, в погребальной практике кочевников Тяньшаня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12, вып. 3 : Археология и этнография. Новосибирск. С. 157–167.
- Улийбаяр С., Наваан Д., Эрдэнэ М., 2010. Захоронения Тавантолгойской культуры восточной Монголии // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 8. С. 211–234.
- Усманова Э. Р., Дрёмов И. И., Панюшкина И. П., 2020. Этнокультурный код воинских формирований Улуса Джучи (по археологическим свидетельствам могильника Карасуыр, Улытау) // Джучи : личность, эпоха, память. Алматы. С. 184–217.
- Фёдоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. : МГУ. 276 с.
- Фёдоров-Давыдов Г. А., 1984. Кочевнический курган XIV века из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан : Хакас. НИИЯЛИ. С. 98–108.
- Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск : Днепропетр. гос. ун-т. С. 90–97.
- Шараева Т. И., 2011. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XX в. Элиста : НПП «Джангар». 223 с.

REFERENCES

- Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh., 2017. Pogrebeniya pod oval'noy kamennoy nasyp'yu na Tyan'-Shane i nekotorye voprosy izucheniya srednevekovykh mongol'skih pogrebal'nykh kompleksov [Burials Under Oval-Shaped Stone Mounds in Tien Shan and Some Issues of Studying Medieval Mongolian Burial Complexes]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya: Arheologiya i etnografiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology: Archaeology and Ethnography], vol. 16, iss. 5, pp. 68-81.
- Badmaev A.A., 2015. Baran'ya lopatka v obryadovoy praktike buryat [Lamb Shoulder in the Ritual Practice of the Buryats]. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya: Arheologiya i etnografiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology: Archaeology and Ethnography], vol. 14, iss. 7, pp. 255-264.
- Bartol'd V.V., 1966. K voprosu o pogrebal'nykh obryadah u turkov i mongolov [The Problem of Studying Funeral Rites of Turks and Mongols]. *Sochineniya* [Essays], vol. IV. Moscow, Nauka Publ., pp. 377-396.
- Bespalyy E.I., Luk'yashko S.I., 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino* [Ancient Population of the Lower Don i Kagal'nik. Burial Mound "Vysochino"]. Materialy i issledovaniya po Arkheologii Yuga Rossii, vol. 1. Rostov-na-Donu, SSC RAS. 224 p.
- Gazimzyanov I.R., Dremov I.I., 2020. Pogrebenie s severnoy orientirovkoj na musul'manskom mogil'nike v Bolgare i problema interpretacii zheleznykh konusov [Nord-Oriented Burial on the Muslim Burial Ground in Bulgar and the Issue of Interpretation of Iron Cones]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (34), pp. 170-184. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2020.4.34.170.184>.
- Dvornichenko V.V., Smirnov A.S., Fedorov-Davydov G.A., 1976. Otchet o raskopkah kurganov v Astrahanskoy oblasti v 1976 g. [Report On Excavations of Kurgans in Astrakhan Region in 1976]. *Arhiv IA RAN*. R-1, no. 6719, 6719b.
- Dremov I.I., 2019. O naznachenii konusov iz lista zheleza v zolotoordynskih pogrebeniyah [On the Appointment of Cones from a Sheet of Iron in the Burials of Golden Horde]. *Arheologiya kak zhizn'. Pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova* [Archaeology as Life. In Memory of Evgeny Pavlovich Myskov]. Volgograd, Sfera Publ., pp. 250-259.

- Zhukovskaya N.L., 1989. Dva kul'tovyykh ob'ekta v severnoy Mongolii [Two Cult Sites in Northern Mongolia]. *Novoe v etnografii (Polevye issledovaniya)* [New in Ethnography (Field Investigations)], iss. 1. Moscow, Nauka Publ., pp. 160-171.
- Ivanov V.A., 2019. Mongoly v sostave kochevnikov Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy): po dannym arheologii [Mongolian Nomads in The Ulus Of Jochi (Golden Horde) According to Archaeological Materials]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 7, no. 4, pp. 636-651. DOI: <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651>.
- Imenohoev N.V., 1992. Rannemongol'skaya arheologicheskaya kul'tura [Early Mongolian Archaeological Culture]. *Arheologicheskie pamyatniki epokh srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii* [Archaeological Sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 23-48.
- Kovpanenko G.T., Gavrilyuk N.A., Evdokimov G.L., 2005. Kurgany u sela Kovalevka (gruppa IV) [Kurgans at Village Kovalevka (Group IV)]. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraini 2003–2004 rr.* [Archaeological Research in Ukraine 2003–2004], iss. 7. Kiiv, IA NANU, Zaporizhzhya, Dikoe pole Publ., pp. 363-388.
- Kozlov P.K., 1949. *Puteshestvie v Mongoliyu. 1923–1926. Dnevniky, podgotovlennyye k pechati E.V. Kozlova* [Travel to Mongolia. 1923–1926. Diaries Prepared for Printing by E.V. Kozlova]. Moscow, GIGL Publ. 237 p.
- Kruglov E.V., 2003. Pechenegi i oгуzy: nekotorye problemy arheologicheskikh istochnikov [Pecheneg and Oguz Tribes: Some Problems of Archaeological Sources]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 3. Donetsk, DonNU, pp. 13-82.
- Kurgannyi mogil'nik Klin I* [Kurgan Cemetery Klin I]. URL: <http://rosarheolog.ru/kurgannyj-mogilnik-klin-1-kurgan-1/> (accessed 21 April 2021).
- Larenok V.A., 1992. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti pogrebyonnykh v srednevekovykh kurganakh u h. Semyonkin. [On the Ethnicity of those Buried in Medieval Kurgans about Hutor Semyonkin]. *Donskie drevnosti* [Antiquities of the Don], iss. 1. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 158-189.
- Mamontov V.I., Sitnikov A.V., 1998. Kurgannyi mogil'nik u hutora Sennoy [Kurgan Cemetery at Hutor Sennoy]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 6. Volgograd, VolSU, pp. 113-123.
- Mys'kov E.P., 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of Volgo-Don Steppes at Golden Horde Epoch]. Volgograd, Volgograd branch of RANEP. 484 p.
- Menes G., 1992. Materialy po traditsionnoy pohoronnoy obryadnosti zahchynov MNR kontsa XIX – nachala XX v. [Materials on the Traditional Funeral Rites of Zakhchin MNR in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* [Traditional Rite of the Mongolian Peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 112-127.
- Ol'zeeva S.Z., 2012. *Kalmytskie narodnye traditsii* [Folk Traditions of Kalmyks]. Elista, NNP «Dzhangar» Publ. 479 p.
- Pletneva S.A., 1958. Pechenegi, torki i polovcy v Yuzhno-Russkikh stepyakh [Pechenegs, Torks and Cumans in the Steppes of South Russian]. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition], vol. I. Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR, vol. 62. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, pp. 151-226.
- Pletneva S.A., 1962. Polovetskie pogrebeniya v urochishche Kamennaya balka [Cumans Burials in the Tract Kamennaya Balka]. *Arheologicheskie raskopki na Donu* [Archaeological Excavations in the Don Region]. Rostov-na-Donu, Rostov University, pp. 133-137.
- Potemkina T.M., 2012. Metallicheskie posudovidnye izdeliya iz pogrebeniy nomadov zolotoordynskogo vremeni Vostochnoy Evropy: problemy i stereotipy [Metal Tableware-Like Products From Burials of Nomads of Golden Horde Time of Eastern Europe: Problems And Stereotypes]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 11. Donetsk, DonNU, pp. 279-305.
- Savenko S.N., 2010. Pozdnekochevnickeskoe ritual'noe zahoronenie na Stavropol'e [Late Nomadic Ritual Burial in Stavropol Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 147-155.
- Sembi M.K., 2013. Pamyat' zemli tyurko-mongol'skoy: istoki i simvolika toponimov (Tyurkskiy meridian) [Memory of the Land Turkic-Mongolian: the Origins and Symbolism of Place Names (Turkish Meridian)]. *Trudy KazNIK* [Proceedings of Kazakh Cultural Research Institute], vol. 1. Almaty, KazCRI. 296 p.
- Smirnov P.A., 1999. *Putevye zapiski po Kalmytskim stepyam Astrahanskoy gubernii* [Notes of Travel on the Kalmyk Steppes in Astrakhan Province]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. 248 p.

- Sodnompilova M.M., 2009. *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatel'nosti mongol'skih narodov* [World in the Traditional Worldview and Practical Actions of Mongolian Peoples]. Ulan-Ude, Research Center Buryat of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 366 p.
- Suprunenko O.B., Maevskaya S.V., Artem'ev A.V., Gorbenko S.O., 2006. *Kurgani z pohovannyami zolotoordins'kogo chasu poblizu Voloshinogo u ponizzi Psla* [Kurgans with Burials of the Golden Horde Period Near Voloshino at the Mouth of the Psel]. *Starozhitnosti okolits' Komsomol's'ka* [Antiquities of the Komsomolska Area], vol. III. Kiiv, Poltava, PP Drukarnya «Grotesk». 140 p.
- Tabaldiev K.Sh., 2013. Traditsii, svyazannye s zhitovnyimi, v pogrebal'noy praktike kochevnikov Tyan'shanya [Traditions with Animals in Burials of Tien-Shan Nomads]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya: Arheologiya i etnografiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology: Archaeology and Ethnography], vol. 12, iss. 3, pp. 157-167.
- Uliybayar S., Navaan D., Erdene M., 2010. Zahoroneniya Tavantolgoyskoy kul'tury vostochnoy Mongolii [Graves of Tavantolgoi Culture Of Eastern Mongolia]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], iss. 8, pp. 211-234.
- Usmanova E.R., Dremov I.I., Panyushkina I.P., 2020. Etnokul'turnyy kod voinskih formirovaniy Ulusa Dzhuchi (po arheologicheskim svidetel'stvam mogil'nika Karasuyr, Ulytau) [Ethnocultural Code of Military Groups at Ulus Jochi from Archeology of the Karasuyr Burial Site, Ulytau, Central Kazakhstan]. *Djuchi: lichnost', epoha, pamyat'* [Jochi: Personality, Epoch, Memory]. Almaty, pp. 184-217.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh hanov. Arheologicheskie pamyatniki* [Nomads of the East Europe under the Reign of Golden Horde Khans. Archaeological Monuments]. Moscow, MSU. 276 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1984. Kochevnicheskiy kurgan XIV veka iz Nizhnego Povolzh'ya (nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obryada srednevekovykh kochevnikov) [Nomadic Kurgan of 14th Century from the Lower Volga Region (Some Features of the Burial Rite of Medieval Nomads)]. *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri* [Issues of the Ancient History of Southern Siberia]. Abakan, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, pp. 98-108.
- Shalobudov V.N., Kudryavtseva I.V., 1980. Kochevnicheskie pogrebeniya Srednego Priorel'ya [Burials of Nomadic of the Middle Orel Region]. *Kurgany Stepnogo Podneprov'ya* [Kurgans of the Steppe Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk State University, pp. 90-97.
- Sharaeva T.I., 2011. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX – nachala XX v.* [Rituals of Life Cycle of Kalmyks of the 19th and Early 20th Centuries]. Elista, NPP «Dzhangar» Publ. 223 p.

Information About the Authors

Igor I. Dremov, Candidate of Sciences (History), Archaeologist, Regional Center for Ecology, Local Studies and Tourism, Novouzenskaya St, 156, 410054 Saratov, Russian Federation, iid57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8525-1874>

Evgeniy V. Kruglov, Secretary, Volgograd Regional Branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture, Prosp. Lenina, 86, Office 502, 400005 Volgograd, Russian Federation, khasar@vlpost.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7070-9889>

Информация об авторах

Игорь Иванович Дрёмов, кандидат исторических наук, археолог, Областной центр экологии, краеведения и туризма, ул. Новоузенская, 156, 410054 г. Саратов, Российская Федерация, iid57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8525-1874>

Евгений Викторович Круглов, секретарь, Волгоградское региональное отделение «Все-российского общества охраны памятников истории и культуры», просп. им. В.И. Ленина, 86, оф. 502, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, khasar@vlpost.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7070-9889>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.8>

UDC 902/904
LBC 63.4

Submitted: 21.07.2021
Accepted: 30.10.2021

SPEARHEADS OF THE KELIYSKY STONE BOX BURIAL GROUND (INGUSHETIA HIGHLANDS)¹

Robert H. Gagloiti

South-Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev, Tskhinval, South Ossetia

Umar U. Kochkarov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rashid Kh. Mamaev

Chechen State University, Grozny, Russian Federation

Vitaliy E. Narozhnyi

Independent Researcher, Armavir, Russian Federation

Evgeniy I. Narozhnyi

Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachaevsk, Russian Federation

Abstract. For the first time, the paper publishes all 20 spearheads and one spear counter-weight, discovered as a result of excavations in 1987–1988, in Keliysky stone boxes burial ground of Highland Ingushetia. A brief description of the burials containing these artifacts is published. The main feature of this burial ground is that the burial structural stone boxes, despite being intended primarily for individual burials, were used for multiple (up to five times) sub-burials. And only a small part of the spearheads were revealed in the burials in situ, while the rest were either re-laid (together with the bone remains of the buried), moved to the end of the stone box, placed onto the stone box overlap or buried in the ground above the stone box. The authors of the paper assume that the population who made the stone-bearing burial ground (at least its significant part) is of a foreign cultural origin. Accordingly, the artifacts accompanying the buried, including of defensive and offensive weapon parts, are largely imported. The published collection of spearheads, containing a small variety of types, allows us to consider the Keliysky burial ground to be a reference monument for the spearheads typology in the North Caucasus of the 13th–14th centuries AD.

Key words: Highland Ingushetia, Keliysky burial ground, stone boxes, Golden Horde time, spearheads, military affairs.

Citation. Gagloiti R.H., Kochkarov U.U., Mamaev R.Kh., Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I., 2021. Nakonechniki kopiy Keliyskogo kamennoyashchechnogo mogil'nika (Gornaya Ingushetiya) [Spearheads of the Keliysky Stone Box Burial Ground (Ingushetia Highlands)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 169-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.8>

УДК 902/904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 21.07.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ КЕЛИЙСКОГО КАМЕННОЯЩЕЧНОГО МОГИЛЬНИКА (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)¹

Роберт Хазбиевич Гаглоиты

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им З.Н. Ванеева,
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

Умар Юсуфович Кочкаров

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рашид Хамидович Мамаев

Чеченский государственный университет, г. Грозный, Российская Федерация

Виталий Евгеньевич Нарожный

Независимый исследователь, г. Армавир, Российская Федерация

Евгений Иванович Нарожный

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые публикуются все 20 наконечников копий и один вток, обнаруженные в результате раскопок 1987–1988 гг. в каменных ящиках и грунтовых погребениях Келийского могильника Высокогорной Ингушетии. Публикуется краткое описание погребений, содержащих указанные артефакты. Особенностью данного могильника является то, что погребальные сооружения – каменные ящики, предназначенные в первую очередь для индивидуальных захоронений, использовались для многократных (до 5 раз) подзахоронений. И только небольшая часть копий была зафиксирована в погребениях *in situ*, в то время как остальные были переотложены (вместе с костными останками погребенных) – сдвинуты в конец ящика, перемещены на его перекрытие или закопаны в грунте над ящиком. Авторы статьи предполагают инокультурное происхождение населения (по крайней мере значительной его части), оставившего каменнаящечный могильник. Соответственно, артефакты (элементы защитного и наступательного вооружения), сопровождающие погребенных, в значительной степени также представляются импортами. Публикуемая коллекция наконечников копий, содержащая небольшое разнообразие типов, позволяет считать Келийский могильник опорным памятником для типологии наконечников копий Северного Кавказа XIII–XIV веков.

Ключевые слова: Высокогорная Ингушетия, Келийский могильник, каменные ящики, золотоордынское время, наконечники копий, военное дело.

Цитирование. Гаглойты Р. Х., Кочкаров У. Ю., Мамаев Р. Х., Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., 2021. Наконечники копий келийского каменнаящечного могильника (Горная Ингушетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 169–185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.8>

Большинство публикуемых археологических материалов вводятся в научный оборот впервые – это находки наконечников копий из погребений Келийского каменнаящечного могильника (ныне – Джейраховский район Республики Ингушетия), исследовавшегося в 1987–1988 гг. в связи с началом трассировки полотна подъездной автодороги через Горно-Ассиновскую котловину к планировавшемуся тогда тоннелю сквозь подножие Главного Кавказского хребта. По проекту строительство Кавказской перевальной железной дороги (КПЖД) должно было соединить Северный Кавказ с соседней Грузией и всем Закавказьем в целом [Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2011; Нарожный Е.И., Мамаев, 2018]. В 1987 г. трассировкой маршрута подъездной автодороги почти по средней части обширного некрополя был частично задет Келийский могильник, состоявший из каменных ящиков², грунтовых захоронений³ и

полуподземных склепов⁴ [Нарожный Е.И. и др., 1990; Чахкиев, 1986; Чахкиев, 1987; Чахкиев, 2019, с. 48–57]. Некоторые из публикуемых артефактов уже введены в научный оборот [Виноградов, Нарожный, 1994; Басов и др., 2003; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2012, с. 194, рис. 3,2; Нарожный В.Е. и др., 2005; Нарожный В.Е., 2014; Нарожный Е.И. и др., 2017, с. 166–176; и др.].

Раскопанная часть Келийского могильника, учитывая наличие значительного количества коллективных захоронений каменнаящечного некрополя и 12 полуподземных склепов, в 1987–1988 гг. дала разнообразные археологические материалы, так или иначе связанные почти с 1 тыс. погребенных [Нарожный В.Е., 2004]. Объем собранных сведений и материалов позволяет не только производить статистические расчеты, но и попытаться выявить и реконструировать прижизненные «профессии» погребенной части населения гор-

ноингушского общества золотоордынского времени, оставившего Келийский могильник.

Важность этот материал представляет и по другим причинам: датированный медными и серебряными монетами (хотя и пробытыми) Золотой Орды, Хулагуидов, Русудан и грузино-хулагуидскими, могильник расположен на территории, так и не вошедшей в сферу прямого политико-экономического диктата Золотой Орды [Виноградов, Нарожный, 1988; Нарожный Е.И., Нарожная, 2011, с. 190–194; Нарожный Е.И., Нарожная, 2012]. Тем не менее полученные здесь многочисленные и разнообразные артефакты, включая и различные категории предметов средневекового вооружения горцев, вне всякого сомнения демонстрируют как географию поступления оружейных «импортов» из окружающего их мира, так и экземпляров, изготовленных по их образцам местными мастерами. Это открывает хорошие перспективы в области изучения различных сторон организации военного дела горцев Восточного Придариалья в контексте их перманентных, но не всегда однозначных взаимоотношений с кочевым и городским (округа Татартупа) населением Золотой Орды и соседней Грузии, оказавшейся в зависимости от династии Хулагуидов [Нарожный Е.И. и др., 2017; Мужухоев и др., 2017; Мамаев, Кочкаров, 2020; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2008; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2009; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2021].

Ниже мы приводим сведения о 20 наконечниках копий и 1 втоке, обнаруженных при раскопках каменных ящиков и грунтовых погребений Келийского могильника. В их число входят 2 наконечника копья из погребений, исследованных М.Б. Мужухоевым⁵, 18⁶ наконечников копий и 1 вток из раскопок Е.И. Нарожного [Мужухоев, 1988; Нарожный Е.И., 1989].

Наконечник из погребения 5 (рис. 1,1).

Погребение представляет собой грунтовое захоронение, «отмеченное» вертикально стоящим камнем и содержащее кости как минимум 3 индивидов. Отдельные камни, артефакты и кости, расположенные хаотично, создают впечатление разрушенного и перекопанного погребения, представляющего имитацию (выполняемую обычно из нескольких камней в изголовье) классического для данного могильника типа каменного ящика.

С другой стороны, это может быть перезахоронение «на стороне» старых останков, вынутых из каменного ящика при подготовке нового захоронения. Однако обычно в таких случаях костные останки и артефакты лежат более кучно, собранные в так называемые пакеты, не говоря уже о том, что в подавляющем количестве случаев они остаются либо в самом каменном ящике, либо на плитах его перекрытия.

Наконечник представляет собой крупный образец общей длиной 48 см, имеет листовидную форму пера, линзовидную в сечении с выраженным ребром жесткости, длиной 26 см и шириной 4,8 см. Плечики пера плавные и переходят в вытянуто-коническую втулку (длина 22 см, ширина 5 см), свернутую из толстого листа (место соединения четко просматривается) [Нарожный Е.И., 1989, с. 12, 13, рис. 15–16].

Наконечник из погребения 15 (рис. 1,9).

Погребение представляло собой навал камней – прежде всего «плиты перекрытия» без боковых стенок, на, под и между которыми были разбросаны кости и инвентарь нескольких (точное количество установить не удалось) погребенных как мужского, так и женского пола.

Видимо, погребение было разрушено, но на его месте не зафиксировано ни подзахоронения нового погребенного, ни перезахоронения старых останков. Разрушенные могилы встречаются на данном памятнике нередко (например, предыдущее погребение № 5).

От наконечника осталась только коническая втулка, сохранившаяся почти полностью (длина 7,2 см, ширина 2,8 см). К сожалению, втулка отломана до начала пера, поэтому форму пера определить невозможно. Однако, если чертеж верен, то в верхней части втулка из конической переходит в цилиндрическую, а общая пропорция между длиной втулки и шириной нижнего и верхнего отверстий характерна именно для типа наконечников с плоским пером.

Помимо втулки от наконечника копья здесь же присутствовали и другие находки целых и фрагментированных образцов наступательного и защитного вооружения. Самым интересным для нас (в рамках данной публикации) является фрагмент «обоюдоост-

рого острия сабли» длиной 40 см и шириной 6 см (толщина спинки указана в 1 см, хотя у острия с двусторонней заточкой «спинки» быть не может). Вероятность того, что «острие сабли» могло быть утраченным пером наконечника, есть, правда его длина и ширина чрезвычайно велики (по крайней мере в сравнении с остальными наконечниками, известными на этом могильнике).

Наиболее вероятно, что данный фрагмент, скорее всего, является частью меча (довольно редкого типа оружия среди образцов, обнаруженных на этом могильнике), поскольку для острия сабли он слишком широк, к тому же на чертеже он, скорее, похож на острие клинкового оружия с прямым клинком. К сожалению, проверить все предположения можно было бы только при изучении самого артефакта, что невозможно в силу утраты части археологических коллекций (в том числе и материалов Келийского могильника), хранящихся в Национальном музее Чеченской Республики, о чем было указано выше.

В этом же погребении содержались многочисленные фрагменты железной кольчуги, наконечник стрелы и сабля с практически прямым лезвием, перекрестием с шаровидными, опущенными к клинку концами, с обломанными острием и навершием рукояти [Нарожный Е.И., 1989, с. 20, 21, рис. 40, 41].

Это погребение уже публиковалось, причем из-за того, что сабля и обломанное острие сабли опубликованы так же, как на чертеже в отчете, произошел казус, сделавший саблю из погребения 15 Келийского могильника одной из самых длинных сабель на Северном Кавказе (около 132 см).

Наконечник из погребения 22 (рис. 2,2).

Отождествление данного наконечника с погребением 22 основано на подписи к рисунку 209а, на котором изображена данная находка, но на чертеже погребения и в описании его инвентаря нет сведений о данном артефакте.

Погребение 22 представляет собой длинный (3,7 м) каменный ящик, содержащий последнее по времени подзахоронение ребенка (лежащего вытянуто, в анатомическом порядке) и кости еще 4 погребенных, собранных в три навала. Среди них кости только одного взрослого человека.

На плитах погребения 22 находилось погребение 21, которое, без сомнения, представляло собой переотложенные кости и инвентарь из этого каменного ящика.

Несмотря на то что на фотографиях, чертежах и в описании этого погребения не было наконечника копья, оно содержало атрибуты воинского погребения: два фрагмента железных предметов, интерпретируемых как крепления ножен сабли и фрагмент железной крупной пластины, похожий на фрагмент шлема. Данная интерпретация довольно условна ввиду отсутствия возможности ознакомиться с оригиналами, но это практически единственное свидетельство в пользу того, что в каменном ящике 22 находилось воинское погребение, позже перемещенное на перекрытие погребального сооружения и получившее обозначение как погребение 21.

Однако это не объясняет того, почему при расчистке обоих погребений наконечник копья не был зафиксирован и в дальнейшем включен в инвентарь погребения 22.

Наконечник копья (общая длина 43 см) имел очень длинное (32 см) граненое (ромбовидное в сечении, шириной 1,8 см) острие, переходящее с помощью коротких плечиков в узкую конусовидную втулку (длиной 11 см), расширяющуюся до 2,7 см. Ближе к нижнему концу втулки сохранился гвоздь с выпуклой шляпкой для фиксации наконечника на древке [Нарожный Е.И., 1989, с. 25, 26, рис. 209а,2].

Наконечник из неизвестного погребения (рис. 2,1).

Наконечник, как и копье из погребения 22, присутствует только на рисунке 209а, но в отличие от предыдущего артефакта не указан в подписи к рисунку. Ни в тексте отчета, ни в иллюстрациях сведений о нем обнаружить не удалось.

Тем не менее по факту своего наличия он должен быть проанализирован. К тому же он является самым крупным (длина 45 см) из наконечников с граненым (ромбовидным в сечении, шириной 1,4 см) острием (длина 37 см), которое плавно (плечики отсутствуют) переходит в цилиндрическо-коническую (слегка расширяющуюся до 2,4 см) втулку длиной 8 см. Копье фиксировалось на древке с помощью гвоздя, сохранившегося около нижнего окончания втулки, имеющего кольцевидное

навершие [Нарожный Е.И., 1989, с. 25, 26, рис. 209а,3].

Наконечник из погребения 32 (рис. 2,6).

Погребение представляло собой каменный ящик, состоящий из вертикально установленных плит, боковых и торцевых стенок и горизонтально уложенных на них плит перекрытия.

Могильное сооружение отличается от классического для этого памятника типа погребений своими размерами – удвоенной длиной боковых стенок (4 м), вытянутых по оси З – В, при стандартной ширине, варьирующейся от 0,8 м до 0,3 м. Это объясняется тем, что в погребении было обнаружено 4 погребенных, двое из которых лежали в вытянутом положении головами на З в западном и восточном концах погребения. Между ними находилось два переотложенных скопления костей, в одном из которых (в ногах у «западного» погребенного, судя по инвентарю – женщины) и находился наконечник копья длиной 24,6 см с узким граненым (ромбовидным в сечении) острием (длиной – 14,6 см, шириной – 1 см), переходящим в довольно длинную конусовидную втулку (длина – 10 см, ширина – 3,5 см) с узким, отогнутым по краю венчиком.

К этому же погребенному, видимо, относятся и 5 железных черешковых наконечников стрел [Мужухоев, 1988, с. 27–29, рис. 136, 151].

Наконечник из погребения 45 (рис. 1,8).

Погребение представляет собой «правильный» (длиной 2 м и шириной 0,8 м) каменный ящик, в котором, судя по инвентарю, была погребена женщина.

На плитах перекрытия были зафиксированы переотложенные разрозненные костные останки двух погребенных, которые, судя по разнообразному инвентарю (в том числе наконечнику копья), представляли собой мужское и женское погребения, находившиеся в этом каменном ящике до помещения туда последней погребенной (обнаруженной *in situ*).

Наконечник копья длиной 27 см имеет вытянуто-треугольное (плоское в сечении) перо (длиной 14 см и шириной 2,9 см) с закругленным (обломанным или сточенным) острием с выраженными плечиками, переходящими под тупым углом (около 45 градусов) в узкую, плавно расширяющуюся втулку (длиной 13 см и шириной 2,6 см).

К этому же мужскому погребению относились и другие, не менее интересные находки: 3 наконечника железных черешковых стрел, обломки щита и перекрестие сабли с опущенными концами [Мужухоев, 1988, с. 43–44, рис. 136, 213].

Наконечник из погребения 69 (рис. 2,3).

Погребение представляет собой классический каменный ящик (длиной 2,2 м и шириной 0,75 м, ориентированный по оси З – В), закрытый плитами перекрытия и содержащий останки двух погребенных. Первоначальное погребение, судя по инвентарю, было женским и сложено в виде навала костей в изголовье ящика. Потом в этот же ящик был подзахоронен мужчина, между берцовыми костями правой ноги которого и стенкой острием к ступням находился наконечник копья.

Наконечник копья длиной 33 см имел граненое острие (ромбовидной в сечении формы, шириной 1,1 см) с четко выраженными плечиками, переходящими в узкий конец конической втулки (длиной 11 см) и расширяющимися в конце до 3,6 см. Нижняя часть втулки усилена широким ободом, в котором находился гвоздь для фиксации наконечника на древке [Нарожный Е.И., 1989, с. 60, 61, рис. 209а,1, 210].

Наконечник из погребения 84 (рис. 1,6).

Погребение представляло собой переотложенный навал костей и погребального инвентаря, лежащего на плитах перекрытия классического каменного ящика (погребение 85).

Наконечник копья (общая длина 21 см) состоял из линзовидного в сечении пера длиной 9,6 см, подтреугольного в профиле (шириной 2,6 см), с покатыми плечами, переходящими в длинную (11,4 см), слегка расширяющуюся (ширина 2,6 см) втулку.

Помимо наконечника копья, на плитах перекрытия каменного ящика находился целый шлем, навершие, перекрестие (с опущенными шаровидными концами) и фрагмент клинка сабли, наконечники стрел (среди которых выделяется плоский в сечении с крестообразными вырезами) [Нарожный Е.И., 1989, с. 69, рис. 259–263].

Наконечник и втулка копий из погребения 99 (рис. 1,5).

Погребение представляет собой нижний ярус двухъярусного каменного ящика, когда

прямо на плитах перекрытия 99-го погребения возвели стенки нового, 97-го, с помощью вертикальных плит, перекрытых, в свою очередь, горизонтальными сверху.

В 99-м ящике погребено два человека, первый из которых, изначально погребенный в этом ящике, представлен навалом из костей, собранных в ногах (у восточной стенки), и сопровождается мужским инвентарем – втулкой от наконечника копья с основанием обломанного пера и наконечником стрелы.

Втулка цилиндрическо-конической формы (длина 9 см) слегка расширяется до 2,6 см. Хорошо просматривается сведенный шов. У нижнего края есть гвоздь, фиксировавший наконечник на древке. Сохранилось одно из плечиков пера.

Второй погребенный в 99-м каменном ящике, подзахороненный к первому, лежал вытянуто на спине. Длина костяка составляет 150 см. Возраст – 30–35 лет. Справа от него на уровне локтя острием к голове лежал наконечник копья.

Наконечник копья (длиной 26,5 см) состоит из пера (линзовидного в сечении) длиной 15 см и шириной 3,3 см, переходящего через очень короткие плечики в коническую втулку длиной 11,5 см и шириной 3 см. Размеры приводятся по описанию погребения и инвентаря, хотя следует уточнить, что в отчете приведены два чертежа одного и того же наконечника копья, отличающиеся друг от друга настолько, что могли быть приняты за разные экземпляры. В нашей работе мы используем более качественный и точный чертеж, изображенный на рис. 114а,4. От древка остался тлен длиной 0,82 м [Нарожный Е.И., 1989, с. 74–75, рис. 312, 313, 114а,4].

Наконечники двух копий из погребения 132 (рис. 1,2, 2,4).

Погребение представляет компактно переопложенные кости двух человек (судя по инвентарю, мужчины и женщины), изначально помещенные в нижележащий каменный ящик 133 и перемещенные над перекрытием этого ящика вследствие необходимости подзахоронения нового индивида.

Наконечник первого копья (длиной 39 см) имел уплощенное перо длиной 25 см, но с выраженным ребром жесткости (сечение пера линзовидное, ширина 3,4 см). Вытянуто-треуголь-

ный профиль пера дополняется короткими плечиками, переходящими под тупым углом в цилиндрическо-коническую втулку (длина 14 см, ширина 3 см).

Наконечник второго копья из этого погребения (длина 25 см) имел граненое острие длиной 13,8 см и шириной 1 см, переходящее через очень маленькие плечики в коническую втулку (длиной 11,2 см), расширяющуюся до 2,8 см.

Помимо наконечников копий, в этих же материалах содержался и другой воинский инвентарь: железный шлем, пять наконечников стрел и окончание (бутероль) ножен сабли [Нарожный Е.И., 1989, с. 74–75, рис. 417–420, рис. 114а,1, 114б,1].

Наконечник копья из погребения 183 (рис. 1,4).

Погребение представляет собой типичный каменный ящик, ориентированный по оси З – В и содержащий кости одного человека. При длине ящика в 180 см длина находящегося там костяка составляла 135 см. Возраст погребенного определяется в 18–20 лет.

Наконечник (длина 27,3 см) представляет собой небольшое по длине (10,2 см) и ширине (2,4 см) перо, уплощенно-ромбовидное в сечении с выраженным ребром жесткости, переходящее в длинную (17,1 см) втулку цилиндрическо-конической формы, расширяющуюся до 2,4 см. Во втулке остался фрагмент древка, а также сохранился деревянный тлен от древка копья длиной 0,6 м.

Этот наконечник изображен в отчете дважды, причем рисунки несколько отличаются. Один из вариантов уже был приведен в статье Е.И. Нарожного, Д.Ю. Чахкиева [Нарожный Е.И. и др., 2017]. В нашей работе мы приведем второй рисунок с рис. 114а,3, поскольку на этой же иллюстрации находятся и три других наконечника копья [Нарожный Е.И., 1989, с. 134–135, рис. 562–566, рис. 114а,1, 114б,1].

Наконечник копья из погребения 185 (рис. 2,7).

Погребение 185 представляет собой западную часть длинного каменного ящика (2,5 м), разделенного поперечным перекрытием на два погребения (185 и 186) и ориентированного по оси З – В. В погребении 185 нахо-

дился костяк подростка, лежавшего вытянуто на спине. Слева от черепа, острием к ногам, найден наконечник копья длиной 24,5 см с граненым, ромбовидным в сечении острием (длина 16,3 см, ширина 1,4), слегка утолщающимся в средней части и переходящим в короткую (8,2 см) коническую втулку с обломанным нижним краем (ширина 2,6 см) [Нарожный Е.И., 1989, с. 135–136, рис. 571, 574].

Наконечник копья из погребения 186 (рис. 2,5).

Ко второму (186-му) из этой же пары погребений относится еще один наконечник копья, изображенный на рис. 114б,2, но, к сожалению, информации о нем ни в описании инвентаря 186-го погребения, ни в иллюстрациях не содержится.

Само погребение 186, по мнению Е.И. Нарожного, было первым, после чего оно было достроено к западу и отделено от погребения 185 поперечной стенкой. Костяк погребенного из погребения 186 был смещен к востоку.

Сам наконечник длиной 24,7 см представляет собой узкое граненое острие длиной 11,6 см и шириной 1,5 см, переходящее через короткие плечики в широкую конусовидную втулку длиной 13,1, шириной 3,3 см.

В этом же погребении находилась сабля с деталями ножен [Нарожный Е.И., 1989, с. 136–137, рис. 571, 574, 114б,2].

Наконечник копья из погребения 198 (рис. 2,8).

Данный наконечник соотнесен с погребением 198 на основании подписи к рисунку 114б,3, но в описании и иллюстрациях как самого погребения, так и его инвентаря этот наконечник не упоминается. К тому же погребение представляет собой небольшой детский каменный ящик длиной всего 0,9 м.

Наконечник (длиной 22,6 см) представляет собой длинное (14,7 см), средней ширины (1,7 см), граненое, в форме уплощенного ромба, острие, переходящее через выраженные плечики (под углом в 45 градусов) в короткую коническую втулку длиной 7,9 см, обломанную по нижнему краю, ее восстанавливаемый диаметр – 2,1 см. Не смотря на то что это детское погребение, здесь фиксируется также обломок острия сабли [Нарожный Е.И., 1989, с. 145–146, рис. 616, 617, 114б,2].

Наконечник копья из погребения 225 (рис. 2,10).

Погребение представляло собой переотложенные кости двух индивидов и инвентарь из каменного ящика 226, находящегося под погребением 225.

Небольшой наконечник (длиной 17,8 см) с длинным (13,8 см), узким (1,2 см) и плавно сужающимся к концу граненым, ромбовидным в сечении, острием переходит через небольшие плечики в короткую (4 см) усеченно-конусовидную втулку шириной 1,5 см.

Кроме того, в погребении содержались 4 наконечника стрел и нож, предположительно переделанный из клинка сабли [Нарожный Е.И., 1989, с. 161–162, рис. 707–710].

Наконечник из погребения 226 (рис. 1,3).

Погребение – длинный (2,4 м) каменный ящик, содержащий костяк одного погребенного (длина костяка 165 см), лежащего вытянуто на спине. Справа, на уровне плечевой кости погребенного, лежал наконечник копья.

Сам наконечник (длиной 36,4 см) имел длинное (22,4 см), уплощенное и широкое (3,9 см) перо с ребром жесткости, переходящее через выраженные плечики в вытянуто-коническую втулку длиной 14 см и шириной 3,5 см. Тлен от древка прослеживался на длину 0,75 м.

В этом же погребении содержались остатки берестяного колчана с шестью наконечниками стрел [Нарожный Е.И., 1989, с. 162, рис. 714–718, 114б,2].

Наконечник из погребения 236 (рис. 1,7).

Погребение представляет собой каменный ящик длиной 2,2 м с погребением одного индивида, лежащего вытянуто на спине (длина костяка 1,6 м). Слева от погребенного, на уровне таза, обнаружен наконечник копья.

Сам наконечник небольшого размера (длина 19,2 см), имеющий треугольное в профиле (длиной 11,7 см и шириной 2,7 см), уплощенное, с ребром жесткости перо, острие которого закруглено, видимо, в результате стачивания. Перо имеет четко выраженные плечики, переходящие к усеченно-конической втулке длиной 7,5 см и шириной 2,1 см.

Необходимо отметить, что в иллюстрации к отчету с изображением копья допущена

ошибка в указании масштаба наконечника в два раза больше по сравнению с реальным размером [Нарожный Е.И., 1989, с. 166–167, рис. 736–739].

Наконечник копья и вток из погребения 243 (рис. 2,9,11).

Погребение 243 представляет собой небольшой (длиной 0,8 м) западный отсек каменного ящика общей длиной 2,1 м. В «отсеке» собраны переотложенные кости и инвентарь ранее погребенных индивидов (мужского и женского), смещенные и отгороженные от восточной части ящика в результате подзахоронения сюда нового погребенного.

Наконечник копья длиной 24 см имеет длинное (18,3 см) и узкое (1 см) граненое, ромбовидное в сечении, острое, погнутое на конце и переходящее без плечиков в короткую (5,7 см) коническую (ширина 1,9 см) втулку.

Вток представлял собой полуо цилиндрическо-коническую втулку длиной 10,6 см, усиленную на нижнем (шириной 2,8 см) конце широкой полосой железа, также дополнительно снабженную гвоздем для фиксации на деревянном древке [Нарожный Е.И., 1989, с. 172–173, рис. 753–755].

Необходимо отметить, что мы сознательно не публикуем в этой работе наконечники копий, обнаруженные в коллективных полуподземных усыпальницах данного могильника, в первую очередь по причине того, что их невозможно соотносить с определенными захоронениями ввиду коллективного характера склеповых погребений. Во-вторых, поскольку считаем, что население, хоронившее своих умерших в каменных ящиках, может являться инокультурным⁷ (в различных, в том числе самых широких толкованиях этого слова) по отношению к коренному горноингушскому населению, хоронившему своих мертвых в родовых коллективных склепах, расположенных здесь же. Это бы вынудило нас рассматривать данную категорию гораздо шире – с привлечением находок других склеповых могильников Горной Ингушетии и Чечни, что невозможно из-за ограниченности объема работы.

В данном контексте находки вооружения (в том числе копий) могут являться маркерами как другой погребальной обрядности, принадлежащей группе людей, оставившей мо-

гильник, образцами, демонстрирующими отличные от местной технику и технологии изготовления холодного оружия⁸, так и продемонстрировать принадлежность погребенных в каменных ящиках Келийского могильника к военной традиции, способам, методам и техникам применения вооружения, сформировавшихся в другой географической и исторической ситуации.

Это возможно на основе учета и анализа всех сведений не только о самом артефакте (исходя из морфологического и функционального анализа его формы), но и в сочетании последнего с другими предметами погребального инвентаря из комплекса наступательного и защитного вооружения, что дополнительно даст возможность реконструировать воинскую⁹ «специализацию» погребенных. В рамках изучения воинской «специализации» мы приводим и сведения о росте погребенных¹⁰. Это важно в тех случаях, когда был зафиксирован тлен от древка копья, в связи с небольшой длиной которого они были интерпретированы как дротики [Нарожный Е.И. и др., 2017]. Отмечая небольшие размеры наконечников и длины тлена от древка последних, мы оставляем вопрос открытым, заметив, что в данную подборку не попали небольшие втульчатые наконечники, интерпретируемые сейчас как боевая часть метательных дротиков, хотя во время написания отчета они определялись как наконечники стрел.

«Грунтовые» погребения во всех вышеприведенных случаях¹¹ являются переотложенными погребениями из нижерасположенных каменных ящиков. Перемещение костей и инвентаря, видимо, происходило, когда в уже существующее погребение необходимо было поместить другого человека, который, скорее всего, являлся близким родственником (членом малой семьи) первого погребенного.

Кости первоначально погребенного и сопровождающий его инвентарь могли оставаться и внутри ящика. Тогда они обычно просто сгребались в кучу и сдвигались к одной из торцевых стенок ящика, обычно к ногам. Если стандартной длины (около 2 м) ящика не хватало для того, чтобы уместить нового погребенного в освобожденное от костей пространство, то ящик мог достраиваться с одной из торцевых сторон.

В длинных ящиках, достигающих иногда удвоенной (до 4 м) длины, фиксируется до двух погребенных, лежащих вытянуто на спине по тандемной схеме с расположенными между ними и/или в концах ящика переотложенными костями и инвентарем еще нескольких (до 4) индивидов¹².

Замечено, что ящик не всегда достраивали в длину по причине примыкания к нему других погребений (видимо, из-за этого достраивание ящика в ширину также было невозможным). В этом случае истлевшие останки (и инвентарь) ранее умершего вынимались из погребения и после положения свежего трупа в могилу и закрывания его плитами перекрытия раскладывались на этих плитах, а иногда, после засыпания ящика землей, и несколько выше. Именно это привело к появлению «грунтовых» погребений, под которыми во всех случаях фиксировались каменные ящики. «Грунтовые» погребения во всех случаях оказались переотложенными «пакетами» костей и вещей, часто несколько разбросанных по всей площади погребальной ямы.

В нескольких случаях авторами раскопок были зафиксированы двухъярусные каменные ящики, когда прямо на плитах погребения устанавливались вертикальные плиты стенок, перекрытые впоследствии горизонтальными. В этом случае на обоих «этажах» располагались лежащие *in situ* вытянуто на спине костяки, которые могли сопровождаться переотложенными, сдвинутыми костяками других погребенных. Это было вызвано, по-видимому, теми же причинами, что и нахождение двух погребенных, лежащих «тандемно» в длинных каменных ящиках.

Вышеприведенная информация о погребениях в каменных ящиках Келийского могильника, содержащих наконечники копий, продолжает серию работ, посвященных древковому, клинковому и защитному вооружению золотоордынского населения Горной Ингушетии. Введение в научный оборот сведений о наконечниках копий XIII–XIV вв. подтверждает статус каменнаящечного могильника Кели как опорного для этой категории археологических объектов всего Северного Кавказа ввиду его исследованности в результате стационарных археологических раскопок. Не менее важно, что данный памятник отра-

жает непростую ситуацию, сложившуюся в горной части Северного Кавказа в XIII–XIV веках. Анализ и публикация результатов его раскопок в 1987–1988 гг. расширяет источниковую базу, стимулирующую к поиску новых решений, проливающих свет на белые пятна его истории.

Представленные выше наконечники копий логично разделить на два типа по форме пера.

Наконечники копий из погребений № 5, 45, 84, 99, 132, 183, 226, 236 имеют уплощенное перо. При этом большинство из них (5, 99, 132, 183, 226, 236) имеют и четкие ребра жесткости, хотя два наконечника из погребений № 45 и 84 имеют плоское перо, утончающееся к краю.

Копья с плоским пером можно разделить по форме профиля пера: № 5 имеет уникальную листовидную (эллипсовидную форму пера), в то время как все остальные наконечники с плоским пером, как с ребром жесткости, так и без него, а именно из погребений № 45, 84, 99, 132, 183, 226, 236, имеют треугольный профиль пера, когда наибольшая ширина острия достигается на уровне плечиков и оттуда постепенно сужается к острию.

К этому же типу плоских наконечников относятся и две втулки из погребений № 15 и 99, которые по вышеизложенным причинам, скорее всего, являются частью копий с уплощенным пером.

К типу наконечников копий с граненым острием относятся артефакты из погребений № 22, 32, 69, 132, 185, 186, 198, 225, 243, н/и (неизвестного погребения).

По пропорциям ромбовидного сечения можно разделить артефакты на тип наконечника с граненым острием, толщина и ширина которого примерно равна (№ 32, 69, 132, 186, 225, 243, н/и), и те, у которых ширина приблизительно в 2 раза больше толщины (№ 22, 185, 198).

С другой стороны, наконечники с ромбовидным сечением острия из погребений № 22, 32, 69, 132, 186, 198, 225 отличаются по наличию плечиков, оформляющих переход от острия к втулке и, скорее всего, свидетельствующих о наличии у них круглой в сечении монолитной шейки, отделяющей острие от втулки, в то время как у наконечников из погребений под неизвестным номером, 185, 243 нет ни плечиков, ни переходной шейки.

Все погребения в каменных ящиках Келийского могильника, благодаря многочисленному и выразительному материалу (в том числе нумизматическому), датируются XIII–XIV вв., что делает их сравнение с существующими типологиями наконечников копий Северного Кавказа не совсем корректным, так как типологии Д.Ю. Чахкиева, В.А. Каминского, У.Ю. Кочкарова и А.А. Сланова кроме того, что включают материалы продолжительного хронологического периода, еще и охватывают большую географию памятников, включающих не только погребения, но и бытовые памятники, святилища и случайные находки [Чахкиев, 2019; Каминский, 1992; Кочкаров, 2008; Сланов, 2007].

По этой причине (а главное – из-за ограниченности объема, доступного для публикации) определение места наконечников копий в существующих типологиях смежных территорий Северного Кавказа будет предметом отдельной статьи.

В типологии позднесредневековых копий (и дротиков), разработанной Д.Ю. Чахкиевым еще в 1986 г., имеется группа Б, тип 1, к которой относятся граненые наконечники из Кели [Чахкиев, 2019]. Но она составлена раньше раскопок Келийского могильника. Кроме того, эта группа включала всего 18 экземпляров (из которых только 9 были наконечниками копий и столько же наконечников дротиков), содержала находки, относящиеся к различным отрезкам позднего средневековья, не говоря уже о том, что по крайней мере одна находка из Ярыш-Марды имеет высокую вероятность отношения к раннему средневековью [Нарожный Е.И., 2003].

Уже введенные и вводимая (датируемая XIII–XIV вв.) в научный оборот коллекции наконечников копий Келийского могильника позволяют считать его опорным памятником для изучения наступательного и защитного вооружения Северного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-59-07002.

Search is prepared by support of RFFS grant 20-59-07002.

² Каменные ящики, вытянутые с востока на запад, содержали внутри как индивидуальные, так и коллективные погребения. Последние, как правило, представлены труположением *in situ*, рядом с которыми у восточной или у западной стенки ящика были сложены скелеты без определенной системы в виде близко расположенных друг к другу навалов костей (до 6 скоплений), хаотично сдвинутых вместе с погребальным инвентарем.

³ Обычно представляли собой нагромождения костных остатков от одного до нескольких, нередко неполных, скелетов с инвентарем и без него.

⁴ Специфической особенностью являлось то, что склепы эти устраивались под массивными валунами, вероятно скатывавшимися с вершины скалистого массива Цей-Лам, возвышающегося над округой, к его подножию, где и был обустроен Келийский могильник XIII–XIV веков.

⁵ Учитывая различные номера погребений из раскопок М.Б. Мужухоева и Е.И. Нарожного, в которых обнаружены копья, мы приводим их в общей последовательности, дополнительно указывая в тексте авторов материалов.

⁶ В том числе две втулки с обломанным пером.

⁷ Интерпретация этого факта вызывает дискуссии как среди авторов данной статьи, так и среди других исследователей, тем более что основой для представления об «инаковости» погребенных в Келийском каменнаящечном могильнике служит обильный погребальный инвентарь (помимо образцов вооружения), не вошедший в нашу публикацию ввиду ограниченности ее объема.

⁸ В дальнейшем мы попытаемся провести исследования сохранившихся образцов, в первую очередь металлографическими методами. К сожалению, большая часть находок пропала из Чечено-Ингушского краеведческого музея [Мамаев, Дачаев, 2017].

⁹ Специализация может быть обусловлена также имущественной и возрастной градацией.

¹⁰ Вернее, костяка, в том случае, когда он сохранился *in situ* в вытянутом положении и был зафиксирован в отчете.

¹¹ Скорее всего, данное заключение справедливо и для всего могильника в целом, который еще не проанализирован целиком ввиду больших объемов проведенных работ.

¹² Фиксация двух погребенных *in situ* (вытянуто на спине) внутри одного ящика, который для этого, видимо, удлинялся, могло происходить в результате одновременной смерти двух членов одной семьи, а также в том случае, когда тело ранее погребенного в каменном ящике не успевало потерять все органические соединительные ткани. На Келийском каменнаящечном могильнике не зафиксировано ни одного переотложенного погребения, сохранившего антропологическую целостность.

ПРИЛОЖЕНИЯ

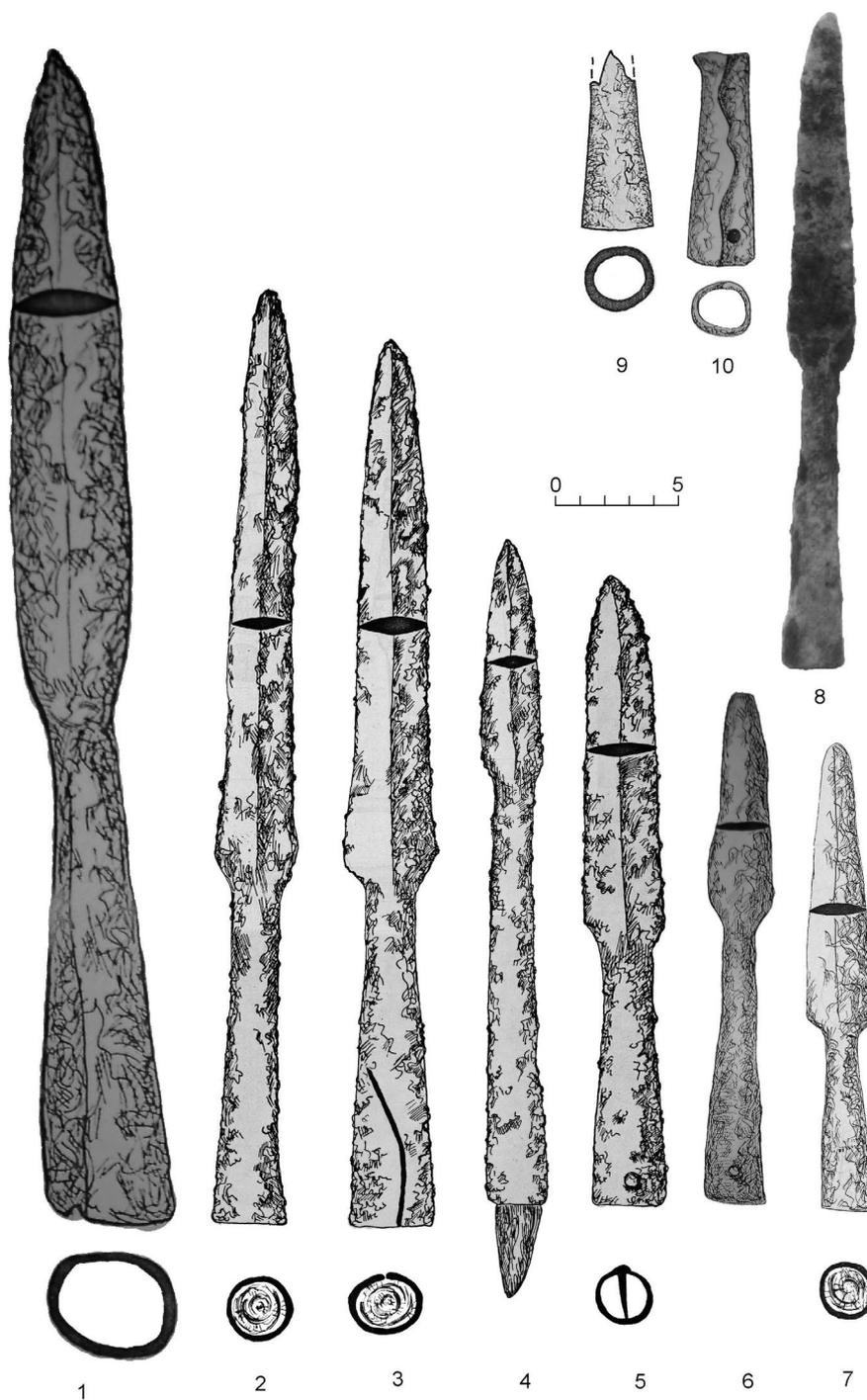

Рис. 1. Наконечники копий из погребений Келийского могильника XIII–XIV вв. Высокогорной Ингушетии (1–7, 9–10 по: [Нарожный Е.И., 1989], 8 – по: [Мужухоев, 1988]):

1 – погр. 5; 2 – погр. 132; 3 – погр. 226; 4 – погр. 183; 5, 10 – погр. 99; 6 – погр. 84; 7 – погр. 236; 8 – погр. 45; 9 – погр. 15

Fig. 1. Spearheads of the Keliysky burial ground of the 13th – 14th centuries AD from Highland Ingushetia (1–7, 9–10 after: [Narozhnyy E.I., 1989], 8 – after: [Muzhukhoev, 1988]):

1 – burial 5; 2 – burial 132; 3 – burial 226; 4 – burial 183; 5, 10 – burial 99; 6 – burial 84; 7 – burial 236; 8 – burial 45; 9 – burial 15

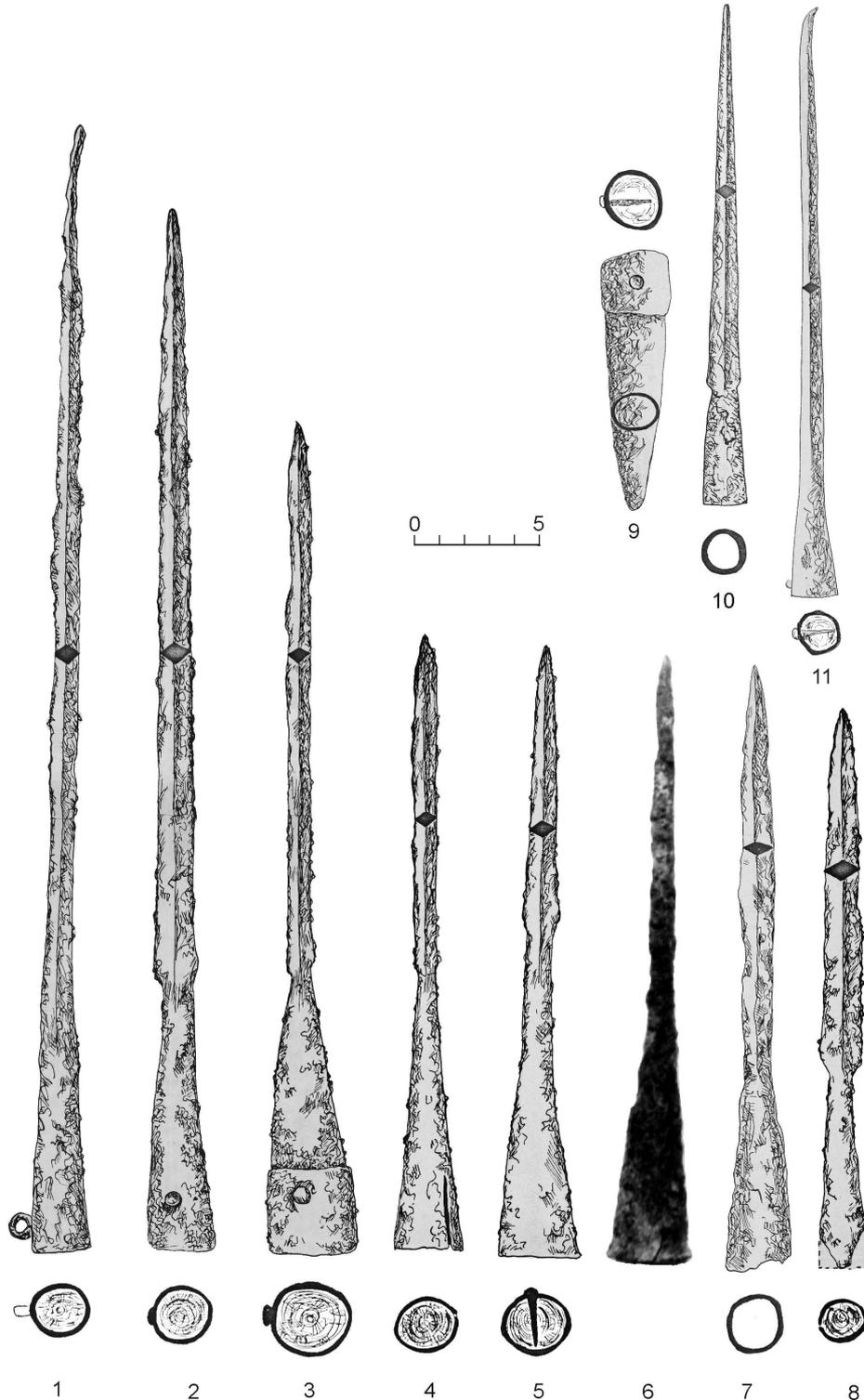

Рис. 2. Наконечники копий из погребений Келийского могильника XIII–XIV вв. из Высокогорной Ингушетии (1–5, 7–11 по: [Нарожный Е.И., 1989], 6 – по: [Мужухоев, 1988]):

1 – наконечник из неизвестного погребения; 2 – погр. 22; 3 – погр. 69; 4 – погр. 132; 5 – погр. 186; 6 – погр. 32; 7 – погр. 185; 8 – погр. 198; 9, 11 – погр. 243; 10 – погр. 225

Fig. 2. Spearheads of the Keliysky burial ground of the 13th – 14th centuries AD from Highland Ingushetia (1–5, 7–11 after: [Narozhny E.I., 1989], 6 – after: [Muzhukhoviev, 1988]):

1 – a spearhead from an unknown burial; 2 – burial 22; 3 – burial 69; 4 – burial 132; 5 – burial 186; 6 – burial 32; 7 – burial 185; 8 – burial 198; 9, 11 – burial 243; 10 – burial 225

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басов В. И., Нарожный Е. И., Тихонов М. И., 2003. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 2. Армавир : Центр археол. исслед. Армавир. гос. пед. ин-та. С. 105–111.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., 1988. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // *Научная конференция «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных)»*. Тбилиси : Мецниереба. С. 44–46.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., 1994. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // *Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар : КубГУ. С. 69–91.
- Каминский В. Н., 1992. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 21 с.
- Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М. : Таус. 170 с.
- Мамаев Р. Х., Дачаев И. С.-Х., 2017. Археологические фонды Национального музея Чеченской Республики (работа по восстановлению коллекций) // *Археология и история Юга России : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра ист. наук, проф. М.Х. Багаева*. Грозный : ЧГУ. С. 106–110.
- Мамаев Р. Х., Кочкаров У. Ю., 2020. О саблях Келийского могильника (Горная Ингушетия) // *Археологическое наследие Кавказа : актуальные проблемы изучения и сохранения*. XXXI «Крупновские чтения» : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию «Крупновских чтений» и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). Махачкала : Мавраевъ. С. 383–385.
- Мужухоев М. Б., 1988. Отчет первого отряда археологической экспедиции Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, социологии и филологии за 1987. Грозный. 52 с. // *Архив ИА РАН*. Ф-1. Р-1. № 14083-14084.
- Мужухоев М. Б., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю., 2017. Воинское погребение № 33 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // *Археология евразийских степей*. № 5. С. 171–179.
- Нарожный В. Е., 2004. Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 4. Армавир : АГПИ. С. 358–359.
- Нарожный В. Е., 2014. Население Горно-Ассинской котловины в XIII–XV веках : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 27 с.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., 2008. Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII–XIV вв. (Горная Ингушетия) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VIII : «Крупновские чтения». 1971–2006 гг. М. : Памятники ист. мысли. С. 942.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., 2009. Горная зона Восточного Придарьяля и золотоордынские владения (к изучению динамики взаимоотношений) // *Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : материалы IV Междунар. конф., посвящ. памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова* (г. Азов, 30 сентября – 3 октября 2008 г.). Вып. 10. Азов : АКМ. С. 373–387.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., 2011. Из истории археологического изучения Чечено-Ингушетии (1986–1992 гг.) // *Культурная жизнь Юга России*. № 3 (41). Краснодар : КГУКИ. С. 29–35.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., 2012. Захоронение № 84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // *Вестник Археологического центра им. Е.И. Крупнова*. Вып. IV. Назрань : ООО «КЕП». С. 182–196.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., 2021. О некоторых видах вооружения XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // *Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Магас: древний и современный»* (г. Магас, Республика Ингушетия, 12 апреля 2021 г.). Ростов н/Д : Юж. изд. дом. С. 51–63.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю., 2005. Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 5. Армавир : РИЦ АГПИ. С. 291–304.
- Нарожный Е. И., 1989. Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановского района ЧИАССР) в 1987 году. Грозный. 206 с. // *Архив ИА РАН*. Ф-1. Р-1. № 13181–13184.
- Нарожный Е. И., 2003. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком (Чечня и Северная Осетия) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 2. Армавир : РИЦ АГПИ. С. 112–125.

- Нарожный Е. И., Мамаев Р. Х., 2018. Хоздоговорная археологическая лаборатория ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (1986–1992 гг.) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» (25–26 сентября 2018 г., г. Грозный). Грозный : ЧГУ. С. 270–283.
- Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А., 1990. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во. С. 39–79.
- Нарожный Е. И., Нарожный В. Е., Чахкиев Д. Ю., 2017. Погребения «копейщиков» Келийского могильника в высокогорной Ингушетии // Археология евразийских степей. № 5. Казань : Акад. наук Респ. Татарстан. С. 161–170.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б., 2011. Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Б.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум : АБИГИ. С. 190–194.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б., 2012. Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань : ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. С. 66–73.
- Сланов А. А., 2007. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ : СОИГСИ. 400 с.
- Чахкиев Д. Ю., 1986. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII–XVIII вв.): археолого-этнографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 17 с.
- Чахкиев Д. Ю., 1987. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во. С. 67–77.
- Чахкиев Д. Ю., 2019. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII–XVIII вв.). Магас : Юж. изд. дом. 378 с.

REFERENCES

- Basov V.I., Narozhny E.I., Tihonov M.I., 2003. O dvuh tipah nakonechnikov kopiy s territorii Severnogo Kavkaza [About Two Types of Spearheads from the Territory of North Caucasus]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus], iss. 2. Armavir, The Center for Archaeological Research of the Armavir State Pedagogical Institute, pp. 105–111.
- Vinogradov V.B., Narozhny E.I., 1988. Monetnye chekany zakavkazskikh gorodov v severokavkazskikh drevnostyakh XIII–XIV vv. [Coinage of Transcaucasian Cities in North Caucasian Antiquities of the XIII–XIV Centuries]. *Nauchnaya konferentsiya «Srednevekovye goroda i gorodskaya zhizn' Kavkaza (v svete arheologicheskikh dannykh)»* [Scientific Conference “Medieval Cities and Urban Life of the Caucasus (in the Light of Archaeological Evidence)”]. Tbilisi, Metsniereba Publ., pp. 44–46.
- Vinogradov V.B., Narozhny E.I., 1994. Pogrebeniya Keliyskogo mogilnika (gornaya Ingushetiya) [Burials of the Keliyskiy Cemetery (Mountain Ingushetia)]. *Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar, KubSU, pp. 69–91.
- Kaminskiy V.N., 1992. *Vooruzhenie plemen alanskoy kul'tury Severnogo Kavkaza I–XIII vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Armament of the Tribes of the Alanian Culture of the North Caucasus of the I–XIII Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. St. Petersburg. 21 p.
- Kochkarov U. Yu., 2008. *Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya)* [The Arm of the North-West Ciscaucasia Warriors in VIII–XIV (Close-In Fighting Weapons)]. Moscow, Taus Publ. 170 p.
- Mamaev R.Kh., Dachaev I.S., 2017. Arheologicheskie fondy Natsionalnogo muzeya Chechenskoy Respubliki (rabota po vosstanovleniyu kollektzii) [Archaeological Funds of the National Museum of the Chechen Republic (Work on the Restoration of Collections)]. *Arkheologiya i istoriya Yuga Rossii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashennoy 75-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora M.H. Bagaeva* [Archaeology and History of the South of Russia. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor M.H. Bagaev]. Groznyy, ChSU, pp. 106–110.
- Mamaev R.Kh., Kochkarov U. Yu., 2020. O sablyah Keliyskogo mogilnika (Gornaya Ingushetia) [About Sabers of Keliyskiy Cemetery (Mountain Ingushetia)]. *Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktualnie problemy*

- izucheniya i sohraneniya. XXXI «Krupnovskie chtenia»: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashenoy 50-letiu «Krupnovskih chteniy» i 50-letiu Derbentskoy archeologicheskoy ekspeditsii (Makhachkala, 20–25 aprelya 2020 g.)* [Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Problems of Study and Preservation. The XXXIst Krupnov's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov's Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition (Makhachkala, April 20–25, 2020)]. Makhachkala, Mavraev Publ., pp. 383-385.
- Muzhukhoviev M.B., 1988. *Otchet pervogo otryada arheologicheskoy ekspeditsii Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, sotsiologii i filologii za 1987* [Report of the First Detachment of the Archaeological Expedition of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Sociology and Philology for 1987]. 52 p. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 14083-14084.
- Muzhukhoviev M.B., Narozhny E.I., Chahkiev D. Yu., 2017. Voinskoe pogrebenie № 33 Keliskogo mogilnika (Gornaya Ingushetiya) [Military Burial No.33 from Keliya Burial Ground (Mountain Ingushetiya)]. *Arheologiya evraziyskih stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 5, pp. 171-179.
- Narozhny V.E., 2004. Keliyskie sklepy gornoy Ingushetii: nekotorye aspekty izucheniya (po materialam raskopok 1987–1988 gg.) [Keli's crypts of Mountain Ingushetiya: Some Aspects of Studying (Based on the Materials of Excavations in 1987–1988)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on archaeology of North Caucasus], iss. 4. Armavir, ASPI, pp. 358-359.
- Narozhny V.E., 2014. *Naselenie Gorno-Assinovskoy kotloviny v XIII–XV vekah: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Population of Mountain-Assa Valley in XIII–XV Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Vladikavkaz. 27 p.
- Narozhny V.E., Narozhny E.I., 2008. Ob alanskom etnokomponente Keliyskogo mogilnika XIII–XIV vv. (Gornaya Ingushetiya) [About Alan's Ethnokomponent of Keliyskiy Cemetery XIII – XIV cc. (Mountain Ingushetiya)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-culturnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Materials of Studying Historical-Archaeological Heritage of North Caucasus], iss. VIII: «Krupnov's Reading». 1971–2006. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., p. 942.
- Narozhny V.E., Narozhny E.I., 2009. Gornaya zona Vostochnogo Pridarialya i zolotordinskie vladeniya (k izucheniyu dinamiki vzaimootnosheniy) [Mountain zone of Eastern Pridariale and Golden Horde's Territory (to the Study of Dynamic of Relations)]. *Donskie drevnosti. Dialog gorodskoy i stepnoy kultur na evraziyskom prostranstve: materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashenoy pamyati prof. MGU Fedorova-Davydova (g. Azov, 30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2008 g.)* [Don Antiquities. Dialog of Urban and Nomadic Culture on Eurasian Territory. Materials of IV International Conference, Dedicated to the Memory of prof. MSU G.A. Fedorov-Davydov (Azov, September, 30 – October, 3, 2008)], iss. 10. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 373-387.
- Narozhny V.E., Narozhny E.I., 2011. Iz istorii arheologicheskogo izucheniya Checheno-Ingushetii (1986–1992) [From the History of the Archaeological Study of Chechen-Ingushetiya (1986–1992)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], no. 3 (41). Krasnodar, KSUCA, pp. 29-35.
- Narozhny V.E., Narozhny E.I., 2012. Zahoronenie № 84 Keliyskogo mogil'nika (vysokogornaya Ingushetiya) [Burial No. 84 of the Keliyskiy Cemetery (Highland Ingushetiya)]. *Vestnik Arheologicheskogo tsentra im. E.I. Krupnova* [Bulletin of the Archaeological Center Named after E.I. Krupnov], iss. IV. Nazran, OOO «KEP» Publ., pp. 182-196.
- Narozhny V.E., Narozhny E.I., 2021. O nekotorykh vidah vooruzheniya XIII–XIV vv. iz vysokogornoy Ingushetii [About Some Types of Weapons of the XIII–XIV Centuries from High-mountain Ingushetiya]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Magas: drevniy i sovremenniy» (g. Magas, Respublika Ingushetiya, 12 aprelya 2021 g.)* [Materials of the International Scientific and Practical Conference “Magas: Ancient and Modern”] (Magas, Republic of Ingushetiya, April 12, 2021). Rostov-on-Don, Yuzhnyy izdatel'skiy dom Publ., pp. 51-63.
- Narozhny V.E., Narozhny E.I., Chahkiev D. Yu., 2005. Pogrebenie № 15 Keliyskogo mogilnika (Gornaya Ingushetiya) [Burial № 15 of the Keliyskiy Cemetery (Mountain Ingushetiya)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on Archaeology of the North Caucasus], iss. 5. Armavir, RIC ASPI, pp. 291-304.
- Narozhny E.I., 1989. *Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh issledovaniyakh Keliyskogo mogil'nika (Nazranovskogo rayona ChIASSR) v 1987 godu* [Report on the Protective Archaeological Research of the Keliyskiy Burial Ground (Nazranovsky district of CHIASSR) in 1987]. Grozny. 206 p. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 13181-13184.

- Narozhny E.I., 2003. O shlemah iz sel. Yarysh-Mardy i svyatilishcha Rekom (Chechnya i Severnaya Osetiya) [About Helmets from village Yarysh-Mardy and the Sanctuaries Rekom (Chechnya and North Ossetia)]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on archaeology of the North Caucasus], iss. 2. Armavir, RIC ASPI, pp. 112-125.
- Narozhny E.I., Mamaev R.Rh., 2018. Hozdogovornaya arheologicheskaya laboratoriya ChIGU im. L.N. Tolstogo (1986–1992 gg.) [Self-Supporting Contractual Archeological Laboratory of Chechen-Ingush State University of L.N. Tolstoy (1986–1992)]. *Kavkazskiy mir: problemy obrazovaniya, yazyka, literatury, istorii i religii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu FGBOU VO «Chechenskiy gosudarstvennyy universitet» (25–26 sentyabrya 2018 g., g. Groznyy)* [Caucasian World: Problems of Education, Language, Literature, History and Religion. International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Chechen State University (September 25–26, 2018, Grozny)]. Grozny, ChSU, pp. 270-283.
- Narozhny E.I., Mamaev Kh.M., Chakhkiev D.Yu., Dautova R.A., 1990. Polupodzemnye sklepy Keliyskogo mogil'nika (po materialam ohrannykh arheologicheskikh issledovaniy 1987 goda v gornoy Ingushetii) [Semi-Underground Crypts of the Keliyskiy Cemetery (Based on the Materials of Protective Archeological Research in 1987 in Mountainous Ingushetia)]. *Arheologicheskie otkrytiya na novostroykah Checheno-Ingushetii* [Archaeological Discoveries on New Constructions of Chechen-Ingushetia]. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 39-79.
- Narozhny E.I., Narozhny V.E., Chakhkiev D.Yu., 2017. Pogrebeniya «kopeyshchikov» Keliyskogo mogil'nika v vysokogornoy Ingushetii [Burials of 'Spearmen' from Keliya Burial Ground High-mountain Ingushetia]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 5. Kazan, Academy of Science of Republic of Tatarstan, pp. 161-170.
- Narozhny E.I., Narozhnaya F.B., 2011. Srednevekovye monety iz vysokogornoy Ingushetii [Medieval Coins from Highland Ingushetia]. *Problemy arheologii Severnogo Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy nauchnoy konferentsii, posvashennoy 70-tiletiu V.B. Voronova (10–11 maya 2011 g., g. Sukhum)* [Issues of Archaeology of North Caucasus. Materials of International Scientific Conference, Dedicated to 70th of B.N. Voronov (May 10–11, 2011, Sukhum)]. Sukhum, AIGS, pp. 190-194.
- Narozhny E.I., Narozhnaya F.B., 2012. Numizmaticheskie materialy XIII–XIV iz Gornoy Ingushetii [Numismatic Materials XIII–XIV cc. from Highland Ingushetia]. *Numismatica Zolotoy Ordy* [Numismatic of Golden Horde], iss. 2. Kazan, Institute of History named after S. Mardjani Academy of Science of Republic of Tatarstan, pp. 66-73.
- Slanov A.A., 2007. *Voennoe delo alan I–XV vv.* [Military Affairs of the Alan I–XV Centuries]. Vladikavkaz, SOIHSR. 400 p.
- Chakhkiev D. Yu., 1986. *Oruzhie i voprosy voennogo iskusstva pozdnesrednevekovykh vaynahov (XIII–XVIII vv.): arheologo-etnograficheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Weapons and Issues of Military Art of the Late Medieval Vainahs (XIII–XVIII centuries) (Archaeological and Ethnographic Research). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 17 p.
- Chakhkiev D. Yu., 1987. Kop'ya i drotiki u pozdnesrednevekovykh vaynahov [Spears and Javelins from the Late Medieval Vainahs]. *Novye materialy po arheologii i etnografii Checheno-Ingushetii* [New Materials on Archaeology and Ethnography of Chechen-Ingushetia]. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 67-77.
- Chakhkiev D. Yu., 2019. *Oruzhie i voprosy voennogo iskusstva pozdnesrednevekovykh ingushey i chechencev (XIII–XVIII vv.)* [Weapons and Issues of Military Art of the Late Medieval Ingush and Chechens (XIII–XVIII Centuries)]. Magas, Yuzhnyy izdatel'skiy dom Publ. 378 p.

Information About the Authors

Robert H. Gagloiti, Candidate of Sciences (History), Director, South-Ossetian Scientific Research Institute named after Z.N. Vaneev, Prosp. Alana Dzhioeva, 3, 100001 Tskhinval, South Ossetia, berd-07-gagloev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8834-8228>

Umar U. Kochkarov, Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific Archive, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, umar_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9552-279X>

Rashid Kh. Mamaev, Assistant, Department of History of Ancient World and Middle Ages, Chechen State University, A. Sheripova St, 32, 364024 Grozny, Russian Federation, borz85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6498-262X>

Vitaliy E. Narozhnyi, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, Armavir, Russian Federation, vitanar21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5320-2245>

Evgeniy I. Narozhnyi, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Lenina St, 29, 369202 Karachayevsk, Russian Federation, zai_ein@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4628-4382>

Информация об авторах

Роберт Хазбиевич Гаглоиты, кандидат исторических наук, директор, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, просп. Алана Джиоева, 3, 100001 г. Цхинвал, Республика Южная Осетия, berd-07-gagloev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8834-8228>

Умар Юсуфович Кочкаров, кандидат исторических наук, заведующий научным архивом, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, umar_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9552-279X>

Рашид Хамидович Мамаев, ассистент кафедры истории Древнего мира и средних веков, Чеченский государственный университет, ул. А. Шерипова, 32, 364024 г. Грозный, Российская Федерация, borz85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6498-262X>

Виталий Евгеньевич Нарожный, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Армавир, Российская Федерация, vitanar21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5320-2245>

Евгений Иванович Нарожный, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, ул. Ленина, 29, 369202 г. Карачаевск, Российская Федерация, zai_ein@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4628-4382>

www.volsu.ru

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.9>

UDC 930.26(470+571):903.5
LBC 63.48(2)-427.1

Submitted: 03.09.2021
Accepted: 30.10.2021

EARLY SARMATIAN BURIALS FROM THE CHECHEN REPUBLIC TERRITORY¹

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir I. Moiseev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. In 2018, Kurgan 2 of Gvardeyskiye 3 Kurgany (the 3rd Gvardeiskiy Kurgans) in the Nadterechny District of the Chechen Republic was studied. In the result, nine burials were found in the Kurgan which was created during the Early Bronze Age and continued to be used in the course of the Middle and Late Bronze Age. However, the three most recent burials date back to the Early Iron Age period. The burials were localized inside the existing embankment and formed a compact group. In two cases, the burial type was not identified; nevertheless in one case, the burial was constructed in a catacomb. The grave goods are mainly presented by ceramic vessels from the workshops of the sedentary population from the foothill area of Central and Eastern North Caucasus regions. The conclusion was made that the investigated Kurgans were left by the nomadic North Caucasian steppes population of the 3rd–1st centuries BC due to the feature analysis of the Early Iron Age burial complexes.

Key words: nomads, North Caucasian steppes, North Caucasus, Chechen Republic, burial mound, Gvardeyskiye 3 Kurgany (the 3rd Gvardeiskiy Kurgans), Early Sarmatian period, 3rd–1st centuries BC.

Citation. Krivosheev M.V., Moiseev V.I., 2021. Pogrebeniya rannesarmatskogo vremeni s territorii Chechenskoj Respubliki [Early Sarmatian Burials from the Chechen Republic Territory]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 186-195. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.9>

УДК 930.26(470+571):903.5
ББК 63.48(2)-427.1

Дата поступления статьи: 03.09.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Иванович Моисеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В 2018 г. в Надтеречном районе Чеченской Республики был исследован курган 2 могильника «Гвардейские 3-и курганы». В кургане обнаружено 9 погребений. Курган был создан в эпоху ранней бронзы и продолжал использоваться в эпоху средней и поздней бронзы. Три наиболее поздних захоронения

относятся к эпохе раннего железного века. Погребения были впущены в существовавшую насыпь и образовывали компактную группу. В двух случаях тип могил не определялся, в одном – захоронение совершено в катакомбе. Могильный инвентарь представлен в основном керамическими сосудами из мастерских оседлого населения предгорной полосы центральных и восточных районов Северного Кавказа. Анализ особенностей погребальных комплексов раннего железного века в исследуемом кургане позволяет говорить о том, что они оставлены кочевническим населением северокавказских степей III–I вв. до н.э.

Ключевые слова: кочевники, северокавказские степи, Северный Кавказ, Чеченская Республика, курганный могильник, «Гвардейские 3-и курганы», раннесарматское время, III–I вв. до н.э.

Цитирование. Кривошеев М. В., Моисеев В. И., 2021. Погребения раннесарматского времени с территории Чеченской Республики // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 186–195. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.9>

В июне – июле 2018 г. в Надтеречном районе Чеченской Республики археологической экспедицией ООО «Научно-производственный центр “ДАРС”» в зоне проектируемого строительства магистрального газопровода Моздок – Грозный под руководством М.В. Кривошеева были проведены аварийно-спасательные раскопки кургана № 2 на курганном могильнике «Гвардейские 3-и курганы».

Могильник располагался на пахотных полях в 3,7 км к юго-востоку от юго-восточной окраины с. Братское и в 4,4 км к югу от с. Гвардейское (рис. 1). Диаметр кургана составлял 47 м, современная высота – 0,7 м.

В процессе раскопок было выявлено, что курган был возведен в эпоху ранней бронзы с применением сложных архитектурных решений и продолжал использоваться в эпоху средней и поздней бронзы [Кривошеев, Клещенко, 2020]. В кургане были обнаружены 9 погребений. Наиболее поздние захоронения в кургане (погр. № 1, 2, 7) были совершены в раннем железном веке. О них и пойдет речь в статье.

В XX в. курган попал в зону сельскохозяйственного освоения и был спланирован до современной высоты. Реконструируемая высота первичной насыпи, созданной в эпоху бронзы, могла превышать 2 м [Кривошеев, Клещенко, 2020, с. 119].

Впускные погребения раннего железного века находились к северо-востоку от центра кургана в непосредственной близости, не нарушая друг друга (рис. 2,1).

Погребение № 1 находилось в насыпи кургана, под пахотным слоем, на расстоянии 8,15 м к ССВ (25°) от ЦР. Форма и размеры могильной ямы не прослеживались. Дно ямы

ровное, зафиксировано по уровню залегания скелета. На дне ямы был обнаружен скелет женщины 35–45 лет², уложенный вытянуто на спине, головой на СЗ. Руки погребенной были согнуты в локтях под прямым углом; правая кисть лежала на животе, левая – на уровне грудины. Ноги вытянуты, сведены в коленях и стопах (рис. 2,2).

На дне ямы, слева от черепа, на расстоянии 0,3 м был обнаружен развал сосуда с ручкой (рис. 2,3) и невысоким, слегка отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и слабоогнутым дном. Снаружи венчик оформлен в виде невысокого валика. Петлевидная, подтрапециевидная в сечении ручка крепится к средней части тулова. Плечики маркирует орнаментальный поясик из трех горизонтальных несмыкающихся желобков. Тулово декорировано пучками вертикальных каннелюр (по три линии в каждом пучке). На тулове, а также на фрагменте венчика имеются просверленные отверстия (следы ремонта). Наружная поверхность кувшина темно-серого цвета с коричневатыми пятнами, заглажена, со следами лощения. Глина в изломе серого цвета, с добавками светлого песка. Сосуд сформован на медленном гончарном круге. Обжиг восстановительный. Высота – 14,1 см. Диаметр тулова – 18,3 см. Диаметр дна – 9,6 см.

У правого локтя погребенной находился фрагмент небольшого железного однолезвийного ножа с черенком (рис. 2,4). Длина ножа – 4,85 см. Длина черенка – до 1,8 см.

Под ножом, на дне, лежал кусок мелкозернистого необработанного камня с прямыми гранями, без следов обработки. Размеры: 5,3 × 4,1 × 3,7 см.

Погребение № 2 зафиксировано в насыпи кургана, под пахотным слоем, на расстоянии 7,6 м к СВ (36°) от ЦР. Форма и размеры могильной ямы не прослеживались. Дно ямы ровное. На дне обнаружен скелет женщины (?) 45–55 лет, уложенный вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Череп раздавлен и завален направо. Руки согнуты в локтях. Кисть правой руки располагалась на поясничном отделе позвоночника. Левая рука согнута под острым углом, кисть на лопатке. Кости стоп нарушены землероями, но, видимо, были разведены в стороны (рис. 3,1).

На дне ямы, с правой стороны от погребенной, вдоль правой ноги и до середины правого плеча, а также под костяком зафиксирована прослойка органического тлена темно-серого цвета.

В районе левого запястья и на левой стороне груди погребенной обнаружен мелкий бисер плохой сохранности (рис. 3,2). Бисер также зафиксирован в районе поясничного отдела позвоночника и правого запястья. Бисер округлой формы из бесцветного прозрачного (?) стекла (24 шт.).

На позвонках грудного отдела обнаружены фрагменты бронзового, сильно корродированного пластинчатого предмета. Длина – 3,4 см, толщина – 0,2 см (рис. 3,3).

С внешней стороны левого локтевого сустава, на дне погребения, обнаружено бронзовое кольцо из тонкой проволоки в 1,5 оборота (рис. 3,5). Изготовлено из круглой в сечении проволоки; один край заостренный. Размеры: 2,5 × 2,3 см.

С внешней стороны правого локтевого сустава, на дне, зафиксированы крупные деревянные угольки, уложенные в ряд длиной 5 см, вероятно от одного предмета.

В ногах погребенной, слева на дне, стояла крупная сероглиняная миска с загнутым внутрь бортиком, переходящим в низкий, слегка отогнутый венчик. Дно плоское (рис. 3,6). Стенки украшены орнаментальным пояском из вертикальных линий. Тесто рыхлое (расслаивается), с добавками большого количества песка. Обжиг восстановительный, слабый (фрагменты разрушаются под воздействием воды). Миска сформована на медленном гончарном круге. Высота – около 9,5 см. Диаметр венчика – около 30 см. Диаметр дна – около 8,5 см.

В миске лежали кости молодого барана: 2 части ребер в сочленении и кости передней ноги с лопаткой в сочленении.

Здесь же в миске обнаружен железный однолезвийный нож с горбатой спинкой и черенком (рис. 3,4). Длина – 7,4 см. Ширина клинка максимальная – 1,7 см.

Рядом с миской стоял крупный фрагментированный сосуд, сформованный на медленном гончарном круге (рис. 3,7). Глина в изломе светло-коричневого цвета с добавками песка. Обжиг восстановительный. Высота сохранившаяся – 17,3 см. Диаметр дна – 12 см, диаметр тулова – 21,2 см.

В районе стоп на дне ямы обнаружен кусок мелкозернистого рыхлого песчаника бледно-желтого цвета, неправильной формы, без следов обработки. Размеры: 6,1 × 5 × 2,7 см.

Погребение № 7 обнаружено в северо-восточном секторе кургана на расстоянии 8,35 м к СВ (45°) от ЦР. Погребение совершено в катакомбе, ориентированной длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ. Входная яма и камера расположены по одной оси. Входная яма была расположена в ВСВ части камеры и, вероятно, представляла собой вертикальную шахту шириной 0,8 м, длиной до 0,5 м, глубиной – 1,58 м. Дно входной ямы ровное.

В ЗЮЗ стенке входной ямы находился вход в прямоугольную камеру. Дно входной ямы плавно переходит в дно камеры и понижается к ЗЮЗ стенке до глубины – 1,82 м.

Длина входной ямы – 0,5 м, длина камеры – 1,64 м, ширина – 0,8 м. Реконструируемая высота свода в средней части камеры могла достигать 0,56 м.

На дне камеры по центральной оси вытянуто на спине лежал скелет женщины старше 55 лет, головой к ЗЮЗ. Руки согнуты в локтях; левая кисть – на груди, правая – на поясе. Ноги вытянуты (рис. 3,8).

В районе шейных и грудных позвонков обнаружены 4 бусины (рис. 3,9):

- а) эллипсоидная бусина из оранжевого прозрачного сердолика;
- б) фигурная подвеска из черного гагата с уплощенной петелькой и округлой нижней частью;
- в) округлая бусина из бесцветного прозрачного стекла;

г) небольшая эллипсоидная бусина из темно-серого, почти черного стекла.

На правом запястье обнаружен мелкий бисер (8 шт.) (рис. 3,10):

а) эллипсоидной формы из черного гагата (6 шт.);

б) цилиндрической формы из черного гагата;

в) эллипсоидной формы из светло-коричневого полупрозрачного стекла.

На левом запястье обнаружен мелкий бисер (8 шт.) (рис. 3,11):

а) эллипсоидной (5 шт.) и цилиндрической (2 шт.) формы из черного гагата;

б) округлой формы из синего полупрозрачного стекла.

На дне входной ямы у северной стенки стоял сероглиняный кувшин без выделенного венчика, с прогнутым в средней части горлом, шарообразным туловом и слабоогнутым дном (рис. 3,13). Плечики маркирует поясok из трех несмыкающихся узких желобков. Тулово декорировано пучками вертикальных каннелюр (по три линии в каждом пучке). Ручка находится на плечиках и крепится верхним прилепом с помощью штифта через отверстие в стенке (изнутри замазано). Наружная поверхность черного цвета с коричневыми пятнами, заглажена, со следами лощения. Глина в изломе коричневого цвета, с добавками песка. Сосуд сформован на медленном гончарном круге. Обжиг восстановительный. Высота – 21 см. Диаметр венчика – около 10 см. Диаметр горла – 9,1 см. Диаметр тулова – 19,7 см. Диаметр дна – 11 см.

В районе голеней погребенного обнаружены бусы (17 шт.) (рис. 3,12):

а) небольшие эллипсоидной формы из черного гагата (2 шт. и 1 фрагмент);

б) эллипсоидной формы из светло-коричневого полупрозрачного стекла (1 шт.);

в) округлой формы из зеленого полупрозрачного стекла (1 шт.);

г) округлой и неправильной цилиндрической формы небольшие бусы из синего полупрозрачного стекла (4 шт.);

д) небольшие округлой формы из синезеленого полупрозрачного стекла (4 шт.);

е) небольшие округлой формы из черного (?) непрозрачного (?) стекла (4 шт.).

По всей площади дна камеры катакомбы, в том числе под костяком, зафиксирована подстилка органического тлена (кора).

Под костями черепа, грудной клетки, таза и коленями, под слоем древесного тлена обнаружен слой белесого тлена.

Планиграфия кургана № 2 курганного могильника «Гвардейские 3-и курганы», анализ погребального обряда и инвентаря позволяет отнести погребения 1, 2 и 7 к единому хронологическому горизонту и связать их с кочевым населением северокавказских степей раннесарматского времени.

Взаиморасположение могил может указывать на оставление их одной близкородственной группой: захоронения впускались в насыпь кургана в непосредственной близости, не нарушая друг друга (рис. 2,1). Погребения 1 и 2 имеют одинаковый уровень залегания. Погребение 7 демонстрирует иную конструкцию погребального сооружения, однако близкое расположение к погребениям 1 и 2 указывает на их связь. Данный участок кургана можно расценивать как комплекс близкородственных захоронений, родовых кладбищ, что характерно в первую очередь для кочевников раннесарматского времени волго-донских степей [Клепиков, 2002, с. 105], но встречается и в курганах Северо-Кавказского региона.

М.П. Абрамова, анализируя подкурганые погребения III–I вв. до н.э., отмечала наличие катакомб типа II и погребений в грунтовых ямах в погребальном обряде данного периода [Абрамова, 1993, с. 33–38]. Сочетание катакомб и погребений в грунтовых ямах в это время отмечает и Ю.А. Прокопенко [Прокопенко, 2014а, с. 111].

Вследствие того, что данные захоронения в кургане № 2 могильника «Гвардейские 3-и курганы» были впущены в насыпь более раннего времени, определить форму погребального сооружения удалось только для погребения 7 (рис. 3,8). М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев относят подобные конструкции к типу VI₃, для которого характерны округлой формы входные ямы, примыкающие к торцевой стенке камеры [Мошкова, Малашев, 1999, с. 174–176, с. 208, рис. 1]. По современному мнению В.Ю. Малашева, данная конструкция катакомбы является отклонением от стандарта катакомб типа II³. Для северокавказских степей

аналогичные катакомбы получают распространение в III–I вв. до н.э. [Прокопенко, 2014б, рис. 51,1,21, 52,1,9, 52А,1]. Характерной чертой катакомб данного типа является наклон дна могилы к дальней стенке [Прокопенко, 2014б, рис. 50,1, 51,21, 52А,1, 53,1].

Вытянутое положение костяков, положение рук на груди или животе в погребениях сарматского времени кургана 2 могильника «Гвардейские 3-и курганы» и ориентировка погребенных в западный сектор с отклонениями – все это является распространенными признаками захоронений Северо-Кавказского региона этого периода [Абрамова, 1993, с. 35; Прокопенко, 2014а, с. 113].

Не противоречит кругу приведенных выше соответствий в обряде и инвентарь. Сероглиняный кружальный кувшин из погребения 7 (рис. 3,13) находит аналогии в предкавказских материалах III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, рис. 8,8,19,21,24,25; Прокопенко, 2014б, рис. 51,9в, 167,22–24].

Глиняный кружальный сосуд из погребения 1 (рис. 2,3) также находит аналогии в погребениях оседлого и кочевого населения региона III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, рис. 13,33; Прокопенко, 2014б, рис. 48,20, 170,34,45,46].

Погребение 2 можно считать синхронным погребениям 1 и 7. Расположенный в ногах погребенной сосуд (рис. 3,7) был фрагментирован и сохранился не полностью, из-за отсутствия верхней части сосуда невозможно определить его форму и дать прямые аналогии, но технологически он связывается с той же керамической традицией, что и рассмотренные выше сосуды. Рядом с сосудом у левой ноги находилась миска, в которой лежали кости барана и железный однолезвийный нож с горбатой спинкой. Миска (рис. 3,6), судя по технологии и составу теста, является продукцией местного северокавказского производ-

ства. По оформлению вертикальной или слегка отогнутой наружу верхней части у загнутого внутрь бортика она сближается с группой мисок III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, рис. 15,3,4,11,12,16; Прокопенко, 2014б, рис. 159,13, 160А,7].

Все рассмотренные сосуды являются продукцией мастерских оседлого населения предгорной полосы центральных и восточных районов Северного Кавказа, а также бассейна р. Кумы [Березин и др., 2012, с. 52].

Одна из особенностей погребального обряда погребений III–I вв. до н.э. – довольно широкое распространение обычая положения в могилу напутственной пищи; чаще всего фиксируются кости барана (ребра, лопатки и кости ног). Нередко кости барана находятся в миске, а среди костей животного – нож [Абрамова, 1993, с. 36; Прокопенко, 2014а, с. 115]. В.Ю. Малашев и В.Е. Маслов заметили, что обрядовая черта помещения костей животных в погребение в целом характерна для комплексов последних веков до н.э.⁴

Таким образом, исходя из анализа особенностей погребальных комплексов раннего железного века в кургане 2 могильника «Гвардейские 3-и курганы», можно говорить о том, что они оставлены кочевническим населением северокавказских степей III–I вв. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-29-01020.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-29-01020.

² Антропологические определения выполнены кандидатом исторических наук С.Ю. Фризенным.

³ Благодарим В.Ю. Малашева за помощь в подготовке статьи.

⁴ По сообщению В.Ю. Малашева и В.Е. Маслова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

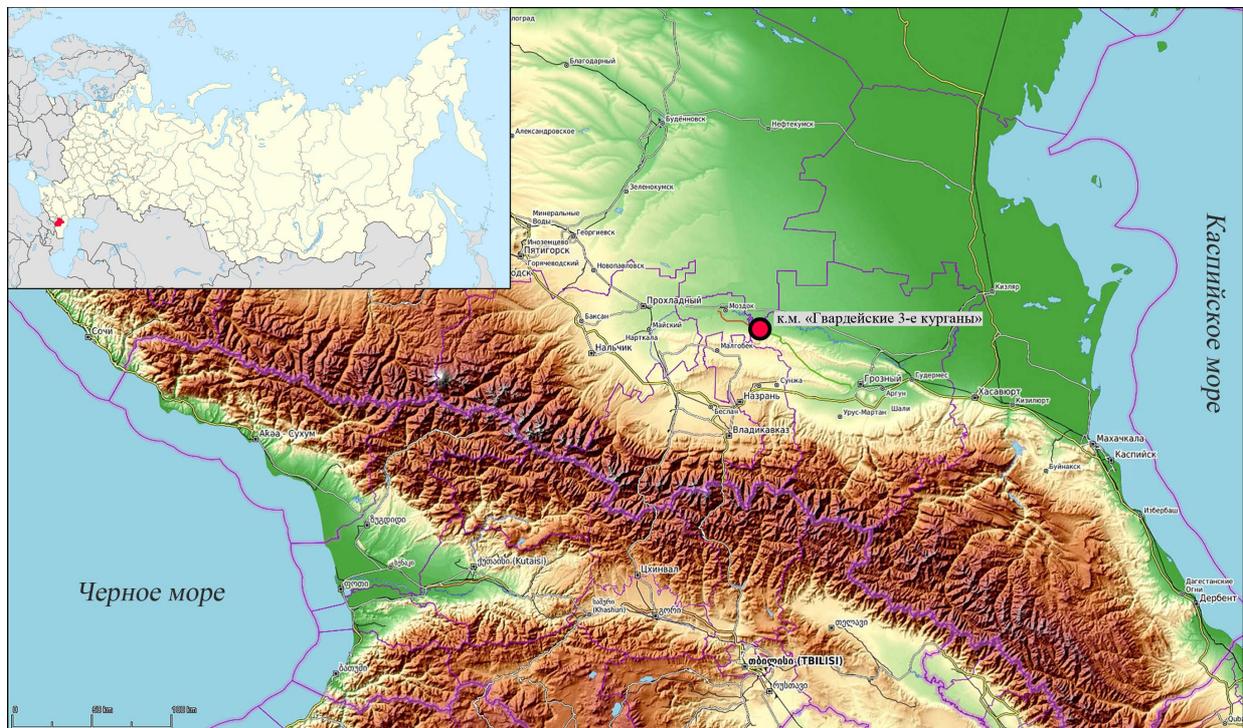

Рис. 1. Место расположения курганного могильника «Гвардейские 3-и курганы»
Fig. 1. Location of the 3rd Gvardeyskiy Kurgans (Gvardeyskiye 3 Kurgany)

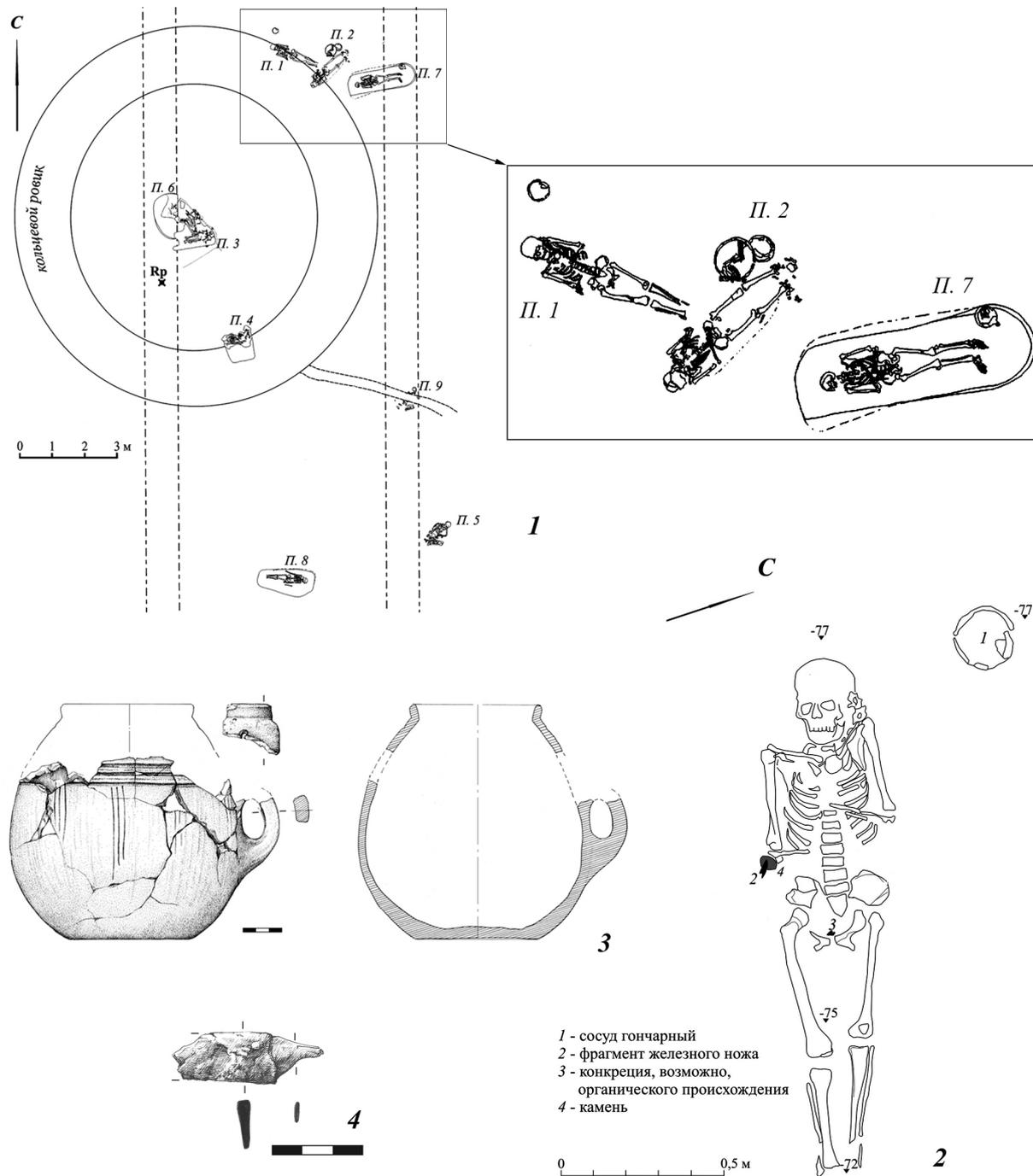

Рис. 2. Курганный могильник «Гвардейские 3-и курганы». Курган 2:

1 – план кургана; 2 – план погр. 1; вещи из погр. 1: 3 – сероглиняный сосуд; 4 – железный нож

Fig. 2. Gvardeyskiye 3 Kurgany. Kurgan 2:

1 – Kurgan layout; 2 – Burial 1 layout; Goods from burial 1: 3 – Gray-clay pottery; 4 – Iron knife

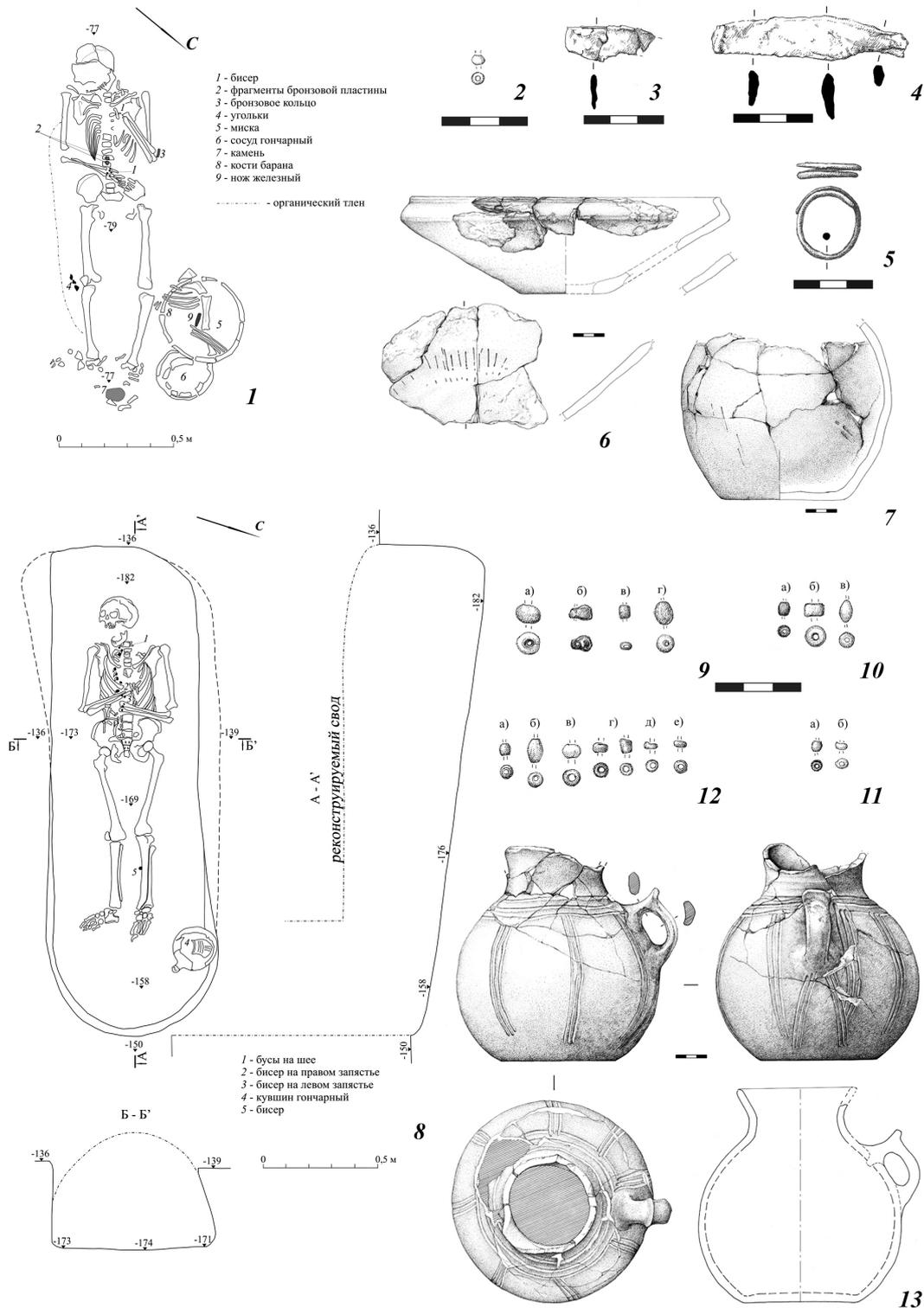

Рис. 3. Курганный могильник «Гвардейские 3-и курганы». Курган 2:

погр. 2: 1 – план погр. 2; 2 – бисер; 3 – фрагмент бронзовой пластины; 4 – железный нож; 5 – бронзовое кольцо; 6 – сероглиняная миска; 7 – глиняный сосуд;

погр. 7: 8 – план погр. 7; 9, 12 – бусы; 10–11 – бисер; 13 – сероглиняный кувшин

Fig. 3. Gvardeyskiye 3 Kurgany. Kurgan 2:

burial 2: 1 – Kurgan layout; 2, 2 – beads; 3 – fragment of a bronze plate; 4 – iron knife; 5 – bronze ring; 6 – gray-clay bowl; 7 – earthen vessel;

burial 7: 8 – plan of burial 7; 9, 12 – beads; 10–11 – beads; 13 – gray-clay jug

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Березин Я. Б., Каминский В. Н., Малашев В. Ю., 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М. : ТАУС. 206 с.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Кривошеев М. В., Клещенко А. А., 2020. Новые материалы эпохи бронзы из раскопок в Чеченской Республике // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). Махачкала : Изд. дом МавраевЪ. С. 119–121.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Сер. «Научные школы Волгоградского государственного университета». Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Прокопенко Ю. А., 2014а. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Часть 1. Ставрополь : Изд-во СКФУ. 446 с.
- Прокопенко Ю. А., 2014б. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Часть 2. Ставрополь : Изд-во СКФУ. 726 с.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1993. *Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian time (the 3rd century BC to the 4th century AD)]. Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. 240 p.
- Berezin Ya.B., Kaminskiy V.N., Malashev V.Yu., 2012. *Tatarskoye gorodishche i formirovaniye pamyatnikov tipa Tatarka-Verbovka* [The fortified settlement of Tatarka and the formation of Tatarka-Verbovka type of sites]. Moscow, Taus Publ. 206 p.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzhya v IV–III vv. do n. e.* [Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th–3rd centuries B.C.]. Volgograd, VolSU. 216 p.
- Krivosheev M.V., Kleshchenko A.A., 2020. *Novye materialy epohi bronzy iz raskopok v Chechenskoj Respublike* [Bronze Age New materials from excavations in the Chechen Republic]. *Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sohraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashenoy 50-letiu «Krupnovskih chteniy» i 50-letiu Derbentskoy archeologicheskoy ekspeditsii (Mahackala, 20–25 aprelya 2020 g.)* [Archaeological heritage of the Caucasus: Topical Problems of Study and Preservation. The XXXIst Krupnov's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov's Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition (Makhachkala, April 20–25, 2020)]. Makhachkala, Mavraev Publ., pp. 119-121.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. *Hronologiya i tipologiya sarmatskih katakombnyh pogrebal'nyh sooruzhenij* [Chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial structures]. *Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epohu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya. Ser. «Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta»* [The Volga-Ural Region Archeology of the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Prokopenko Yu.A. 2014a. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury v Central'nom Predkavkaz'e vo vtoroj polovine I tys. do n.e. Chast' 1* [The Skythians, Sarmats and Koban Culture Tribes of the Central Caucasus (Predkavkaz'e) in the Second Half of the 1st the Century B.C. Part 1]. Stavropol, NCFU. 446 p.
- Prokopenko Yu.A. 2014b. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury v Central'nom Predkavkaz'e vo vtoroj polovine I tys. do n.e. Chast' 2* [The Skythians, Sarmats and Koban Culture Tribes of the Central Caucasus (Predkavkaz'e) in the Second Half of the 1st the Century B.C. Part 2]. Stavropol, NCFU. 726 p.

Information About the Authors

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Vladimir I. Moiseev, Researcher, Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, v.moiseev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-733X>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Владимир Иванович Моисеев, научный сотрудник лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, v.moiseev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-733X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.10>

UDC 930.26(5):685.228
LBC 63.48(5)-417

Submitted: 05.07.2021
Accepted: 30.10.2021

A RARE BELT PLAQUE IN ZOOMORPHIC STYLE FROM THE INNER TIEN SHAN

Sergey S. Ivanov

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The article publishes a very rare for Saka culture of the Tien Shan region belt plaque, made with the Scythian-Siberian animal motif. It was accidentally found at an altitude of 2300 m. in the northern part of the Inner Tien Shan, and, most likely, it was lost there in antique time. The plaque has a butterfly-shaped shape, and a relief paired heads of a snow leopard was depicted on its outer surface in a realistic manner. On its reverse side there are two small loops indicating the construction of the combat belt on which it was fixed. Apart from the main belt there were additional leather straps which also were used as laces in the front. Belts of a similar construction with plaques of similar shape were previously found only in an elite burial of the Issyk kurgan in Tien Shan region. Nevertheless, outside this region, this belt plaque has close analogies in the synchronous cultures of the Scythian type in the Forest-steppe Altay, Tuva, Ordos and Northern China, as well as in the forest-steppe part of the Urals region. Based on stylistics and analogies, this belt plaque can be dated back to the turn of the 5th and 4th centuries BC. But in these regions, with the exception of the Urals, all similar plaques have one central loop on the back side. This indicates an independent line of development of these belt garment items on the territory of Saka culture of the Tien Shan region, although the origins of this line, undoubtedly, were initially outside its distribution area.

Key words: Early Iron Age, ancient nomads, Tien Shan region, garment belts, Scythian-Siberian animal style, belt plaque.

Citation. Ivanov S.S., 2021. Redkaya poyasnaya blyaha v zoomorfnom stile s vnutrennego Tyan'-Shanya [A Rare Belt Plaque in Zoomorphic Style from the Inner Tien Shan]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 196-203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.10>

УДК 930.26(5):685.228
ББК 63.48(5)-417

Дата поступления статьи: 05.07.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

РЕДКАЯ ПОЯСНАЯ БЛЯХА В ЗООМОРФНОМ СТИЛЕ С ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Сергей Сергеевич Иванов

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Киргизия

Аннотация. В статье публикуется очень редкая для сакской культуры Притяньшанья поясная бляха, выполненная в скифо-сибирском «зверином» стиле. Она была случайно найдена на высоте 2300 м в северной части Внутреннего Тянь-Шаня и, вероятнее всего, была там утеряна еще в древности. Бляха имеет бабочковидную форму, а на ее внешней стороне были рельефно изображены парные головки снежного барса, выполненные в реалистичной манере. На оборотной стороне бляхи имеются две небольшие петельки, указывающие на конструкцию боевого пояса, на котором она располагалась. Помимо основного ремня он имел дополнительные кожаные ремешки, которые выступали также его завязками спереди. Аналогичной конструкции пояс и сходные по форме бляхи известны в Притяньшанье только в элитарном захоронении кургана Иссык. Но за пределами этого региона поясная бляха имеет близкие аналогии в синхронных культурах скифского облика Лесостепного Алтая, Тувы, Ордоса и Северного Китая, а также лесостепи Приуралья. Данная поясная бляха на основе стилистики и аналогий может быть датирована в пределах рубежа V и IV вв. до н.э. Однако в данных регионах, за исключением Приуралья, все сходные по облику бляхи имеют одну центральную петельку на обороте. Это указывает

на самостоятельную линию развития данных предметов поясной гарнитуры на территории сакской культуры Притяньшанья, хотя истоки данной линии, несомненно, первоначально лежали вне ареала ее распространения.

Ключевые слова: ранний железный век, ранние кочевники, Притяньшанье, поясная гарнитура, скифо-сибирский «звериный» стиль, поясная бляха.

Цитирование. Иванов С. С., 2021. Редкая поясная бляха в зооморфном стиле с Внутреннего Тянь-Шаня // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 196–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.10>

Поясная гарнитура сакских племен Притяньшанья (Семиречья и Тянь-Шаня) вплоть до настоящего дня остается недостаточно изученной категорией материальной культуры. Ее детали сравнительно редко находят в захоронениях сакской культуры данного культурно-исторического региона. Причиной этого является не только то, что значительная часть памятников разграблена, но и принадлежность металлических деталей к боевым мужским поясам, которые, вне всякого сомнения, представляли собой статусную вещь в обществах ранних кочевников в скифо-сакский период [Добжанский, 1990, с. 62–72; Килуновская, Фролов, 2020, с. 126–127].

В этом отношении показательно, что практически все известные в ареале сакской культуры Притяньшанья поясные пряжки, обоймы и бляхи были найдены в погребениях нерядового порядка, которые могут быть связаны с дружинной и аристократической средой сакского общества. В рядовых же захоронениях детали поясной гарнитуры практически не известны [Иванов, 2009], за исключением так называемых костыльков, которые служили наконечниками завязок для поясов [Иванов, 2011]. Это указывает на то, что обычные воины также использовали данную деталь костюма, но более простого облика. Поэтому напрашивается вывод, что мужские пояса с металлической гарнитурой имели престижный характер и правом носить их обладали далеко не все члены сакского общества в Притяньшанье.

Впрочем, помимо статусности воинские пояса подобного облика имели также значение в практическом плане. Дополнительное бронирование ремня металлическими бляхами и обоймами повышало его защитные свойства [Горелик, 2003, с. 119–120, 123–126]. Причем, судя по известным находкам в сакских захоронениях, в рассматриваемом регионе они располагались на поясе спереди, что было

связано не только с его социальными функциями и боевым применением, но также и с чисто утилитарными целями: прорези и отверстия в поясных обоймах и бляхах использовались для продевания портупейных ремешков для подвешивания оружия или же других предметов бытового и иного назначения.

В свете этого каждая новая находка поясной гарнитуры на территории сакской культуры Притяньшанья представляет значительный интерес. Собственно, по этой причине в настоящей статье получила отражение одна интереснейшая находка бронзовой поясной бляхи, выполненной в характерном для скифо-сакского времени зооморфном стиле.

Примечательно, что данная бляха происходит не из погребального комплекса, а была найдена в верхней части ущелья Кызыл-Суу, ведущего из юго-восточной части Чуйской долины на Внутренний Тянь-Шань, на высоте 2300 м над уровнем моря (рис. 1). Вероятнее всего, она была случайно утеряна еще в древности. В настоящее время поясная бляха находится в частных руках, но была предоставлена автору для изучения.

Описание предмета. Бляха литая, имеет очень хорошую сохранность. Ее внешняя поверхность сохранила следы дополнительной шлифовки, и в настоящее время предмет покрыт темно-зеленой патиной (рис. 3).

В целом поясную бляху можно отнести к типу бабочковидных. В центре ее имеется широкая прямоугольная планка, по бокам которой располагаются зеркально противопоставленные две головки снежных барсов, выполненных в низком рельефе в характерном скифо-сибирском «зверином» стиле. Они переданы достаточно реалистично, хотя в их трактовке прослеживается определенная степень стилизации и условности. Барсы имеют слегка притупленные морды с приоткрытой пастью, словно застывшей в оскале. Глаза переданы овальными углублениями с капле-

видной выпуклостью. Округлые уши хищников подчеркнуты характерным для скифо-сибирского искусства рельефным завитком. Щеки барсов переданы слабыми округлыми выпуклостями. Головы зверей рельефно выделены от длинных изогнутых шей, которые соприкасаются с планкой, так же как и передние части их морд, таким образом, что между ними имеются небольшие сквозные аморфные отверстия, которые, по-видимому, служили для продевания сквозь них небольших кожаных ремешков.

Оборотная сторона поясной бляхи несколько вогнутая и схематически повторяет очертания ее лицевой стороны. Также на данной стороне имеются две небольшие продольные петельки округлой формы, расположенные между краями и сквозными отверстиями бляхи, при помощи которых она крепилась к ремешку основы боевого пояса. В отличие от зашлифованной внешней стороны, внутренняя выполнена более небрежно (рис. 2, 3).

Размеры поясной бляхи: длина – 3,9 см, ширина – 1,9 см, толщина – 0,2 см, петельки – 0,8 × 0,6 см. Размеры сквозных отверстий: 0,8 × 0,4 см.

Культурно-хронологическая атрибуция. Поясных блях подобного облика практически не известно на территории сакской культуры Притяньшанья, поэтому для данного региона это экстраординарная находка. Некоторым исключением в этом отношении выступают сходные по облику золотые детали боевого пояса из элитарного погребения кургана Иссык, датирующегося IV – началом III в. до н.э. [Акишев, 1984, с. 5; Евразия в скифскую эпоху ..., 2005, с. 180–182]. Но на бабочковидных поясных бляхах из данного кургана были изображены сильно стилизованные головы оленей с двумя парами массивных рогов в орнаментационной манере передачи.

В данном случае также привлекает внимание другая деталь иссыкских блях: на оборотных сторонах они также имели по две петельки, которые, правда, располагались на их диагональных углах. Как считал А.К. Акишев, они служили для того, чтобы сквозь них продевались два узких кожаных ремешка, при помощи которых бляхи не только закреплялись, но также выступали завязками самого боевого пояса [Акишев, 1978, с. 50, рис. 68].

Подобная манера фиксации поясов достаточно широко использовалась ранними кочевниками в сакский период не только в Притяньшанье, но и на Алтае, в Туве, Синьцзяне и Ордосе, что хорошо маркируется отмеченными выше «костыльками» [Сингаевский, 2007, с. 161, 164; Иванов, 2011, с. 170]. Судя по всему, сходную с иссыкской конструкцию имел боевой пояс, на котором располагалась бляха из ущелья Кызыл-Суу.

Значительное количество стилистически сходных с ней предметов поясной гарнитуры известно из памятников синхронных культур скифского облика Алтая, Тувы, Ордоса и Северного Китая, а также Южного Приуралья. Единичные экземпляры известны также из Синьцзяна, Южного Зауралья, Западной Сибири, Минусинской котловины и Забайкалья, куда они, по-видимому, попадали из основных районов распространения бабочковидных блях в зооморфном стиле.

На территории Лесостепного Алтая и Тувы бабочковидные поясные бляхи представлены различными вариациями – от сходных по трактовке экземпляров, на которых преимущественно изображались головки орлиных грифонов, до сильно стилизованных, на которых имелись небольшие прорезы или рельефные выемки в виде «запятой», которые также, по-видимому, символизировали данный образ [Могильников, 1997, с. 185, рис. 55,12; Фролов, 2008, рис. 69,5, 74,5,8, 77,10–12, 118,5–8, 119,11, 133,3–6, 136,1–6, 146,18; Шульга и др., 2009, с. 162–164, рис. 21,3, 44,7, 115,9,10; Маннай-Оол, 1970, рис. 20,4,11; Чугунов, 2007, с. 131, ил. 9,2,3, 13,1, 16,23; Килуновская, Фролов, 2020, с. 128–130, рис. 1]. Примечательно, что в некоторых случаях бляхи из Лесостепного Алтая последнего типа имели центральную планку, весьма сходную с той, которой обладает поясная бляха из ущелья Кызыл-Суу [Могильников, 1997, с. 185, рис. 55,12; Фролов, 2008, рис. 146,18]. Основной период существования поясной гарнитуры данного облика в этих регионах укладывается в VI–IV вв. до н.э.

Другим относительно компактным районом распространения сравнительно близких бабочковидных поясных блях является Северный Китай и соседний с ним Ордос. Здесь также преобладают экземпляры с головками грифонов, но встречаются также с изображе-

ниями кошачьих хищников (тигров или барсов). Во многих случаях бляхи не имеют центральную планку, отчего изображения на них приближаются к зооморфной трактовке S-видного мотива. Кроме того, имеются некоторые экземпляры, которые сильно стилизованы до простого профиля грифона в орнаментационной манере, иногда также с характерными прорезями, как на ряде экземпляров из Лесостепного Алтая. В основной своей массе бабочковидные поясные бляхи Ордоса и Северного Китая были отнесены исследователями к периоду VI–IV вв. до н.э. [Bunker et al., 1997, p. 41–42, 205, 209, 211, 219–220, 228, 249, fig. A29, A35, A51, A73; Bunker, 2002, p. 96–97, 119; Psarras, 1995, p. 129–130, pl. 14].

Третьим районом распространения сходных с кызыл-суйской бляхой деталей поясной гарнитуры является лесостепная часть Южного Приуралья (ареал кара-абызской культуры), а отдельные экземпляры отмечены также в соседнем Южном Зауралье и далее – в Западной Сибири. Причем в последних двух регионах они появляются с востока уже в VI–V вв. до н.э., поэтому в целом находят значительное стилистическое сходство с поясными бляхами Лесостепного Алтая, Тувы и отчасти Ордоса и Северного Китая [Воробьева, 2010, с. 56–57, рис. 1, 11, 15, 16], в то время как с территории кара-абызской культуры они известны в погребальных комплексах рубежа IV–III вв. до н.э. – I–II вв. н.э. Причем в их технике исполнения прослеживается значительный схематизм в передаче основных деталей грифонов, что стилистически выделяет их из совокупности более ранних зооморфных бабочковидных поясных блях из более восточных районов [Воробьева, 2010, с. 53, 55, 57, рис. 1, 1–4].

В облике приуральских экземпляров привлекает внимание одна занимательная деталь. Если практически все бабочковидные

поясные обоймы из восточного ареала снабжены центральной петелькой на обороте или же центральная планка имеет поперечное отверстие, то в Приуралье они имеют по две небольших продольных петельки на обороте. Это существенным образом сближает их с экземплярами с территории сакской культуры Притяньшанья.

Объяснить подобное сходство проблематично, так как совершенно не ясно, является ли эта деталь в их оформлении просто случайным совпадением или же развитие боевых поясов и, соответственно, их металлической гарнитуры шло сходным путем, что и привело к появлению практически аналогичных парных петелек на их оборотной стороне.

С другой стороны, именно это обстоятельство указывает на существование собственной линии развития бабочковидных поясных блях в Притяньшанье, эволюционно развивавшейся параллельно с другими их линиями в иных регионах Евразии. Поэтому экземпляр из ущелья Кызыл-Суу относится не к ранней их версии, но хронологически вряд ли синхронен бляхе этого же типа из кургана Иссык, так как в нем прослеживается реалистичность в передаче образов снежного барса, что уже не свойственно сакскому искусству IV–III вв. до н.э. Поэтому кызыл-суйская бляха может быть отнесена как минимум к рубежу V и IV вв. до н.э.

Итак, находка в ущелье Кызыл-Суу бронзовой бабочковидной бляхи в зооморфном стиле, служившей деталью гарнитуры боевого пояса, является неординарным событием, так как подобного облика предметы очень редки в материалах сакской культуры Притяньшанья. Данный предмет ценен не только тем, что пополняет коллекцию изображений в характерном скифо-сибирском «зверином» стиле, но и дает ценные сведения о конструкции и облике боевых поясов в сакский период.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Место находки поясной бляхи из ущелья Кызыл-Суу
Fig 1. Discovery location of the belt buckle in Kyzyl-Suu Gorge

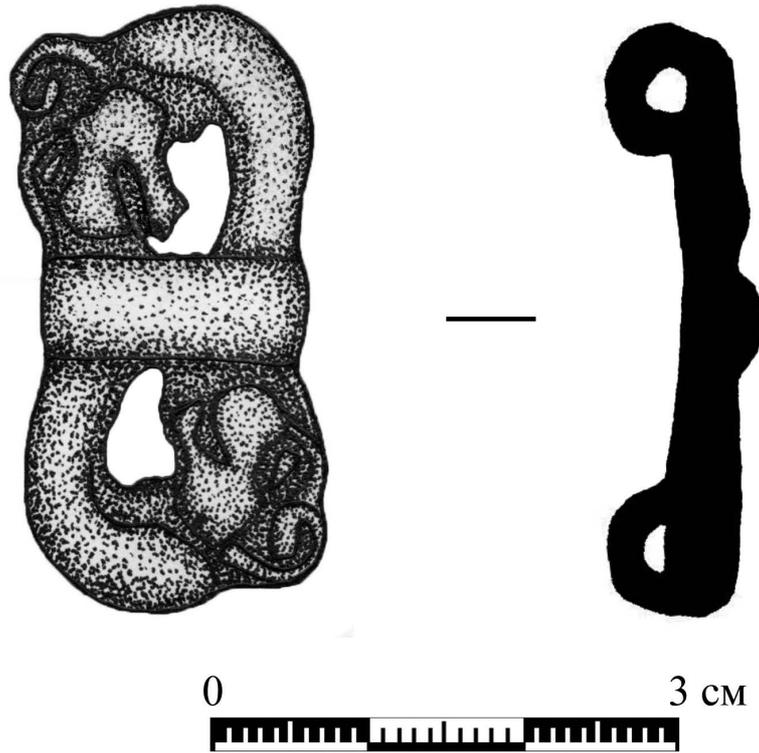

Рис. 2. Бронзовая поясная бляха из ущелья Кызыл-Суу (Внутренний Тянь-Шань) (прорисовки автора)
Fig 2. Bronze belt plaque from Kyzyl-Suu Gorge (Inner Tien Shan) (trace drawing by the author)

Рис. 3. Бронзовая поясная бляха из ущелья Кызыл-Суу (Внутренний Тянь-Шань) (автор фото – П.И. Мокин)
Fig 3. Bronze belt plaque from Kyzyl-Suu Gorge (Inner Tien Shan) (photo by P.I. Mokin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К. А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство. 132 с.
- Акишев А. К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука. 176 с.
- Воробьева С. Л., 2010. Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (28). С. 52–60.
- Горелик М. В., 2003. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э. СПб. : Атлант. 336 с.
- Добжанский В. Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : НГУ. 164 с.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология, 2005. СПб. : Теза. 290 с.
- Иванов С. С., 2009. Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек : Илим. С. 66–76.
- Иванов С. С., 2011. «Костыльки» – элементы боевых поясов ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // IV Оразбаевские чтения : материалы респуб. науч.-практ. конф. Алматы : Казак университеті. С. 170–174.
- Килуновская Е. М., Фролов Я. В., 2020. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда. М. : РГГУ. С. 126–138.
- Маннай-Оол М. К., 1970. Тува в скифское время. М. : Наука. 122 с.
- Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М. : ИА РАН. 195 с.
- Сингаевский А. Т., 2007. Поясные подвески VII в. до н.э. – I в. н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Известия Алтайского государственного университета. № 4-3 (56). С. 161–173.
- Фролов Я. В., 2008. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука. 479 с.
- Чугунов К. В., 2007. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А. В. : Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб. : Культ-Информ-Пресс. С. 123–144.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А., 2009. Новогроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 329 с.
- Bunker E. C., 2002. Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and other New York collections. New York : The Metropolitan Museum of Art. 248 p.
- Bunker E. C., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En, 1997. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Suckler collections. New York : The Arthur M. Suckler foundation. 401 p.
- Psarras S.-K., 1995. Xiongnu Culture: Identification and Dating // Central Asiatic Journal. Vol. 39, iss. 1. P. 102–136.

REFERENCES

- Akischev K.A., 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana* [Issyk Kurgan. The Art of Sakas of Kazakhstan]. Moscow, Iskusstvo Publ. 132 p.
- Akischev A.K., 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov* [Art and Mythology of Sakas]. Alma-Ata, Nauka Publ. 176 p.
- Vorob'eva S.L., 2010. Proiskhozhdenie i vremya poyavleniya v lesostepi Priural'ya poyasnykh nakladok s izobrazheniem golov grifonov [Time and Origin of Belt Scales with Gryphon Heads in Priuralye Forest-Steppe]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 2 (28), pp. 52-60.
- Gorelik M.V., 2003. *Oruzhie Drevnego Vostoka. IV tysyacheletie do n.e – IV v. do n.e.* [Weapons of the Ancient East in IV Millennium – IV Century BC]. Saint Petersburg, Atlant Publ. 336 p.
- Dobzhanskiy V.N., 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Garment Belts of Nomads of Asia]. Novosibirsk, NGU. 164 p.
- Evraziya v skifskuyu epohu. Radiouglerodnaya i arheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in Scythian Epoch. Radiocarbon and Archaeological Chronology], 2005. Saint Petersburg, Teza Publ. 290 p.

- Ivanov S.S., 2009. Boevye poyasa rannih kochevnikov Tsentral'noi Azii [Military Belts of Early Nomans of Central Asia]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kyrgyzstana* [Materials and Research on the Archaeology of Kyrgyzstan], iss. 4. Bishkek, Ilim Publ., pp. 66-76.
- Ivanov S.S., 2011. «Kostyl'ki» – elementy boevykh poyasov rannih kochevnikov Semirech'ya i Tyan'-Shanya ["Spikes" – Elements of Military Belts of Ancient Nomads in Semirechie and Tien Shan]. *IV Orazbaevskie chteniya: materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Proceedings of the Republic Scientific Conference "IV Orazbaev readings"]. Almaty, Kazak universiteti Publ., pp. 170-174.
- Kilunovskaya E.M., Frolov Ya.V., 2020. Sravnitel'nyy analiz poyasnykh ukrasheniy skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ya i Tuvy [Comparative Analysis of the Belt Decorations of Scythian Period from Barnaul Ob' River Area and Tuva]. *Vesch' v kontekste pogrebal'nogo obryada* [Artifact in the Context of Funeral Rites]. Moscow, RSUH, pp. 126-138.
- Mannay-Ool M.K. 1970. *Tuva v skifskoe vremya* [Tuva in Scythian Period]. Moscow, Nauka Publ. 122 p.
- Mogil'nikov V.A., 1997. *Naselenie Verhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tys. do n.e.* [The Population of the Upper Ob' Region in the Middle – Second Half of the 1st Millennium BC]. Moscow, IA RAS. 195 p.
- Singaevskiy A.T., 2007. Poyasnye podveski VII v. do n.e. – I v. n.e. s territorii Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya kak kul'turniy i hronologicheskii indikator [Belt Brackets in the Clothes of Ob-Irtys Interfuve's Population in 7 Century B.C. 1 Century A.D. as the Cultural and Chronological Indicator]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altay State University], no. 4-3 (56), pp. 161-173.
- Frolov Ya.V., 2008. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [The Funeral Rite of Population of Barnaul Ob' River Area in VI Century BC – II Century AD (on the of Ground Burial Sites)]. Barnaul, Azbuka Publ. 479 p.
- Chugunov K.V., 2007. Mogil'nik Dogee-Baary 2 kak pamyatnik nachala uyuksko-saglynskoii kul'tury Tuvy (po materialam raskopok 1990–1998 gg.) [Dogee-Baary 2 Cemetery as a Monument of the Beginning of Uyuks-Sagly Culture of Tuva (on the Materials of Excavations in 1990–1998)]. *A. V.: Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A. V. Vinogradova* [A. V.: Collection of Scientific Papers in the Honor of the 60th Anniversary of A.V. Vinogradov]. Saint Petersburg, Kul't-Inform-Press Publ., pp. 123-144.
- Shul'ga P.I., Umanskiy A.P., Mogil'nikov V.A., 2009. Novotroitskiy nekropol' [Novotroitsk Necropolis]. Barnaul, Altai University. 329 p.
- Bunker E.C., 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections*. New York, The Metropolitan Museum of Art. 248 p.
- Bunker E.C., Kawami T.S., Linduff K.M., Wu En, 1997. *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Suckler Collections*. New York, The Arthur M. Suckler Foundation. 401 p.
- Psarras S.-K., 1995. Xiongnu Culture: Identification and Dating. *Central Asiatic Journal*, vol. 39, iss. 1, pp. 102-136.

Information About the Author

Sergey S. Ivanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Faculty of International Relations and Oriental Studies, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Frunze St, 547, 720033 Bishkek, Kyrgyzstan, sak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4081-3749>

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Иванов, кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033 г. Бишкек, Киргизия, sak@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4081-3749>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.11>

UDC 903.2(470.57):397
LBC 63.4(2Рос.Баш)

Submitted: 06.07.2021
Accepted: 30.10.2021

THREE SARMATIAN DAGGERS FROM THE FOOT OF TORATAU MOUNT

Sergey Yu. Nikolaev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. Three Sarmatian daggers found during plowing a field at the foot of Toratau Mount in the Southern Urals are published. Their detailed description is given. It is stated that two daggers bear the signs of the early Sarmatian type of bladed weapons. They date back to the 3rd–2nd centuries BC, their discovery confirms the fact of active resettlement by the Sarmatians of the right bank of the Belaya River at this time. The third dagger bears a number of archaic features, has close analogies among random finds in the Prokhorov cemetery and on the left bank of the Belaya River. It dates back to the 4th–3rd centuries BC. It is noted that the left bank of the Belaya River is the main territory of settlement of early nomads in the Southern Urals. The description of the topography of the daggers found in the site is given. It is shown that according to its physical and geographical characteristics, this territory is a closed valley, bounded on all sides by the river, the Turatau and Kushtau Mountains, and gentle ridges running along the Belaya River. It is concluded that in this case, the “valley” version of the settlement of early nomads was implemented, as well as that the settlement of the right bank of the Belaya River occurred, apparently, from its left bank. This territory was a natural periphery of the settlement of nomads in the Southern Urals in the second half-end of the 1st millennium BC.

Key words: Southern Urals, right bank of the Belaya River, Toratau Mountain, early nomads, Scythian-Sarmatian time, Prokhorov culture, stray finds, daggers, resettlement system.

Citation. Nikolaev S. Yu., 2021. Tri sarmatskih kinzhala s podnozhia gory Toratau [Three Sarmatian Daggers from the Foot of Toratau Mount]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 204-213. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.11>

УДК 903.2(470.57):397
ББК 63.4(2Рос.Баш)

Дата поступления статьи: 06.07.2021
Дата принятия статьи: 30.10.2021

ТРИ САРМАТСКИХ КИНЖАЛА С ПОДНОЖИЯ ГОРЫ ТОРАТАУ

Сергей Юрьевич Николаев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Публикуются три сарматских кинжала, найденные при распашке поля у подножия горы Торатау в Южном Приуралье. Дается их подробное описание. Констатируется, что два кинжала несут признаки сложившегося раннесарматского типа клинкового оружия. Они датируются III–I вв. до н.э., их находка подтверждает факт активного заселения сарматами правобережья реки Белой в это время. Третий кинжал несет в себе ряд архаичных черт, имеет близкие аналогии в Прохоровском могильнике и среди случайных находок на левом берегу р. Белой. Он датируется IV–III вв. до н.э. Отмечается, что основной территорией расселения ранних кочевников в Южном Приуралье является левобережье р. Белой. Дается описание топографии места находки кинжалов. Показано, что по своим физико-географическим характеристикам эта территория представляет собой замкнутую долину, ограниченную со всех сторон рекой, горами Торатау и Куштау и пологими хребтами, идущими вдоль реки Белой. Делается вывод о том, что в данном случае был реализован «долинный» вариант расселения ранних кочевников, а также о том, что заселение правобережья реки Белой происходило, по всей видимости, с ее левого берега. Данная территория была естественной периферией расселения кочевников на Южном Приуралье во второй половине – конце I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Южный Урал, правобережье реки Белой, гора Торатау, ранние кочевники, скифо-сарматское время, прохоровская культура, случайные находки, кинжалы, система расселения.

Цитирование. Николаев С. Ю., 2021. Три сарматских кинжала с подножия горы Торатау // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 204–213. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.11>

Основной территорией, на которой в Южном Приуралье происходило расселение кочевников скифо-сарматского времени, являлось левобережье реки Белой. Именно там известны как погребальные комплексы (Старые Кишки, Бишунгарово, Леканды и др.), так и массовые, так называемые случайные находки мечей и кинжалов, связанные именно с кочевавшими здесь группами номадов [Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 140–161; Исмагилов, 2001; Савельев, Николаев, 2020; Николаев, 2019; 2021а; 2021б; и др.].

На правом берегу реки Белой, в достаточно узкой (не более 25 км) полосе между рекой и Уральскими горами, в настоящее время известно лишь одно погребение, относящееся к ранним кочевникам – впущенное в насыпь кургана 3 Береговского могильника в Мелеузовском районе Башкирии [Горбунов, Иванов, 1992, с. 105]. Какие-либо иные погребальные или поселенческие сарматские памятники на этой территории неизвестны. Зато зафиксировано около десятка опубликованных на настоящий момент случайных находок мечей и кинжалов как савроматского, так и сарматского типа. Иная картина наблюдается на противоположном, левом берегу реки, где известны как многочисленные могильники, так и находки мечей и кинжалов.

В настоящей статье публикуются данные по трем кинжалам, найденным в 1980-е годы на правом берегу реки Белой, на пашне у подножья шихана Торатау возле руин лагеря системы ГУЛАГ, местными жителями при проведении полевых работ. Место находки расположено в 2 км к северу от села Урман-Бишкадак Ишимбайского района Башкирии и в 8 км к юго-востоку от г. Стерлитамак. Они были переданы в школьный музей села Урман-Бишкадак, где хранятся и поныне. В 2019 г. экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН в ходе обследования территории проектируемого геопарка «Торатау» эти кинжалы были сфотографированы, зарисованы и описаны.

Кинжал 1. Общая длина кинжала 35 см, кончик клинка отсутствует (рис. 2, 1). Навершие не сохранилось, от него осталась только небольшая (диаметром не более 0,8 см и тол-

щиной 1–2 мм) площадка (место сварки?). Рукоять в сечении ромбическая, ее длина 6,2 см, ширина 0,6–1 см, плавно расширяющаяся к перекрестью. В 1 см от места крепления навершия ребро ромба расковано. Перекрестье прямое, его длина 6,8 см, ширина 0,6 см. Оно сдвинуто со своего первоначального места и расположено на 0,7 см ниже места перехода рукояти в клинок. Клинок вытянуто-треугольной формы, ромбовидный в сечении. Сохранившаяся длина клинка 27,7 см (первоначально – не более 30–31 см), ширина возле перекрестья 3,9 см, возле обломанного кончика 1 см, максимальная толщина 0,6 см.

В целом все основные элементы кинжала (без учета отсутствующего навершия) соответствуют классическому прохоровскому типу, наиболее частому среди так называемых случайных находок в Южном Приуралье [Мошкова, 1963, с. 33–35, табл. 18, 19; 1974, с. 11–14, рис. 1, 52–55, 2, 69–71; Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 234–235; Исмагилов, 2001, табл. IV–IX; Савельев, Николаев, 2020, рис. 1, 1, 2; Николаев, 2019, рис. 2; 2021б, рис. 2, 3, 1, 2, 4, 5, 1, 4].

Кинжал 2. Общая длина кинжала 39 см (рис. 2, 2). Навершие кольцевидное (или разомкнутое кольцевидное), частично обломано, длина сохранившейся части 4 см, в сечении овальное, диаметр дрота 0,5 см. Рукоять прямоугольная в сечении, длиной 8 см, шириной 1,3 см, толщиной 0,6 см. Перекрестье брусковидное, слегка изогнуто в сторону клинка, его длина 5,5 см, ширина 0,4 см. Клинок вытянуто-треугольной формы, ромбовидный в сечении. Его длина 30,6 см, толщина в месте сечения 0,7 см. От перекрестья с обеих сторон клинка на длину 13,5 см идут по два дола шириной 4 мм, треугольные в сечении.

Очевидно, что кинжал несет в себе признаки двух типов клинкового оружия – форма перекрестья и клинка, а также его сечение соответствуют сложившемуся прохоровскому типу, в то время как рукоять и навершие более характерны для среднесарматского типа. Ранее уже отмечалось большое количество мечей и кинжалов, сочетающих в себе признаки обоих типов, как среди «случайных»

находок Южного Приуралья, так и в погребальных комплексах [Савельев, Николаев, 2020; Николаев, 2021а; 2021б].

Кинжалы 1 и 2 имеют аналоги в Бишунгаровских курганах [Пшеничнюк, 1983, табл. X,8, XI,7, XXII,8, XXIII,14,15] и в курганах у д. Старые Кишки [Садыкова, 1962а, табл. III,11,13, IX,8, XII,3; Садыкова, 1962б, рис. 2,12]. Оба могильника датируются III–II вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 77; Садыкова, Васильев, 2001, с. 65–68; Федоров 2011, с. 37; Скрипкин, 2017, с. 65–86]. Позднее – во второй половине II – I в. до н.э. – носители прохоровской культуры практически покидают Южное Приуралье севернее возвышенностей Общего Сырта. Известны только единичные могильники с очень бедным инвентарем (Ново-Калкашевский [Акбулатов, 1998], Набережный могильники). Каких-либо исследований по типологии, позволяющих выделить ранние и поздние признаки из всего массива прохоровских мечей и кинжалов, что вывело бы на построение эволюционной схемы развития прохоровского клинкового оружия, в настоящее время также не проводилось. В связи с этим оба публикуемых кинжала по тенденции могут быть датированы III–II вв. до н.э., однако не исключено их существование в Южном Приуралье и в I в. до н.э., вплоть до рубежа эр и даже несколько позже.

Кинжал 3. Общая длина кинжала 33 см, сохранился полностью (рис. 3,1). Навершие прямое, общая длина 7,3 см, в сечении округлое, диаметр дрота возле рукояти 1 см, сужается к кончикам антенн до 0,5–0,6 см. Рукоять длиной 8 см, шириной 1,8–2 см, двутавровая в сечении. Ее толщина 0,7 см, глубина желобка составляет 3 мм. Перекрестье прямое, брусковидное, длиной 5,1 см, очень широкое (1,3 см) и очень тонкое (0,5 см). Длина клинка 22,5 см, сечение линзовидное, до середины лезвия параллельны, далее форма клинка вытянуто-треугольная. Ширина клинка возле перекрестья 3,5 см, максимальная толщина 0,3 см.

Все элементы кинжала несут в себе достаточно ранние признаки: прямое, массивное навершие и не менее массивное перекрестье, двутавровая рукоять и линзовидный в сечении клинок с параллельными до середины лезвиями. Полная аналогия такому кинжалу об-

наруживается в погребении 2 кургана 2 Прохоровского могильника, расположенного в 100 км к юго-западу от Торатау (рис. 3,2). Л.Т. Яблонский датировал его IV–III вв. до н.э. [Яблонский, 2010, с. 76, рис. 50,30]. Схожий кинжал известен также и среди случайных находок в пос. Сосновка, на левом берегу р. Белой, в 33 км к северу – северо-западу от Торатау [Исмагилов, 2001, с. 121, табл. III,22]. Несмотря на отличия в сечении клинка, в остальном данный экземпляр несет те же архаичные признаки, что и кинжал из Урман-Бишкадака (рис. 3,3). Подробный анализ кинжалов с архаичными чертами, в том числе с двутавровой рукоятью, дал В.К. Федоров, проанализировав выборку из двух десятков образцов клинкового оружия, справедливо определив их как финальный этап при смене оружия переходного типа классическим прохоровским и датировав концом IV – III в. до н.э. [Федоров, 2008, с. 74–76].

Место находки кинжалов расположено примерно в 300–400 м к западу – юго-западу от склона горы Торатау, на второй надпойменной террасе правого берега реки Белой (рис. 1). Сама река протекает на 2 км западнее. Долина реки на данном участке с востока ограничена идущим вдоль реки залесенным хребтом высотой около 140 м. В 13 км к северу от места находки кинжалов, возле ныне не существующего шихана Шахтау, долина пересекается впадающим в р. Белую ее правым притоком р. Селеук. Далее долина продолжается вдоль другого хребта высотой до 150 м и через 3 км упирается в расположенный непосредственно возле реки шихан Куштау, где также известна находка кинжала прохоровского времени с разомкнутым кольцевидным навершием [Исмагилов, 2001, с. 125, табл. X,96]. Таким образом, гора, хребет и река образуют практически замкнутую долину.

Общие размеры рассматриваемого участка долины р. Белой составляют 20 × 8 км (в самом широком ее месте). Широкая (до 4,5–5 км) пойма образует заливные луга. Долина пересечена большим количеством небольших рек и ручьев, впадающих в р. Белую.

Ранее уже отмечались два варианта расселения ранних кочевников Южного Приуралья, зависящие от рельефа местности.

В первом случае кочевники селились в долине относительно крупной реки, ограниченной с внешней стороны возвышенностями, которые являются естественными границами «волостей» [Савельев, 2016; 2018]. Во втором – центром «волости», или «соты», являлась водораздельная возвышенность, а естественными границами становились окружающие ее реки. Второй вариант расселения более свойственен относительно ровному рельефу обживаемой территории и хорошо выделяется на левобережье р. Белой [Николаев, 2019; Савельев, Николаев, 2020]. В рассматриваемом случае налицо именно первый, «долинный» вариант. Два хребта и река Белая образовали естественные границы освоенной территории.

Находка первых двух кинжалов (№ 1 и № 2), с классическими прохоровскими признаками, дополнительно подтверждает факт того, что правобережье реки Белой в его степной

части плотно осваивалось ранними кочевниками в III–II вв. до н.э.

Исходя из физико-географических данных, освоение сарматами правобережья р. Белой могло идти двумя путями. Они могли прийти туда с юга, из долины р. Большой Ик, и далее на север вдоль западных склонов Уральских гор. Второй вариант заселения – с запада, с левобережья реки Белой, освоенного ранними кочевниками еще с савроматского времени [Савельев, 2016, с. 244].

Находка третьего кинжала, с архаичными чертами, имеющего прямую аналогию в Прохоровском могильнике и на левом берегу р. Белой, говорит о том, что заселение сарматами правого берега, скорее всего, произошло именно с ее левобережья. Таким образом, предгорное правобережье реки Белой являлось на данной широте естественной периферией расселения кочевников во второй половине – конце I тыс. до н.э.

ПРИЛОЖЕНИЯ

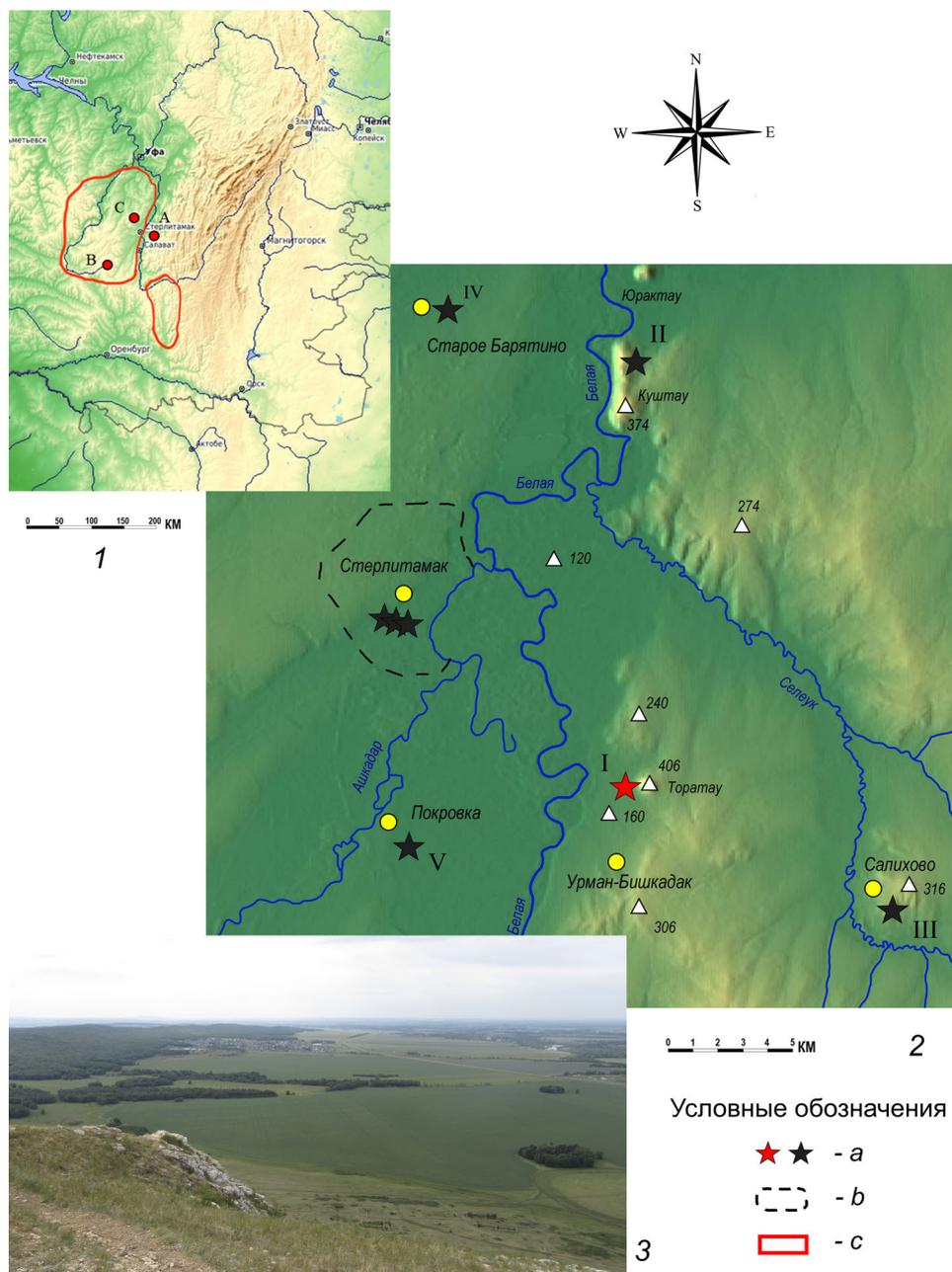

Рис. 1. Находки кочевнического клинкового оружия:

1 – общая карта Южного Урала (А – гора Торатау; В – Прохоровские курганы; С – пос. Сосновка);
 2 – ландшафтная карта долины р. Белая на широте горы Торатау (I – находки кинжалов около г. Торатау;
 I–V – прочие случайные находки мечей и кинжалов); 3 – вид на место находки кинжалов, долину р. Белая
 и хребет вдоль нее с вершины г. Торатау.

Условные обозначения: *a* – места случайных находок мечей и кинжалов; *b* – границы современной городской застройки;
c – ареал распространения случайных находок мечей и кинжалов в Южном Приуралье

(по: [Савельев, 2016, с. 242, рис. 1] с дополнениями автора)

Fig. 1. Finds of nomadic bladed weapons:

1 – general map of the Southern Urals (A – Toratau mountain; B – Prokhorovka kurgans; C – Sosnovka village);
 2 – landscape map of the Belaya River valley at the latitude of Mount Toratau (I – finds of daggers near Toratau;
 I–V – other accidental finds of swords and daggers); 3 – view of the site of the discovery of daggers,
 the valley of the Belaya River and the ridge along it from the top of Toratau.

Symbols: *a* – places of accidental finds of swords and daggers; *b* – the boundaries of modern urban development;
c – the area of distribution of accidental finds of swords and daggers in the Southern Urals

(after: [Savelev, 2016, p. 242, fig. 1] with additions by the author)

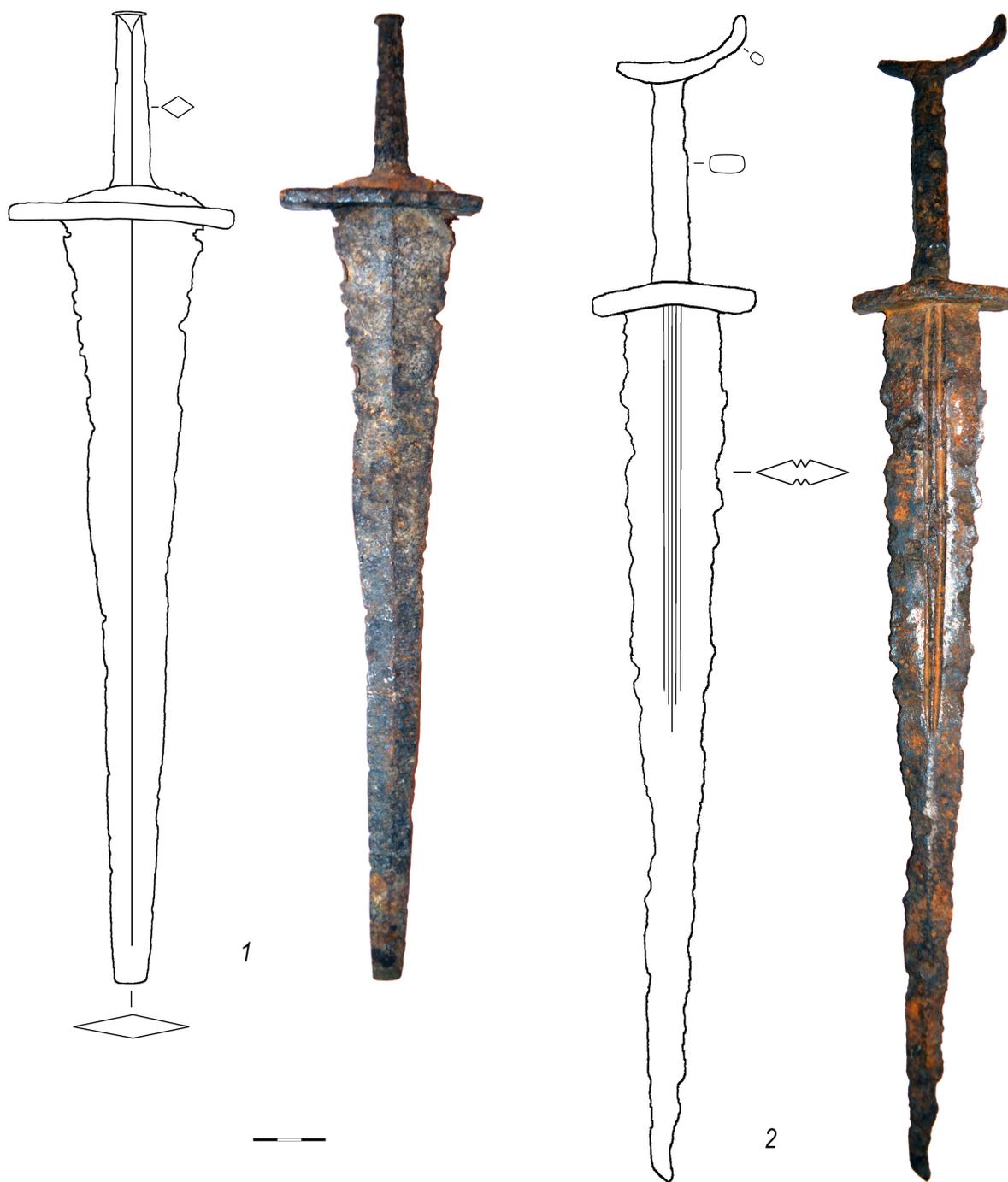

Рис. 2. Гора Торатау. Находки кочевнического клинкового оружия:

1 – кинжал 1; 2 – кинжал 2 (фото М.М. Румянцева, рисунок и компьютерная обработка автора)

Fig. 2. Mount Toratau. Finds of nomadic bladed weapons:

1 – dagger 1; 2 – dagger 2 (photo by M.M. Rumyantsev, drawing and computer processing by author)

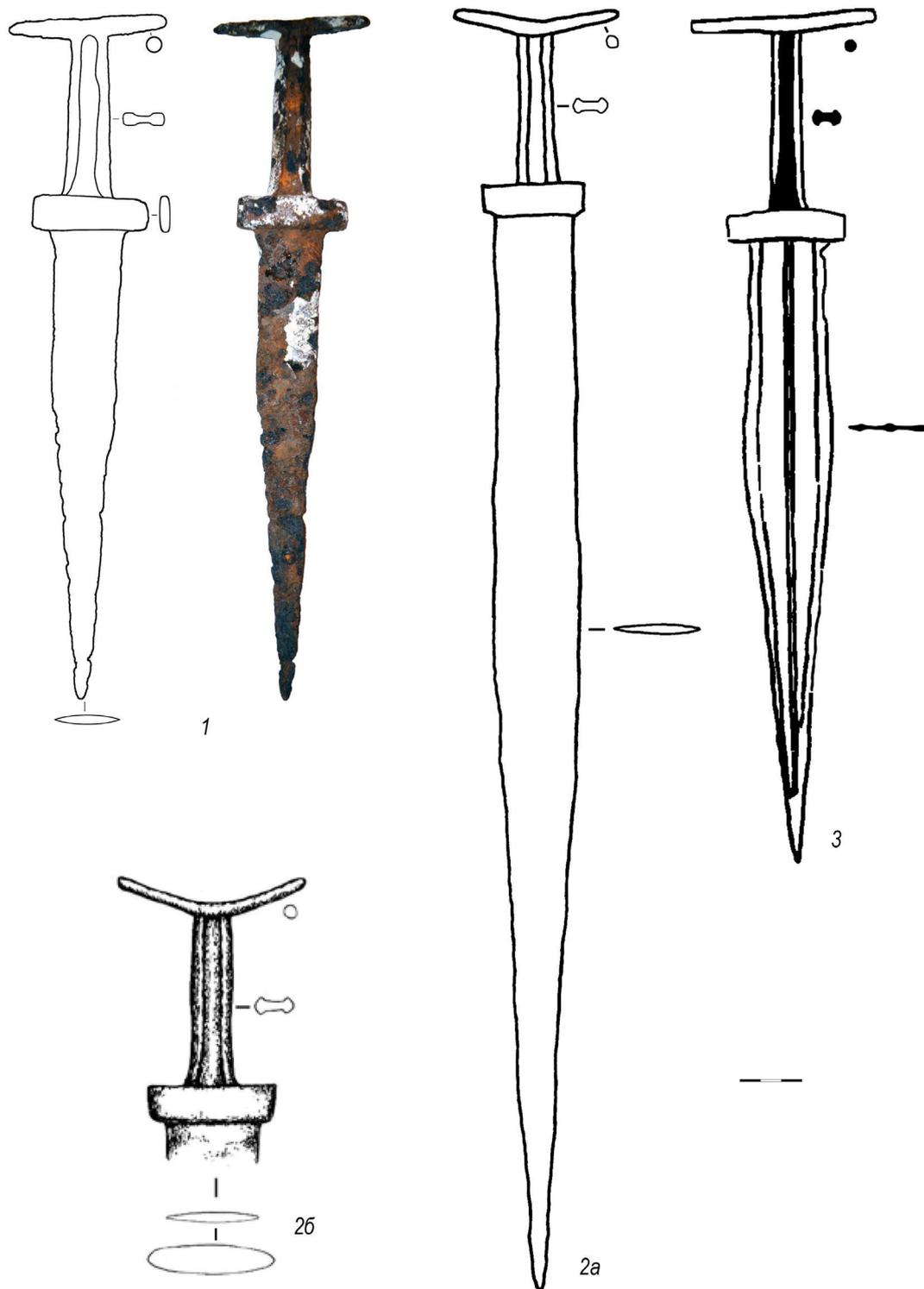

Рис. 3. Гора Торатау. Находки кочевнического клинкового оружия:

1 – кинжал 3 (фото М.М. Румянцева, рисунок и компьютерная обработка автора);
2 – кинжал из погребения 2 кургана 2 Прохоровского могильника (2a – рисунок автора,
2б – по: [Яблонский, 2010, с. 76, рис. 50,30]); 3 – кинжал из пос. Сосновка (по: [Исмагилов, 2001, с. 121, табл. III,22])

Fig. 3. Mount Toratau. Finds of nomadic bladed weapons:

1 – dagger 3 (photo by M.M. Rumyantsev, drawing and computer processing by the author);
2 – a dagger from the burial of 2 barrows 2 of the Prokhorovsky kurgan cemetery (2a – drawing by the author,
2b – after: [Yablonskiy, 2010, p. 76, fig. 50,30]); 3 – dagger from the village Sosnovka
(after: [Ismagilov, 2001, p. 121, table III,22])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акбулатов И. М., 1998. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 121–137.
- Археологическая карта Башкирии, 1976. М. : Наука. 264 с.
- Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // Советская археология. № 3. С. 229–247.
- Горбунов В. С., Иванов В. А., 1992. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та. С. 99–109.
- Исмагилов Р. Б., 2001. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 117–147.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 56 с., 32 табл.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 51 с.
- Николаев С. Ю., 2019. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Куезбашево и Бишкаин в Южном Приуралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 69–77. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.006>.
- Николаев С. Ю., 2021а. Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием: случайные находки с территории Южного Приуралья // Археология евразийских степей. № 2. С. 170–174. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.170.174>.
- Николаев С.Ю., 2021б. Случайные находки мечей и кинжалов ранних кочевников северо-восточной периферии степей Южного Приуралья (вторая половина I тыс. до н.э. – рубеж эр) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 1. С. 128–144. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.012>.
- Пшеничник А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Савельев Н. С., 2016. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 241–253.
- Савельев Н. С., 2018. Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников) // Oriental Studies. Т. 11, № 4. С. 24–31.
- Савельев Н. С., Николаев С. Ю., 2020. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 149–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>.
- Садькова М. Х., 1962а. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа : Башкир. фил. Акад. наук СССР. С. 88–122.
- Садькова М. Х., 1962б. Сарматские памятники Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 115. М. : Изд-во Акад. наук СССР. С. 242–273.
- Садькова М. Х., Васильев В. Н., 2001. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 55–80.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.
- Федоров В. К., 2008. О датировке 1-4 Прохоровских курганов // Уфимский археологический вестник. Вып. 8. С. 69–90.
- Федоров В. К., 2011. Курган 12 могильника Старые Киишки // Уфимский археологический вестник. Вып. 11. С. 28–38.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : Таус. 384 с.

REFERENCES

- Akbulatov I.M., 1998. Novo-Kalkashskij II kurgannyj mogil'nik na r. Sterlya [Novo-Kalkashsky II burial mound on the Sterlya River]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 121-137.

- Arkheologicheskaya karta Bashkirii* [Archaeological Map of Bashkiria], 1976. Moscow, Nauka Publ. 264 p.
- Gorbunov V.S., Ismagilov R.B., 1976. Novye nahodki mechey i kinzhalov savromato-sarmatskogo vremeni v Bashkirii [New Finds of Swords and Daggers of the Sauromatian-Sarmatian Time in Bashkiria]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 229-247.
- Gorbunov V.S., Ivanov V.A., 1992. Novye pamyatniki rannih kochevnikov v Yuzhnom Priural'e [New Monuments of Early Nomads in the Southern Urals]. *Problemy hronologii sarmatskoy kul'tury* [Problems of Chronology of the Sarmatian Culture]. Saratov, SSU, pp. 99-109.
- Ismagilov R.B., 2001. Klinkovoe oruzhie epohi rannih kochevnikov iz Yuzhnogo Priural'ya (sluchaynye nahodki) [Bladed Weapons of the Early Nomadic Period from the Southern Cis-Urals (Accidental Findings)]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 117-147.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [Monuments of the Prokhorovka Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, Д1-10. Moscow, AS USSR. 56 p., 32 tab.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury* [Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 51 p.
- Nikolaev S.Yu., 2019. Kompleks sarmatskogo klinkovogo oruzhiya iz okrestnostey sel Kuezbashevo i Bishkain v Yuzhnom Priural'e [A Complex of Sarmatian Bladed Weapons from the Vicinity of the Villages of Kuezbashevo and Bishkain in the Southern Cis-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 69-77. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.006>.
- Nikolaev S.Yu., 2021a. Mechi i kinzhaly s kol'tsevidnym navershiem: sluchaynye nahodki s territorii Yuzhnogo Priural'ya [Swords and Daggers with Ring Pommels: Accidental Finds from the Territory of the Southern Cis-Urals]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 2, pp. 170-174. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.170.174>.
- Nikolaev S.Yu., 2021b. Sluchaynye nahodki mechey i kinzhalov rannih kochevnikov severo-vostochnoy periferii stepey Yuzhnogo Priural'ya (vtoraya polovina I tys. do n.e. – rubezh er) [Random Finds of Swords and Daggers of Early Nomads of the North-Eastern Periphery of the Steppes of the Southern Urals III BC-the Turn of the Era]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 128-144. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.012>.
- Pshenichnyuk A.H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the South Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Savelev N.S., 2016. Mechi i kinzhaly v kul'tovoy praktike kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifo-sarmatskogo vremeni (prostranstvennyy analiz «sluchaynykh» nahodok) [Swords and Daggers in Religious Practices of Southern Urals Nomads from Skythian-Sarmatian Time (Spatial Analysis of 'Accidental Finds')]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Proceedings of the IX International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Orenburg, OGPU, pp. 241-253.
- Savelev N.S., 2018. Nahodki mechey i kinzhalov skifo-sarmatskogo vremeni iz yugo-zapadnykh predgoriy Yuzhnogo Urala (k voprosu ob osvoenii territorii i osobennostyah rasseleniya kochevnikov) [Swords and Daggers of the Scytho-Sarmatian Period: Finds from Southwestern Foothills of the Southern Ural (Development of the Territory and Dispersal of the Nomadic Population Revisited)]. *Oriental Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 24-31.
- Savelev N.S., Nikolaev S.Yu., 2020. Kompleks sarmatskikh kinzhalov iz okrestnostej s. Tolbazy v Yuzhnom Priural'e [Sarmatian Dagger Complex from the Surrounding Area the Village Tolbazy in the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 149-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8>.
- Sadykova M.H., 1962a. Sarmatskij kurgannyj mogil'nik u der. Starye Kiishki [Sarmatian barrow burial ground near Starye Kiishki village]. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and ethnography of Bashkiria], vol. 1. Ufa, BFAS USSR, pp. 88-122.
- Sadykova M.H., 1962b. Sarmatskie pamyatniki Bashkirii [Sarmatian archaeological monuments of Bashkiria]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR], iss. 115. Moscow, AS USSR, pp. 242-273.
- Sadykova M.H., Vasilev V.N., 2001. Pozdnie prohorovcy v Central'noj Bashkirii [Representatives of the Late Prokhorovka culture in Central Bashkiria]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 55-80.

- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.
- Fedorov V.K., 2008. О датировке 1-4 Prokhorovskih kurganov [On the Dating of 1-4 Prokhorov mounds]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 8, pp. 69-90.
- Fedorov V.K., 2011. Kurgan 12 mogil'nika Starye Kiishki [Barrow 12 of the burial ground Old Kiishki]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 11, pp. 28-38.
- Yablonskiy L.T., 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka. At the Origins of Sarmatian Archaeology]. Moscow, Taus Publ. 384 p.

Information About the Author

Sergey Yu. Nikolaev, Junior Researcher, Department of Archaeological Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, nikolaev.sergey123@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3350-9148>

Информация об авторе

Сергей Юрьевич Николаев, младший научный сотрудник отдела археологических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, nikolaev.sergey123@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3350-9148>

PROCEEDINGS OF THE 6th LOWER VOLGA INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE ON ARCHAEOLOGY “THE VOLGA-URAL REGION – FROM ANTIQUITY TO THE MIDDLE AGES”

ИТОГИ VI НИЖНЕВОЛЖСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

В Волгограде, на базе Волгоградского государственного университета, с 11 по 15 мая 2021 г. прошла очередная VI Нижневолжская Международная археологическая научная конференция «Волго-Уральский регион от древности до Средневековья». В ней приняли участие 68 археологов, антропологов, специалистов в области археологического почвоведения, археозоологов и палеогенетиков из 21 города Российской Федерации и Республики Казахстан.

В связи с современной ситуацией, связанной с коронавирусной инфекцией, конференция, запланированная на 2020 г., проводилась в 2021 г. и была успешно реализована в комбинированном формате: часть докладов (12) была заслушана и обсуждена в дистанционном режиме.

На конференции были рассмотрены многие актуальные вопросы археологии, антропологии, археологического почвоведения и археозоологии, эпохи камня и бронзы, раннего железного века и Средневековья Евразийских степей от Китая и Монголии до Западной Европы. Особое внимание привлекали доклады с междисциплинарным подходом к решению проблем, связанных с историческими реконструкциями отдельных археологических сюжетов.

Пленарное заседание конференции было открыто проректором по учебной работе Волгоградского государственного университета,

доктором филологических наук, профессором Дмитрием Юрьевичем Ильиным, который выступил с приветственным словом о творческом потенциале, открытиях и достижениях археологии Нижнего Поволжья и о значимом месте в нем ученых Волгоградского государственного университета. Приветствовал всех гостей и основатель школы сарматской археологии, ведущий археолог города Волгограда и Волгоградской области, доктор исторических наук, профессор Анатолий Степанович Скрипкин.

Также на пленарном заседании было заслушано три доклада. Выступление кандидата биологических наук А.В. Борисова, ведущего научного сотрудника Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино), заведующего лабораторией археологического почвоведения, было посвящено истории формирования нового научного направления «Археологическое почвоведение», которое более 40 лет назад проходило в тесном сотрудничестве с учеными Волгоградского государственного университета и было связано с нижневолжскими степями.

Доклад кандидата исторических наук Ю.Ю. Каргина (Балаково) на тему «Роль Царицынского (Сталинградского) краеведческого музея в становлении региональной археологии (1914–1942 гг.)» был зачитан в дистанционном формате и отразил процесс становления археологии как научного направления в Волгоградском регионе.

Доклад кандидата биологических наук Н.Н. Каширской, старшего научного сотрудника Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино), был связан с новыми данными по методике выявления шерстяных волокон в погребениях методами почвенной микробиологии.

За три дня заседаний трех секций – секции камня и эпохи бронзы, секции раннего железного века и секции Средневековья – было заслушано 49 докладов. На секции камня и эпохи бронзы было прослушано 11 докладов, которые включали как археологическую тематику, так и палеоантропологическую и палеопочвенную. Доклады по археологии отражали отдельные аспекты культур эпохи камня и бронзы (докладчики: Н.Л. Моргунова, А.В. Кияшко, А.Н. Дьяченко и др.). Особо следует выделить доклад доктора исторических наук А.И. Юдина, посвященный жилищу орловской неолитической культуры VII–VI тыс. до н.э., которое было распространено в степной зоне Нижнего Поволжья. Развитие каменной индустрии эпохи раннего плейстоцена было отражено в докладе А.И. Таймазова (Махачкала). Довольно представительную группу составили доклады по проблемам палеоантропологии эпохи бронзы А.А. Хохлова (Самара), А.А. Казарницкого (Санкт-Петербург), Е.В. Перервы (Волгоград).

Наиболее многочисленной оказалась секция раннего железного века, на которой было прослушано 22 доклада. С сообщениями выступили представители 11 городов России и Казахстана. Были выделены ключевые и новые направления в сарматской археологии и других синхронных культурах. Большой интерес вызвало выступление авторского коллектива из г. Саратова, доклады которого были посвящены комплексам с античными амфорами (С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Н.Б. Чурекова). В сообщениях отмечалась важность в использовании амфорного материала при уточнении относительной хронологии археологических комплексов. Большой блок докладов представили ученые Волгоградского государственного университета по сарматской археологии и антропологии (В.М. Клепиков, М.В. Кривошеев, М.А. Балабанова, Е.В. Перерва, В.И. Моисеев). Сарматской тематике

были также посвящены доклады Б.А. Раева (Ростов-на-Дону), Л.А. Краевой (Оренбург), В.В. Кропотова (Симферополь), Д.В. Пежемского (Москва), К.С. Огорокова (Москва), Я.А. Лукпановой (Уральск, Казахстан), В.П. Глебова (Ростов-на-Дону) и др.

На секции Средневековья в течение трех дней было заслушано 17 докладов, в том числе 8 в режиме онлайн, которые затронули ключевые проблемы археологии, антропологии и археозоологии эпохи раннего и позднего Средневековья. Большой блок был посвящен памятникам средневековых кочевников – свои доклады по теме представили Н.А. Лифанов (Самара), П.В. Харламов (Оренбург), Я.А. Кияшко (Волгоград), Н.М. Малов (Саратов), С.А. Пантелеев (Казань) и др. Тема золотоордынских поселений и их материальной культуре была отражена в выступлениях С.Г. Бочарова (Симферополь), Д.В. Васильева (Астрахань), Э.Д. Зиливинской (Москва), А.Н. Масловского (Азов), Д.В. Пежемского и Е.А. Вагнер-Сапухиной (Москва), Л.Ф. Недашковского и М.Б. Шигапова (Казань), К.С. Ковалевой (Волгоград) и др. Л.В. Яворская (Москва) представила результаты исследования остатков костей животных, на основе которых выстраивается реконструкция ремесленного производства в золотоордынском Укеке. Убору из украшений финских народов был посвящен доклад Н.В. Жилиной (Москва).

Очередная VI Нижневолжская Международная археологическая научная конференция «Волго-Уральский регион от древности до Средневековья» продемонстрировала крайне высокий уровень и широкий спектр изысканий, проводимых как нижневолжскими учеными, так и исследователями из других регионов, проявляющими интерес к археологии и истории региона. Очевидно, что потенциал археологической науки в Нижнем Поволжье огромен и большое количество студентов, аспирантов и молодых исследователей, присутствовавших на конференции, подтверждает этот факт.

Следующая, VII Нижневолжская археологическая научная конференция состоится в 2023 г. в г. Астрахань.

Оргкомитет конференции

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
 - оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
 - организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
 - развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
 - обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
 - поддержание высокого уровня научных публикаций.
-
-

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
 - present research findings to end users in the most useful way;
 - create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
 - develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
 - review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
 - maintain the high level of academic publications.
-

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Редакционная коллегия журнала «Нижеволжский археологический вестник» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://nav.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN*

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

9 772587 812000